

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2023 – № 2 (33)**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2023

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. № 2 (33). 239 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499_9679_2023_2_33. EDN IUSANU
2023, № 2 (33). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **А. А. Федотова**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Деметьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российской государственной педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клущина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сютао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолитературы Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского государственного педагогического университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухун**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в первую категорию Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.3. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.4. Языки народов зарубежных стран (германские языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.5. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.6. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Авторы статей, 2023

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2023. № 2 (33). 239 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499_9679_2023_2_33. EDN IUSANU
2023, № 2 (33). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. A. Fedotova**, doctor of philological sciences, associate professor of the department of russian literature of the Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zazorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included in the first category of the List of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2023

© Authors of the articles, 2023

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Болдырева Е. М., Асафьева Е. В.** Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 2 _____ 8
- Кузьмина М. Д.** Европейские письма И. В. Киреевского в литературном контексте _____ 18
- Швецова Т. В.** «Кризис поступка» героя в русской литературе XIX века
(на материале повести П. Н. Кудрявцева «Флейта») _____ 31
- Бокарев А. С., Адриан Ю. В.** От «фонографа» к «паноптикуму»: о субъектной структуре
«Голосов» Г. Сапгира в контексте советского дискурса _____ 41
- Егоров М. Ю.** Поэтика интерьера в романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка» _____ 50

Медиакоммуникации и журналистика

- Гавра Д. П., Быкова Е. В.** Военная метафора как репрезентация спортивного инцидента
в медиадискурсе _____ 59
- Фирсова М. А.** Инвективный потенциал иронии в медиадискурсе _____ 65
- Невзорова Е. Д.** Образ этнокультурной среды Кацкого стана на страницах журнала «Кацкая
летопись» _____ 72

Русский язык

- Шигуров В. В., Шигурова Т. А.** Субстантивная словоформа «даром»: ступенчатый тип
функциональной транспозиции в наречие _____ 78
- Попов С. А.** Региональные средства массовой коммуникации как источник
для топонимического мартиролога _____ 90
- Куранова Т. П.** Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных
заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») _____ 97
- Одои-Аджей С.** Лингвистические черты отантропонимических метронимов города Москвы _____ 106
- Кулакова В. А.** Теория релевантности Д. Вилсон и Д. Спербера и её актуальность для текста
художественного произведения _____ 113
- Разумов Р. В.** Урбанонимическая система полилингвального города _____ 119

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

- Доронина И. М.** Метод психолингвистического анализа для выявления маркеров самооправдания в письме преступника _____ 127
- Марьясова Е. П., Свердлова Н. А.** Стратегия самопрезентации в реализации агональных отношений в письменной научной иноязычной коммуникации _____ 135
- Бабаян В. Н., Купцов А. Е.** Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса _____ 142

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

- Ленец А. В., Чопсиева Г. М.** Стратегия номинации как способ социальной категоризации образа мигранта в немецкоязычном медиадискурсе _____ 152
- Николаева Н. Н.** Сопоставительный анализ межкультурных особенностей хеджирования в англоязычном академическом дискурсе _____ 161
- Григорьева Е. М.** Английская сленговая лексикография: формирование, развитие, современное состояние _____ 173

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

- Махортова В. А.** Морское путешествие как метафора поэзии Софии де Мелло _____ 181
- Соловьева С. И., Косогорова Х. Г.** Языковая специфика антипословиц во французском языке ____ 189

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

- Охотникова Е. В.** Стиль модерн в искусстве Италии: происхождение, определение и развитие _____ 197
- Трофимова В. С.** Проблема адресата и вопросы образования в волшебных сказках госпожи д'Онуа _____ 204
- Летина Н. Н.** Городской текст поэзии русской рок-культуры _____ 213
- Крестиненко Н. В.** Трансформация функций запретов в сетевой культуре _____ 221
- Смоленская А. И.** Вишнёвый сад как сценографический персонаж в театре XX века _____ 229

*«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Boldyreva E. M., Asafieva E. V.** Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry.
Part 2 _____ 9
- Kuzmina M. D.** I. V. Kireevsky's european letters in literary context _____ 18
- Shvetsova T. V.** The hero's «crisis of action» in the XIX century russian literature
(based on P. N. Kudryavtsev's story «The Flute») _____ 31
- Bokarev A. S., Adrian Yu. V.** From «phonograph» to «panopticon»: on the subjective structure
of G. Sapgir's «Voices» in terms of soviet discourse _____ 41
- Egorov M. Yu.** Poetics of the interior in E. Limonov's novel «It's me, Eddie» _____ 50

Media communications and journalism

- Gavra D. P., Bykova E. V.** Military metaphor to present a sports incident in media discourse _____ 59
- Firsova M. A.** Invective potential of irony in media discourse _____ 65
- Nevzorova E. D.** The image of the ethnic cultural environment of Katsky camp in the magazine
«The Katsky chronicle» _____ 72

Russian language

- Shigurov V. V., Shigurova T. A.** The substantive word form «дапом»: a graded functional transposition
into an adverb _____ 78
- Popov S. A.** Regional mass media as a source for toponymic martyrology _____ 90
- Kuranova T. P.** Ways of transforming phraseological units in modern newspaper headlines
(based on publications in «Arguments and Facts» and «Pravda») _____ 97
- Odoi-Adjei S.** Linguistic features of anthroponym-based Moscow metronyms _____ 106
- Kulakova V. A.** The theory of relevance by D. Wilson and D. Sperber and its importance
for literary text _____ 113
- Razumov R. V.** Urbanonymic system of a multilingual city _____ 119

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

- Doronina I. M.** Psycholinguistic analysis to identify markers of self-justification in a criminal's letter _____ 127
- Mariasova E. P., Sverdlova N. A.** The self-presentation strategy in competitive relations in written scientific communication in foreign languages _____ 135
- Babayan V. N., Kuptsov A. E.** Linguopragmatic features of utterances in dialogical fictional discourse in the english language _____ 142

Languages of foreign countries (germanic languages)

- Lenets A. V., Chopsieva G. M.** Nomination strategy as a way to socially categorize the image of a migrant in german media discourse _____ 152
- Nikolaeva N. N.** Comparative analysis of hedging intercultural features in english academic discourse _____ 161
- Grigorieva E. M.** English slang lexicography: formation, development, current state _____ 173

Languages of foreign countries (romance languages)

- Makhortova V. A.** The sea voyage as a metaphor of Sofia de Mello's poetry _____ 181
- Solovieva S. I., Kosogorova Kh. G.** Linguistic specificity of anti-proverbs in the french language _____ 189

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS
(CULTUROLOGY, ART HISTORY)**

- Okhotnikova E. V.** The Art Nouveau style in Italian art: origin, definition and development _____ 197
- Trofimova V. S.** The addressee problem and educational issues in Madame d'Aulnoy's fairy tales _____ 204
- Letina N. N.** Urban text of russian rock-culture poetry _____ 213
- Krestinenko N. V.** Transformation of prohibition functions in Network culture _____ 221
- Smolenskaya A. I.** A cherry orchard as a scenography character in the XX century theater _____ 229

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_8

EDN: IHWNQV

Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 2

Елена Михайловна Болдырева^{1✉}, Елена Валерьевна Асафьева²

¹Доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Юго-Западного университета. 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2, КНР

²Преподаватель русского языка и литературы, Ярославский колледж управления и профессиональных технологий. 150042, г. Ярославль, Тутаевское шоссе, д. 31а

¹e71mih@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Аннотация. Во второй части статьи продолжен анализ символического потенциала образа ворона в китайской и русской поэзии. На примере произведений китайских и русских поэтов разных эпох рассматривается своеобразие художественной репрезентации образа ворона в лирических текстах и выявляется широкий спектр его символических значений: ворон как пророк (Чжан Цзи, Ф. Тютчев, М. Цветаева, В. Брюсов, А. Ахматова, М. Зенкевич, С. Липкин, Н. Глазков, А. Галич, Д. Кедрин, З. Гиппиус, Б. Ахмадулина); ворон как символ одиночества человека в мироздании (Мэн Хаожань, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжиюань, Бай Цзюйи, Ю. Мориц); ворон как символ свободы (Ху Ши, М. Лермонтов). Отмечается, что образ ворона-прорицателя в русской культуре представлен значительно шире, чем в китайской, его семантическое наполнение близко европейской традиции, которая отождествляет ворона со смертью, апокалиптическими мотивами и распадом цивилизации, тогда как в китайской культуре образ вещего ворона связан в большей степени с положительными событиями, что обуславливается древнекитайской традицией изображения ворона как символа солнца и воплощения «сыновней почтительности». В процессе анализа обращается внимание на изменение символических коннотаций образа в зависимости от лирической ситуации, от сопутствующих ключевому символу природных и историко-мифологических реалий. Образ ворона рассматривается как многоаспектная сущность, сочетающая в себе различные качества и символические значения: мудрость, долголетие, беспристрастность, любовь к свободе, жестокость, справедливость, тоску, одиночество, безысходность, выполняет функции хранителя тайн бытия и восстанавливает экзистенциальную справедливость.

Ключевые слова: культурный символ; мегатекст; мифология; образ ворона; аллегория; экзистенциальный кризис; метафизическое время; русская лирика; китайская лирика; философия; мировоззрение; лирический герой

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Культурная символика образа ворона в русской и китайской поэзии. Часть 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 8–17. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_8. <https://elibrary.ru/IHWNQV>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 2

Elena M. Boldyreva^{1✉}, Elena V. Asafieva²

¹Doctor of philological sciences, professor, Institute of foreign languages, Southwest university. 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng str. 2, PRC

²Teacher of the russian language and literature, Yaroslavl college of management and professional technology. 150042, Yaroslavl, Tutaevskoe shosse, 31a

¹e71mih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2977-7262>

²tvist_o@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>

Abstract. The second part of the article continues analyzing the symbolic potential of the raven image in chinese and russian poetry. The peculiarity of representing the raven image in poetic texts is shown in the works of chinese and russian poets of different epochs, and a wide range of its symbolic meanings is revealed: the raven as a prophet (Zhang Ji, F. Tyutchev, M. Tsvetaeva, V. Bryusov, A. Akhmatova, M. Zenkevich, S. Lipkin, N. Glazkov, A. Galich, D. Kedrin, Z. Gippius, B. Akhmadulina); the raven as a symbol of human loneliness in the universe (Meng Haozhan, Li Bo, Zhang Ji, Ma Zhiyuan, Bai Juyi, Yu. Moritz); the raven as a symbol of freedom (Hu Shi, M. Lermontov). According to the authors, the image of the raven-prophet in russian culture is much broader than in chinese culture, and its semantic content is close to the European tradition, which identifies the raven with death, apocalyptic motives and the collapse of civilization, whereas in chinese culture the image of the prophetic raven is associated to a greater extent with positive events, which is explained by the ancient chinese tradition of depicting the raven as a symbol of the sun and the embodiment of «filial piety». The analysis draws attention to the change in the symbolic connotations of the image depending on the lyrical situation and on the natural, historical and mythological realities accompanying the key symbol. The image of the raven is considered as a multidimensional entity that combines various qualities and symbolic meanings, such as wisdom, longevity, impartiality, love of freedom, cruelty, justice, longing, loneliness, hopelessness; it acts as the guardian of the mysteries of existence and restores existential justice.

Key words: cultural symbol; megatext; mythology; raven image; allegory; existential crisis; metaphysical time; russian lyrics; chinese lyrics; philosophy; worldview; lyrical hero

This article was prepared thanks to support of the Center for studying russian-speaking countries at Southwest university of the People's Republic of China, the PRC Ministry of education

For citation: Boldyreva E. M., Asafieva E. V. Cultural symbolism of the raven image in russian and chinese poetry. Part 2. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(2):8–17. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_8. <https://elibrary.ru/IHWNQV>

Анализ

Во второй части статьи мы продолжаем рассматривать культурную символику образа ворона как важнейшего орнитоморфного архетипа и одного из компонентов орнитологического дискурса русской и китайской поэзии на примере поэтических текстов М. Лермонтова, Н. Гумилева, Ф. Сологуба, К. Бальмонта, А. Белого, А. Блока, В. Павловой, М. Петровых, Б. Окуджавы, И. Бунина, М. Цветаевой, И. Одоевцевой, Мэна Хаожаня, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжиюаня и др.

«Каркайте, черные вороны!»: ворон как вещий пророк

Во многих культурах мира широко распространён культ ворона-прорицателя. Не случайно в европейской или скандинавской мифологии эти

птицы являются семьями – животными-духами, спутниками колдунов и ведьм или древних богов. На Руси эта птица называлась ещё «вешун» и встречалась в памятниках древнерусской письменности, например, в «Задонщине», «Повести временных лет», «Слове о полку Игореве» и т. д. В русских сказках ворон является помощником Бабы-Яги или Кощея Бессмертного. В основном ворон в русской традиции предсказывает события негативные – смерть, поражение в войне и т. д. В китайской культуре, напротив, эта птица является солярным символом и обозначает энергию Янь: «在上古神话中☐乌鸦往往与神圣的太阳结伴而行☐被认为是“太阳鸟» [陈梅, 2007, с. 98] («В античной мифологии вороны часто идут вместе со

священным солнцем и считаются «солнечными птицами»). Ворон как предвестник смерти в китайской культуре появился значительно позже.

В стихотворении Чжан Цзи (династия Тан) «Ворон плачет немой» героине ночью является ворон. Его плач выражает глубокую скорбь по чиновнику, заключенному в тюрьму за некое преступление. Можно предположить, что речь идет о государственном хищении, которое в Китае карается смертной казнью. На это указывает факт, что узнику пришлось продать имущество своей семьи, чтобы «искупить вину». О грозящей чиновнику гибели свидетельствует и «приказание о помиловании». Скорбящий ворон – добрый знак, благодаря которому лирическая героиня узнает о решении императора о снисхождении, очевидно, раскаявшегося грабителя. Мир лирической героини меняется благодаря знамению: «Она встала с постели и больше не спала, а перед рассветом пошла поздравлять отца и мать» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 218]. Здесь же реализуется или, лучше сказать, видоизменяется коннотация образ ворона как символа «сыновней почтительности», о которой Ли Шичжень высказался следующим образом: «Когда ворон только рождается, мать кормит его шестьдесят дней, а когда он вырастает, он в свою очередь кормит свою мать шестьдесят дней; это можно назвать сыновней почтительностью» [李时珍, 2012, с. 124]. В стихотворении Чжан Цзи героиня, которой так и не суждено было стать вдовой, благодарит мудрого ворона и обещает заботиться о нем и о его потомстве: «Не бойся. Я одолжу тебе дерево для высокого гнезда, чтобы твои птенцы не страдали каждый год» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 218].

В русской культуре ворон обыкновенно является вестником страшных событий – войн, смертей, политических потрясений, катаклизмов. Одним из примеров может послужить стихотворение В. Я. Брюсова «Черные вороны» [Брюсов, 2012, с. 107], лирический герой которого желает получить от «черных» птиц известие о грядущем конце эпохи. По тональности стихотворение восходит к апокалиптическим мотивам поэзии декадентов, на что указывает антитеза «белый – черный», где черный – истина и перерождение, а белый – смерть и ложь:

Каркайте, черные вороны,
Мытые белыми выюгами
<...>

Каркайте, черные вороны!

Истину скрыть вы посмеете ль? [Брюсов, 2012, с. 107]

Идея стихотворения заключается в утверждении неизбежности падения старого мира и традиционной парадигмы ценностей. Так, крестьящий «сеятель», осознавая конец эпохи идиллического сельскохозяйственного труда, отчаянно молится в надежде отсрочить технический прогресс и урбанизацию. Однако сознание человека ограничено, и он не понимает, что ручной труд уничтожает человека гораздо быстрее, чем технический:

Нивы страданием ораны,
Потом кровавым увлажнены [Брюсов, 2012, с. 108]

Символическое наполнение этого стихотворения не менее трагично – карканье ворона знаменует конечность человеческого существования. Призывая воронов, герой ускоряет собственную смерть, поскольку настоящее – тлен, иллюзия жизни, истинная же жизнь существует вне материи. Тогда бороны и пахарь – это символ настоящего, которое обречено на физическое разложение. Его место займут будущие мертвецы:

Пахарь! не мысли о роздыхе!
<...>
Долго ль останусь на свете я?
Вам же садиться на бороны
Вновь, за столетьем столетия [Брюсов, 2012, с. 108]

Исходя из этого, рефрен «каркайте, черные вороны» символизирует торжество метафизического времени – «той уникальной и чисто идеальной априорности, которая исследует условия, смыслы и цели процессуальности» [Лазарев, 2023] и попытку вырваться из реального времени в вечность через физическую деструкцию и смерть, а фраза «ваше пророчество» свидетельствует о неизбежности данного процесса. Подобные коннотации образа вещего ворона можно встретить поэзии А. Белого, А. Блока, Д. Мережковского и других поэтов-символистов.

Не менее интересны примеры, где ворон фигурирует как аллюзия к одноименной поэме Эдгара По. Нужно сказать, что само это произведение породило широкий спектр всевозможных реминисценций в русской поэзии. Мы рассмот-

рим лишь две из них. Первая из них – стихотворение С. Липкина «По Эдгару По» [Липкин, 2008, с. 56].

В оригинале поэмы ворон является посланником Ленор и вестником скорой гибели героя. Ночной гость, размеренно повторяя одну и ту же фразу, постепенно сводит с ума человека и заточает его душу в своей тени. Липкин в стихотворении сохранил ритмическую организацию английского текста, но полностью изменил содержание, наполнив лирический сюжет реалиями советского времени. Так, его герой не сидит, склоняясь над старинными томами, а идет тропой возле рижской магистрали в «глубине лесной печали» и встречает ворона. Описание птицы носит характер иронически-пренебрежительный: «Это старый чернокнижник, черный ворон, ворон злой / Страшных лет метаморфоза, посиневший от мороза, / Трехсотлетний член колхоза» [Липкин, 2008, с. 56]. Лексический спектр липкинского ворона тоже гораздо шире, чем у пророка американского поэта. Ворон обвиняет героя в растрате «святого дара» и в низведении его до базарного барахла и грозит ему страшной расплатой: «Бойся, грешник, будет кара, – черный ворон мне кричит». Ворон здесь – хранитель подлинного поэтического искусства, красноречия и таланта. Он обвиняет героя в косноязычии и лицемерии, но тот оправдывается: «Не лабазник, не приказчик, золотник я спрятал вящик, / Пусть блеснет он, как образчик правды нынешнего дня» [Липкин, 2008, с. 56]. Ворон не верит герою, напоминает ему о мести эриний и исчезает в лесу. В отличие от героя поэмы По, герою Липкина удастся избежать гибели, поскольку, видимо, он не творил в угоду «янычарам», под которыми можно понимать как обывателей, так и низкохудожественные издательства, и не боялся критики, а ворон – лишь предупреждение о том, что поэзия – это божий дар, относиться к которому нужно с трепетом и ответственностью. В противном случае черная птица унесла бы душу творца во мрак. Добавим, что ошибочно будет видеть в образе «ворона-члена колхоза» какого-нибудь идеологически ангажированного критика, поскольку, во-первых, стихотворение датировано 1987 годом, когда критика была уже не столь политизированной и опасной; во-вторых, ворон в финале стихотворения поклонился «деревьям-звездочетам», что выражает идею ворона как хранителя древнего знания и предсказателя.

Еще одна аллюзия на поэму Эдгара По – стихотворение Н. Глазкова «Ворон» [Глазков, 1962, с. 38]. В первой строфе изображен образ злой черной птицы:

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась.

Прилетел на белый мрамор

В час полночный, черный час [Глазков, 1962, с. 38]

Стремясь выдержать готический антураж, лирический герой, там не менее, прибегает к иронии. Заметим, что второй стих явно содержит насмешку над «древним злом», на фоне которой все негативные значения ворона нивелируются. Следуя лирическому сюжету поэмы, герой завязывает с вороном диалог о своем будущем – богатстве, личной жизни, друзьях, и на каждую реплику героя «Отвечал вещатель грозный / Безутешным НИКОГДА!..» [Глазков, 1962, с. 38]. Здесь герой Эдгара По теряет рассудок, пытается прогнать беспристрастного пророка, но падает без чувств, а герой Н. Глазкова переворачивает идею текста и переводит ворона в разряд псевдопророков, задав ему вопрос, на который нельзя ответить да или нет:

Я спросил: – Какие в Чили

Существуют города? –

Он ответил: – Никогда! –

И его разоблачили! [Глазков, 1962, с. 39]

Финал стихотворения – это своего рода «*deus ex machine*», содержащий идею, что человек есть порождение собственных проблем, и его уязвимый ум, склонный к мистицизму ввиду отсутствия критического мышления, наделяет простые вещи свойствами, ему не присущими. Так и появляются приметы, суеверия и т. д. Перед героем не страшный вестник мира мертвых, а птица, наделенная способностью говорить, и мистики в ней не более, чем в попугае. Вполне вероятно, что и смерть героя поэмы Эдгара По обусловлена не влиянием высших сил, а результат деятельности воспаленного творческого сознания, не сумевшего пережить утрату любимой. Ведь словоформа «*nevermore*», которую произносит ночной гость в оригинале поэмы, похожа на естественные звуки, издаваемые вороном, и такая умная птица с легкостью могла запомнить и произнести это слово, при учете, что интеллект ворона сравним с интеллектom трехлетнего ребенка. Поэто-

му стихотворение Н. Глазкова хорошо и тем, что по-новому позволяет взглянуть на оригинал.

В ряде текстов ворон предстает как символ одиночества, скитания, сопротивления и силы, а также политических потрясений. К таковым можно отнести стихотворение М. Зенкевича «Зимовье ворона» [Зенкевич, 1973, с. 102]. В центре лирического произведения – ворон, старый, но верный своей родине. В контексте стихотворения этому яркому образу противопоставлены гуси – перелетные птицы, переживающие холода в теплых странах. Несмотря на то, что в тексте ворон питается падалью и претерпевает невзгоды, сила его голоса, его полета, вдохновляет героя на борьбу:

Но вещей крик, что кинул ворон старый,
Моя душа, казалось, поняла,
Благоговейно слушая удары
По воздуху тяжелого крыла [Зенкевич, 1973, с. 102]

Родная земля дает ворону силы для жизни, которыми он делится с людьми, потерявшими опору и надежду. Напротив, лишённые корней гуси обречены на гибель: «а те из высоты / Низверглись бы на снег от первой стужи» [Зенкевич, 1973, с. 102]. Лирический герой, услышав возглас гордой и сильной птицы, находит и в себе силы бороться с последствиями Октябрьской революции и быть готовым к новым тяготам. А пророчество ворона выражает не только действующий духовный кризис, возникший вследствие смены политического строя, но и дальнейшие исторические потрясения – гражданскую войну и первую волну русской эмиграции, где многим талантливым поэтам, ученым и писателям пришлось поневоле стать «перелетными».

Похожие идеи можно встретить и в поэзии А. Галича, в частности, в его стихотворении «Прилетает по ночам ворон» [Галич, 1991, с. 86], где вещая птица подбадривает героя, выражающего голос эпохи, но не до конца услышанного народом. Однако ворон и другие говорят о том, что хоть какая-то гласность уже прогресс по сравнению с временами, когда её не было вовсе.

Необходимо отметить, что образ ворона-прорицателя в русской культуре представлен значительно шире, чем в китайской. Его семантическое наполнение близко европейской традиции, которая отождествляет ворона со смертью, апокалиптическими мотивами и распадом цивилизации. Тем не менее, ворон, символизирую-

щий разрушение политического строя и являющийся нравственной опорой для радикально мыслящего сознания встречается только в русской и, отчасти, китайской культуре. В последней образ вещего ворона связан в большей степени с положительными событиями, что обуславливается древнекитайской традицией изображения ворона как символа солнца и воплощения «сыновней почтительности»

«На зеленой кровельке церковной он сидит, хохлатый нелюдим»: ворон как символ экзистенциального одиночества человека в мироздании

«通过乌鸦意象反映景色与作者心境的凄凉»

[张昊辰, 2018, с. 93] («Через образ ворона поэты отражают одиночество духа»). Подобное семантическое наполнение образа ворона в большей степени характерно для китайской культуры, нежели для русской. Из всех представителей семейства врановых именно ворон обыкновенный предпочитает одиночный образ жизни. По достижению двух лет птенцы покидают гнездо и устраивают свою жизнь самостоятельно. Связано это, вероятнее всего с тем, что «*corvus corax*» самые крупные представители семейства, и им нет нужды сбиваться в стаи, чтобы прокормиться и защитить потомство.

Так, в стихотворении Мэна Хаожаня (династия Тан) «На пути в столицу застигнут снегом» ворон передает глубокие страдания лирического героя. Испытывая тоску, он воспринимает окружающий мир сквозь призму деструктивных эмоций: «Бескрайнее мрачно / здесь к вечеру года небо», «сумраке зимнем / конец луны и начало» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 276]. Подобно тому, как снега сковывают горы и реки, сердцем героя овладевает всепоглощающее уныние. Пейзаж здесь крайне важен, поскольку, как отмечают исследователи, «образ ворона часто входит в поэтический комплекс «пустынное поле», «полесражения», «сумрак», «уединённый монастырь», «сухие плети» и т. д.» [Тропкина, 1995, Хань У, 2015, с. 124]. Сам ворон в стихотворении Мэна Хаожаня обречен на одиночество и вечное скитание:

Без пищи вороны
кричат на пустынном поле.
И гость опечален –
напрасно он ждал приюта [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 276]

Таким образом, герой, ассоциирующий себя с вороном, выражает в этом образе глубокие переживания, связанные с путешествием в столицу. Мотивы дорожной тоски встречаются и в русской культуре, однако редко сопровождаются орнитологическими образами.

В стихотворении Ли Бо (династия Тан) ворон выражает идею скорби по утраченному человеку. В центре его – вдова, склонившаяся над станком: «Там синий шелк / Струится, словно дым» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 197]. В китайской культуре шелк – символ любви и верности, а синий цвет означает бессмертие. Кроме того, оставшись без мужа, она, возможно, потеряла кормильца, и теперь вынуждена работать еще больше, чтоб обеспечить себя. Ворон, ощущая ее тоску, каркает и ищет приют в ветвях, но не может обрести дом, как несчастная вдова не может найти утешения в монотонном труде и скрыться от одиночества.

Потеря мужа несопоставима по силе с утратой ребенком своих родителей. Ворон как символ потери предков изображен в стихотворении Бай Цзюйи (династия Тан) «Ночной крик ворона»: «Ворон потерял свою мать и стал немым в своих стенаниях» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 37]. Одной из предпосылок к негативизации образа ворона является его громкий крик, но у героя стихотворения голоса нет, что свидетельствует о его глубокой трагедии, выраженной в таком отчаянном крике, что сиринкс просто не выдержал. Но ворон плачет не только потому, что лишился матери. Он переживает о том, что не сожжет выполнить долг и позаботиться о родителях. Здесь реализуется уникальный мотив, реализованный только в китайской культуре: мотив сыновней почтительности: «Голос вороны звучит так, будто он говорит, что не выполнил свой сыновний долг. Разве у других птиц нет матерей, но только вороны печальны до крайности. Рассуждая об этом, ворон вспоминает о человеке, который не присутствовал на похоронах матери – «Увы, такой человек хуже животного» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 37]. Ворон боится быть таким же неблагодарным, но ничего нельзя изменить, поэтому все, что ему остается – кричать по ночам, вызывая сочувствие окружающих: «Он плачет каждую ночь, и каждый, кто его слышит, чувствует себя очень печальным» [Китайская классическая поэзия, 1956, с. 37].

Ворон как символ одиночества и тоски представлен и в русской культуре, но в значительно

меньшей степени, и обыкновенно он сопряжен с мотивами смерти или мудрости.

В стихотворении Юнны Мориц «Ворон» [Мориц, 1982, с. 147] изображен мудрый ворон, доживающий свой век: «А ворон слишком стар / Для кладбищ и костей» [Мориц, 1982, с. 147]. Как мы говорили ранее, задача ворона – хранить тайны мироздания и помогать душам совершить переход в загробный мир. Однако герой стихотворения, пугающий маленькую девочку зловещим карканьем, уже не может выполнять свою миссию, и потому беспомощно стонет: «Болят его крыла / И легкое кровит, <...> Как черная звезда, / Он стонет по ночам» [Мориц, 1982, с. 147]. Старому ворону никто не может помочь справиться с болезнью, поскольку мать его наверняка умерла, а дети покинули.

Гордое одиночество ворона выражено в стихотворении «Ворон» [Кедрин, 1984, с. 293] Дмитрия Кедрина. В отличие от предыдущего примера, птица предпочитает одиночество, потому что с людьми ей скучно. Прожив сотни лет, ворон приобрел мудрость и опыт. Его образ сопоставим с монахом-отшельником, которого не беспокоит тщета сущего:

Есть в его
Насупленном покое
Безразличье
Долгого пути!
В нем таится
Что-то колдовское,
Вечное,
Бессмертное почти! [Кедрин, 1984, с. 293]

Стихотворение, написанное в начале Великой Отечественной войны, выражает оптимизм русского народа и надежду на скорую победу русской армии над гитлеровскими оккупантами. Ворон, выклевавший глаза полку Чингисхана и солдатам Наполеона, сохраняет хладнокровие и уверенность, чем успокаивает лирического героя, предположившего, что ворон своим долголетием обязан поеданию трупов врагов отечества: съеденный мозг наделяет его мудростью, выклеванные глаза – даром прорицателя.

Таким образом, ворон как символ одиночества и тоски широко распространен в культуре Китая. Обыкновенно наряду с этим реализуются идентичные универсальные символы тоски и страдания – пустынное поле, сухое дерево, снега и т. д. Также ворон-одиночка реализует сугубо китайский мотив сыновней почтительности. В

русской культуре образ ворона-отшельника представлен в меньшей степени и вторичен по отношению к основным значениям смерти, мудрости, величия и т. д.

«Зачем я не птица, не ворон степной» – ворон как символ свободы и независимости

Птица как символ свободы, смелости и независимости встречается во многих культурах мира. Обыкновенно подобными свойствами наделены или птицы высокого полета – орлы, ястребы, соколы – или существа мифические. В русском фольклоре нередко можно встретить таких сказочных персонажей как Жар-птица, Царевна-лебедь или Финист – ясный сокол, которые приносят счастье добрым и честным людям. Есть подобные образы и в китайской культуре, например, «желтый аист», который танцевал, когда люди ему хлопали, и растворился в стене, едва богатый чиновник заставил его танцевать для себя одного.

Ворон как воплощение свободы, независимости, вольнолюбия и бунтарского духа встречается весьма нечасто, что позволяет отнести его к индивидуально-авторским окказиональным образам.

«在中国现代文学作品中乌鸦常常作为某种叛逆的形象而被作为革命意志的象征» [冯静, 2002, с. 99]

Так в стихотворении Ху Ши «Ворон» [胡适, 2009, с. 118] изображена одинокая птица, отвергнутая суеверными людьми: «Никто не рад меня слышать, / Все называют меня дурной приметой» [胡适, 2009, с. 118]. Суеверие – признак застенчивости общества, его необразованности и консерватизма. В данном примере горожане олицетворяют традиционную идеологическую систему Китая, а ворон – революционные веяния начала 20 века, в частности «Движение за новую культуру», объединившее молодую передовую интеллигенцию. Подобно тому, как старый мир не приемлет смену культурной и мировоззренческой парадигмы, среда отвергает ворона, создавая ему различные препятствия, и птица вынуждена бороться с суровыми погодными условиями и недостатком пищи: «На улице холодно, ветрено, / Мне цепляться не за что <...> Холодно, голодно» [胡适, 2009, с. 118]. Однако высокая цель нести правду миру придает ему сил: «Я рано просыпаюсь, / На крыше дома сижу, каркаю» [胡适, 2009, с. 118]. Пророческой силе голоса ворона противостоит лживое щебетание иных

птиц, выражающих, по всей видимости, идеи конфуцианства, заповеди которого ограничивают радикально мыслящее сознание человека новой эпохи. Удел ворона – свободный полет, ради которого он приносит в жертву тепло и сытость: «Никто не может меня привязать / к бамбуковой палке» [胡适, 2009, с. 118]. Таким образом, в историко-культурном контексте ворон символизирует дух революции и непоколебимость молодой интеллигенции Китая начала 20 века.

Схожим по семантике является стихотворение М. Лермонтова «Желание», где лирический герой испытывает глубокое сожаление о том, что он не птица, парящая в небе: «Зачем я не птица, не ворон степной / <...> Зачем не могу в небесах я парить / И одну лишь свободу любить?» [Лермонтов, 2022, с. 79]. Мысль о свободе переносит его сознание в западную Европу, где «в замке пустом, на туманных горах», покоятся предки героя. Очевидно, что речь идет об одном из замков Шотландии, принадлежащих роду Лермонтов – Балькоми или Дерси. На это указывают и другие топонимы-детали: древняя стена, наследственный щит и меч, кельтская арфа, туманные горы, где в Шотландии обыкновенно селятся вороны обыкновенные, и т. д. Преодолев временной барьер, герой-романтик не только освободился бы от угнетающей реальности, но и воскресил бы истинный дух Шотландии – ее борьбу за независимость («Я стал бы летать над мечом и щитом, / И смахнул бы я пыль с них крылом»), ее фольклор и песни Тораса-Рифмача – шотландского поэта, предка М. Лермонтова («И арфы шотландской струну бы задел»).

Однако ворон в данном стихотворении олицетворяет не только свободу, но и смерть. Ирреальный пространственно-временной модус связывает образ этой птицы с древним кельтским эпосом – балладой о трех воронах, которые, по преданию, не могли приблизиться к трупам мертвого витязя, охраняемого соколами, верными псами и любовью жены.

Еще одна возможная коннотация ворона в данном стихотворении – птица-пророк, хранитель древнего знания. Известно, что Шотландский предок лирического героя – Томас Лермонт – имел не только прозвище «рифмач», но и «честный». По одной из легенд лесная Королева-фея наделила его даром предвидения, и тот предсказал смерть короля Шотландии Александра III и еще некоторые исторические события. Возможно, после смерти дух Томаса-рифмача обернулся вороном и стал хранителем древнего замка

Дерси и пыль, которую «ворон» стряхнул бы с «щита и меча» – это прах забвения. Подобные коннотации обусловлены идеями романтизма со свойственным ему двоемирием, мистицизмом и элементами готики.

Таким образом, ворон как символ свободы, независимости и бунтарского духа явление редкое как в китайской, так и в русской культуре, что позволяет нам отнести данное явление к индивидуально-авторской окказиональной интенции.

Заключение

«Образ ворона занимает особое место в картине птичьего мира <...> авторов. Опираясь на традиционную символику, поэты актуализируют в своём творчестве разные её компоненты» [Купчик, 2001, с. 548]. В отличие от иных героев орнитологического дискурса именно ворон окутан мистическим ореолом, он вызывает восхищение и ужас, воплощает в себе древнее зло и вековую мудрость, служит смерти и вместе с тем возрождению, это символ тьмы и символ света, символ солнца и луны, надежды и отчаяния. Детально рассмотрев образ ворона в текстах русских и китайских поэтов, мы пришли к следующим выводам:

Ворон как символ смерти являет собой образ птицы, поедающей человеческую плоть или забирающий его душевные силы. Нередко он орнаментирует батальные сцены или выступает в роли демона апокалипсиса. Подобное можно наблюдать в стихотворениях Цюй Юаня, Ли Ляня, И. Бунина, К. Вагинова, А. Белого и др.

Ворон как символ вневременности детерминирован мифическим долголетием ворона, продолжительность жизни которого измеряется в веках. Здесь он выступает в качестве связующего элемента между миром земным и божественным. Часто он охраняет загробное царство, помогает душам совершить переход из одной формы существования в другую. Ворон здесь – символ справедливости и мирового порядка. Его место обитания – кладбище или храм. Данная коннотация характерна в большей степени для русской культуры, нежели для китайской. Она встречается в стихотворениях М. Петровых, И. Бунина, К. Бальмонта, И. Одоевцевой и др., а также в китайской мифологии.

Ворон как пророк являет собой образ прорицателя. Обладая многовековым жизненным опытом, он прогнозирует будущее и сообщает эту весть человеку, предостерегая его, ободряя или предлагая помощь. Эти мотивы нашли свое от-

ражение в поэзии Чжан Цзи, М. Цветаевой, В. Брюсова, А. Ахматовой, М. Зенкевича, С. Липкина и др.

Ворон как дух одиночества и изгнания воплощает либо отражение глубинных человеческих переживаний, связанных с потерей кого-то из близких, либо следствие осознанного выбора птицы-отшельника, которой одиноко среди людей, чье сознание ограничено и уязвимо. В данном контексте ворон связан с идеей утраты сыновней почтительности, сакральной для китайской культуры. Подобные коннотации в русской культуре представлены в значительно меньшей степени и связаны либо с честолюбием птицы, либо с ее немощностью. В поэзии эти идеи отразили Мэн Хаожань, Ли Бо, Чжан Цзи, Ма Чжюаня, Бай Цзюйи, Ю. Мориц.

Ворон как символ свободы встречается достаточно редко как в русской, так и в китайской поэзии и выражает идею романтизма у М. Лермонтова и дух революции у Ху Ши.

Семантическое ядро образа ворона включает в себе универсальные сущностные характеристики, присущие большинству мировых культур: смерть, страшное пророчество, вневременность, деструкция, нравственное падение, вековая мудрость, справедливость и т. д. На периферии актуализируются такие его качества, как стремление к свободе, уединению, однако подобные свойства являются в большей степени индивидуальными-авторскими окказиональными вариациями.

Несмотря на, казалось бы, амбивалентную структуру, образ ворона в литературе и культуре России и Китая имеет широкий спектр семантических векторов. Традиционная парадигма «добро-зло» призвана унифицировать сложнейшие экзистенциальные категории и сделать их доступными ограниченному человеческому сознанию. Преодоление этой парадигмы дает исследователю возможность обнаружить редкие, но весьма значимые для культурной картины мира проявления того или иного образа, и по-новому взглянуть на уже, казалось бы, укоренившиеся в сознании человека культурные коды. Погружаясь в поэтическое пространство все глубже, мы постепенно приходим к осмыслению культурного наследия, отраженного в творчестве русских и китайских мастеров слова. Читатель может вдохновиться тем, как ворон Лермонтова, опьяненный свободой, бороздит небесные просторы в поисках руин древнего замка, где некогда парили его далекие предки; наблюдать, как ворон Бунина в гордом безмолвии хранит тайну челове-

ской судьбы с ее неумолимой безысходностью; слышать, как растворяется в столетиях глас ворона Петровых; проникнуться сочувствием к героям Ли Бо и Юнны Мориц, поняв, насколько тяготит экзистенциальное одиночество их героев; испытать ужас от страшного пиршества, запечатленного в бессмертных строках Ли Ляня и Валерия Брюсова. Не замечая тонких оттенков поэтического образа ворона, мы не сможем воссоздать картину, отражающую русско-китайский межкультурный диалог. Образные универсалии в совокупности с его индивидуальными составляющими создают уникальный «мегатекст», преодолевающий пространственно-временной барьер и позволяющий обнаружить удивительное типологическое сходство, ту уникальную «связь между поэтическими явлениями, находящимися на большом историческом [и культурном] расстоянии друг от друга» [Эпштейн, 1990, с. 281] и убедиться, что «стихи – это *всеобщий* знаменатель. Это то чудесное число, на которое любое явление мира делится без остатка. Это *всеобщий язык*» [Шаламов, 2016, с. 304].

Библиографический список

- Брюсов В. Я. Пути и перепутья. Москва : Нобель Пресс, 2012. 224 с.
- Галич А. А. Я выбираю свободу. Москва : Глагол, 1991. 256 с.
- Глазков Н. И. Поэтоград. Москва : Молодая гвардия, 1962. 144 с.
- Зенкевич М. А. Избранное. Москва : Художественная литература, 1973. 224 с.
- Кедрин Д. Б. Стихотворения. Поэмы. Драма. Пермь : Пермское книжное издательство, 1984. 354 с.
- Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан). Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1956. 432 с.
- Кравцова М. Е. Иконографические принципы буддийского изобразительного искусства // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. Москва : Вост. лит., 2006. Т. 6 (дополнительный). Искусство, 2010. С. 183–200.
- Купчик Е. В. Образ ворона в поэзии Б. Окуджавы, В. Высоцкого и А. Галича // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. 2001. № 5. С. 545–549.
- Лермонтов М. Ю. Стихотворения и поэмы. Москва : АСТ, 2022. 384 с.
- Липкин С. И. Посохи. Москва : Издательство АСТ, 2008. 320 с.
- Мориц Ю. П. Избранное. Москва : Советский писатель, 1982. 496 с.
- Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке: Коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. Москва : Книгодел; МГПУ, 2019. 504 с.
- Тропкина Н. Е., Хань У. Образ ворона в китайской и русской поэзии // Известия ВГПУ. 2014. № 7. С. 124–129.
- Тропкина Н. Е. Русская поэзия 1917–1921 годов: художественные искания поэтов Серебряного века. Волгоград : Перемена, 1995. 244 с.
- Хань У. Орнитологические образы в русской и китайской поэзии первой трети XX в. Волгоград, 2015. 181 с.
- Шаламов В. Т. Все или ничего. Санкт-Петербург : Лимбус пресс, 2016. 522 с.
- Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва : Высшая школа, 1990. 304 с.
- Яшмовые ступени. Из китайской поэзии эпохи Мин XIV–XVII века. Москва : Наука, 1989. 351 с.
- 冯静. 中西方文化中的乌鸦意象探析[J]. 齐鲁学刊, 2002(05):99-101.
- 张昊辰. 中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J]. 青年文学家, 2018(30):91-94.
- 李时珍 : 本草纲目/紫图选编。——西安 : 陕西师范大学出版社, 2012
- 李时珍 : 本草纲目/紫图选编。——西安 : 陕西师范大学出版社, 2012.
- 章磊. 浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J]. 俄语学习, 2018(06):10-15
- 胡适 : 尝试集/胡适。北京 : 华夏出版社, 2009
- 陈梅, 王孝杰. 简析中外文化中的乌鸦意象[J]. 哈尔滨学院学, 2007(09):96-100.
- 高聚斌. 中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J]. 青年文学, 2009(10):21+164.
- 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D]. 山东大学, 2018.
- 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九, 《四库全书存目丛书》集部别集类, 第471册, 齐鲁书社1997年.

Reference list

- Brjusov V. Ja. Puti i pereput'ja = Roads and Crossroads. Moskva : Nobel' Press, 2012. 224 s.
- Galich A. A. Ja vybiraju svobodu = I choose freedom. Moskva : Glagol, 1991. 256 s.
- Glazkov N. I. Pojetograd = Poetburg. Moskva : Molodaja gvardija, 1962. 144 s.
- Zenkevich M. A. Izbrannoe = Selected works. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1973. 224 s.
- Kedrin D. B. Stihotvorenija. Pojemy. Drama = Verses. Poems. Drama. Perm' : Permskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 354 s.
- Kitajskaja klassicheskaja poezija (Jepoha Tan) = Chinese classical poetry (Tang era). Moskva : Gosudar-

stvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1956. 432 s.

7. Kravcova M. E. Ikonograficheskie principy bud-dijskogo izobrazitel'nogo iskusstva = Iconographic principles of Buddhist art // Duhovnaja kul'tura Kitaja: jenciklopedija: v 5 t. / gl. red. M. L. Titarenko. Moskva : Vost. lit., 2006. T. 6 (dopolnitel'nyj). Iskusstvo, 2010. S. 183–200.

8. Kupchik E. V Obraz vorona v poezii B. Okudzhavy, V. Vysockogo i A. Galicha = The raven image in the poetry by B. Okudzhava, V. Vysotsky and A. Galich // Mir Vysockogo: Issledovanija i materialy. 2001. № 5. S. 545–549.

9. Lermontov M. Ju. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems. Moskva : AST, 2022. 384 s.

10. Lipkin S. I. Posohi = Staffs. Moskva : Izdatel'stvo AST, 2008. 320 s.

11. Moric Ju. P. Izbrannoe = Selected works. Moskva : Sovetskij pisatel', 1982. 496 s.

12. Ptica kak obraz, simbol, koncept v literature, kul'ture i jazyke = Bird as an image, symbol and concept in literature, culture and language: kollektivnaja monografija / otv. red. A. I. Smirnova. Moskva : Knigodel; MGPU, 2019. 504 s.

13. Tropkina N. E., Han' U Obraz vorona v kitajskoj i russkoj poezii = The raven in Chinese and Russian poetry // Izvestija VGPU. 2014. № 7. S. 124–129.

14. Tropkina N. E. Russkaja poezija 1917–1921 godov: hudozhestvennye iskanija pojetov Serebrjanogo veka = Russian poetry 1917–1921: Artistic quests of the Silver Age poets. Volgograd : Peremena, 1995. 244 s.

15. Han' U Ornitologicheskie obrazy v russkoj i kitajskoj poezii pervoj treti XX v. = Ornithological images in Russian and Chinese poetry in the early XX century. Volgograd, 2015. 181 s.

16. Shalamov V. T. Vse ili nichego = All or nothing. Sankt-Peterburg : Limbus press, 2016. 522 s.

17. Jepshtejn M. N. Priroda, mir, tajnik vselennoj. Sistema pejzaznyh obrazov v russkoj poezii = Nature, the world, the cache of the universe. The system of landscape images in Russian poetry. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 304 s.

18. Jashmovye stupeni. Iz kitajskoj poezii jepohi Min XIV–XVII veka = Jasper steps. From the Ming era Chinese poetry of the XIV–XVII centuries. Moskva : Nauka, 1989. 351 s.

19. 冯静. 中西方文化中的乌鸦意象探析[J]. 齐鲁学刊, 2002(05):99–101.

20. 张昊辰. 中国古代诗词中的乌鸦意象研究[J]. 青年文学家, 2018(30):91–94.

21. 李时珍: 本草纲目/紫图选编。——西安: 陕西师范大学出版社, 2012

22. 李时珍: 本草纲目/紫图选编。——西安: 陕西师范大学出版社, 2012.

23. 章磊. 浅谈“乌鸦”在俄语中的文化伴随意义[J]. 俄语学习, 2018(06):10–15

24. 胡适: 尝试集/胡适。北京: 华夏出版社, 2009

25. 陈梅, 王孝杰. 简析中外文化中的乌鸦意象[J]. 哈尔滨学院学, 2007(09):96–100.

26. 高聚斌. 中国古典文学中乌鸦意象的嬗变及原因[J]. 青年文学, 2009(10):21+164.

27. 齐鸽. 乌鸦象征意义的流变[D]. 山东大学, 2018.

28. 李濂撰《嵩渚文集》卷八十九, 《四库全书存目丛书》集部别集类, 第471册, 齐鲁书社1997年.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 82-6

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_18

EDN: IGRRYC

Европейские письма И. В. Киреевского в литературном контексте

Марина Дмитриевна Кузьмина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18
mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Аннотация. В статье рассматриваются письма И. В. Киреевского, написанные в 1830 г. во время пребывания в Германии и адресованные семье. Они включаются в современный им контекст корреспонденций русских путешественников по Европе, направлявших в Россию и, как правило, публиковавших свои тексты. Авторы травелогов, все без исключения, имели в виду традиции «Писем русских путешественников» Н. М. Карамзина, синтезировавших возможности путевого и эпистолярного жанра и во многих отношениях открывших новую эпоху в литературе. Письма Ивана Киреевского выделяются не только на их фоне, но и на фоне частных писем брата, Петра Киреевского, и друга, Николая Рожалина, находившихся в Германии одновременно с ним и часть времени даже проживших вместе с ним в Мюнхене. В отличие от них, он воспринимал свое пребывание в Германии и рефлексировал в посланиях к родным принципиально как «не-путешествие». «...цель моя – не смотреть, а учиться», – настаивал он. Во-первых, ситуация «не-путешествия», а во-вторых, особые права, даваемые сугубо частной семейной перепиской, и прежде всего право предельной избирательности, позволило ему не описывать свое пребывание в Европе в традициях книги Карамзина, поддержанных многочисленными травелогами начала XIX в. Иван Киреевский не живописует родным ни красоты природы, ни достопримечательности. По его посланиям невозможно составить себе сколько-нибудь целостное представление о заграничье. Не описывая путешествие, Киреевский выступает в роли скорее наблюдателя-аналитика в отношении к Западной Европе и выносит нелестное суждение о ней. Гораздо больше его интересует покинутая Россия и покинутая любимая семья, остающаяся центральной темой его заграничных писем. Это позволило ему решить задачу, стоявшую перед авторами и травелогами, и публиковавшихся частных писем из путешествия – преодолеть инерцию карамзинской книги и найти ей альтернативу

Ключевые слова: И. В. Киреевский; травелог; путешествие; не-путешествие; путевое письмо; эпистолярный жанр; Н. М. Карамзин; «Письма русского путешественника»

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Европейские письма И. В. Киреевского в литературном контексте // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 18–30.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_18. <https://elibrary.ru/IGRRYC>

Original article

I. V. Kireevsky's european letters in literary context

Marina D. Kuzmina

Candidate of philological sciences, associate professor, department of book publishing and book trade, Higher school of press and media technologies, St. Petersburg state university of industrial technologies and design. 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya st., 18
mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Abstract. The article deals with I. V. Kireevsky's letters, written in 1830 during his stay in Germany and addressed to his family. They are incorporated into the contemporary context of correspondence from Russian travelers in Europe who sent their letters to Russia and, as a rule, published them. All the authors of travelogues without exception had in mind the tradition of N. M. Karamzin's Letters of Russian Travelers which combined the potential of the travel and epistolary genres and, in many respects, opened a new era in literature. Ivan Kireevsky's letters proved remarkable compared not only to other letters of this kind, but also to private letters of his brother, Peter Kireevsky, and his friend, Nikolai Rozhalin, who were in Germany simultaneously with him and even lived with him in Munich for some time. In

contrast to them, he viewed his stay in Germany as fundamentally as a «non-travel» in his letters to his family. «... my goal is not to watch, but to learn», he insisted. Both the «non-travel» situation and the special rights of strictly private family correspondence, as well as his utmost selectivity, allowed him not to describe his stay in Europe in Karamzin's tradition supported by numerous travelogues of the early XIX century. Ivan Kireevsky describes to his relatives neither the beauties of nature nor the sights. It is impossible to get any kind of a holistic view of foreign countries from his letters. Rather than describing the journey, Kireevsky acts as an analyst-observer with respect to Western Europe and makes an unflattering judgment of it. He is much more interested in the abandoned Russia and his abandoned beloved family, which remains the central theme of his letters abroad. This allowed him to solve the problem faced by the authors of both travelogues and private letters from journeys – to overcome the inertia of Karamzin's book and find an alternative to it.

Key words: I. V. Kireevsky; travelogue; travel; non-travel; travel letter; epistolary genre; N. M. Karamzin; «Letters from a Russian Traveler»

For citation: Kuzmina M. D. I. V. Kireevsky's European letters in literary context. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):18–30. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_18. <https://elibrary.ru/IGRRYC>

Введение. В первой трети XIX в., когда письмо становится, по Ю. Н. Тынянову, «литературным фактом», – в число ведущих жанров выдвигается и травелог. Оба, по наблюдению Т. А. Роболи, включаются в число «культивируемых» литературных жанров из материала, находившегося «...за пределами высокой литературы» и составлявшего «литературный быт» [Роболи, 1926, с. 43]. Оба сохраняют связь с «бытом», дающую им преимущества. Как указывали исследователи травелога, он испытывал «большее, по сравнению с другими жанрами, влияние внелитературных обстоятельств, что определило и большую способность жанра непосредственно сообщаться с действительностью» [Гуминский, 1979, с. 23], открываться ей, охватывать «неорганизованное течение самой жизни» [Ивашина, 1979, с. 8]. То же самое нужно сказать и о письме. Одновременно переживая период расцвета и реализуя полноту своих возможностей, оба жанра обнаруживают немало общих черт, как, впрочем, и различий. Думается, теми и другими обусловлено начавшееся активное взаимодействие обоих жанров, дополнявших и обогащавших друг друга. Этот процесс облегчала присущая и травелогу, и письму, во-первых, большая свобода сюжетно-композиционного построения [см. подр.: Гуминский, 1979, с. 6–7]; во-вторых – поливалентность. Даваемые современными исследователями травелогу характеристики жанра «полилога», «метажанра», «над-жанра» [Пенская, 2013; Пономарев, 2013, с. 8–16; Шульгун, 2012] в полной мере могут быть отнесены и к письму. Подобно травелогу, оно легко включает в себя разные жанровые элементы. Один из основных для травелога – письмо, а для письма – травелог.

Впервые в истории русской литературы синтез возможностей путевого и эпистолярного

жанров, очень емкий и масштабный, осуществил Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника», появившихся в преддверии XIX в. и ознаменовавших новую эпоху. На рубежно-эпохальный характер его книги указывали, пожалуй, все писавшие о ней. Обобщая суждения исследователей и подводя итог своим наблюдениям, В. М. Гуминский называет ее «важнейшим памятником самоопределения новой русской литературы» [Гуминский, 2017, с. 323].

Традиции «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина. Действительно, кажется, все без исключения русские путешественники на Запад конца XVIII – первой трети XIX в. имели в виду «Письма...» Карамзина. К поездке готовились по его книге, которую затем «проверяли» в ходе пути – либо с радостью соглашались с суждениями главного героя, либо с не меньшей радостью их оспаривали. Примечательно, что отец и сын, С. Т. и К. С. Аксаковы, независимо друг от друга и практически синхронно вспоминают о ней. Проводив Константина 7 июня 1838 г. в путешествие по Европе, Сергей Тимофеевич 10-го писал ему: «Вчера я имел время пробежать первый том „Писем русского путешественника“»; он произвел на меня особенное впечатление, ведь ты поедешь по той самой дороге!» [Аксаков С. Т., 1838, л. 6]. Константин, в свою очередь, едва отправившись в путь, 19 июня из Риги уведомлял родителей: «Собираюсь нынче же писать вам <...> большое письмо, где отдам возможный отчет о моем путешествии наподобие „Писем русского путешественника“» [Аксаков К. С., 1838, с. 78]. Не упоминая о книге Карамзина, младший брат Ивана Киреевского Петр, уехавший на Запад в 1829 г., опирается на заложенные ею традиции в своих письмах к родным. В печать неоднократно попадают фрагменты из европейских писем друга Киреев-

ских Н. М. Рожалина, часть времени прожившего за границей (в Мюнхене) вместе с ними, – к их матери, А. П. Елагиной. Одна из публикаций имела характерный заголовок, отсылающий к карамзинской книге: «Отрывки из частных писем русского путешественника» [Рожалин, 1830]. И действительно, автор «частных писем» во многом наследовал традиции Карамзина: живописал европейские виды, высказывая свое отношение к ним. Очень показательно, например, письмо от 4 июня 1829 г., представляющее собой своеобразное продолжение «Писем русского путешественника».

Нерецепция карамзинских традиций в эпистолярной И. В. Киреевского. Тем примечательнее нерецепция карамзинских традиций в письмах Ивана Киреевского, отправившегося на Запад вслед за братом в 1830 г. Возможно, сказывалось то, что он воспринимал свою поездку как не-путешествие. Он ехал не осматривать достопримечательности и пейзажи, а учиться, именно поэтому его выбор пал не на самую интересную и живописную часть Европы – Германию, куда со времен Петра I было принято ездить с образовательной целью. Это, по характеристике современного исследователя, входило «...в качестве едва ли не самого необходимого, высшего элемента в общую систему образования привилегированного класса» [Гуминский, 2017, с. 288]. Кроме Германии, Киреевский ничего и не видел. Испрашивая разрешение на поездку у отчима, А. А. Елагина, и советуясь о ней с родственником и другом В. А. Жуковским, во многом заменившим осиротевшим в детстве Киреевским отца, Иван писал им одно и то же: «...цель моя – не *смотреть*, а *учиться* (здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений. – М. К.)» [Киреевский, 2018, с. 235], «...я еду не забавляться, а учиться» [Киреевский, 2018, с. 243]. Свято чтя благословение «Друга-Отца» [Киреевский, 2018, с. 328], Жуковского, который сам не раз посетил – и полюбил Германию [см. подр.: Лебедева, Янушкевич, 2000; Никонова, 2013], перед одной из поездок туда писал Елагиной, что «путешествие оживит и расширит душу» [Жуковский, 2020, с. 69], чего он, очевидно, ожидал и для Ивана, почему и посоветовал ему отправиться туда, – Иван поехал учиться в Берлин, откуда через Дрезден затем перебрался в Мюнхен, где вместе с братом продолжил обучение. Одно другому, впрочем, не мешало. Можно было и учиться, и пользоваться возможностями путешественника, впервые оказавшегося в Европе, как это

сделал Петр Киреевский и как отчасти делали позже прибывшие в Берлин же, и тоже с целью обучения, Т. Н. Грановский, Я. М. Неверов и Н. В. Станкевич, а также до них многие другие их соотечественники [см.: Козлов, 2003, с. 78–137; Кунеус, 1987; Морозова, 2008]. Не самая живописная часть Европы, Германия, была – наряду с Францией, Италией и Англией, – любимейшим местом для посещения у русских в XIX в. [см. подр.: Жданов, 2017, с. 170; Морозова, 2007; Фарафонова, 2016, с. 267]. Прибывшие туда русские путешественники ее охотно описывали – как в произведениях, предназначенных для публикации («Письма...» Карамзина, «Путешествие по Саксонии, Австрии и Италии в 1800, 1801 и 1802 годах» Ф. П. Лубяновского и др.), так и в частных письмах. Грановский и его друзья на фоне других мало актуализировали традиции карамзинской книги, – увлеченные «буффонадным» характером своей дружеской переписки, сближающим ее с арзамасской [см. подр. о последней: Гинзбург, 1987 а; Гинзбург, 1987 б]. Возможно, Киреевскому эти традиции представлялись не очень уместными в семейном эпистолярном. Хотя не только П. Киреевский, К. Аксаков, Н. Рожалин, но и Жуковский, пример которого должен был быть очень важным для Ивана, учли их в семейной переписке.

И. В. Киреевский – наблюдатель-аналитик. Е. И. Анненкова точно заметила, что Киреевский в Европе, «...вероятно, ощущает себя не путешественником, который на все готов смотреть, а скорее аналитиком...» и что критичные высказывания, которые он позволяет себе в отношении Германии и немцев, «...уже дают знать о скором размежевании русской мысли на славянофильство и западничество и предвещают будущие длительные размышления о ментальном несходстве русского и западного миров» [Анненкова, 2016, с. 51]. Действительно, в отличие от героя карамзинских «Писем...» и большинства последующих путешественников, «не-путешественник» Киреевский – в первую очередь аналитик. Из выделенных в обобщающей работе Г. В. Шпака четырех стратегий репрезентации пространства (или, как он их еще называет, авторских позиций относительно фиксируемого пространства), имеющих место в травелогах: «преодоление» (по характеристике исследователя, «метафора жизни»), «освоение» («метафора истории»), «изучение» («метафора истины»), «со-знание» («метафора красоты») [Шпак, 2016, с. 266], – для его эпистолярной наиболее характерна третья, побуждающая занять

«метапозицию» [Шпак, 2016, с. 266]. Именно «метапозиция», главным образом, и раскрывается в строках эпистолярия Киреевского, посвященных Европе. Он нарушает достигнутую в карамзинских «Письмах...» соразмерность между анализом и переживанием – в пользу первого и в ущерб второму.

При этом Киреевский сообщает родным в письмах и свои суждения о Европе, и впечатления от нее, и иногда некоторые сведения о ней, но не в тех формах и пропорциях, и не по тем причинам, по которым это делали Карамзин и его последователи. Для молодого «непутешественника» сообщение этих сведений стало, главным образом, возможностью не разлучаться с близкими: стараясь информировать их о своей жизни в Германии, он давал им возможность соприсутствовать и сопереживать ему, не теряя его из вида, и сам, как очевидно, чувствовал потребность разделять с ними все, чем живет. Характерно, что брату, Петру, Иван направил всего пару писем, из которых сохранилось второе (от <16-21 марта (28 марта) – 1 апреля>), с минимальными сведениями о Берлине и о его пребывании там (в тексте, правда, упоминается, что они были в первом письме, но неизвестно, в каком объеме): Петр тоже находился в Европе, хотя не в Берлине, а в Мюнхене, и братья вскоре должны были воссоединиться. Остальным же членам семьи, которые из России не выезжали и в разлуке с которыми Киреевский-старший рассчитывал прожить годы, он писал значительно чаще и сообщал значительно больше «европейских» сведений. Но не общезначимых, а значимых для него и его семьи. Сужение круга адресатов до узкого семейного привело к персонализации содержания.

Избирательность И. В. Киреевского-эпистолога к европейским реалиям. В отличие от Карамзина и путешественников первой трети XIX в., Киреевский-аналитик очень избирателен к европейским реалиям. Далеко не все и даже не многие из них он готов описывать. В наименьшей степени его внимание привлекло то, что обычно завораживает путешественников и традиционно лежит в основе сюжетов травелогов, – пейзажи и достопримечательности. Значимость того и другого в путевой литературе даже позволила О. С. Тополовой выделить ее особую жанровую форму – «описание» [Тополова, 2013]. Открытие пейзажа как способа психологической характеристики (а также создание мифопоэтического образа – земного Рая либо его антипода), –

как известно, одна из заслуг Карамзина-сентименталиста перед русской литературой. «Природоописания» (С. С. Жданов) играют существенную роль и в его «Письмах...» (а что указывал еще В. В. Сиповский [Сиповский, 1899, с. 401–409]), и в травелогах его последователей [см.: Жданов, 2018, с. 171–172]. Слабое внимание к этому аспекту снижает эмоциональность рецепции автора в отношении Европы, отображая слабый интерес к ней, неувлеченность ею. Киреевский относительно пейзажа пояснял родным: «Вы знаете, что я никогда не был энтузиастом природы...» [Киреевский, 2018, с. 312]. С ним в этом равнодушии к европейским видам соотносим, разве что, Грановский, для которого, как он пояснял, «природа хороша, но человек все-таки занимательнее и лучше» [Грановский, 2010, с. 302]. Еще более странно невнимание Киреевского к достопримечательностям, тоже роднящее его с Грановским. Но последний проявлял, по крайней мере, интерес к театру, о посещении которого неоднократно с увлечением писал в Россию. Первое же его европейское письмо и вовсе примечательно, поскольку составляет исключение на фоне других его писем: оно выдержано в традиции травелогов. Выступая в нем в роли «путешественника», автор описывает перипетии своего пути (путешествие как основа сюжета – одна из характерных черт травелога), достопримечательности и живописные виды. Думается, на тот момент он еще не определился со своей бытийной и эпистолярной позицией.

Киреевский же с ней определился с самого начала и, редко направляя домой письма, имел время ее обдумать. Очень любопытна рецепция традиции травелогов в его эпистолярии. Направляясь в Германию через Дерпт и Ригу, он пишет родным достаточно много и подробно, – но почти исключительно о семье. Поводом для этого становится не только свежая разлука с ней и тоска по ней, но и люди или места, встретившиеся ему по пути и обострившие переживание семейной темы. Так, непосещение «бабушки» [Киреевский, 2018, с. 264], Е. А. Протасовой, дом которой в Дерпте он проезжал глубокой ночью, или, наоборот, посещение в Риге прокурора О. Петерсона, живо напомнившего об оставленном в Москве дядюшке, А. П. Петерсоне, сводном брате матери, и, следовательно, обо всей семье, – выступают как полноправные темы писем. Они настолько поглощают внимание автора, что его попытки наряду с ними хотя бы в некоторой степени дать адресатам, несомненно, ожидаемую

этими последними информацию о том, о чем обычно сообщают путешественники, – оказываются несостоятельными.

В первом рижском письме Киреевский не более чем телеграфно обозначил буквально пару опорных пунктов, пригодных для двух больших самостоятельных эпистолярных сюжетов («Сегодня целый день провел я в расхаживании, в разъезде по городу, которого достопримечательности показывал мне этот милый, толстый прокурор (Петерсон. – М. К.). Сейчас из музея, где видел немцев, немцев, которые еще *ein geschmach* [нем. с большим вкусом] тех немцев, к которым еду» [Киреевский, 2018, с. 263]), но ни один из них под его пером не получил никакого развития, – казалось бы, по уважительной причине: «Прощайте, – объясняет автор родным, – уже 1 час, а завтра мне надобно вставать в 6-ть...» [Киреевский, 2018, с. 263]. На следующий день он пишет домой второе – объемное – письмо, в котором, как можно было ожидать, намеченные эпистолярные сюжеты будут развиты, но этого не происходит. Автор намечает другие, которые точно так же обрываются на этапе завязки. Между тем, он облачает повествование о них в форму саммари – преподносит как некий вывод, сделанный после знакомства с Ригой, и вновь прибегает к телеграфному стилю, более того – к нумерации: «Интересного в Риге я видел 1-е Die Domkirche, где недавно отвалился камень и открылся замуравленный человек: это был рыцарь, заколовший епископа в этой церкви: вот повесть для Погодина. Церковь сама стара только снаружи, а внутри все перекрашено, забелено и – чисто. 2. Дом Шварцгейтеров, das Schwarzhäghauter, которого зала превращена в новую, но из-под нового можно отгадать и весело отгадывать бывшее старое. Я многое осматривал еще, но интересного, кроме этого, не видал; был, однако в музее, смотрел водопровод и беспрестанно гляжу на памятник 12-го года, который стоит перед моими окнами. Это такая же холодная металлическая Слава, какая стоит у нас на Красных воротах, только вместо Красных ворот узенькая колонна, вместо Москвы Рига, вместо – и пр. Забыл еще интересное: постыдный столп, к которому привязывали преступников» [Киреевский, 2018, с. 266–267].

Как можно заметить, Киреевский тяготеет к традиции травелога, воспринятой путевым дневником и письмом, – описывать свой путь, достопримечательности, виды, стараться дать адресатам как можно более полное представле-

ние о посещенном месте. С ощутимой неохотой он констатировал посещение музея (даже дважды), осмотр водопровода и памятника, практически совсем не раскрыв содержание увиденного, – не пояснив даже, в каком музее был. Вероятно, по его мысли, достопримечательности и их описания в путевой литературе достаточно единообразны и хорошо известны всем его современникам, в том числе членам семьи, останавливаться на них ему неинтересно. Характерны слова, завершающие его саммари. «Довольны ли вы моей аккуратностью?» [Киреевский, 2018, с. 267] – спрашивает он у близких, не осознавая, что не рассказал, в сущности, ничего, и думая, что отдал дань традиции. Но, впрочем, сразу прибавляет: «Чего я не рассказал, то легко можете отгадать» [Киреевский, 2018, с. 267]. Молодой эпистолограф четко разделяет неинтересное и интересное ему, предпочитая останавливаться только на последнем. Примечательно, что этого последнего оказывается гораздо меньше, чем первого. Европа слишком хорошо известна и не слишком интересна, буквально декларируют письма Киреевского, выражая высшую степень русского европеизма и одновременно высшую степень его преодоления. То же самое обнаруживают и последующие письма.

Дрезден и Дрезденская картинная галерея в письмах И. В. Киреевского. Интересна предпринятая им попытка рассказать родным о посещении Дрездена, куда он заехал в начале апреля 1830 г. по пути из Берлина к брату в Мюнхен, и знаменитой Дрезденской картинной галереи. Он предпринял эту попытку дважды: во-первых, в письме к Петру в Мюнхен, во-вторых, в письме к родным в Москву. Обращаясь к брату, эпистолограф максимально редуцировал обещанное было первыми строками описание: «Из любопытных вещей, виденных мною, первое место занимает здешняя картинная галерея. Слишком длинно было бы рассказывать все особенности впечатлений, которые я вынес оттуда. Скажу только, что здесь в первый раз видел я одну Мадонну Рафаеля, которая мне крепко понравилась, или, лучше сказать, *посердечилась*» [Киреевский, 2018, с. 291–292]. Вместо описания галереи – речь об одной картине, а точнее, о личном впечатлении от нее, – на фоне карамзинских «Писем...» и травелогов первой трети XIX в. очень неожиданным: «...чем больше я всматривался в Мадонну, тем живее являлся предо мною образ Машки (сестры, М. В. Киреевской. – М. К.) и, наконец, так завладел мною, что я из-за него по-

чти не понимал других картин, и на Рубенса и Фандика смотрел, как на обои» [Киреевский, 2018, с. 292]. Иван далее осведомляется у Петра: «Видел ли ты, и сколько раз, твою Мюнхенскую галерею, которая, как говорят, одна из замечательнейших в Европе?» [Киреевский, 2018, с. 292], – но тут же дает понять, что лично ему ни она, ни впечатления брата от нее неинтересны, поскольку прибавляет: «Не можешь ли ты прислать мне что-нибудь из твоего путешествия и мюнхенской жизни для Погодина или Дельвига, который издает «Литер<атурную> газету» вместе с Пушкиным, Баратынским и Вяземским? Оба велели просить тебя об этом» [Киреевский, 2018, с. 292]. И поясняет в отношении себя: «Я также обещал обоим; но мои наблюдения были до сих пор так *индивидуальны*, как говорят немцы, что могут быть интересны только для близких, кому я сам интересен. *Общелюбопытного* я видел еще немного, а то, что видел, стоит большого труда обделать в хорошую журнальную статью, – а для журнального труда мне до сих пор не было времени» [Киреевский, 2018, с. 292–293]. В письме к семье, по прошествии нескольких недель, Киреевский еще более, хотя более, казалось бы, уже и некуда, редуцировал свой отзыв о картинной галерее, как и о самом Дрездене: «В Дрездене пробыл я три дня, видал галерею, слышал славный концерт и лучших певцов и музыкантов <...>. Город самый я вам описывать не стану, потому что дерзко, да к тому же вы можете расспросить об нем у Пушкиных. <...>. Музыку описывать нельзя, галерею описывать много. Скажу только, что Рафаэлевой Мадонны я не понял; в Корреджиевой Магдалене, кот. искал, но не мог найти ничего нового и отличного от конрадовской и крепко подозреваю последнего, что он не сам скопировал, а украл свою копию у какого-нибудь отличного мастера. Зато другие картины произвели на меня тем большее впечатление; но если бы я хотел вам *рассказать* впечатление от этих картин, то говорил бы не об них, и потому оставляю это до свидания» [Киреевский, 2018, с. 294–295].

Итак, как и в ранних, рижских, письмах, Киреевский четко разграничивает, с одной стороны, описание достопримечательностей, с другой – личные впечатления. Первое, занимало, как можно вспомнить, очень важное место в «Письма русского путешественника» (ср. о том же Дрездене и Дрезденской галерее: «Дрезден едва ли уступает Берлину в огромности домов; но только улицы здесь гораздо теснее. Жителей

считается в Дрездене около 35 000: очень не много по обширности города и величине домов! <...> пошел я в славную картинную галерею, которая почитается одною из первых в Европе. Я был там три часа, но на многие картины не успел и глаз оборотить; не три часа, а несколько месяцев надобно, чтобы хорошенько осмотреть сию галерею. Я рассматривал со вниманием Рафаэлевую Марию (Которая держит на руках Младенца, и перед Которой стоят на коленях Св. Сикстус и Варвара); Корреджиеву *ночь* о которой столько писано и говорено было, и в которой наиболее удивляются смеси света со тьмою...» [Карамзин, 1984, с. 51–53] – и далее на полстраницы перечень увиденных картин с их краткими характеристиками, очень информативный текст) и в последующих ему текстах. Целую страницу посвятил описанию Дрездена и Рожалин, но, улавливая тенденции своей эпохи, эпохи романтизма, постарался заключить рассказ личными субъективными приоритетами и суждениями: «Если в Дрездене нет пищи для рассеянности, то много пособий для человека, преданного учению: огромная Королевская библиотека <...>, хорошие частные библиотеки для чтения, много книжных лавок, музеум...» [[Рожалин], с. 299–300]. По мысли же Киреевского, описание в духе Карамзина уместно в опубликованном сочинении, – скажем, в журнальной статье, – но не в частном письме. Подготовку такого описания он понимает как дело большое, долгое, трудоемкое, на которое у него сейчас нет времени, и, кроме того, усматривает проблему в отборе материала: многие сведения о Европе общедоступны и общеизвестны (так, о Дрездене можно «расспросить <...> у Пушкиных»), вместе с тем «*общелюбопытного*», действительно заслуживающего внимания читательской аудитории, Киреевский-аналитик, прожив несколько месяцев в Берлине и посетив Дрезден, «видел еще немного», – в противовес Карамзину, Рожалину и другим авторам, в центре внимания которых было «все *примечательное*» (слово, по наблюдению Н. Г. Морозовой, неоднократно повторяющееся на страницах европейских писем Д. И. Фонвизина) [Морозова, 2007, с. 163].

Наиболее уместным в частных семейных письмах молодой эпистолограф считает изложение личного отношения к увиденному, что глубоко логично с учетом того, что главная тема этих писем – он и его любимая семья, по которой он скучает и которая, как он знает, скучает по нему. Личное отношение к европейским реалиям

у молодого эпистолога «двупланово». Оно складывается, во-первых, из впечатлений и, во-вторых, из анализа и оценки. Слово «впечатление», поддерживаемое такими синонимами, как «понравилась», «*посердечилась*», выступает в европейских письмах Киреевского одним из ключевых и играет гораздо большую роль, чем в книге Карамзина, где, разумеется, тоже отображалось личное отношение к увиденному (ср., напр., весьма сжато о впечатлении в связи с Дрезденом: «Вечеру гулял я в саду, который называется Zwinger Garten [*нем.* Цвингеровский сад], и который хотя не велик, однако ж, приятен» [Карамзин, 1984, с. 55], – и с Дрезденской картинной галереей: «Между прочими картинами есть прекрасные перспективы и такие живые изображения винограда и других плодов, что хочется их взять» [Карамзин, 1984, с. 55]). Это очень показательно, поскольку раскрывает живой процесс взаимодействия с Западом русского, прибывшего на Запад, произвольные реакции на европейские артефакты, – процесс, дополняемый и корректируемый (иногда оспариваемый) анализом. Впечатления и анализ, получающие в письмах Киреевского, с одной стороны, точно так же, как и у многих его современников-романтиков, а с другой – очень по-своему, предпочтению перед описанием достопримечательностей, вновь, с одной стороны, визуализируют (в частности, за счет интериоризации европейских реалий, имевшей место и в карамзинской книге), а с другой – нивелируют его русский европеизм. Показательно, что, предпочтя описанию Рафаэлевой Мадонны впечатление от нее, молодой эпистограф увидел в ней сестру, «Машку», через это понял и почувствовал, полюбил что-то свое в картине – в итоге же не понял и не принял картину. В последующих письмах Киреевский не раз будет подвергать ее критике и повторять, что «язык не поднимается хвалить ее» [Киреевский, 2018, с. 317]. Итак, в его эпистолярной с течением времени анализ берет верх над впечатлением. Это, впрочем, было так и в отдельно взятом вышецитированном письме к родным, где могло быть объяснено его написанием по прошествии нескольких недель после посещения Дрездена и картинной галереи, когда впечатления несколько изгладились и сложились выводы. Интереснее другое: ни анализ, ни впечатления Киреевского, в сущности, ничего не сообщают родным о посещенной им галерее, точно так же как ничего нового они не сообщают им и о нем самом. Должно быть, осознав тупиковость ситуации,

эпистограф прекращает попытки, тем более что его впечатления, несильные с самого начала, планомерно ослабевают, а суждения оказываются не в пользу галереи («...Рафаэлевой Мадонны <...> не понял; в Корреджиевой Магдалене <...> не мог найти ничего нового и отличного от Конрадовской и крепко подозреваю последнего, что он <...> украл свою копию...»).

Немецкий театр в письмах И. В. Киреевского. Из всех реалий немецкой культурной жизни, ему, как и Грановскому, в наибольшей степени был интересен театр. Но очень недолго. Как и в отношении картинной галереи, в отношении театра опираясь на свои впечатления и суждения, Киреевский быстро в нем разочаровался. «...видел всех лучших актеров в хороших пьесах, – писал он родным, – но больше не пойду, потому что ни одно представление мне не пришлось по вкусу. Тасса, Гете, я смотрел даже с досадою, несмотря на то, что его играли лучшие актеры <...>. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что ни один актер не понял поэта...» [Киреевский, 2018, с. 274]. Оглядываясь вокруг, Киреевский замечает свое «несовпадение» с немецкой публикой, которая «в восторге» [Киреевский, 2018, с. 274] от этих представлений. Молодой аналитик очень быстро разочаровывается и в ней, понаблюдав за ее поведением и изучив ее реакцию: «В трагедиях всякий крик, *особенно неуместный*, непременно аплодирован. Все истинное, простое, естественное не замечено, как бы не было. <...> чем больше актеры горячатся, тем больше им хлопают; чем напыщеннее стих, тем больше восхищает он публику. <...> Немцы хотят каждой глупости, аплодируют каждой непристойности» [Киреевский, 2018, с. 274–275]. Разочаровавшись в берлинском и вместе с ним в целом в немецком театре, Киреевский дал себе «зарок» [Киреевский, 2018, с. 283] больше там не бывать – возможно, по этой причине и не посетил дрезденский.

Аналитик расширяет сферу своих наблюдений за немцами – и приходит к схожим выводам. «Я вслушивался в разговоры простого народа на улицах, – пишет он родным, – и заметил: они вообще любят шутить, но с удивлением заметил также, что шутки их почти всегда одни и те же. Сегодня он повторит с *удовольствием* ту же замысловатость, которую отпустил вчера, завтра также не придумает к ней ничего нового и, несмотря на то, повторит опять <...> новое он поймет и примет не прежде, как слышавши раз двадцать от других. Оттого нет ничего глупее,

как видеть смеющегося немца, а он смеется непрестанно» [Киреевский, 2018, с. 275]. «Вслушиваясь», «видя» и «с удивлением замечая» косность и глупость немцев, отсутствие у них естественности и эстетического вкуса, проявляемую и в отношении к искусству, и безотносительно к нему, – Киреевский с удовольствием занимает позицию непричастности к ним, наблюдателя, аналитика, русского, во многом их превосходящего, лучше понимающего произведения немецкой классики, чем они. Он с удовольствием стоит на позиции «не-путешественника», подчеркнуто не стремящегося обозреть и «присвоить» все достижения европейской культуры, не испытывающего пиетета перед ней, строго критичного и избирательного в ее отношении, и особенно не желает ассимилироваться с современными немцами.

Избранная Киреевским позиция аналитика-«не-путешественника» требовала от него стремления к объективности, и он действительно не торопится с оценками. Замечая отрицательные моменты, ищет и положительные, фиксирует как те, так и другие в письмах к родным. Скажем, признавая за трагедией Раупаха «Генрих VI» «неестественность и нехудожественность целого и частей», – говорит о «красоте и силе» отдельных стихов и об «эффектности некоторых сцен», которые «невольно увлекают и трогают» [Киреевский, 2018, с. 274]. Часть новых немецких комедий оказывается, по его словам, «гораздо лучше на сцене» [Киреевский, 2018, с. 274], чем он ожидал, а немецкая публика – не хуже, чем русская (которая «так же безвкусна и глупа» [там же]), и даже «более образованна» [Киреевский, 2018, с. 274]. Некатегоричные, отрицательно-положительные, но с очень большим перевесом отрицательных перед положительными, суждения Киреевского о немцах предстают тем более уничижительными.

Немецкий университет и профессура в письмах И. В. Киреевского. Отринув театр и другие стороны немецкой жизни, Киреевский сосредоточился на том, ради чего прибыл в Германию. Он много, больше, чем в России, читает, с усердием посещает лекции в Берлинском, а затем в Мюнхенском университете; не довольствуясь стенами аудиторий, бывает на дому у таких известных ученых, как Г. В. Ф. Гегель, Ф. В. Й. Шеллинг, Л. Окен. Старается извлечь из пребывания в Германии максимальную пользу. Университет, лекции становятся одной из ключевых тем европейских писем Киреевского, что состав-

ляет яркое отличие его «не-путешествия» от путешествий героя Карамзина и многочисленных травелогов, затрагивавших эту тему лишь по касательной (ср. в карамзинских «Письмах...»: «Я познакомился здесь (в Страсбурге. – М. К.) с одним магистром, очень любезным человеком, который водил меня в университет, в анатомический театр, в медицинский сад, и который ныне за обедом и за ужином пил здоровье отечественных друзей моих» [Карамзин, 1984, с. 96]).

В отличие от всех других сторон немецкой жизни, в отношении науки и университета Киреевский склонен занимать позицию не столько аналитика, сколько ученика. Впрочем, как это, казалось бы, ни невозможно, сквозь ученика в нем всегда проглядывает наблюдатель-аналитик. Верный себе, молодой эпистолограф старается не спешить с выводами, но, начав посещать университетские занятия, он в первом письме к семье, от <11-13 (23–25) февраля 1830 г.>, едва сдерживает восторг. Эта эмоция почти совсем отсутствовала или была очень сдержанна в «Письмах...» Карамзина, старательно позиционировавшего своего «русского путешественника» «на равных» с европейцами, человеком, воспитанным на европейской культуре, привыкшим к ней, не удивляющимся и не восхищающимся ей в сколько-нибудь большой степени. Восторг выдает в Киреевском ученика. Его переполняют положительные эмоции от тех лекций, которые он уже успел послушать («Я был два раза на лекции у Риттера. Он читает географию <...>. Один час перед его кафедрой полезнее целого года одинокого чтения. Каждое слово его было для меня новостью <...>. Присоедините к этому дар слова, отменно приятный, спокойный и немножко поэтический...» [Киреевский, 2018, с. 270]), и он с нетерпением ожидает дальнейших занятий. «Кроме Риттера, – сообщает Киреевский, как чувствуется, с радостным волнением, на одном дыхании, – я буду еще слушать Раумера, профессора новейшей истории Stuhr, также профессора восемнадцатого столетия, и, может быть, некоторых других...» [Киреевский, 2018, с. 270]. В приведенных строках Киреевский выражает обычное для своих современников-соотечественников, прибывших в Европу, отношение к ней и к ее университету; такое же, какое обнаруживали и Грановский, Неверов, Станкевич. Но, в отличие от них, он даже в стенах университета не забывает о семье, стремясь разделить с ней его пользу: «Каждую лекцию я буду записывать и присылать вам экстракты всего ин-

тересного» [Киреевский, 2018, с. 270]. Правда, в отличие, скажем, от П. И. Макарова, в «Письмах из Лондона» успешно «уравновесившего» отрицательные наблюдения над европейской жизнью – положительными, Киреевский от письма к письму все менее преуспевает в отношении последних.

Уже во втором письме к семье из Берлина, от <20 февраля (4 марта) – марта 1830 г.>, в котором автор по-прежнему старается не спешить с выводами и быть объективным, отношение к университету – впечатления от него и суждения о нем – кардинально меняется: «К брату я писал почти тотчас по приезде <...>. Я звал его на будущий семестр в Берлин, надеясь, что здешний университет будет для него полезнее Мюнхенского. Но теперь вижу, что ошибся: исторические лекции здесь не стоят ни гроша; не потому, чтобы профессора не были люди ученые и особенно в своей части; но потому, что они читают отменно дурно. Stuhl читает историю 18-го века по тетрадке, написанной весьма посредственно <...>. Раумер, славный ученый Раумер, всю лекцию наполняет чтением реляций и других выписок из публичных листов» [Киреевский, 2018, с. 272]. Характеристики, даваемые эпистографом берлинским лекторам и их аудитории, очень напоминают те, которые он давал актерам и театральной публике, как и народу на улицах. Ср. о лекторах: «Когда удастся им сказать что-нибудь соленое, т. е. соленое на немецкий вкус, то они так радуются этой находке, что жуют и пережевывают свою соль до тех пор, пока она совершенно распустится, а между тем вся аудитория громко хохочет» [Киреевский, 2018, с. 272]. Складывающееся у Киреевского-аналитика представление о Германии получалось очень целостным. Л. Г. Фризман в свое время точно заметил: «...он далеко от того, чтобы восторгаться всем, что видел и слышал в Берлине. У него свой взгляд на вещи, он судит посещаемые им лекции, судит строго, порой язвительно. <...> Очень характерны театральные впечатления Киреевского. Спектакли, которые он видел, не отвечали требованиям простоты и естественности, предъявляемым к сценическому действию. С этой точки зрения его не удовлетворяли немецкие актеры и в еще большей степени немецкая публика. В целом путешествие, от которого Киреевский ждал так много, оказалось разочаровывающим» [Фризман, 1989, с. 414–415]; и Е. Л. Рудницкая справедливо заключала: «Критическое начало по отношению к европейским авторитетам, духов-

ному, нравственному уровню немецкого общества превалирует в заграничных впечатлениях Киреевского» [Рудницкая, 1999, с. 89].

Симптоматично, что данное Киреевским в первом письме к родным обещание: «Каждую лекцию я буду записывать и присылать вам экстракты всего интересного...» [Киреевский, 2018, с. 270], – в последующих сменяется на: «Шеллингов лекции легли довольно стройно, и потому я их пришлю <...> к Папиньке <...> эти лекции писал так, что, кажется, и вы прочтете их не без удовольствия» [Киреевский, 2018, с. 301], «Шеллингов лекции вряд ли я пришлю к вам, потому что гора родила мышь. <...> против прежней его системы нового не много» [Киреевский, 2018, с. 305], «Лекции Шеллинга я перестал записывать. Их дух интереснее буквально. Вместо присылки их самих <...> я лучше напишу вам что-нибудь из них, когда будет время...» [Киреевский, 2018, с. 309].

Итоговое суждение И. В. Киреевского-эпистографа о Германии и немцах. Итоговое для своей метапозиции в отношении Германии и немцев суждение Киреевский сформулировал в письме к сестре по истечении полугода пребывания в Европе. Хотя он проживет там еще несколько месяцев, оно не будет им ни пересмотрено, ни даже подкорректировано. Ранее осторожный, соизмеряющий свои «отрицательные» и «положительные» наблюдения и не спешащий с выводами, Киреевский к этим выводам пришел – и теперь говорит со всей определенностью: «...я надеюсь по крайней мере во сне (о России и родном доме. – М. К.) освободиться от Германии, которую, впрочем, я не нелюблю, а ненавижу! Ненавижу как цепь, как тюрьму, как всякий гроб, в котором зарывают живых. Ты из своей России не можешь понять, что такое эта Германия. Все, что говорят об ней путешественники, почти все вздор. Если же хочешь узнать, что она такое, то слушай самих немцев. Одни немцы говорят об ней правду, когда называют ее землею дубов (das Land der Eichen), хотя дубов в Германии, кроме самих немцев, почти нет. Зато эти из всех самые деревянные» [Киреевский, 2018, с. 319–320]. В приведенных строках налицо то, что О. В. Кульбицкая предложила называть «метафоризацией пространства». Как показало ее исследование, это явление обычно для восприятия «чужого» пространства путешественником, или для дестинации, если воспользоваться еще одним предложенным ею термином [Кульбицкая, 2018, с. 272]. Любопытно, что в представленном

О. В. Кульбицкой обзоре «формул травелогем», накопленных за историю человечества, наиболее близкой к тому, что описал Киреевский сестре, оказывается наиболее архаическая, актуальная для литератур Древнего Востока, в которых «...дестинация чаще всего насыщается сакрально значимыми предметами (путешествие в загробный мир, возвращение на родину) – <...> актуализируются архетипические модели дома, утробы, могилы, путь к которым причудлив и извилист» [Кульбицкая, 2018, с. 272]. Причем автор письма очень избирателен в отношении к ним. Первые две из них («дом», «утробу»), витальные, – он актуализирует в связи с семьей и Россией, третью же («могилу»), – в связи с Германией. Образная картина, нарисованная автором письма, жутка, почти гротескна. Германия видится ему неживой, фантазмагоричной, под оболочкой людей-жителей в ней скрываются дубы, по-видимому, уже срубленные или на корню засохшие (о чем говорит эпитет «деревянные»). Более того, она видится ему непригодной для жизни и убивающей. Характерна градация: цепь – тюрьма – гроб, «в котором зарывают живых». Характерен мотив срывания масок, в которых, по мысли Киреевского, Европа предстает, во-первых, взорам путешественников, во-вторых, в записках путешественников.

Русская тема в письмах И. В. Киреевского.

Он предпочитает говорить не о ней, а о себе – о своих мнениях и впечатлениях, и об оставленной в России, безмерно любимой семье. В нем уже зреет будущий славянофил. Примечательно, что любую европейскую и даже самую, казалось бы, интересную ему – университетскую или научную – тему Киреевский с легкостью и радостью меняет на семейно-русскую, не только всегда гораздо более интересную для него, но и безмерно им любимую, бесценную для него, – обычно с тем чтобы уже не возвращаться к европейской. Так, он прекращает рассуждения о лекции Ф. Д. Э. Шлейермахера, с энтузиазмом переходя к разговору о письме от брата («Но довольно об Шлейермахере <...> нашел я письмо от брата, милое, теплое, и опять все об вас...» [Киреевский, 2018, с. 283]); размышления о немцах, казалось бы, увлекшие его («...нет ничего глупее, как видеть смеющегося немца, а он смеется беспрестанно» [Киреевский, 2018, с. 275]), буквально на полуслове обрываются восторженным обращением к родным: «Наконец письмо от вас! Я не умею выразить, что мне получить письмо от вас!» [Киреевский, 2018, с. 275].

Но, находясь в Германии, он еще лелеет мечту о неведомой ему «не-немецкой» Европе, хочет посетить Францию и Италию, грезит об итальянском небе. Так и не увидев «не-немецкой» Европы, он по возвращении домой постарается воплотить свои мечты о ней, издавая журнал «Европеец», который, как известно, просуществует недолго. Пережитые в связи с ним потрясение и разочарование ускорят изменения в мировоззрении.

Заключение. Пока же, в письмах к родным из Германии, Киреевский немало делал для развития эпистолярного жанра, предлагая альтернативу как «буффонадному» дружескому письму 1830-х гг., оттеснившему на периферию семейную переписку, так и исповедальной сентиментальной эпистолографии конца XVIII – начала XIX в., в развитие которой большой вклад внес Карамзин. И, главным образом, молодой корреспондент в частой переписке блистательно решил задачу, над которой тщетно трудились все его современники – авторы травелогов, пытавшиеся, с одной стороны, учесть традиции «Писем русского путешественника», с другой – либо по-своему развить их, либо «оспорить», выйти за их пределы. Киреевский, возможно, даже неосознанно для себя нашел способ преодолеть инерцию карамзинской книги. Исходной для обозначенной им альтернативы стала, во-первых, позиция «не-путешественника», определявшая принципиально иной ракурс рецепции европейских реалий, а во-вторых, большая, всепоглощающая любовь к оставленной в России семье, сильно заслонявшая для него европейские реалии. То и другое позволило ему очень в духе его эпохи, эпохи романтизма, по-своему, лично, неповторимо воспринять Европу и отозваться о ней, с другой – в противовес большинству его современников, отозваться о ней, акцентируя не столько ее объективную данность и свои эмпирические впечатления, сколько суждения и выводы наблюдателя-аналитика. Корреспонденции молодого эпистолографа высветили новый, вышший, по сравнению с карамзинским и посткарамзинским, уровень русского европеизма и одновременно едва ли не высшую же степень его преодоления, анонсировав дискуссии славянофилов и западников о России и Европе, которые определяют вектор русской общественной жизни 1840–1850-х гг. и в которых сам Киреевский сыграет одну из ведущих ролей.

Библиографический список

1. Аксаков К. С. Письма из-за границы в 1838 году / предисл. и примеч. Г. М. Князева // Космополис. 1898. № 1. С. 72–83.
2. Аксаков С. Т. Письмо к К. С. Аксакову от 10 июня 1838 г. // ОР РГБ. Ф. 3, к. 3, ед. хр. 23-а. 36 л.
3. Анненкова Е. И. Письма Н. В. Гоголя из Германии в контексте корреспонденций русских путешественников первой половины XIX века // Творчество Гоголя и европейская культура. Пятнадцатые Гоголевские чтения. Сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф. Москва; Вена : Новосибирский издательский дом, 2016. С. 50–61.
4. Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры. Москва : Искусство, 1987. С. 183–188.
5. Гинзбург Л. Я. Эвфемизмы высокого (По поводу писем людей пушкинского круга) // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 199–208.
6. Грановский Т. Н. Письма // Грановский Т. Н. Публичные чтения. Статьи. Письма / сост. А. А. Левандовский, Д. А. Цыганков, вступ. ст. и коммент. В. Л. Семигина, Д. А. Цыганкова. Москва : Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 272–431.
7. Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе. Москва, 1979. 24 с.
8. Гуминский В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. Москва : ИМЛИ РАН, 2017. 605 с.
9. Жданов С. С. Идиллический образ Германии в русском сентиментализме рубежа XVIII–XIX веков (на материале произведений Н. М. Карамзина и Ф. П. Лубяновского) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 2. С. 53–66.
10. Жданов С. С. Образ Германии в отечественных травелогах рубежа XVIII–XIX вв.: природное и человеческое пространства (к постановке проблемы) // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2017. № 49. С. 168–187.
11. Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 16. Письма 1818–1827 годов. Москва : Издательский дом ЯСК, 2020. 1152 с.
12. Ивашина Е. С. О специфике жанра «путешествия» в русской литературе первой трети XIX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1979. № 3. С. 3–16.
13. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Ленинград : Наука, 1984. 717 с.
14. Киреевский И. В. Письма. 1816–1839 // Киреевский И. В. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Санкт-Петербург : Росток, 2018. Т. 1. С. 183–427.
15. Козлов С. А. Русский путешественник эпохи Просвещения. Санкт-Петербург : Историческая иллюстрация, 2003. 496 с.
16. Кульбицкая О. В. Дестинация как элемент травелогемы: способы метафоризации и освоения пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 271–275.
17. Кунеус З. Русские студенты в берлинском университете в 1837–1839 гг. // Из истории русско-немецких литературных взаимосвязей / под ред. В. И. Кулешова и В. Фейерхерд. Москва : Изд-во МГУ, 1987. С. 88–96.
18. Лебедева О. Б., Янушкевич А. С. Германия в зеркале русской словесной культуры XIX – начала XX века. Köln : Bohlau Verlag, 2000. 274 с.
19. Морозова Н. Г. Грани восприятия Германии в контексте русской литературы «путешествий» // Филология и человек. 2008. № 2. С. 9–17.
20. Морозова Н. Г. Экфрасис в русском травелоге конца XVIII в. // Альманах современной науки и образования. Тамбов : Грамота, 2007. № 3. Ч. 1. С. 162–165.
21. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир. Томск, 2013. 45 с.
22. Пенская Е. Н. Травелог как полилог (Типология жанра в семейных мемуарах Салиасов – Сухово-Кобылиных) // Россия – Италия – Германия: литература путешествий. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2013. С. 416–465.
23. Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «Путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода. Изд. 2-е, испр. и доп. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУКИ, 2013. 412 с.
24. Роболи Т. А. Литература «путешествий» // Русская проза. Сб. ст. / под ред. Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова. Ленинград : Academia, 1926. С. 42–73.
25. Рожалин Н. М. Отрывки из частных писем русского путешественника // Московский вестник. 1830. Вып. 2. С. 296–303.
26. Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. Москва : Эдиториал УРСС, 1999. 272 с.
27. Сиповский В. В. Н. М. Карамзин – автор «Писем русского путешественника». Санкт-Петербург, 1899. 579 с.
28. Тополова О. С. «Описание» как жанровая разновидность светских путевых записок второй половины XVIII века // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2013. № 1 (38). С. 65–72.
29. Фарафонова О. А. Маршруты русских травелогов XVIII века // Русский травелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. С. 261–285.
30. Фризман Л. Г. Иван Киреевский и его журнал «Европеец» // Европеец. Журнал И. В. Киреевского. 1832 / подг. изд. Л. Г. Фризмана. Москва : Наука, 1989. С. 285–479.
31. Шпак Г. В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства // Преподаватель XXI век. 2016. № 2–3. С. 261–267.
32. Шульгун М. Э. Проблема жанровой и мета-жанровой специфики путешествий // Русская литература. Исследования. Сб. науч. тр. Киев, 2012. Вып. 16. С. 141–159.

Reference list

1. Aksakov K. S. Pis'ma iz-za granicy v 1838 godu = Letters from abroad in 1838 / predisl. i primech. G. M. Knjazeva // Kosmopolis. 1898. № 1. S. 72–83.
2. Aksakov S. T. Pis'mo k K. S. Aksakovu ot 10 ijunja 1838 g. = The letter to K.S. Aksakov of 10 June 1838 // OR RGB. F. 3, k. 3, ed. hr. 23-a. 36 l.
3. Annenkova E. I. Pis'ma N. V. Gogolja iz Germanii v kontekste korrespondencij russkih puteshestvennikov pervoj poloviny XIX veka = N. V. Gogol's letters from Germany in the context of Russian travelers' correspondence of the first half of XIX century // Tvorchestvo Gogolja i evropejskaja kul'tura. Pjatnadcatye Gogolevskie chtenija. Sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. Moskva; Vena: Novosibirskij izdatel'skij dom, 2016. S. 50–61.
4. Ginzburg L. Ja. «Zastenchivost' chuvstva». Po povodu pisem ljudej pushkinskogo kruga = «Shyness of feeling». With regard to letters of the people from Pushkin's circle // Krasnaja kniga kul'tury. Moskva: Iskusstvo, 1987. S. 183–188.
5. Ginzburg L. Ja. Jevfemizmy vysokogo (Po povodu pisem ljudej pushkinskogo kruga) = Euphemisms of the high (On letters of the people from Pushkin's circle) // Voprosy literatury. 1987. № 5. S. 199–208.
6. Granovskij T. N. Pis'ma = Letters // Granovskij T. N. Publichnye chtenija. Stat'i. Pis'ma / sost. A. A. Levandovskij, D. A. Cygankov, vstup. st. i komment. V. L. Semigina, D. A. Cygankova. Moskva: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2010. S. 272–431.
7. Guminskij V. M. Problema genezisa i razvitija zhanra puteshestvij v russkoj literature = The travel genre origin and evolution in Russian literature. Moskva, 1979. 24 s.
8. Guminskij V. M. Russkaja literatura puteshestvij v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste = Russian travel literature in the global historical and cultural context. Moskva: IMLI RAN, 2017. 605 s.
9. Zhdanov S. S. Idillicheskiy obraz Germanii v russkom sentimentalizme rubezha XVIII–XIX vekov (na materiale proizvedenij N. M. Karamzina i F. P. Lubjanovskogo) = The idyllic image of Germany in Russian sentimentalism at the turn of XVIII–XIX centuries (based on N. M. Karamzin and F. P. Lubianovsky's works) // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2018. № 2. S. 53–66.
10. Zhdanov S. S. Obraz Germanii v otechestvennykh travelogah rubezha XVIII–XIX vv.: prirodnoe i chelovecheskoe prostranstva (k postanovke problemy) = The image of Germany in Russian travelogues at the turn of XVIII–XIX centuries: natural and human spaces (toward stating the problem) // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser. Filologija. 2017. № 49. S. 168–187.
11. Zhukovskij V. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 16. Pis'ma 1818–1827 godov = Complete works and letters: In 20 vols. V. 16. Letters of 1818–1827. Moskva: Izdatel'skij dom JaSK, 2020. 1152 s.
12. Ivashina E. S. O specifikhe zhanra «puteshestvija» v russkoj literature pervoj treti XIX v. = On specificity of the «travel» genre in Russian literature of the early XIX century // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 1979. № 3. S. 3–16.
13. Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika = Letters of Russian travelers. Leningrad: Nauka, 1984. 717 s.
14. Kireevskij I. V. Pis'ma. 1816–1839 = Letters. 1816–1839 // Kireevskij I. V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t. Sankt-Peterburg: Rostok, 2018. T. 1. S. 183–427.
15. Kozlov S. A. Russkij puteshestvennik jepohi Prosveshhenija = Russian traveler of the Enlightenment era. Sankt-Peterburg: Istoricheskaja illjustracija, 2003. 496 s.
16. Kul'bickaja O. V. Destinacija kak jelement travelogemy: sposoby metaforizacii i osvoenija prostranstva = Destination as an element of the travelogeme: ways of metaphorizing and appropriating space // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 9 (87). Ch. 2. S. 271–275.
17. Kuneus Z. Russkie studenty v berlinskom universitete v 1837–1839 gg. = Russian students at Berlin university, 1837–1839 // Iz istorii russko-nemeckih literaturnyh vzaimosvjazej / pod red. V. I. Kuleshova i V. Fejherherd. Moskva: Izd-vo MGU, 1987. S. 88–96.
18. Lebedeva O. B., Janushkevich A. S. Germanija v zerkale russkoj slovesnoj kul'tury XIX – nachala XX veka = Germany in the mirror of Russian literary culture of XIX – early XX century. Köln: Bohlau Verlag, 2000. 274 s.
19. Morozova N. G. Grani vosprijatija Germanii v kontekste russkoj literatury «puteshestvij» = Aspects of perceiving Germany in the context of Russian «travel» literature // Filologija i chelovek. 2008. № 2. S. 9–17.
20. Morozova N. G. Jekfrasis v russkom traveloge konca XVIII v. = Ecphrasis in Russian travelogues of the late XVIII century // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2007. № 3. Ch. 1. S. 162–165.
21. Nikonova N. E. V. A. Zhukovskij i nemeckij mir = V.A. Zhukovsky and the German world. Tomsk, 2013. 45 s.
22. Penskaja E. N. Travelog kak polilog (Tipologija zhanra v semejnykh memuarah Saliasov – Suhovo-Kobylynyh) = Travelogue as a polylogue (Genre typology in the family memoirs Saliasov – Sukhovo-Kobylyns) // Rossija – Italija – Germanija: literatura puteshestvij. Tomsk: Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 2013. S. 416–465.
23. Ponomarev E. R. Tipologija sovetskogo puteshestvija: «Puteshestvie na Zapad» v literature mezhvoennogo perioda = Soviet travel typology: 'Traveling to the West' in the literature of the interwar period. 2-e, ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGUKI, 2013. 412 s.
24. Roboli T. A. Literatura «puteshestvij» = The «travel» literature // Russkaja proza. Sb. st. / pod red. B. M. Jeihenbauma i Ju. N. Tynjanova. Leningrad: Academia, 1926. S. 42–73.
25. Rozhalin N. M. Otryvki iz chastnykh pisem russkogo puteshestvennika = Excerpts from Russian travelers' private letters // Moskovskij vestnik. 1830. Vyp. 2. S. 296–303.

26. Rudnickaja E. L. Poisk puti. Russkaja mysl' posle 14 dekabnja 1825 goda = Search for the way. Russian thought after December 14, 1825. Moskva : Jeditorial URSS, 1999. 272 s.

27. Sipovskij V. V. N. M. Karamzin – avtor «Pisem russkogo puteshestvennika» = N.M. Karamzin is the author of Letters of a Russian Traveler. Sankt-Peterburg, 1899. 579 s.

28. Topolova O. S. «Opisanie» kak zhanrovaja raznovidnost' svetskih putevyh zapisok vtoroj poloviny XVIII veka = «Description» as a genre variety of secular travel notes of the second half of XVIII century // Vestnik Rjazanskogo gos. un-ta im. S. A. Esenina. 2013. № 1 (38). S. 65–72.

29. Farafonova O. A. Marshruty russkih travelogov XVIII veka = Russian travelogue routes in XVIII century // Russkij travelog XVIII–XX vekov: marshruty,

toposy, zhanry i narrativy. Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2016. S. 261–285.

30. Frizman L. G. Ivan Kireevskij i ego zhurnal «Evropeec» = Ivan Kireevsky and his magazine The European // Evropeec. Zhurnal I. V. Kireevskogo. 1832 / podg. izd. L. G. Frizmana. Moskva : Nauka, 1989. S. 285–479.

31. Shpak G. V. Travelog: poisk universal'noj definicii. Chetyre strategii reprezentacii prostranstva = The travelogue: searching for a universal definition. Four strategies of representing space // Prepodavatel' XXI vek. 2016. № 2–3. S. 261–267.

32. Shul'gun M. Je. Problema zhanrovoj i meta-zhanrovoj specifiki puteshestvij = The issue of genre and meta-genre travel specificity // Russkaja literatura. Issledovanija. Sb. nauch. tr. Kiev, 2012. Vyp. 16. S. 141–159.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_31

EDN: HQZLOA

**«Кризис поступка» героя в русской литературе XIX века
(на материале повести П. Н. Кудрявцева «Флейта»)**

Татьяна Васильевна Швецова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 164500, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6
tavash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>

Аннотация. В статье на материале повести П. Н. Кудрявцева (А. Нестроева) «Флейта» (1839) анализируются причины «кризиса поступка» героя. Поступок героя трактуется в согласии с философско-эстетической концепцией М. М. Бахтина, изложенной во фрагменте «К философии поступка». Выбор текста обусловлен малой изученностью художественного творчества Петра Кудрявцева, а также актуализацией проблемы поступка в современных гуманитарных исследованиях. Целью работы стал анализ образа героя повести «Флейта» и характеристика его поступка. Были выявлены значимые характеристики текста, повлиявшие на зарождение поступка героя: имя, хронотоп, картина мира, природный и мифологический подтекст. Поступок литературного героя как категория анализа вписан в определенный сюжет и философско-исторический контекст. Сюжет повести привычен для массовой литературы 30-х годов XIX столетия. История несбывшейся любви подростка созвучна sentimentalным и романтическим историям, аллегорично восстанавливает ближайший контекст европейской (Ж.-Ж. Руссо, И.-В. Гете) и русской литературы (М. Жукова). Автор изобразил переходное состояние мира – из детства к взрослой жизни. Ретроспективный дискурс повести дает возможность увидеть события с двух точек зрения: с точки зрения ребенка и с точки зрения повзрослевшего повествователя. Мир детства (мир деревни) приближается к райскому состоянию мира. Мир города делает героя несчастным. Временной показатель согласуется с ритмом природы. Душевная драма мальчика развивается весной. Природный пласт раскрывает особенности взаимоотношений героя с окружающим миром. Философская подготовка П. А. Кудрявцева объясняет поиск ответов на «вечные» вопросы за пределами ортодоксальной религии. Место Бога в его философии занимает Природа. Поступок героя повести во многом зависит от того, как реагирует Природа. Особый интерес для исследования представляет совмещение двух пластов текста – мифологического и христианского. В статье показано, что в хронотопе произведения имеется четкая граница между профанным и священным. Вертикальная ориентация пространства повести (расположение дома на склоне горы и гордое, одинокое возвышение крыши над остальными жилищами, даже над храмом) указывает на удаленность обитателей дома от Бога. Хронотоп в исследуемой повести выполняет не только миромоделирующую, но и идентификационную функцию. В вертеровской ситуации герой Кудрявцева оказывается неспособным на поступок.

Ключевые слова: П. Н. Кудрявцев; беллетристика; «Флейта»; литературный герой; «кризис поступка»; М. М. Бахтин; картина мира

Для цитирования: Швецова Т. В. «Кризис поступка» героя в русской литературе XIX века (на материале повести П. Н. Кудрявцева «Флейта») // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 31–40. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_31. <https://elibrary.ru/HQZLOA>

Original article

**The hero's «crisis of action» in the XIX century russian literature
(based on P. N. Kudryavtsev's story «The Flute»)**

Tatiana V. Shvetsova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of literature and the russian language, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, Kapitan Voronin st. 6
tavash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9637-6958>

Abstract. The article analyzes the hero's «crisis of action» in the story *The Flute* (1839) by P. N. Kudryavtsev (A. Nestroyev). The research discusses the action of a literary hero through M. M. Bakhtin's philosophical and aesthetic concept outlined in the work *On the Philosophy of Action*. The reason for choosing this text is that Peter Kudryavtsev's artistic work has been studied insufficiently, and the problem of action has become a topical issue in contemporary humanitarian research. This work aims to analyze the image of the hero in *The Flute* and characterize his actions. The author identifies significant characteristics of the text that influence the origin of the hero's action: name, chronotope, picture of the world, natural and mythological subtext. The literary hero's action as a category of analysis is integrated into a particular plot and philosophical historical context. This story is common for the mass literature of the 1930s. The story of a teenager's unfulfilled love is consonant with sentimental and romantic stories, alluding directly to the context of European (J.-J. Rousseau, J.-W. Goethe) and Russian (M. Zhukova) literature. The writer showed the transitional state of the world – from childhood to adulthood. The retrospective discourse of the story makes it possible to see the events from two points of view: from the point of view of a child and that of a grown-up narrator. The world of childhood (the world of the countryside) is close to a worldly paradise. The world of the city makes the hero unhappy. The time indicator is consistent with the rhythm of Nature. The boy's emotional drama unfolds in the springtime. The theme of nature reveals the hero's relationship with the world around him. P. A. Kudryavtsev's philosophical education explains the search for answers to «eternal» questions outside the orthodox religion. Nature takes the place of God in his philosophy. The hero's action in the story depends largely on how Nature responds. Particularly interesting for the research is juxtaposition of the two textual layers – mythological and Christian. The article shows that the literary chronotope has a clear boundary between the profane and the sacred. The vertical orientation of the story's space (the location of the house on the mountainside and the proud, solitary elevation of the roof over the rest of the dwellings, even over the temple) indicates the remoteness of the inhabitants from God. The chronotope in the story under research fulfills not only a world-modeling function, but also that of identification. In the Wertherian situation, Kudryavtsev's hero is incapable of action.

Key words: P. N. Kudryavtsev; fiction; *The Flute*; literary hero; «crisis of action»; M. M. Bakhtin; picture of the world

For citation: Shvetsova T. V. The hero's «crisis of action» in the XIX century russian literature (based on P. N. Kudryavtsev's story «*The Flute*»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):31–40. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_31. <https://elibrary.ru/HQZLOA>

Введение

Впервые в гуманитарной науке о «кризисе поступка» заговорил М. М. Бахтин [Бахтин, 2003, с. 7–68], понимая под «кризисом» разлад между мотивом поступка и его продуктом. В своей работе «К философии поступка» ученый эксплицирует связь поступка и мира, рассматривая поступок как «категорию действенного приобщения бытию, участно-действенного переживания конкретной единственности мира» [Бахтин, 2003, с. 17]. Поступок неизменно доказывает присутствие и значимость человека в мире, в котором он рождается, живет и умирает. «План мира» есть глобальный замысел о мире, его архитектора. Он включает следующие компоненты: теоретический мир; действительный мир; мир науки; мир культуры; мир эстетического видения (мир искусства); мир, создаваемый поступком; мир, в котором поступок ответственно себя осознает и совершается. «Ни теоретическая мысль, ни эстетическая интуиция не знают, какова настоящая жизнь, реальное бытие-событие» [Бахтин, 2003, с. 21], – пишет М. М. Бахтин. Только поступок дает основание убедиться в том, что человек существует в реальном мире, творит и трансформирует его. Ключевая смысло-

вая пара в философско-эстетической системе мыслителя – это «план мира» и «план поступка».

В эстетической сфере бахтинская формула «план мира» соотносится с понятием «картина мира», или «образ мира». Следовательно, поступок литературного героя – маркер, определяющий положение героя в картине мира. Согласно Н. И. Николаеву [Николаев, 2012, с. 100], особый статус литературного героя художественного произведения определен тем, что, в отличие от иных персонажей, именно он является непосредственным центром исхождения поступка.

Ряд ученых квалифицируют XIX столетие как эпоху безгеройную (Л. М. Лотман [Лотман, 1981, с. 585–601], Б. И. Бурсов [Бурсов, 1977, с. 361], Г. Д. Гачев [Гачев, 1981, с. 109] и др.). Литература «натуральной школы», вышедшая на авансцену в сороковые годы XIX века, становится сознательно дегероизированной в своем эпическом значении. «Безгеройная» эпоха сгенерировала кризис, связанный с поступком героя. Применительно к русской литературе 40-х годов XIX столетия мы в одной из своих публикаций освещали вопрос о «кризисе поступка» [Nikolaev, Shvetsova, 2017, с. 449–462]. Другой причиной кризиса стал переходный характер самой эпохи сороковых годов XIX века. Как известно, на указанный исторический момент приходится слом

эстетических систем – переход от романтизма к реализму [Николаев, 2000], поиск новой поэтики, новых художественных форм, способных дать ответ на вопрос: кто он – герой русской литературы, и как его описывать?

Материалы и методы работы

В данной статье представлена попытка анализа дебютной повести П. Н. Кудрявцева в аспекте вопроса о «кризисе поступка» литературного героя. Для анализа мы используем подходы «интегральной поэтики», охватывающие биографический и культурно-исторический методы, а также метод комментирования и интерпретации текста. «Интегральная поэтика» [Петривная, Июльская, 2019, с. 53–65] – способ научной интерпретации с помощью синтеза разноуровневых компонентов художественного текста в единую модель.

«Флейта» П. Н. Кудрявцева была напечатана в журнале «Московский наблюдатель» (1839). Публикация текста вызвала многочисленные отклики современников. Направление литературно-критического дискурса оформилось при посредничестве Н. Г. Чернышевского [Чернышевский, 1947, с. 489], А. В. Кольцова [Кольцов, 1836], В. Г. Белинского [Анненков, 1983, с. 268], и маятник оценок повести сильно колебался. «„Кудрявцев наделен самым тонким чутьем для изящного, – говаривал Белинский, – и если ему что-нибудь нравится, так это действительно должна быть хорошая вещь...“», – пишет И. В. Панаев в своих воспоминаниях [Панаев, 1860]. Н. Н. Скотов заметил, что позднее В. Г. Белинский осознал, почему «Флейта» не так уж хороша [Скотов, 1983].

То, что для современников было знаком несамостоятельности или эстетической неполноты, в актуальном исследовательском пространстве становится бесценным свидетельством рефлексии, требующим фиксации и расшифровки [Козлов, 2017, с. 177]. По утверждению А. И. Рейтблата, повести Кудрявцева входили в список широко читавшихся произведений в 40-е годы XIX века [Рейтблат, 2009]. Следовательно, в домашних библиотеках массового читателя сочинения Кудрявцева занимали определенное место, формируя дихотомию «классика / беллетристика». Давно отмечено, что стиль П. Н. Кудрявцева-Нестроева (А. Нестроев – журнальный псевдоним автора) близок стилю И. С. Тургенева [Габель, 1927, с. 115–150]. Отдельные элементы поэтики Кудрявцева войдут в писательский ар-

сенал Тургенева: встреча как прием, тема страсти, мотив сна, инструменты описания пейзажа. М. Вайскопф отмечает психологическую чуткость и тему музыкального зова в повести, а также намечает мифологическую линию в произведении, установив параллель между героем Кудрявцева и Паном [Вайскопф, 2012].

О теме магической силы красоты рассуждает другой исследователь: «Иногда красота обладает „магической силой, заставляющей героя утонуть в „потоке блаженства“». Итак, красота – божественная сила, и понятие это легло в основу определенного эстетического канона женской натуры» [Давидович, 1927, с. 91].

Н. П. Плечова [Плечова, 2016] применительно к данной повести Кудрявцева рассматривает идиллический топос. Прозаик демонстрирует несомненную принадлежность топосов идиллического пространства к национальной концептосфере: детство, деревня, усадьба, озеро, семья, где герой не чувствует себя абсолютно счастливым. Идиллия коррелирует с руссоистскими мотивами недостижимости гармонии в пределах земного существования. Изображение столкновения городской жизни и сельского быта приводит к невозможности сохранения идиллии. Так, персонаж у Кудрявцева страдает из-за несбывшихся надежд на взаимную любовь и неоправданного гнева со стороны отца, но при этом все повествование пронизано темой счастья.

Таким образом, литературоведы, обращаясь к повести «Флейта», исследуют мотивную структуру текста, ее мифопоэтический контекст, описывают идиллическое пространство, обращают внимание на черты романтизма, в изобилии представленные в текстах П. Н. Кудрявцева. Однако в сферу внимания исследователей вопрос о герое П. Н. Кудрявцева еще не входил.

С одной стороны, герой повести, Коля, выполняет функцию повествователя: от его имени излагаются события, выстраивающие сюжет. С другой стороны, он непосредственный участник случившегося. Поведение Коли родные называют ни много ни мало – «поступок». Этим он нам и интересен.

Результаты исследования. Условия формирования поступка героя.

Характеристика героев повести «Флейта»

Имена героев повести выбраны неслучайно. Личное имя – всегда знак принадлежности к определенному кругу и миру. Существует мнение, что имя Николай произошло от «коло», что

обозначает в русском языке не только круг: «Коло – это ось мира, кол, вокруг которого все вертится – в том числе и звезды. То есть коло – это центр вращения... с точки зрения древних традиций и само солнце есть лишь символ подлинного „Центра Мира“, которым является Божественный Принцип» [LiveInternet.ru, 2011]. Коляда (одна из форм имени Никола, Коля) – славянский праздник зимнего солнцеворота и одноименный бог.

Возможно, имя славянского бога Кудрявцев дал своему герою для того, чтобы подчеркнуть значение вращения, возвращения. По сюжету ребенок обретает качества мужчины в лесу, в деревне, куда он стремится после зимы, проведенной в Москве. Рядом с ним девушка по имени Софья, семантика которого прозрачна: премудрость. «Софийность» есть некий гармонический лад вещей, принцип закономерности и сообразности, невыразимость, «универсальная связь мира», противостоящая «несофийным» тенденциям вражды, хаоса, распада [История русской филологии...].

Думается, неслучайно первая встреча Коли с Софьей происходит при таких обстоятельствах: «Но едва успел я выполнить несколько мест третьего приема, как легкий шорох позади заставил меня оборотиться. Что-то белое мелькнуло с той стороны, где пролегалa дорога» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. С помощью неопределенного местоимения и звукового образа, предвосхищающего визуальное появление, усиливается семантика невыразимости в этой сцене.

С появлением Софьи жизнь Коли наполняется ощущением счастья и блаженства – оно возникает при одном лишь приближении девушки. Лексема «счастье» настойчиво вводится в текст: «К счастью, надежда скорого отъезда не переставала еще меня манить», «в какой-то счастливый час день отъезда был решен окончательно» [Кудрявцев, 1866, с. 112]. Однако в деревне его и ожидает печальное известие о том, что Софья Павловна помолвлена с ротмистром: «...мне не хотелось смотреть на свет Божий, мне хотелось бы, чтобы все вдруг покрылось тьмою...» [Кудрявцев, 1866, с. 113].

Когда мальчик узнает от сестры, что его муза выходит замуж, он отправляется в церковь в страшную непогоду: «День был суровый и пасмурный. От самого утра угрюмые серые облака неровными грядами ходили по небу и поминутно орошали землю крупным дождем, который не раз оканчивался совершенным проливнем <...>

Несмотря ни на какие препятствия, я решился быть там, во что бы то ни стало. Ни за какие обеты в мире не согласился бы я отказаться от своего намерения» [Кудрявцев, 1866, с. 115–116]. О церкви говорится как об атрибуте сельского ландшафта, не более того. Обращает на себя внимание твердость выбора, решимость и бесстрашие подростка. Коля пришел в храм и любовался Софьей, стоящей у алтаря, восторгался ее красотой: «Но, Боже мой, как она была мила в эти минуты, когда вместе с теплою молитвой, кажется, вся душа ее отразилась на лице!.. Глаза, воздетые к небу, были увлажнены слегка наворачившимися слезами, между тем как все черты ее сияли кроткою, небесною радостью» [Кудрявцев, 1866, с. 116]. При этом он понимает, что поступает неправильно: «С робостью человека, который идет не совсем прямой дорогой, вошел я во внутренность храма, и чтобы не быть более никем замеченным, выбрал себе самое темное место» [Кудрявцев, 1866, с. 116]. Все его внимание сосредоточено на ней: «тогда, кажется, будто все лучи очаровательной красоты ее сосредоточились на мне как в фокусе» [Кудрявцев, 1866, с. 117]. И его пронзает дерзкая мысль, «как цветок среди снежной равнины, как звезда среди белого дня»: «Что если б я?» [Кудрявцев, 1866, с. 117], «огнем мужским закипела вся душа моя». На мгновение он пожелал встать на место жениха и вернуть отнятую у него мечту. «В самом деле, никогда еще мое одиночество не было для меня так чувствительно; только эта безчувственная природа, кажется, и понимала меня и дружно вторила мне своими дикими воплями...» [Кудрявцев, 1866, с. 117]. Подросток с флейтой в руках ищет спасения от своих мыслей не в храме, он бежит в страшный лес в непогоду.

Космос пребывания Коли с потерей возлюбленной Софьи утрачивает свой смысл, свою душу; мир распадается. Коля пытается вернуть тот мир, в котором когда-то чувствовал себя счастливым и неодиноким, мир, наполненный гармонией, красотой и любовью. В этом послыше прочитывается готовность к совершению поступка. Утратив возлюбленную, юноша, в отличие от Вертера Гете, не пытается свести счеты с жизнью, он остается в своем маленьком мире.

Сюжет повести «Флейта»

Сюжет повести «Флейта» достаточно прост – его можно рассматривать среди сюжетов о несостоявшейся любви [Буяновская, Хамитов, 2017]. Подросток-музыкант безнадежно влюблен в по-

другу своей старшей сестры. Но та выходит замуж, и он, сидя в роще, скорбной мелодией оплакивает ее отъезд. Влюбленность мальчика и его страдания отдаленно напоминают то, что переживал Вертер у Гете. Немецкий автор на примере судьбы юного Вертера показал, что путь любящего сердца – не всегда есть путь к счастью, это и путь к смерти.

Главный герой предстает в двух ипостасях: взрослый мужчина и он же – двенадцатилетний мальчик, воспитываемый отцом. Кудрявцев использует ретроспективный дискурс, который позволяет рассматривать повесть как биографическую. Канва повествования представляет собой собрание эпизодов из ранней юности диегетического повествователя. Перед нами не классическая автобиография, в которой наблюдается «тенденция к идеализации периода детства в жизни человека (метафорика „райского сада“, „золотого века“ и т. д.)» [Бондарева, 2006, с. 69–74], – пишет современная исследовательница. Тем не менее отдельные компоненты идиллического топоса в тексте актуализируются.

В начале текста присутствует константа счастья и акцентировано внимание на состоянии междувременья: «Вы знаете этот счастливый возраст, который можно назвать переходом от детства к юности, период расцветания жизни, когда у нас почти нет еще прошедшего, и едва приходит на ум заглядывать в будущее» [Кудрявцев, 1866, с. 100].

«Люблю перенестись иногда мыслью в эту золотую пору моей жизни, люблю освежиться, помолодеть на минуту в этом маленьком мире воспоминаний» [Кудрявцев, 1866, с. 101]. Большой мир противопоставляется малому – миру воспоминаний. Два этих мира имеют возможность соприкосновения, взаимопроникновения посредством сна и различных намеков. Звуки флейты – один из таких путей. В авторской подаче это выглядит так: «Но едва перенесешься, как начинаешь жалеть, что запас их так ограничен и что сверх того в этом тесном кругу есть столько пробелов. Смотри в туманную даль будущего, можно по крайней мере распространять там какую-нибудь одну любимую мысль: а в истории минувшего надобно еще отыскивать одну постоянную идею. Но как прикажете? Чем дальше идешь назад по пройденному, или, лучше, по прожитому пути, тем упрямее становится память; наконец останется что-то неопределенное как видение, что-то смутное как сон!... да, как сон, который вдруг обставит вас всеми декорациями, так что вы

очень хорошо чувствуете себя в том или в другом положении, и не можете объяснить себе, откуда эта длинная перспектива. Нить воспоминаний беспрестанно прерывается; иногда, как оазисы в пустыне, мелькают счастливые положения, заманчивые картины; но общее почти неуловимо, и представляется в каком-то отрывочном виде...» [Кудрявцев, 1866, с. 101]. Сон – пограничное состояние между двумя мирами, инструмент проникновения в мир иной. Через сон потустороннее проникает в человеческую реальность. Во сне очевидна пунктирность мысли, прерывание потока воспоминаний, неопределенность того, что видится. В приведенном фрагменте автор нагнетает эти смыслы.

Семантика неопределенности навязывается автором в тексте: «Как-то около этого времени, может быть, несколько ранее или позже, в нашем однообразном семейном быту произошла небольшая перемена по случаю приезда сестры, только что вышедшей из института», «в голове моей глубоко заронился один случай, который относится именно к началу наших связей», «случалось, что батюшка, рассерженный ли негодяем управителя, или от припадка мизантропии, был чрезвычайно не в духе» [Кудрявцев, 1866, с. 104]. «Что-то белое мелькнуло с той стороны, где пролегалась дорога» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Случайность живет в субъективных переживаниях «смертного» человека, неспособного постичь сакральный миропорядок. Случайное пространство – мир, в котором нет божественной определенности.

Стержень сюжета организует мотив возвращения. Молодой герой покидает деревню и возвращается в нее. Ритмичность смены времен года, дня и ночи, света и тьмы задает движение сюжета.

Имеет место удвоение сцен в повести: герой встречает девушку дважды в одном и том же лесу, на том же месте, при разных обстоятельствах.

Смысловой центр повести составляет имплицитное описание обряда инициации: «Я был в том состоянии перехода от тревожного, смутного сна к обычной реальности, когда исполинские, но малораздельные образы разгоряченной фантазии меркнули перед мелочными, но резко очерченными предметами дневного света...» [Кудрявцев, 1866, с. 118].

Во «Флейте» реконструируется «инициатическая трансмиссия» (Р. Генон [Генон, 2003]), суть которой заключается в возвращении человека в «райское» состояние до грехопадения. Это ми-

стический опыт, предполагающий обретение сакрального знания через соприкосновение со смертью и ее преодоление. Мальчик после случившегося изменился, на что обратили внимание окружающие: «...я видел лица, и едва умел различать их выражение; я слышал звуки, но редко проникал в их значение: люди и предметы мелькали передо мною как тени, я не думал останавливать их, спокойно провожая глазами. Батюшка привык наконец к моим „странностям“, и, все объясняя себе моим мечтательным характером, оставлял меня в покое» [Кудрявцев, 1866, с. 118–119]. Процесс преобразования выражается на уровне передвижения героя в день последней встречи с Софьей Павловной: «Ближе ко мне, почти под прямым углом, спадала с нее небольшая извилистая дорожка, которая вела прямо от нашего дома <...>, а на дальнем конце его чуть белелся купол нашей приходской церкви. Я расположился на самой вершине холма, в десяти шагах от дороги, и погрузил взоры свои в неясную даль» [Кудрявцев, 1866, с. 120]. Если в начале повести он передвигается только в горизонтальном направлении, то в последнем эпизоде взбирается на холм и смотрит на происходящее сверху вниз.

Хронотоп в повести «Флейта»

Пространство картины мира в начале повести организовано описанием летнего домика, так же, как позже у П. Кудрявцева в повести «Последний визит», у Н. Некрасова в романе «Мертвое озеро», у И. Тургенева в очерке «Гамлет Щигровского уезда»: «Он стоял на скате небольшого холма, позади скромной деревеньки, гордо выставляя крашеную крышу свою над ее соломенными крышами; прямо перед ним, в глубокой ложбине, стлалось чистое озеро, теряясь вправо узким концом своим в глуши старого ельника» [Кудрявцев, 1866, с. 101]. Дом находится на пересечении пространственной горизонтали и пространственной вертикали, которые при наложении образуют крест. Как известно, крест – солярный символ. «Мы воротились в деревню, когда солнце совершило уже летний поворот свой» [Кудрявцев, 1866, с. 112], – размышляет юный герой. День летнего солнцестояния – славянский праздник, самый длинный день в году. Приходится на 21 июня. Если герой возвращается в деревенский домик после этой даты, соответственно, день идет на убыль, ночь становится длиннее и принимает мир в свои объятия.

Примечательно, что второе светило – Луна – покровительствует природной стихии, лесу и озеру, пространству дикому, в котором человек чувствует себя неуверенно. Образ луны оформляет сакральное пространство и ассоциируется с женским началом.

Именно бледный свет луны привлекает в летний домик гостей, что очень радует юного хозяина. Такими лунными вечерами во время глубокого сна природы совершаются длительные прогулки по озеру. В водном пространстве Коля и его спутники чувствуют себя зачарованными. Здесь, на озере, – мертвая тишина и покой, сон. Вода отделяет их от другого мира, где раздаются «голоса забостонных игроков».

В картине мира Кудрявцева, преклонявшегося перед идеями Мартина Лютера и вдохновляемого его судьбой, место Бога вытесняет другое божество – Природа. В тексте неоднократно подчеркивается слитность мальчика и природы: «Смело разлилась моя песня в темном бору, задробила трелью соловьиною и тихо откликнулась мне издали, как дружеский голос на чужой стороне. Будто лес заговорил со мной, будто деревья протягивали ко мне ветви свои, чтобы слушать песню мою...» [Кудрявцев, 1866, с. 105]; лес говорит с мальчиком, песня сливается со звуками леса – «бор откликнулся», «деревья протягивали ветви ко мне»; «А природа, немая, безгласная природа? Раскаленный шестимесячным зноем песок пустыни не с такою жадностью впивает в себя капли дождя, с какою поглощала она эти одинокие звуки...» [Кудрявцев, 1866, с. 110]. Повесть задает представление о тождестве всего живого. В поэтической картине мира «Флейты» подросток не выделен из мира природы и не испытывает чувства экзистенциальной тревоги наедине с ней. В то же время природа определяется как безгласная, бесчувственная. Эпитеты близки тому, что произнесет позже герой лирической миниатюры И. С. Тургенева: «Она немая, она без слов, она сама себя не понимает – но я ее понимаю» («Собака»). Перечисленные определения вполне укладываются в концепцию мира, разработанную Блезом Паскалем. Основная паскалевская идея, пришедшая по душе русским художникам слова в 40-е годы XIX века, – идея родства человека и природы. Пугающее молчаливое пространство – это не просто физическое молчание, но молчание смысловое. Картина мира Паскаля есть картина мира Нового времени, которую М. Хайдеггер называл «временем картины мира» [Панкрать-

ев...]. Мир эпохи Паскаля стал картиной, утратил ту беспредельность, которая была характерна для него во времена Ренессанса. Картина есть то, что дано познающему взору во всей исчерпанности. Мир, ставший картиной и открытый для познания, оказался закрытым для Бога. Христианский Бог сокровенен. Отсутствие Бога в мире заставляет искать его в других местах. Природа не может привести серьезных доводов в пользу существования Творца. Возможно, учение Паскаля о сокровенности Бога хорошо ассимилировалось в сознании автора повести «Флейта», получившего образование в семинарии.

В варианте Кудрявцева природа – незримый страж, оберегающий свое детище – человека: «старые ели, как окаменелые великаны, стояли настороже по берегу и далеко бросали тень свою на побережье» [Кудрявцев, 1866, с. 109].

Локус леса

Подросток оказывается в лесу дважды. Первая сцена выстроена с таким аккомпанементом: «...я тихо поплелся лесом, придерживаясь просеки, которая вела к селу. <...> Кругом была тишь и глушь; ни одна вечерняя птичка не смущала угрюмой дремоты леса своей песней. Здесь, под наитием этого торжественного безмолвия, сердце как бы поуспокоилось, прежняя мятежная тоска сменилась тихой грустью; я схватился за флейту и начал какую-то русскую песню. <...> Будто лес заговорил со мной, будто деревья протягивали ко мне ветви свои, чтобы слушать песню мою...» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Лес – традиционно локус, в котором происходил обряд инициации, перехода, «символической смерти», когда мальчик становится мужчиной.

В лесу мальчик играет на флейте, «расположившись под старой елью, шагах в десяти от дороги» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Старая ель – образ, восходящий к мифу (это пространственный образ, выстраивающий мир по вертикали, аналог Мирового дерева). У подножия ели мальчик «начал играть какую-то русскую песню» [Кудрявцев, 1866, с. 105]. Душевное состояние ребенка оформляет русская песня.

Локус церкви

В тексте повести структурируется картина мира, в которой место Создателя не вербализовано. Церковь – вместилище творца описана так: «Влево от озера, в глубине широкой просеки, виднелась старинная приходская церковь, немного заслоненная крылом большого господско-

го дома, который своим уединенным положением и своею угрюмостью часто манил мое детское любопытство...» [Кудрявцев, 1866, с. 102]. В иносказательном подтексте формируется идея десакрализации мира, в котором человек ставит себя выше Бога, не испытывает священного трепета перед высшими силами.

Автор противопоставил мир хаоса и космоса, язычества и христианства. Историк и философ П. Н. Кудрявцев в своей первой повести изобразил бытие мира в переходный момент, когда картина мира начинает обретать статус антропоцентричной. Это состояние – отделение от детства (мифа) и переход во взрослую жизнь (христианство).

Для героя мифа не возникает вопрос выбора, т. к. все в мире возвращается на круги своя. Христианская мифология поставила в круг человека, который имеет возможность личностного выбора. С христианского мифа начинается самосознание человека, и в этом его трагедия. Человек отделился от природы и начал думать, анализировать происходящее вокруг, ставить вопросы. Такой переход от языческого мифа к мифу христианскому зафиксировал Кудрявцев: в тексте совмещаются два пространства – профанное и сакральное. Коля постоянно находится на пересечении этих пространств. Временной показатель в повести подчинен природному ритму: лето, суровая осень, зима, весна.

Через приобщение к античному мифу о Пане автор показал способ постижения человеком себя и мира. П. Н. Кудрявцев – сын священника, выпускник духовной семинарии, человек, которому «страх Божий внушен был с самого первого возраста» [Кудрявцев, 1991, с. 207–209]. Профессор философии, обучившийся этой науке в Германии на занятиях у Шеллинга, Риттера, Ранке, он увидел в Реформации «десакрализацию христианства как результат усвоения им (христианством) идей гуманизма» [Едошина, 2018, с. 270]. Автор оставался, подобно Мартину Лютеру, человеком глубоко религиозным, но ищущим другого христианства; его убеждения рождали новый взгляд на мир и место человека в нем. Он поставил в центр мироздания человека, «сменив средневековую вертикаль устройства мира на ренессансную горизонталь», – пишет И. А. Едошина [Едошина, 2018, с. 273].

Тяготение к мифологии у Кудрявцева, видимо, не просто дань романтической поэтике. Русская славянская мифология ориентирована на культ героев. Мифология героя – то, чего не хва-

тало русской литературе в рассматриваемый период. Велика была потребность в герое, способном на свершение поступка.

Заключение

В. Г. Белинский высоко оценил одну из первых повестей П. Н. Кудрявцева, поскольку он увидел в ней мир, не утративший чувства волшебства и сказочности, не «расколдованный» (в терминологии Макса Вебера).

Неслучайно основной действующий персонаж в повествовательном центре сюжета «Флейты» – 12-летний мальчик. Ребенок реагирует на мир, наполненный Божественной силой. Мир, созданный Богом, есть таинство. Детское восприятие рисует сакральный мир. Мир взрослого не наполнен тайной, он обытовлен. В десакрализованном мире поступок утрачивает свое ценностное значение.

В картине мира, описанной П. Н. Кудрявцевым в повести «Флейта», «поступок» героя неочевиден, заложена лишь попытка его свершения. Автор, может быть, неосознанно показывает картину мира, где Божественная воля никак себя не проявляет, поступок как способ приобщения к миру (в том значении, о котором пишет М. М. Бахтин) становится не нужен. Русская литература приходит к «кризису поступка». Этот «кризис» будет преодолен с приходом классического русского романа.

Библиографический список

1. Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Литературные воспоминания / вступ. статья В. И. Кулешова; коммент.: А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. Москва : Художественная литература, 1983. (Серия литературных мемуаров). Гл. XXVIII. С. 268. URL: https://imwerden.de/pdf/annenkov_literaturnye_vospominaniya_1983 (дата обращения: 21.04.2023).
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Собрание сочинений : в 7 т. / Ин-т мировой литературы им. М. Горького Российской акад. наук. Москва : Русские словари : Языки славянской культуры, 2003. Т. 1 : Философская эстетика 1920-х годов. С. 7–68.
3. Бондарева Л. М. К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. № 2 : Филологические науки. С. 69–74.
4. Бурсов Б. И. Национальное своеобразие русской литературы. Москва, 1977. 395 с.
5. Буяновская В. И. «Невытанцовавшая любовь» в русских повестях 1840-х годов: накануне психологического романа / В. И. Буяновская, М. Р. Хамитов // Новое литературное обозрение. 2017. URL: <https://publications.hse.ru/articles/198627318> (дата обращения: 21.04.2023).
6. Вайскопф М. Влюбленный демиург. Метафизика и эротика русского романтизма / ред. А. Ранчин. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 696 с. (Научная библиотека).
7. Габель М. О. «Три встречи» Тургенева и русская повесть 30–40-х годов XIX века // Русский романтизм : Сборник статей / под ред. А. И. Белецкого. Ленинград : Academia, 1927. С. 115–150. (Материалы и исследования по истории русской литературы XIX-го века; I). URL: https://imwerden.de/pdf/russky_romantizm_sbornik_state_j_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (дата обращения: 21.04.2023).
8. Гачев Г. Д. Образ в русской художественной культуре. Москва : Искусство, 1981. 246 с.
9. Генон Р. Символика и философия // Заметки об инициации. [Б. м.] : Прогресс-Традиция, 2003. Гл. XVIII. URL: https://royallib.com/read/genon_rene/zametki_ob_initsiatsii.html#0 (дата обращения: 21.04.2023).
10. Давидович М. Г. Женский портрет у русских романтиков первой половины XIX века // Русский романтизм : Сборник статей / под ред. А. И. Белецкого. Ленинград : Academia, 1927. С. 88–114. (Материалы и исследования по истории русской литературы XIX-го века; I). URL: https://imwerden.de/pdf/russky_romantizm_sbornik_state_j_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (дата обращения: 21.04.2023).
11. Едошина И. А. П. Н. Кудрявцев – исследователь Гуманизма и Реформации в Германии // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 1. С. 269–274.
12. Значение имени Николай // LiveInternet.ru. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3469412/post146899571/> (дата обращения: 21.04.2023).
13. История русской философии. Лекция 11. Софиология после В. С. Соловьева : презентация // Московский государственный институт международных отношений, Кафедра философии им. А. Ф. Шишкина. URL: https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_ppp/nbr_ppp_istoriya_russkoy_filosofii/nbr_irf11_sofiologiya.pptx (дата обращения: 21.04.2023).
14. Козлов А. Е. О диахроническом изучении истории русской беллетристики XIX века // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7, № 2. С. 177–188.
15. Кудрявцев П. Н. Гуманизм и Реформация в Германии // Лекции. Сочинения. Избранное / сост. С. А. Асиновская, примеч. Т. Д. Сергеевой. Москва : Наука, 1991. С. 207–209. (Серия «Памятники исторической мысли»).
16. Кудрявцев П. Н. Повести и рассказы : в 2-х ч. Часть I // Сочинения. Москва : Унив. тип. (Катков и К°), 1866. С. 100–121.

17. Лотман Л. М. Натуральная школа и проза начала 1850-х гг. // История русской литературы : в 4 т. / Академия наук СССР, Ин-т русской литературы ; ред. Е. Н. Купреянова. Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1981. Т. 2 : От сентиментализма к романтизму и реализму. Гл. 22. С. 580–634.
18. Николаев Н. И. К вопросу об уточнении понятия «литературный герой» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 3. С. 100–104.
19. Николаев Н. И. Русская литературная трагедия. Вторая половина XVIII – первая половина XIX века : учебное пособие для спецкурса / М-во образования Рос. Федерации, Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2000. 116 с.
20. Панаев И. И. Воспоминания о Белинском (15 января 1860 г.). Часть 4 // Проект Культура Советской России. URL: http://obelinskom.ru/ob_avtore/365-4.html (дата обращения: 21.04.2023).
21. Панкратьев О. В. Паскаль и картина мира. URL: <http://comenius8.narod.ru/conferens/kozyrev/pankratiev.htm> (дата обращения: 21.04.2023).
22. Петривняя Е. К. Интегральная поэтика повести А. С. Пушкина «Метель» / Е. К. Петривняя, Е. Г. Июльская // Русский язык в Армении. 2019. № 2 (111). С. 53–65.
23. Письмо А. В. Кольцова к В. Г. Белинскому по поводу повести «Флейта» (3 марта 1836 г. Питер) // ВикиЧтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/294845> (дата обращения: 21.04.2023).
24. Плечова Н. П. Идиллическое в прозе П. Н. Кудрявцева («Флейта», «Недоумение», «Отрывок») // Pskgu.ru. URL: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt141/wt141_23 (дата обращения: 21.04.2023).
25. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. Москва : Новое лит. обозрение, 2009. 448 с. (Historia Rossica).
26. Скотов Н. Н. Кольцов // TheLib.Ru : электронная библиотека. URL: https://thelib.ru/books/skatov_nikolay_nikolaevich/kolcov-read-15.html (дата обращения: 21.04.2023).
27. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 15 т. / под общ. ред. В. Я. Кирпотина, Б. П. Козьмина, П. И. Лебедева-Полянского [и др.] ; подготовка текста и коммент.: Н. М. Чернышевской; ред. текста: С. С. Борщевского. Москва : Гослитиздат, 1947. Т. III. 884 с.
28. Nikolaev N. I. «Crisis of action» of the Russian literary character in literary discourse / N. I. Nikolaev, T. V. Shvetsova // Man in India. 2017. Vol. 97. № 10. P. 449–462.
29. vospominaniya / vstup. stat'ja V. I. Kuleshova; komment.: A. M. Dolotovo, G. G. Elizavetinoj, Ju. V. Manna, I. B. Pavlovoj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1983. (Serija literaturnyh memuarov). Gl. XXVIII. S. 268. URL: https://imwerden.de/pdf/annenkov_literaturnye_vospominaniya_1983 (дата обращения: 21.04.2023).
30. 2. Bahtin M. M. K filosofii postupka = On the philosophy of action // Sbornik sochinenij : v 7 t. / In-t mirovoj literatury im. M. Gor'kogo Rossijskoj akad. nauk. Moskva : Russkie slovari : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. T. 1 : Filosofskaja jestetika 1920-h godov. S. 7–68.
31. 3. Bondareva L. M. K probleme organizacii tekstovogo prostranstva v nemeckojazychnom avtobiograficheskom diskurse = To the problem of organizing textual space in German autobiographical discourse // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. 2006. № 2 : Filologicheskie nauki. S. 69–74.
32. 4. Bursov B. I. Nacional'noe svoeobrazie russkoj literatury = National identity of Russian literature Moskva, 1977. 395 s.
33. 5. Bujanovskaja V. I. «Nevytancovavshajasja ljubov'» v russkikh povestjah 1840-h godov: nakanune psihologicheskogo romana = «Failed love» in Russian narratives of the 1840s: on the eve of the psychological novel / V. I. Bujanovskaja, M. R. Hamitov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. URL: <https://publications.hse.ru/articles/198627318> (дата обращения: 21.04.2023).
34. 6. Vajskopf M. Vljublennyj demiurg. Metafizika i jerotika russkogo romantizma = Demiurge in love. Metaphysics and eroticism of Russian Romanticism / red. A. Ranchin. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 696 s. (Nauchnaja biblioteka).
35. 7. Gabel' M. O. «Tri vstrechi» Turgeneva i russkaja povest' 30-40-h godov XIX veka = Turgenev's Three Encounters and the Russian narrative of the 1830s-1840s // Russkij romantizm : Sbornik statej / pod red. A. I. Beleckogo. Leningrad : Academia, 1927. S. 115–150. (Materialy i issledovaniya po istorii russkoj literatury XIX-go veka; I). URL: https://imwerden.de/pdf/russky_romantizm_sbornik_statej_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (дата обращения: 21.04.2023).
36. 8. Gachev G. D. Obraz v russkoj hudozhestvennoj kul'ture = Image in Russian literary culture. Moskva : Iskusstvo, 1981. 246 s.
37. 9. Genon R. Simvolika i filosofija = Symbols and philosophy // Zametki ob iniciacii. [B. m.] : Progress-Tradicija, 2003. Gl. XVIII. URL: https://royallib.com/read/genon_rene/zametki_ob_initsiatii.html#0 (дата обращения: 21.04.2023).
38. 10. Davidovich M. G. Zhenskij portret u russkikh romantikov pervoj poloviny XIX veka = Women's portrait in Russian Romantics' work in the first half of XIX century // Russkij romantizm : Sbornik statej / pod red. A. I. Beleckogo. Leningrad : Academia, 1927. S. 88–114. (Materialy i issledovaniya po istorii russkoj literatury XIX-go veka; I). URL:

Reference list

1. Annenkov P. V. Zamechatel'noe desjatiletie. 1838–1848 = A remarkable decade. 1838-1848 // Literaturnye

«Кризис поступка» героя в русской литературе XIX века (на материале повести П. Н. Кудрявцева «Флейта»)

https://imwerden.de/pdf/rusky_romantizm_sbornik_state_j_pod_red_beletskogo_academia_1927_text (data obrashhenija: 21.04.2023).

11. Edoshina I. A. P. N. Kudrjavcev – issledovatel' Gumanizma i Reformacii v Germanii = P. N. Kudrjavcev – researcher of Humanism and Reformation in Germany // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 1. S. 269–274.

12. Znamenie imeni Nikolaj = The meaning of the name Nikolai // LiveInternet.ru. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3469412/post146899571/> (data obrashhenija: 21.04.2023).

13. Istorija russkoj filosofii. Lekcija 11. Sofiologija posle V. S. Solov'eva = History of Russian philosophy. Lecture 11. Sophiology after V.S. Soloviev : prezentacija // Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh odnoszenij, Kafedra filosofii im. A. F. Shishkina. URL: https://nibirukov.mgimo.ru/nb_russian/nbr_teaching/nbr_teach_ppp/nbr_ppp_istoriya_russkoj_filosofii/nbr_irf11_sofiologiya.pptx (data obrashhenija: 21.04.2023).

14. Kozlov A. E. O diahronicheskom izuchenii istorii russkoj belletristiki XIX veka = On the diachronic study of XIX century Russian fiction history // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. T. 7, № 2. S. 177–188.

15. Kudrjavcev P. N. Gumanizm i Reformacija v Germanii = Humanism and Reformation in Germany // Lekcii. Sochinenija. Izbrannoe / sost. S. A. Asinovskaja, primech. T. D. Sergeevoj. Moskva : Nauka, 1991. S. 207–209. (Serija «Pamjatniki istoricheskoj mysli»).

16. Kudrjavcev P. N. Povesti i rasskazy = Novellas and stories : v 2-h ch. Chast' I // Sochinenija. Moskva : Univ. tip. (Katkov i K°), 1866. S. 100–121.

17. Lotman L. M. Natural'naja shkola i proza nachala 1850-h gg. = Natural school and prose in the early 1850s // Istorija russkoj literatury : v 4 t. / Akademija nauk SSSR, In-t russkoj literatury ; red. E. N. Kuprejanova. Leningrad : Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1981. T. 2 : Ot sentimentalizma k romantizmu i realizmu. Gl. 22. S. 580–634.

18. Nikolaev N. I. K voprosu ob utocnenii ponjatija «literaturnyj geroj» = On clarifying the concept «literary hero» // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2012. № 3. S. 100–104.

19. Nikolaev N. I. Russkaja literaturnaja travestija. Vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX veka = Russian literary travesti. The second half of XVIII – the first half of XIX centuries : uchebnoe posobie dlja speckursa / M-vo obrazovanija Ros. Federacii, Pomorskij gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Arhangel'sk : Izd-vo Pomorskogo gos. un-t im. M. V. Lomonosova, 2000. 116 s.

20. Panaev I. I. Vospominanija o Belinskom (15 janvarja 1860 g.). Chast' 4 = Memories of Belinsky (January 15, 1860). Part 4 // Proekt Kul'tura Sovetskoj Rossii. URL: http://obelinskom.ru/ob_avtore/365-4.html (data obrashhenija: 21.04.2023).

21. Pankrat'ev O. V. Paskal' i kartina mira = Pascal and the world view. URL: <http://comenius8.narod.ru/conferens/kozyrev/pankratiev.htm> (data obrashhenija: 21.04.2023).

22. Petrivnaja E. K. Integral'naja pojetika povesti A. S. Pushkina «Metel'» = Integral poetics of A. S. Pushkin's novella The Snowstorm / E. K. Petrivnaja, E. G. Ijul'skaja // Russkij jazyk v Armenii. 2019. № 2 (111). S. 53–65.

23. Pis'mo A. V. Kol'cova k V. G. Belinskomu po povodu povesti «Flejšta» (3 marta 1836 g. Piter) = A.V. Koltsov's letter to V. G. Belinsky on the novella «The Flute» (March 3, 1836, Peter) // VikiChtenie. URL: <https://biography.wikireading.ru/294845> (data obrashhenija: 21.04.2023).

24. Plechova N. P. Idillicheskie v proze P. N. Kudrjavceva («Flejšta», «Nedoumenie», «Otryvok») = The idyllic in P. N. Kudrjavcev's prose («The Flute», «Perplexity», «Excerpt») // Pskgu.ru. URL: https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt141/wt141_23 (data obrashhenija: 21.04.2023).

25. Rejtlat A. I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoj sociologii russkoj literatury = From Bova to Balmont and other works on historical sociology of Russian literature. Moskva : Novoe lit. obozrenie, 2009. 448 s. (Historia Rossica).

26. Skatov N. N. Kol'cov = Koltsov // TheLib.Ru : jelektronnaja biblioteka. URL: https://thelib.ru/books/skatov_nikolay_nikolaevich/kolcov-read-15.html (data obrashhenija: 21.04.2023).

27. Chernyshevskij N. G. Polnoe sobranie sochinenij : v 15 t. = Complete works: in 15 vols. / pod obshh. red. V. Ja. Kirpotina, B. P. Koz'mina, P. I. Lebedeva-Poljanskogo [i dr.] ; podgotovka teksta i komment.: N. M. Chernyshevskoj; red. teksta: S. S. Borshhevskogo. Moskva : Goslitizdat, 1947. T. III. 884 s.

28. Nikolaev N. I. «Crisis of action» of the Russian literary character in literary discourse / N. I. Nikolaev, T. V. Shvetsova // Man in India. 2017. Vol. 97. № 10. P. 449–462.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 17.02.2023; approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_41

EDN: XDSZOS

От «фонографа» к «паноптикуму»: о субъектной структуре «Голосов» Г. Сапгира в контексте советского дискурса

Алексей Сергеевич Бокарев^{1✉}, Юлия Витальевна Адриан²

¹Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Магистрант факультета русской филологии и культуры, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹asbokarev@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

²julia1732000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

Аннотация. Статья обращена к анализу субъектной структуры книги стихов Генриха Сапгира «Голоса» (1958–1962) в контексте советского дискурса. В соответствии с исследовательской традицией произведение рассматривается сквозь призму наделенной миромоделирующим потенциалом метафоры, позволяющей представить его как целое (прежде в этом качестве использовались понятия «фонограф» и «киноглаз»). Предложенный в настоящей работе термин «паноптикум» трактуется двояко: как собрание курьезов и чудес, форма некогда популярного развлечения, – и как проект «идеальной тюрьмы», дающей возможность тотального контроля над заключенными. Первое значение регламентирует отбор изображенных в «Голосах» реалий (принцип несоответствия норме), второе характеризует способы, с помощью которых они представлены (принципы всевидения и всеслышания). Релевантность термина мотивирована возможностью учесть влияние на поэтику Г. Сапгира советского дискурса, проявившееся, с одной стороны, в восприятии реальности как «крошечной», не соответствующей заявленным нормам, с другой – в отказе от личного высказывания в пользу позиции наблюдателя / слушателя. Отсюда – внимание к девиантным, с точки зрения официальной идеологии, принципам выстраивания социальных отношений: индивидуализму, безразличию к судьбе государства, религиозности. Увиденные «извне», как бы безучастным зрителем, они обретают статус ценностей лишь благодаря неявным авторским акцентам – совмещению семантически контрастных планов, параллельному монтажу, выпуклому интертекстуальному «узору». Таким образом, пребывая в поле «советского» (неслучайно в ряде текстов фигурирует Сапгир-персонаж), автор дискредитирует официальный дискурс, избегая при этом его непосредственной тематизации.

Ключевые слова: «Лианозовская группа»; Г. Сапгир; субъектная структура; интересубъектность; «я» и «другой»; диалогические отношения в лирике; советский дискурс; паноптикум

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

Для цитирования: Бокарев А. С., Адриан Ю. В. От «фонографа» к «паноптикуму»: о субъектной структуре «Голосов» Г. Сапгира в контексте советского дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 41–49. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_41. <https://elibrary.ru/XDSZOS>

Original article

From «phonograph» to «panopticon»: on the subjective structure of G. Sapgir's «Voices» in terms of soviet discourse

Aleksey S. Bokarev^{1✉}, Yulia V. Adrian²

¹Doctor of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Master student, faculty of russian philology and culture, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹asbokarev@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8771-6065>

²julia1732000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1755-5286>

Abstract. This article addresses the subjective structure of Genrikh Sapgir's book of poems, *Voices* (1958–1962), in terms of Soviet discourse. In line with the research tradition, the work is viewed through the prism of a world-modeling metaphor, which makes it possible to comprehend it as a whole (the notions «phonograph» and «cine-eye» were previously used in this capacity). The term «panopticon» suggested in this paper is interpreted in two ways: as a collection of curiosities and wonders, a form of a once popular entertainment, and as a project of an «ideal prison», enabling total control over the prisoners. The first meaning regulates the selection of realities from «Voices» (the principle of irrelevance to the norm), the second one characterizes the ways in which they are represented (the principles of omnivision and omni-hearing). The relevance of the term is motivated by the influence of Soviet discourse on Sapgir's poetics, which manifested itself, on the one hand, in perceiving reality as «nightmare» not corresponding to the norm, and on the other hand, in rejecting personal expression in favor of the position of an observer/listener. Hence the attention to the deviant (from the official ideological point of view) principles of social relationships: individualism, indifference to the state's fate, and religiousness. Seen from the «outside», as if by an indifferent onlooker, these principles acquire the status of values only through implicit authorial accents: the combination of semantically contrasting aspects, parallel composition, and a vivid intertextual «pattern». Thus, staying in the field of the «Soviet», the author discredits the official discourse, while avoiding its direct thematization; it is no coincidence that Sapgir-character appears in a number of texts.

Key words: «Lianozovo group»; G. Sapgir; subject structure; intersubjectivity; «I» and «the other»; dialogic relations in poetry; soviet discourse; panopticon

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-00995, <https://rscf.ru/project/23-28-00995/>

For citation: Bokarev A. S., Adrian Yu. V. From «phonograph» to «panopticon»: on the subjective structure of G. Sapgir's «Voices» in terms of soviet discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):41–49. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_41. <https://elibrary.ru/XDSZOS>

Введение

В специальных исследованиях уже шла речь о том, что категория субъекта, оставшаяся долгое время на периферии литературоведения, становится все более актуальной применительно к русской лирике второй половины XX – начала XXI в. [Шталь, Евграшкина, 2018, с. 6; Шталь, 2019, с. 2]. Многообразие поэтических экспериментов приводит к усложнению субъектной структуры текста, поэтому именно фигура говорящего в ее соотносительности с автором и читателем / слушателем рассматривается в качестве важнейшего конститутивного элемента высказывания [Шталь, Евграшкина, 2018, с. 7]. Системообразующий для поэтического мира статус субъекта осознается и самими участниками художественного процесса. Так, М. Степанова, далекая от традиционного понимания носителя речи в стихах как «лирического героя», утверждает необходимость возвращения лирики в синкретическое лоно – «чтобы выжить, поэту нужно стать хором». Согласно Степановой, поэтическое творчество на современном этапе может существовать лишь в случае «победы над субъективностью» – за счет «самоуничтожения, отсечения» самой сути лирики, которой неотъемлемо считается личность автора. С постепенным «вымыванием “я”» из стихотворений в лирической «партитуре» определяется целый конгломерат «голосов», и лишь один из них принадлежит автору – однако установить, какой именно, невозможно [Степанова, 2012, с. 420–431].

Отметим, впрочем, что при всей содержательности и отточенности формулировок рассуждения Степановой едва ли претендуют на новизну: intersubъектный характер отношений «я» и «другого» – имманентное качество лирики, выдвинутое на передний план уже поэтами начала XX в. [Бройтман, 2004, с. 223]. Под intersubъектностью принято понимать такую степень нерасчлененности автора и героя, при которой их голоса не только синкретичны, но еще и автономны, а потому могут стать выражением диалогических отношений [Бройтман, 2004, с. 255]. Приоритет «ты» перед «я», формирующий поэтику гетеролиризма, реплицированность и включенность в текст «чужих» интенций, размытие границ автопсихологического и ролевого начал, наконец, утверждение субъектно не маркированных конструкций как одной из ключевых форм авторского присутствия – вот, пожалуй, наиболее частотные типы intersubъектности в современной лирике. Нетрудно заметить, что общим знаменателем для столь разнящихся явлений становится уклонение поэта от прямого высказывания, обусловленное в советскую эпоху и влиянием господствующего тоталитарного дискурса.

Именно неприятие эстетики соцреализма во многом предопределило становление авторов лианозовского круга, которые, вопреки официальному, изображали «реальность... окраиной жизни в ее неприглядном свете». В области поэтики они ориентировались на «ироничного субъекта, де-

конструкцию советского языка, словесный минимализм (а иногда и примитивизм), устную речь и выработку новых форм письма, не наследующих напрямую традиционным жанрам и поэтическим формам» [Успенский, 2021, с. 212]. Закономерно, что в контексте соцреалистических практик доминирующее в поэтической системе положение «я» (не конкретной личности, но функционально-ролевого субъекта) осознавалось как покушение «авторитарного сознания» на уединенность «альтернативного человека» [Тюпа, 1998, с. 48–49, 67]. Поэтому и самоустранение говорящего правомерно рассматривать как способ дистанцирования от официального дискурса, дискредитация которого осуществлялась на уровне не столько деклараций, сколько приемов поэтики. Следуя в фарватере идей П. Успенского, можно предположить, что уход от «я» в лирике «лианозовцев» выступает маркером амбивалентного по своей сути «политического жеста», позволяющего говорящему осциллировать на границе советского и антисоветского [Успенский, 2021, с. 215, 241–242]. К рассмотрению конкретных форм такой «осцилляции», организующей субъектную сферу книги стихов Генриха Сапгира «Голоса» (1958–1962), как раз и обращена настоящая работа.

Методологические подходы к анализу субъектной структуры «Голосов» Г. Сапгира

Видный представитель «Лианозовской группы», Г. Сапгир стал одной из значимых фигур в лирике второй половины XX в., а его «перформанс и поэтическая “режиссура”», проявившиеся как в разнообразии стилей и жанров, так и в своего рода «поэтическом многоголосии» [Шраер, Шраер-Петров, 2004, с. 13], неоднократно становились объектом литературоведческих штудий. Рассматривая «Голоса» в контексте его творчества, Ю. Б. Орлицкий приходит к выводу об эволюции авторской поэтики в области субъектной сферы. В частности, отказ от «я» осознается исследователем в качестве переходного этапа на пути к традиционным формам речеведения, а главной особенностью книги мыслится роль автора как «собираателя» и «ретранслятора» «чужих голосов», чьи задачи, таким образом, носят сугубо «технический» характер. Последнее заставляет воспринимать организующее книгу сознание как объективную инстанцию – однако уже сам Ю. Б. Орлицкий отмечает, что сквозь «чужое» слово у Сапгира неизменно «просвечивает иронический голос наблюдателя» [Орлицкий, 2019,

с. 84–93]. Иными словами, сведение компетенций автора к функции «фонографа», «беспристрастного» и фиксирующего лишь аудиальную сторону мира, едва ли правомерно: неслучайно книга имеет подзаголовок «Гротески», а в целом ряде стихотворений актуализировано кинематографическое начало.

К выводу о «трансформациях авторского взгляда, движущегося от объективно обусловленной отстраненности к взгляду субъективированному», приходит и С. Л. Константинова, исследующая лирику Сапгира с позиций интермедальности. Согласно исследователю, характерную для творчества поэта кинематографичность следует рассматривать сквозь призму понятия «киноглаз» [Константинова, 2012, с. 62], трактуемого, вслед за Д. Вертовым, как прием «документальной кинорасшифровки видимого, а также и невидимого невооруженным... взглядом мира» [Вертов, 1966, с. 112]. При таком ракурсе изображаемая действительность предстает «предельно зримой», но воспринятой «извне, дистанцированно», в результате чего она «как бы выводится из сознания повествователя». Однако исследователем отмечена и фиксация происходящего «изнутри», когда в стихотворении воспроизводятся события, киноаппарату не доступные, – например, разворачивающиеся в сознании персонажа [Константинова, 2012, с. 63, 65]. Кроме того, «киноглаз», в понимании Д. Вертова, – это опять-таки объективная и исключительно «видящая», но не распознающая «голосов» инстанция, поэтому и эвристическая продуктивность понятия применительно к Сапгиру может быть подвергнута сомнению.

Предпринятый обзор показывает, что стратегии, в русле которых интерпретируются «Голоса», объединяет выдвигание на передний план технического и / или принадлежащего смежному искусству термина, служащего (даже если он не эксплицирован) объяснительной моделью поэтическим новациям Сапгира. Выбор его определяется не только особенностями материала, но и произволением интерпретатора – отсюда специфичность исследовательских решений, «высвечивающих» отдельные грани объекта, но заведомо не способных исчерпать его многообразия. Несмотря на ограничения, накладываемые таким подходом, поиск литературоведческой метафоры, с опорой на которую может прочитываться произведение, представляется едва ли не единственным способом увидеть «Голоса» как целое (мышление не отдельными текстами, но «кни-

гой-циклом» – принципиальная особенность авторской поэтики [Орлицкий, 2008, с. 5–6]). Оознавая уязвимость подобных построений, прием в качестве рабочего термин «паноптикум», «примиряющий» аудиальное и визуальное начала текста и фиксирующий специфику попадающих в сферу внимания субъекта явлений.

Как известно, паноптикумом принято называть «собрание курьезов и чудес, представленных или с помощью живых „образцов“, или посредством восковых копий, часто – с встроенным механизмом для простейших движений» [Лотман, Цивьян, 1994, с. 33]. Соответственно, паноптикум как форма некогда популярного развлечения – это своего рода «кунсткамера», потенциально вмещающая все, что не соответствует норме. С другой стороны, термин отсылает к проекту «идеальной тюрьмы» философа И. Бентама, имеющей вид цилиндрической постройки со стеклянными перегородками [*Словарь русского языка...*]. Такая конструкция способствует тотальному контролю над заключенными, не знающими, в какой точно момент за ними наблюдают, а потому наделяет зрителей (или даже единственного зрителя) по-настоящему безграничной властью [Гостенина, 2013, с. 52]. В настоящей работе актуализированы оба значения термина: первое регламентирует отбор изображенных в «Голосах» реалий (принцип несоответствия норме), второе характеризует способы, с помощью которых они предъявлены (принципы всевидения и всеслышания). И то и другое позволяет представить субъекта «соглядатаем» или «коллекционером» многообразных девиаций советской жизни, от которой он дистанцирован, но не участвовать в которой не может.

Нормы и девиации советского быта: о чем говорят «голоса» в «Голосах» Г. Сапгира

Выше уже отмечалось, что подзаголовок «Гротески» указывает на субъективность автора, осуществляющего отбор изображаемых персонажей и событий; тем же понятием фиксируется и его отношение к норме, которой он неизменно предпочитает ее противоположность. Подобный подход, соответствующий законам паноптикума, глубоко укоренен в советской ментальности с характерной для нее взаимообратимостью норм и девиаций [Лебина, 2015, с. 7; Попова, 2019, с. 67–68; Зубкова, 2020, с. 886; Дерман, 2012, с. 180]. Зазор между идеалом и его воплощением приводит исследователей к мысли о том, что советская ментальность актуализировалась лишь в

определенные моменты истории, а значит идентифицировать ее можно лишь «по контрасту с наиболее яркими проявлениями „антисоветского“ духа его носителей» [Сомов, Волкова, 2022, с. 1038]. Действительно, обрисованные Сапгиром «нормы жизни» далеки от официально пропагандируемых: персонажи нисколько не озабочены построением коммунизма, зато охотно предаются пьянству, сексуальной невосдержанности (в том числе в ее перверсивных формах), сходят с ума, дерутся, воруют и убивают. В конечном счете дискредитации подвергаются едва ли не все базовые качества советской ментальности – и такое положение дел мыслится вполне естественным.

Прежде всего, собственной противоположностью оборачивается в «Голосах» коллективизм – нравственный принцип, формирующий вовлеченного в социум человека, предпочитающего личным амбициям всеобщее благо [*Словарь психолого-педагогических понятий...*, с. 15; Сомов, Волкова, 2022, с. 1044]. Полноценной интеграции героев Сапгира в коллектив препятствует их некоммуникабельность – стихотворения, созданные по чеховским лекалам, предстают коллажем бессвязных реплик, указывающих на тотальную разобщенность персонажей (например, в «Разговорах на улице»). Показательны уже темы таких высказываний, демонстрирующих истинные, идущие в разрез с лозунгами, поведенческие реакции обывателя. Страх смерти («Уберите, уберите нож...»), изживание негативного военного опыта («В атаку, сволочи, / Ура!»), домашнее насилие («Оставь,пусти меня, не надо... / Надо!») – вот их далеко не полный сводный перечень [Сапгир, 2008, с. 34]. Логика кошмара в цитируемом стихотворении не позволяет усомниться в произвольности подобных реакций, тогда как выведенная в поле сознательного идея равенства, лежащая в основе коллективизма, получает абсурдистское воплощение, тем самым обесцениваясь. Так, чиновник Яков Петрович из стихотворения «Паук», оскорбленный одноименностью заглавному персонажу («Как ты смел присвоить имя-отчество?») [Сапгир, 2008, с. 71]), меняется с ним местами, претерпевая поистине кафкианскую метаморфозу. Зато финал произведения выдержан в традициях раннесоветской классики: прежде высокомерный, но теперь раскаявшийся, герой обращается к членистоногому тезке едва ли не прямой цитатой из булгаковского «Собачьего сердца», ср.: «...Я – не паук. / Я – человек. <...> А пауков / На свете нет»

[Сапгир, 2008, с. 72] – «Я не господин, господа все в Париже...» [Булгаков, 1996, с. 415].

Столь же радикально переосмысливается в «Голосах» и милитаристски ориентированное мышление, предписывающее защищать советскую власть «как нечто неотъемлемое от понятия „Родина“, как реально *свое* – дорогое и важное» [Сомов, Волкова, 2022, с. 1040; курсив авторов статьи]. Неслучайно солдаты, кому эта максима адресована в первую очередь, в стихах Сапгира неизменно легкомысленны: одни развлекаются с деревенскими девушками (при ближайшем рассмотрении оказавшимися русалками), другие и вовсе покидают часть без разрешения командования (за что подвергаются жестокому, несоизмеримому вине наказанию). Подобные умонастроения интерпретируются как оборотная сторона разочарования в «народном государстве», осуществляющем всестороннюю заботу о человеке и решающем не только глобальные, но и самые незначительные вопросы [Попова, 2019, с. 61–63]. У Сапгира его образ решительно развенчивается, поэтому описание «столицы» в одноименном тексте строится как перебор социальных проблем, к которым обращено и идущее следом стихотворение «Провинциальные похороны», ср.: «В милиции тупые лица: / Переполнена тюрьма, / Перегружены больницы, / Сумасшедшие дома» [Сапгир, 2008, с. 37] – «...В магазинах – пусто – / Вместо / Хлеба – водка и спички...» [Сапгир, 2008, с. 38]. Таким образом, вопреки обещаниям плакатов, государство в «Голосах» явно не справляется со своими «отцовскими» обязанностями, а «опекаемый» им народ не выходит из состояния детского мировосприятия даже во взрослом возрасте [Гачев, 1994].

Ревизии подвергается в стихах Сапгира и атеизм советского человека, исповедующего идеи материализма, а значит не приемлющего религии как иррационального способа объяснения мира [Сомов, Волкова, 2022, с. 1040]. Впрочем, истинное отношение к ней власти, как было показано Н. Б. Лебиной, амбивалентно: считая веру патологией, большевики придавали формальным средствам ее выражения характер нормы (отсюда широкое заимствование ими церковной символики и лексики) [Лебина, 1999, с. 145; см. также: Дерман, 2012, с. 181]. В «Голосах» примером такого рода служит стихотворение «Киносеанс», в сюжете которого традиционные атрибуты христианского (в частности православного) дискурса наполняются новым, противоположным привычному, содержанием. Так, храм, «дом бога на

земле», становится местом демонстрации фильма, призванного развеселить публику; иконы, предмет культа, подменяются светящимся (и как бы тоже сакральным) киноэкраном; прежний священник оказывается кинемехаником, а его проповедь – лекцией на «антирелигиозную тему» [Сапгир, 2008, с. 93–94]. Закономерно, что завершается текст развернувшейся в темноте оргией, вид которой приводит лирического повествователя к вполне обоснованному выводу: «Стало ясно: / Бога нет» [Сапгир, 2008, с. 94]. Этому выводу противоречит, однако, заглавие следующего, последнего в «Голосах» стихотворения, декларативно названного «Бог». Разумеется, подлинная «религия» Сапгира вовсе не христианство и даже не пантеизм: природный мир действительно выступает альтернативой социальному абсурду, однако полного растворения человека в нем не происходит. Место Бога в сознании субъекта, едва ли не впервые в книге представленного личным местоимением «я», отводится человеку, поэтому целью говорящего становится получение удовольствия и обретение личного счастья: «В густой траве валяюсь я, / Наслаждаюсь жизнью, как свинья» [Сапгир, 2008, с. 95]. Невозможность его достижения в условиях советской реальности как раз и заставляет автора дистанцироваться от нее, уступив «другому» право голоса, но сохранив ответственность за смысл высказывания как целого.

Интерсубъектность и формы авторского присутствия в «Голосах» Г. Сапгира

Не требующий доказательств приоритет «другого» над «я» делает интерсубъектную природу «Голосов» самоочевидной. Среди наиболее распространенных в книге форм речеведения отметим субъектно не маркированные конструкции, единичные реплики и обмен репликами, а также синкретическое «я», отсылающее к неопределенной инстанции, – соотносимые с паноптикумом на основании позиции наблюдателя / слушателя. Отталкиваясь от представлений Б. О. Кормана («...чем в большей степени субъект сознания становится определенной личностью <...> тем в меньшей степени он непосредственно выражает авторскую позицию» [Корман, 2009, с. 686]), можно сделать вывод о близости кругозоров автора и лирического субъекта, ответственного за восприятие мира. Закономерно, что перечень компетенций последнего практически не ограничен: «слепые» (и, добавим, «глухие») зоны в изображаемой реальности для него попросту от-

сутствуют, а вторжение в чужое «я» осознается как один из ключевых в книге способов текстопо-рождения. Формула С. Л. Константиновой – «все просвечивает сквозь все» [Константинова, 2012, с. 71] – как нельзя лучше характеризует поэтику «Голосов» с характерной для нее проницаемостью пространственных и субъектных границ.

Так, в «Бутылочном пейзаже» крупным планом показаны как изнуренные многодневным пьянством рыбаки, так и проплывающая «мимо» рыба, демонстративно усмехающаяся их неза-тейливому виду [Сапгир, 2008, с. 59]. Аналогич-но строится и стихотворение «Клевета»: лириче-ский повествователь не только излагает содер-жание анонимок, присланных поэту в ответ на публикацию обличающего его «фельетона» (что для советской эпохи не редкость), но и фиксиру-ет солидарные с ними отклики «чукчей и эвенков» (эвенки – те же пушкинские «тунгу-сы», некогда благосклонные к сочинителям) [Сапгир, 2008, с. 56]. А противопоставляется так обрисованному литературному быту жизнь окраинной Москвы, репрезентирующая идею свободы, залогом которой становится выход из любых социальных отношений. Даже бандит и спекулянт, чье положение заведомо рискованно, оказывается счастливей писателя, поскольку не-зависим от государства и ощущает себя не столько членом общества, сколько частью при-роды («Хорошо убийце / На зеленом на лугу!» [Сапгир, 2008, с. 57]). Именно монтажное сов-мещение контрастных планов следует считать важнейшим в книге способом проявления автор-ской активности: человек связан множеством обременяющих обязательств, природа же никому не подотчетна. Неслучайно оканчивается стихо-творение краткой пейзажной зарисовкой, а по-явившаяся в абсолютном финале рифменная пара подчеркивает выявленную закономерность: «В солнце / Лес дымится / На другом берегу. / Посвистывает птица – / Газеты не боится!» [Сапгир, 2008, с. 57].

Устойчивым сюжетным ходом в «Голосах» является проникновение лирического повество-вателя в сновидение или предсмертные пережи-вания персонажа. Композиционной основой та-ких произведений становится, как правило, па-раллельный монтаж, «перебрасывающий» чита-теля из одной «реальности» в другую, а также структурно-семантическая «рифма», сокраща-ющая дистанцию между ними. При этом рожден-ный подсознанием героев мир мало отличается от эмпирического – разве что гротескные по-

дробности здесь «сгущаются» и помещаются в нарочито литературную «обертку» (последнее – яркий симптом авторского присутствия). В «Предпраздничной ночи» повторяющиеся строки – «Из-за ширмы вышел зять, / Наклонил-ся что-то взять» [Сапгир, 2008, с. 20–21] – мар-кируют переход героини, утомленной домашни-ми хлопотами, из яви в онейрическое простран-ство (и наоборот), а событийный ряд выстраива-ется по модели сна Татьяны из «Евгения Онеги-на» (правда, до убийства дело у Сапгира дохо-дит). Сходный пример – «Смерть дезертира», где видение агонизирующего героя отчетливо соот-несено с реальностью: ему чудится, будто ранен он не пулями, а гвоздями, вбитыми им в его соб-ственный живот. Ситуация же, когда в пред-смертном бреде персонажу грезится благополуч-ное возвращение домой, также имеет литератур-ные прецеденты, отсылая к классической новел-ле А. Бирса «Случай на мосту через Совинный ручей», Сапгиру наверняка известной.

При такой «оптике» оставаться «невидимым» невозможно, поэтому в поле зрения субъекта по-падает и ближайшее окружение автора: жены Римма и Кира, детский писатель Геннадий Цы-феров, поэты Игорь Холин и Эдмунд Иодков-ский. Портреты их, шаржированные (и, следова-тельно, попирающие норму), строятся на утри-ровании поведенческих характеристик, вступа-ющих в противоречие с образом советского дея-теля искусств – идейного и безраздельно предан-ного государству. Среди прелестей богемной жизни – домашние выставки художников, сопро-вождающиеся малопонятными для посторонних разговорами; раблезианских масштабов попойки, в которых участвуют как люди, так и животные; раскуривание гашиша с последующими танцами и плотские радости. В свете нашей темы важнее, однако, что участником этих событий оказывае-тся и ономастически тождественный автору субъ-ект, видящий себя со стороны – как бы отразив-шимся в стеклянной стенке паноптикума. Разде-ляя умонастроения близких ему людей, он одно-временно выступает и как персонаж, и как наблюдающий за ними лирический повествова-тель, симпатизирующий всему, что, с его точки зрения, естественно: «Вернулся Сапгир, потряса-ет / Белоголовой / Бутылью. / Холин и Ева по-трясают / Постелью. / Сапгира это потрясает!» [Сапгир, 2008, с. 90]. Иными словами, позиция субъекта (и близкого ему автора) по отношению к советской действительности подчеркнута

двойственна: отвергая ее ценности как «чужие», он не способен перестать быть ее частью.

Заключение

Сделанные наблюдения свидетельствуют, что продуктивным подходом к анализу «Голосов» Г. Сапгира является рассмотрение субъектной структуры книги с опорой на литературоведческую метафору, наделенную миромоделирующим потенциалом, – будь то «фонограф», «киноглаз» или «паноптикум». Выбор последней обусловлен возможностью учитывать влияние на авторскую поэтику советского дискурса, проявившееся, с одной стороны, в восприятии реальности как «кромешной», не соответствующей заявленным нормам, с другой – в отказе от личного высказывания в пользу позиции наблюдателя / слушателя. Отсюда – внимание к девиантным с точки зрения официальной идеологии принципам выстраивания социальных отношений: индивидуализму, безразличию к судьбе государства, религиозности. Увиденные «извне», безучастным, как может показаться, субъектом, они обретают статус ценностей благодаря авторским акцентам – совмещению семантически контрастных планов, параллельному монтажу, выпуклому интертекстуальному «узору». Таким образом, пребывая в поле «советского» (неслучайно в ряде текстов фигурирует и Сапгир-персонаж), автор последовательно дискредитирует официальный дискурс, избегая его непосредственной тематизации.

Библиографический список

1. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. Москва : Издательский центр «Академия», 2004. Т. 2. 368 с.
2. Булгаков М. А. Собачье сердце // М. А. Булгаков. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 1. Москва : «Наташа», «Литература», «Алгоритм», 1996. С. 345–436.
3. Вертов Д. От «киноглаза» и «радиоглазу». (Из азбуки киноков) // Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы // Д. Вертов. Статьи. Дневники. Замыслы. Москва : Искусство, 1966. С. 109–115.
4. Гачев Г. Д. Я – советский человек и не знаю другого образа... // Независимая газета. 1994, 21 января. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/NG/GACHEV.HTM> (дата обращения: 04.04.2023).
5. Гостенина В. И. Социология управления: Учебное пособие. Санкт-Петербург : Питер, 2013. 368 с.
6. Дерман И. П. Особенности менталитета советского общества в 20–30-е годы XX века (на примере Северного Приазовья) // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2012. № 1. С. 179–182.
7. Зубкова Е. Ю. Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Вестник Российской Академии Наук. 2020. Т. 90. № 9. С. 882–890.
8. Константинова С. Л. Эффект «киноглаза» («глаза-кинокамеры») в поэзии Генриха Сапгира. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 1. С. 62–75.
9. Корман Б. О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Б. О. Корман. Избранные труды. Методика вузовского преподавания литературы. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2009. С. 683–702.
10. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е гг. Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 1999. 318 с.
11. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. Москва : Новое литературное обозрение, 2015. 482 с.
12. Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. Таллин : «Александра», 1994. 216 с.
13. Орлицкий Ю. Б. Генрих Сапгир 1990-х: возвращение к субъекту // Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. P. 83–93.
14. Орлицкий Ю. Б. Открыватель новых миров // Г. В. Сапгир. Складень. Москва : Время, 2008. С. 5–12.
15. Попова А. Д. Сделано в СССР: мифы советской эпохи как элемент российской ментальности и их историческая трансформация // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2019. № 2 (63). С. 60–73.
16. Сапгир Г. В. Складень. Москва : Время, 2008. 928 с.
17. Словарь психолого-педагогических понятий: справочное пособие для студентов всех специальностей очной и заочной форм обучения / авт.-сост. Т. Г. Каленникова, А. Р. Борисевич. Минск : БГТУ, 2007. 68 с.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. АН СССР, Ин-т рус. яз. 3-е изд., стереотип. Т. 3. П – Р. Москва: Русский язык, 1985–1988. 752 с. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 04.04.2023).
19. Сомов В. А., Волкова Е. С. Советская ментальность: маркеры социально-исторической идентичности // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 4. С. 1035–1048.
20. Степанова М. М. Перемещенное лицо // М. М. Степанова. Против лирики. Москва : АСТ, 2012. С. 412–433.
21. Тюпа В. И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века Самара : Общество с Ограниченной Ответственностью Научно-

Внедренческая Фирма «Сенсоры, Модули, Системы», 1998. 115 с.

22. Успенский П. Появление нового поэтического субъекта: поэзия Евгения Кропивницкого конца 1930-х – 1940-х годов // «Лианозовская школа»: между барочной поэзией и русским конкретизмом. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. С. 212–242.

23. Шраер М. Д., Шраер-Петров Д. П. Генрих Сапгир – классик авангарда. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин», 2004. 263 с.

24. Шталь Х. Типология субъекта в современной русской поэзии: теоретические основы // Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. P. 1–29.

25. Шталь Х., Евграшкина Е. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018. P. 1–32.

Reference list

1. Brojtman S. N. Istoricheskaja pojetika = Historical poetics // Teorija literatury: ucheb. posobie dlja stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenij: V 2 t. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2004. T. 2. 368 s.

2. Bulgakov M. A. Sobach'e serdce = The Heart of a Dog // M. A. Bulgakov. Izbrannye proizvedeniya. V 3-h tomah. T. 1. Moskva: «Natasha», «Literatura», «Algoritm», 1996. S. 345–436.

3. Vertov D. Ot «kinoglaza» i «radioglazu». (Iz azbuki kinokov) = From «cine-eye» to «radio-eye». (From the Kinoks' ABC) // Vertov D. Stat'i, dnevniki, zamysly // D. Vertov. Stat'i. Dnevnik. Zamysly. Moskva: Iskustvo, 1966. S. 109–115.

4. Gachev G. D. Ja – sovetskij chelovek i ne znaju drugogo obraza... = I'm a Soviet man and I don't know any other image... // Nezavisimaja gazeta. 1994, 21 janvarja. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/NG/GACHEV.HTM> (data obrashhenija: 04.04.2023).

5. Gostenina V. I. Sociologija upravljenja = Sociology of management: uchebnoe posobie. Sankt-Peterburg: Piter, 2013. 368 s.

6. Derman I. P. Osobennosti mentaliteta sovetskogo obshhestva v 20–30-e gody XX veka (na primere Severnogo Priazov'ja) = Features of Soviet mentality in the 20s–30s of the XX century (on the example of the Northern Azov region) // Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chehova. 2012. № 1. S. 179–182.

7. Zubkova E. Ju. Sovetskaja zhizn' kak predmet istoricheskoi rekonstrukcii = Soviet life as a historical reconstruction subject // Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk. 2020. T. 90. № 9. S. 882–890.

8. Konstantinova S. L. Jeffekt «kinoglaza» («glazakinokamery») v poezii Genriha Sapgira = The «cine-eye» («movie-camera eyes») effect in Genrikh Sapgir's poetry // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2012. № 1. S. 62–75.

9. Korman B. O. Celostnost' literaturnogo proizvedeniya i jeksperimental'nyj slovar' literaturovedcheskih terminov = Integrity of a literary work and an experimental dictionary of literary terms // B. O. Korman. Izbrannye trudy. Metodika vuzovskogo prepodavanija literatury. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtskij universitet», 2009. S. 683–702.

10. Lebina N. B. Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920–1930-e gg. = Everyday life in a Soviet city: norms and anomalies. 1920s–1930s. Sankt-Peterburg: Zhurnal «Neva», 1999. 318 s.

11. Lebina N. B. Sovetskaja povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilju = Soviet everyday life: norms and anomalies. From military communism to grand style. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 482 s.

12. Lotman Ju., Civ'jan Ju. Dialog s jekranom = Dialogue with the screen. Tallin: «Aleksandra», 1994. 216 c.

13. Orlickij Ju. B. Genrikh Sapgir 1990-h: vozvrashchenie k sub#ektu = Genrikh Sapgir in the 1990s: return to the subject // Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. P. 83–93.

14. Orlickij Ju. B. Otkryvatel' novyh mirov = The discoverer of new worlds // G. V. Sapgir. Skladen'. Moskva: Vremja, 2008. S. 5–12.

15. Popova A. D. Sdelano v SSSR: mify sovetskoi jepohi kak jelement rossijskoj mental'nosti i ih istoricheskaja transformacija = Made in the USSR: myths of the Soviet era as an element of the Russian mentality and their historical transformation // Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2019. № 2 (63). S. 60–73.

16. Sapgir G. V. Skladen' = Diptych. Moskva: Vremja, 2008. 928 s.

17. Slovar' psihologo-pedagogicheskikh ponjatij = Dictionary of psychological and pedagogical concepts: spravocnoe posobie dlja studentov vseh special'nostej ochnoj i zaocnoj form obucheniya / avt.-sost. T. G. Kalenikova, A. R. Borisevich. Minsk: BGTU, 2007. 68 s.

18. Slovar' russkogo jazyka: V 4-h t. = Dictionary of the Russian language: In 4 vols. / pod red. A. P. Evgen'evoj. AN SSSR, In-t rus. jaz. 3-e izd., stereotip. T. 3. P – R. Moskva: Russkij jazyk, 1985–1988. 752 s. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (data obrashhenija: 04.04.2023).

19. Somov V. A., Volkova E. S. Sovetskaja mental'nost': markery social'no-istoricheskoi identichnosti = Soviet mentality: markers of socio-historical identity // Novejšaja istorija Rossii. 2022. T. 12. № 4. S. 1035–1048.

20. Stepanova M. M. Peremeshhenoe lico = Displaced person // M. M. Stepanova. Protiv liriki. Moskva: AST, 2012. S. 412–433.

21. Tjupa V. I. Postsimvolizm: teoreticheskie očerki russkoj poezii XX veka = Post-symbolism: theoretical essays on XX century Russian poetry. Samara: Obshhestvo s Ogranichennoj Otvetstvennost'ju Nauchno-

Vnedrencheskaja Firma «Sensory, Moduli, Sistemy», 1998. 115 s.

22. Uspenskij P. Pojavlenie novogo pojeticheskogo sub#ekta: poezija Evgenija Kropivnickogo konca 1930-h – 1940-h godov = The emergence of a new poetic subject: Yevgeny Kropivnitsky's poetry of late 1930s-1940s // «Lianozovskaja shkola»: mezhdru barachnoj poeziej i russkim konkretizmom. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. S. 212–242.

23. Shraer M. D., Shraer-Petrov D. P. Genrih Sapgir – klassik avangarda = Genrikh Sapgir – an avant-garde classic. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin», 2004. 263 s.

24. Shtal' H. Tipologija sub#ekta v sovremennoj russkoj poezii: teoreticheskie osnovy = The subject's typology in contemporary Russian poetry: theoretical bases // Russian Literature. Vol. 109–110, November – December 2019. Special Issue: The Lyrical Subject in Contemporary Russian Poetry. P. 1–29.

25. Shtal' H., Evgrashkina E. Sub#ekt v novejshej russkojazychnoj poezii – teorija i praktika = The subject in contemporary Russian poetry – theory and practice // Sub#ekt v novejshej russkojazychnoj poezii – teorija i praktika. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 2018. P. 1–32.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 22.02.2023; approved after reviewing 12.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 82-311.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_50

EDN: UIUVZS

Поэтика интерьера в романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка»

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. В статье анализируется описание комнаты главного героя романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка». Убранство комнаты связано с предвосхищением сюжетных поворотов романа, особенностей образов персонажей. Портрет Мао Цзе Дуна связан с политическими пристрастиями главного героя произведения. Его в идеологии Мао Цзэдуна привлекает радикализм в отношении буржуазного общества, стремление практическими действиями менять существующий порядок вещей, прибегая к революционному насилию. Эдичка посещает собрания левой Рабочей партии, но там ему скучно, поскольку он более радикален в своих взглядах, чем все остальные. Один из самых известных тезисов Мао Цзэдуна – винтовка рождает власть. Увлеченность оружием, вера в его силу характерна для героя романа Э. Лимонова. Упомянутый портрет Патрисии Херст, Э. Лимонов вновь указывает на пристальное сочувственное внимание героя к движениям, предпочитающим насильственные образы преобразования окружающей действительности. Как и Патриция Херст, Эдичка по воле автора будет пребывать в перманентном состоянии кризиса идентичности, поиска самоопределения. Следующей оказывается фотография самого Лимонова. Таким «проникновением» реальности в повествование обозначается прежде всего автобиографичность «Это я – Эдички». Наличие собственной фотографии на стене можно связать с самолюбованием, с нарциссическим комплексом. Эдичка хранит портрет А. Бретона. Для героя в сюрреализме больше всего важна политизированность искусства. Прямым указанием на то, что ожидает читателя в романе, является размещенный на стене квартиры Эдички «призыв защищать гражданские права педерастов». Картины художника Хачатуряна также выступают элементом рассматриваемого интерьера. За фигурой этого художника угадывается В. Бахчанян. Игра с читателем делает похожим «Это я – Эдичку» на так называемый «роман с ключом». С другой стороны, проводится граница между условным романским миром и реальностью, предупреждающая желание читателя совместить образ реального автора романа и его героя.

Ключевые слова: Э. Лимонов; «Это я – Эдичка»; интерьер; деталь; литература третьей волны эмиграции; русское зарубежье

Для цитирования: Егоров М. Ю. Поэтика интерьера в романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 50–58.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_50. <https://elibrary.ru/UIUVZS>

Original article

Poetics of the interior in E. Limonov's novel «It's me, Eddie»

Mikhail Yu. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor, department of the Russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article analyzes the description of the protagonist's room in E. Limonov's novel «It's Me, Eddie». The room's decorations are connected with the anticipation of the novel's plot twists and peculiarities of the characters' images. The portrait of Mao Zedong is related to the political preferences of the protagonist. What attracts him to Mao Zedong's ideology is his radicalism toward bourgeois society, his desire to change the existing order of things, resorting to revolutionary violence. Eddie (Edichka) attends meetings of the leftist Workers' Party, but he is bored there because his views are more radical than everyone else's. One of Mao Zedong's most famous theses is that the rifle gives birth to power. His passion for weapon and belief in its power is characteristic of E. Limonov's hero in the novel. Mentioning

the portrait of Patricia Hearst, E. Limonov points to the protagonist's sympathetic attention to the movements favoring violent images of transforming the surrounding reality. The writer's intent is that Eddie, like Patricia Hearst, should be in a permanent state of identity crisis and in search for self-identification. Next comes a photo of Limonov himself. This «penetration» of reality into the narrative indicates primarily autobiographical nature of It's Me, Eddie. The writer's own picture on the wall can be associated with narcissistic complexes. Eddie keeps A. Breton's portrait. What matters most to him in Surrealism is politicized art. A direct indication of what awaits the reader in the novel is the «call to protect pederasts' civil rights» on the wall of Eddie's apartment. Another element of the interior is the artist Khachaturian's paintings. Behind the figure of this artist stands V. Bakhchanyan. Playing with the reader makes It's Me, Eddie look like a so-called «novel with a key». On the other hand, a boundary is drawn between the fiction world of the novel and the reality, preventing the reader's desire to combine the image of the real writer and his hero.

Key words: E. Limonov; «It's Me, Eddie»; interior; detail; literature of the third emigration wave; russians abroad

For citation: Egorov M. Yu. Poetics of the interior in E. Limonov's novel «It's me, Eddie». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):50–58. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_50. <https://elibrary.ru/UIUVZS>

Введение

В романе Э. Лимонова «Это я – Эдичка» описание комнаты, в которой проживает главный герой, даётся на второй странице. Обратим внимание на то, что висит на стенах комнаты: «На стенах, прикрывая пятна, оставшиеся от прежних жильцов, висят: большой портрет Мао Цзэ Дуна – предмет ужаса для всех людей, которые заходят ко мне; портрет Патриции Херст; моя собственная фотография на фоне икон и кирпичной стены, а я с толстым томом – может быть словарь или библия – в руках, и в пиджаке из 114 кусочков, который сшил сам – Лимонов, монстр из прошлого; портрет Андре Бретона, основателя сюрреалистической школы, который я вожу с собой уже много лет, и которого Андре Бретона обычно никто из приходящих ко мне не знает; призыв защищать гражданские права педерастов; еще какие-то призывы, в том числе плакат, призывающий голосовать за Рабочей партии кандидатов; картины моего друга художника Хачатуряна; множество мелких бумажек» [Лимонов, 1992а, с. 15]. Ограничиваясь приведенным описанием, автор романа воздерживается от дальнейшего комментирования специфики интерьера, предметов его составляющих. Описанное убранство комнаты, несомненно, связано с предвосхищением сюжетных поворотов романа, особенностей образов персонажей.

Методы исследования

В своём исследовании мы опирались на ряд работ, в которых анализируется предметная сфера литературного произведения. Для нас представляется важной работа М. О. Гершензона о «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина, где раскрывается сюжетобразующая роль картинок на стене в доме Самсона Вырина [Гершензон, 2000 [1919], с. 86–89]. Значимыми для понимания особенностей отображения «вещей» в лите-

ратуре оказались исследования А. П. Чудакова «Предметный мир литературы (К проблемам категорий исторической поэтики)» и «Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого» [Чудаков, 1986; Чудаков, 1992]. Отметим также близкое нам понимание интерьера Ю. М. Лотманом в статье «Художественный ансамбль как бытовое пространство»: интерьер отражает «непосредственную связь различных вещей и произведений искусства внутри некоторого культурного пространства» [Лотман, 2002 [1974], с. 380].

Результаты исследования

Портрет Мао Цзе Дуна (или в традиционном современном русском написании Мао Цзэдун), размещенный в квартире Эдички, связан с политическими пристрастиями главного героя произведения, о них подробно рассказывается в главе «Кэрл». Мао Цзэдун был легендарным китайским революционером, основателем Китайской Народной Республики и её первым руководителем. Советский Союз, который Э. Лимонов критикует так же, как и Америку [Ryan-Hayes, 1988], не оправдывал ожидания марксистов по всему миру. Жизнь в СССР демонстрировала отход от марксистской идеологии. Маоизм же, опирающийся на марксизм, стал рассматриваться в 1960–1970-е годы многими интеллектуалами (в частности, французскими) как альтернатива и советской практике, и практике капитализма.

Впрямую в романе и не говорится о том, что же притягивает Эдичку в маоизме. Однако, рассматривая поведение героя, можно сделать вывод, что его в идеологии Мао Цзэдуна прежде всего привлекает радикализм в отношении буржуазного общества, стремление практическими действиями менять существующий порядок вещей, прибегая к революционному насилию. Как сочувственно писал Ж.-П. Сартр, «для маоистов... революционное насилие, порожаемое

массами, всегда глубоко морально. Через него рабочие, являющиеся до некоторого времени объектами капиталистического авторитаризма, становятся субъектами своей собственной истории, пусть даже на мгновенье» [Сартр]. Все это нашло отражение в китайской культурной революции.

К герою романа критическое отношение к капиталистическим порядкам Америки пришло в следствии абсолютно личных причин. «И более всего я ненавижу этот порядок – понял я, когда пытался разобраться в своих чувствах, – порядок, от рождения развращающий людей. ...И я не стеснялся самого себя, оттого что ненависть пришла ко мне через такую, в сущности, понятную и личную причину – через измену жены. Я ненавидел этот мир, который переделывает трогательных русских девочек, пишущих стихи, в ох...ие от пьянки и наркотиков существа, служащие подстилкой для миллионеров...», – заявляет Эдичка [Лимонов, 1992а, с. 56].

Работая басбоем в ресторане, рассказчик находит оправдание измены жены в причинах, связанных с классовой борьбой, и ещё интенсивнее начинает ненавидеть буржуазию: «...я постоянно видел своих врагов, тех, кто увел у меня Елену – наших посетителей, людей, имеющих деньги. Я сознавал, что я несправедлив, но ничего не мог с собой поделать, а разве мир справедлив со мною? Чувство, которое я условно определил для себя как классовую ненависть, все глубже проникало в меня. Я даже не столько ненавидел наших посетителей как личностей, нет, в сущности, я ненавидел весь этот тип джентльменов, седых и ухоженных» [Лимонов, 1992а, с. 55].

Неслучайно в приведенном выше описании комнаты упоминается плакат, призывающий голосовать за кандидатов Рабочей партии. Эдичка посещает собрания этой левой партии, но там ему скучно, поскольку он более радикален в своих взглядах, чем все остальные: «...я всю свою жизнь связываю с революцией. ...Я относился к революции лично. Я не прикрывался высокими словами. Я закономерно выводил свою любовь к мировой революции из своей личной трагедии» [Лимонов, 1992а, с. 114, 118]. Более того, именно в вооруженном разрешении классовых противоречий заинтересован герой: «Опасный митинг только и нужен был мне в этом мире. Если б она [Кэрол, активистка Рабочей партии] сказала, приходи завтра в такое-то место – получишь автомат и патроны, будешь участвовать в акции,

например, в захвате самолета, я был бы, конечно, куда больше рад, но и митинг – это было неплохо. Я не кривлю душой, меня полностью устроила бы только революция, но можно было начать и с митинга» [Лимонов, 1992а, с. 115].

Один из самых известных тезисов Мао Цзэдуна – винтовка рождает власть (см. например [Панцов, 2012, с. 265]). Увлеченность оружием, вера в его силу характерна для героя романа Э. Лимонова: «Любовь к оружию у меня в крови, и сколько себя помню еще мальчишкой, я обмирал от одного вида отцовского пистолета. В темном металле мне виделось нечто священное. Да я и сейчас считаю оружие священным и таинственным символом, да и не может предмет, употребляемый для лишения человека жизни, не быть священным и таинственным. В самом очертании всех деталей револьвера есть какой-то вагнеровский ужас» [Лимонов, 1992а, с. 93]. Характер отношений с оружием, возведенный в культ, иллюстрирует эпизод, в котором пьяный Эдичка приходит в храм и играет с ножом: ««Я никого не собираюсь резать, господа евреи, или католики, или протестанты, я просто люблю оружие без памяти и у меня нет своего храма, где бы я мог молиться Великому Ножу или Великому Револьверу. Нет, поэтому я молюсь ему здесь», – так я подумал. Далее я включился в какой-то бред, несколько раз выдирал нож из доски и целовал его, опять втыкал его в подножье. Один раз я уронил Его Величество нож...» [Лимонов, 1992а, с. 95].

Следом за Мао Цзэдуном на стене жилища героя расположен портрет Патриции Херст. Это внучка американского миллиардера и газетного магната Уильяма Херста. В 1974 году в возрасте 19 лет Патриция была захвачена леворадикальной террористической группировкой Симбионистская армия освобождения. В качестве выкупа террористы потребовали выдать каждому неимущему жителю Калифорнии продовольственный пакет в размере 70 долларов и напечатать массовым тиражом пропагандистскую литературу. Патриция Херст отказалась возвращаться в семью и перешла на сторону Симбионистской армии освобождения. В составе Армии она участвовала в ограблении банка, угонах автомобилей и т. д. [Hearst, 1982]. Американская пресса превратила Херст в романтический образ революционерки, олицетворяющей леворадикальное движение 1970-х годов.

Действие «Это я – Эдички» происходит в 1976 году, в этом же году Патриция Херст была

приговорена к семилетнему тюремному заключению. Упоминанием этой женщины Э. Лимонов вновь указывает на политические пристрастия героя, на его пристальное сочувственное внимание к движениям, предпочитающим насильственные образы преобразования окружающей действительности.

Важен и ещё один намёк. Как и Патриция Херст, Эдичка по воле автора будет пребывать в перманентном состоянии кризиса идентичности, поиска самоопределения. «Чего ищу я? То ли братства суровых мужчин-революционеров и террористов [sic!], на любви и преданности к которым, наконец, смогла бы отдохнуть моя душа, то ли я ищу религиозную секту, проповедующую любовь, любовь людей друг к другу, во что бы то ни стало – любовь», – размышляет герой [Лимонов, 1992а, с. 268]. Эдичка будет совершать весьма экстравагантные поступки, напоминающие в том числе поступки Патриции. В главе «Лус, Алёшка, Джонни и другие» героя ведёт за собой бродяга Джонни, который очень нравится Эдичке. Он думает, что Джонни планирует совершить грабёж, в чём герою видится выражение социального протеста. Эдичка, не устающий в романе называть себя поэтом, полон решимости поддержать друга: «„Если он ведет меня кого-то ограбить, это мне как нельзя кстати“, – подумал я хладнокровно» [Лимонов, 1992а, с. 199]. К сожалению, у Джонни другие планы: «Я был раздражен. Я уже построил планы, а он... „Любовь потом, – сказал я ему. – Я хочу делать робберии – грабеж в апартаментах, я думал, мы идем сюда грабить апартамент. Зачем ты обманул меня?“ – сказал я» [Лимонов, 1992а, с. 199]. Симптоматично, что грабёж оказывается замещен гомосексуальным актом, столь же «беззаконным», происходящим прямо на лестничной клетке. Любопытно в приведенной прямой речи внедрение иноязычных слов в калькированном виде (робберии, апартамент), указывающее на сей раз на проблематичность языкового самоопределения [Dreizin, 1988; Shukman, 1983].

Рядом с портретами Мао Цзэдуна, Патриции Херст оказывается фотография самого Лимонова в собственноручно сшитом из 114 кусочков пиджаке. В роман помещено описание существующей в действительности фотографии, изображающей автора в экстравагантном пиджаке. Таким «проникновением» реальности в повествование обозначается прежде всего автобиографичность «Это я – Эдички» (см. содержательную статью [Ryan-Hayes, 1993]). На автобиографичность

произведения Э. Лимонов всячески намекает в своеобразном послесловии к роману «The Absolute Beginner, или Правдивая история сочинения „Это я – Эдички“» [Лимонов, 1992б, с. 323–332]. Кроме своего имени автор делится с героем подробностями биографии. Например, несколько эпизодов связано с откровенными и провокативными воспоминаниями о тяжелом периоде взросления в Харькове, о божественной жизни в Москве и т. д.

На протяжении романа Эдичка несколько раз возвращается к теме шитья. В СССР это был один из основных его заработков: «Еще я умел шить и шил по заказу брюки. Брал я за одну пару 20 рублей, шил я и сумочки, и моя предыдущая жена Анна, помню, ходила продавать их в ГУМ – главный универсальный магазин на Красной площади по 3 рубля штука» [Лимонов, 1992а, с. 78]. Один из важных эпизодов – затея с пошивом платья для Елены. Эпизод характеризует отношения героев, психологию героини, специфику мировосприятия в пресловутом буржуазном мире: «...она [Елена] объясняла мне свою достаточно безумную идею о каких-то рулонах ткани, в которые она хочет заворачиваться, чтобы таким образом сделать платье, и еще какие-то прожекторы из этой же ткани – шить должен был я. Я, пусть и сам не ахти какой нормальный парень, но понимал, что это тоже форма ох...ия от западной жизни – желание Елены перескочить через деньги – легко и просто иметь таким образом платья, да еще и в дизайнеры поиграть. Я понимал, что эта детская затея безумна и ни х... из этого не выйдет, но я соглашался, я боялся ее обидеть, или вызвать ее гнев» [Лимонов, 1992а, с. 306–307].

Эдичке свойственно повышенное внимание к одежде. Он несколько раз описывает собственные экстравагантные наряды: «У меня слабость к эксцентричной цирковой одежде, и хотя я по причине своей крайней бедности ничего особенного себе позволить не могу, все-таки рубашки у меня все кружевные, один пиджак у меня из лилового бархата, белый костюм – моя гордость – прекрасен, туфли мои всегда на высоченном каблучке, есть и розовые...» [Лимонов, 1992а, с. 93], «...оделся очень странно, в рваные синие французские джинсы, и прекрасный новый итальянский джинсовый пиджак, одел желтую итальянскую рубашку, жилет, разноцветные итальянские сапоги, шею обмотал черным платком» [Лимонов, 1992а, с. 67], «На мне была узенькая джинсовая курточка, такие же джинсовые брюки,

вправленные, нет, закатанные очень высоко, обнажая мои красивейшие сапоги на высоком каблуке, сапоги из трех цветов кожи» [Лимонов, 1992а, с. 92], «...я глупо слонялся в своей кружевной рубашке, белых брюках, бархатном лиловом пиджаке и белом великолепном жилете...» [Лимонов, 1992а, с. 129] и т. п.

Наличие собственной фотографии на стене можно связать с самолюбованием, с нарциссическим комплексом. Неслучайно И. П. Смирнов отмечает: «В творчестве Лимонова нарциссизм становится свойством повествователя, который к тому же конституирован так, чтобы читатель идентифицировал его с реальным автором текста» [Смирнов, 1994, с. 338] (см. также [Жолковский, 1994]). Ученый пишет об автоэротизме, который хорошо характеризует Эдичку: «роман изобилует сценами, в которых герой занят самоанализом, самонаблюдением, воспоминаниями, мастурбацией, разглядыванием своих половых органов и т. п.» [Лимонов, 1992а, с. 339]. Эдичка предпочитает автономное существование: он сам готовит себе пищу и шьет одежду. Метафорически герой становится автодидактом, отказываясь от подсобных предметов и орудий, – он передвигается по Нью-Йорку только пешком, самостоятельно попадая в любую точку города [Лимонов, 1992а, с. 339]. Нарциссизм Эдички – «это настоящая любовь, красивая, с муками, переживательная, с изменами, разрывами, примирениями, слезами и пр.» [Донде, 1993, с. 290].

Интересен ввод собственной фамилии (первое упоминание в тексте): «...в пиджаке из 114 кусочков, который сшил сам – Лимонов». Повествующий субъект словно бы разделяется на две части: повествующую от первого лица и отторгаемую, наблюдаемую со стороны. Как пишет О. Матич о прозе Э. Лимонова: «...персонажи его прозы видят себя не только изнутри, но и извне» [Матич]. В подобный парадокс попадает нарциссический субъект, выделяющий из себя вторую составляющую в качестве объекта для любви. Взгляд на себя извне – часто используемый приём в «Это я – Эдичке». Самый показательный пример в эпизоде, в котором Эдичка неудачно пытается привести наручники в нужный ему вид, заканчивается фразой: «Делая это, я видел себя со стороны, и как писатель решил, что эта жуткая сцена годится для Голливуда: Лимонов, плачущий от горя...» [Лимонов, 1992а, с. 47].

Увлеченность швейной темой подталкивает к знаменитому литературному высказыванию.

Сюрреалисты высоко ценили прославленный образ Графа де Лотреамона – встреча на анатомическом столе швейной машины с зонтиком («Песни Мальдорора». Песнь VI, эпизод 3) [Лотреамон, 1998, с. 292]. Портрет основателя сюрреализма Андре Бретона хранит у себя Эдичка. Сопоставление прозы Э. Лимонова и А. Бретона (например, его повесть «Надя») требует отдельного тщательного исследования. Здесь же остановимся на нескольких наблюдениях.

Предположим, что в сюрреализме вообще и очень большой степени в творчестве А. Бретона Эдичку больше всего привлекала политизированность искусства. Например, можно упомянуть, что в 1924–1929 году издавался журнал «Сюрреалистическая революция», а с 1931 года – «Сюрреализм на службе революции». Сам А. Бретон был членом коммунистической партии. Вместе с Л. Д. Троцкий в 1938 году он создал манифест «За независимое революционное искусство», декларирующий объединение политики и искусства. Сюрреалисты были «бунтарями от искусства», они отождествляли революцию с пересмотром границ реальности [Андреев, 2007, с. 311]. А. Бретон и его соратники призывали к политической революции, разрушению вызывающей отвращение западной цивилизации (см. например [Ванейгем, 2014, с. 41–57, 101–109]).

В романе Э. Лимонова действительно много размышлений не только о несправедливости мира, но и о революции. Эдичка ненавидит праздность богачей, отсутствие равных прав у всех слоев населения, говорит о личностном характере отношений с революцией, необходимости силовыми методами менять миропорядок: «...я не люблю богатых. ...в этом мире все бедные – революционеры и преступники, только не всякий находит путь, не всякий решается. Законы-то придумали богатые. Но, как гласит один из самых гордых лозунгов нашей неудачной русской революции, «Право на жизнь выше права частной собственности!» Я уже говорил, что я ненавидел не конкретных носителей зла – богачей, я даже допускал, что среди них могут быть жертвы мироустройства, но ненавидел порядок, при котором один ох...вает от скуки и безделья, или от ежедневного производства новых сотен тысяч, а другой тяжелым трудом едва зарабатывает на хлеб. Я хотел быть равным среди равных» [Лимонов, 1992а, с. 56–57], «Я относился к революции лично. Я не прикрывался высокими словами. Я закономерно выводил свою любовь к мировой революции из своей личной трагедии – трагедии,

в которой были замешаны обе страны – и СССР и Америка, в которой виновата была цивилизация. Меня не признала эта цивилизация, она игнорировала мой труд, она отказала мне в законно принадлежащем мне месте под солнцем, она разрушила мою любовь, она убила бы и меня, но я почему-то выстоял. И, качаясь и рискуя, я живу. Моя тяга к революции, построенная на личном, куда сильнее и натуральнее, чем все искусственные „революционные” причины» [Лимонов, 1992а, с. 118] и т. п. Складывается ощущение, что литература соцреализма с её героями-резонёрами, пропагандирующими в подходящие и неподходящие моменты сюжета линию партии, оказала влияние на Э. Лимонова.

А. Бретон во «Втором манифесте сюрреализма» уверял отсутствие страха в провозглашении абсолютного восстания как догмы [Андреев, 2007, с. 409]. Именно в этом тексте прозвучит скандально известное определение сюрреализма: «Самый простой сюрреалистический акт состоит в том, чтобы, взяв в руки револьвер, выйти на улицу и наудачу, насколько это возможно, стрелять по толпе» [Лимонов, 1992а, с. 409]. В «Это я – Эдичка»: „Как ты думаешь, Кэрл, при нашей жизни в Америке будет революция?» «Обязательно будет, – сказала, не задумываясь, Кэрл, – иначе зачем бы я работала в партии?» «Пострелять мне хочется, Кэрл», – сказал я ей тогда. И я не кривил душой. «Постреляешь, Эдвард», – сказала она, усмехнувшись». И чуть далее, о соседстве темы творчества, необходимости социальной справедливости с оправданием акта насилия: «Почему человек, продающий водку, имеющий магазин „Ликерс”, получает признание общества, да еще какое, а человек, пишущий стихи, обойдя земной шар кругом, так ничего и не получает, ничего не находит» [Лимонов, 1992а, с. 124]. Эдичка при этом, повторимся, регулярно напоминает читателю, что перед ним поэт.

Ещё один красноречивый пример: «Я не был официант, я не плевал им [посетителям] в пищу, я был поэт, притворяющийся официантом, я бы взорвал их на х..., но мелких гадостей я не мог им делать, не был способен. «Я разнесу ваш мир!» – думал я... Я разнесу ваш мир вместе с этими ребятами – младшими мира сего!» [Лимонов, 1992а, с. 42]. Получается, что как поэт Эдичка не способен на мелкие гадости, а вот на масштабные акты насилия (как поэт) способен.

Французским издателем «Это я – Эдички» стал Жан-Жак Повэр, который среди прочего издавал и А. Бретона [Лимонов, 1992б, с. 325].

Прямым указанием на то, что ожидает читателя в романе, является размещенный на стене квартиры Эдички «призыв защищать гражданские права педерастов». Гомосексуальная тема – одна из ключевых в романе. Она знаменует поиски героя собственного понимания жизни. Измена и уход жены заставляют его разочароваться в женщинах, усугубляют недовольство социальной системой. О. Матич сопоставляет первый гомосексуальный опыт героя «Это я – Эдички» с дионисийским мифом смерти и воскресения. «Эдичка с его предпочтением гетеросексуальной любви умирает, чтобы возродиться свободным человеком» [Matich, 1986, p. 532]. Подробные описания секса с мужчинами отвернули от романа многих представителей эмиграции и метрополии. «Роман Э. Лимонова „Это я – Эдичка” стал объектом массовой критики, в первую очередь общественной, а не литературной», – писали в 1982 году П. Вайль и А. Генис [Вайль, Генис, 1982, с. 132]. Знаменательно название статьи Л. Геллера «Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротике в литературе на материале сочинения Э. Лимонова „Это я – Эдичка”» [Геллер, 1980].

В «Это я – Эдичка» много упоминаний реально существовавших лиц. Например, на страницах романа появляются поэты И. Холин, Г. Сапгир, Л. Губанов. Однако есть упоминания с явным искажением имен, за которыми стоят реальные прототипы. Так, упомянут скульптор Эраст Провозвестный, за которым угадывается Эрнст Неизвестный, за фотографом Александром Жигулиным – Александр Бородулин и т. д.

Картины художника Хачатуряна выступают следующим элементом рассматриваемого интервью. Такую характеристику Хачатуряну даёт Эдичка: «...художника и писателя-модерниста, человека с формальным умом, изобретателя ходов и техник, сейчас закопавшегося в неудержимые формальные поиски под покровительством и водительством злой мудрой маленькой жены, блестяще говорящей по-английски и работающей в фирме по изготовлению шарфиков. Мы прошли вместе длинный путь – они и я, они знали мою предыдущую жену, до Елены – Анну, даже их первая брачная ночь прошла на полу в нашей с Анной квартире. Мы часто ругаемся, они все больше не понимают меня, но это не мешает нам сохранять подобие дружбы. Мы друзья» [Лимо-

нов, 1992а, с. 133]. Скорее всего под личиной Хачатуряна скрывается художник и писатель Вагрич Бахчанян. Именно он придумал псевдоним Лимонов, об этом подробно рассказывается в романе «Молодой негодяй» [Лимонов, 1986, с. 10].

Такая игра с читателем делает похожим «Это я – Эдичку» на так называемый «роман с ключом». С другой стороны, проводится граница между условным романским миром и реальностью, предупреждающая желание читателя совместить образ реального автора романа и его героя, пускай и носящего имя, идентичное авторскому.

Пожалуй, на стене квартиры Эдички не хватает только предметов, которые были бы связаны с постоянно появляющейся на страницах романа бывшей женой Еленой. «Яркий роман Лимонова о жизни среди обездоленных русской эмиграции – классическая история преданной любви» [Carden, 1984, p. 221]. Тоска по ушедшей жене – лейтмотив всего повествования, без него не обходится ни одна глава произведения. Отсутствие связанных с Еленой предметов указывает на попытки героя избавиться от мыслей о жене, забыть о ней. Компенсацией такому отсутствию выступает устроенная Эдичкой целая персональная выставка вещей Елены под названием «Мемориал Святой Елены», описанная в главе второй «Я – басбой». «...увидел опять свою жуткую выставку вещей Елены, развешанных по стенам, с этикетками под каждой такого содержания: «Чулочек Елены – белый / Где второй неизвестно / Она купила белые чулочки уже когда была / знакома с любовником, и тогда же купила / два тонких пояса – в них она с любовником / и еб...сь – Лимонову Эдичке грустно и / страстотерпно». Или: «Тампакс / Елены Сергеевны / неиспользованный, / девочка моя могла вложить его в пипку – у нее / смешно тогда торчала, висела / из пипки нитка». Предметы висели на гвоздях и плечиках, были прикреплены к стенам клейкой лентой. Веселенькая выставка была, да?» [Лимонов, 1992а, с. 60]. В отличие от длительно сохраняемого на стенах анализируемого набора изображений, эта выставка была Эдичкой уничтожена. Уничтожение героем выставки знаменовало, по его словам, начало нового этапа жизни.

Заключение

Набор предметов, размещенных Эдичкой на стене квартиры, создает своеобразный портрет

романа, его аннотацию в содержательном и формальном смысле. Суммируем те мотивы, темы романа, которые, на наш взгляд, приоткрывает описание интерьера: множество размышлений о неизбежности революции, политизированность литературы в целом и собственно «Это я – Эдички», предпочтение героем радикализм в действиях, поступках, революционного преобразования действительности, увлеченность Эдички оружием, гомосексуальная тематика, кризис идентичности, поиски самоопределения, самолюбование героя, нарциссизм, взгляд героя-рассказчика на себя извне, автобиографичность текста и её разрушение.

Не забудем, что анализируемое описание заканчивается фразой: «множество мелких бумажек» [Лимонов, 1992а, с. 15], – намекающей на использование в романе множества (кроме приведенных) разнообразных тем, образов, историй, создающих многомерный мир «Это я – Эдички».

Библиографический список

1. Андреев Л. Марксизм // Энциклопедический словарь сюрреализма. Москва : ИМЛИ РАН, 2007. С. 311–312.
2. Андреев Л. Революция // Энциклопедический словарь сюрреализма. Москва : ИМЛИ РАН, 2007. С. 409–410.
3. Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Ann Arbor : Эрмитаж, 1982. 192 с.
4. Ванейгем Р. Бесцеремонная история сюрреализма. Москва : Гилея, 2014. 187 с.
5. Геллер Л. Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротики в литературе на материале сочинения Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Ковчег. 1980. № 5. С. 84–88.
6. Гершензон М. О. Мудрость Пушкина // Гершензон М. О. Избранное. Том 1. Мудрость Пушкина. Москва – Иерусалим : Университетская книга, Geshtarim, 2000. С. 9–115.
7. Донде А. Эдуард, Эдик, Эдичка... // Лимонов Э. Палач. Москва : Журн. «Глагол», 1993. С. 289–305.
8. Жолковский А. Влюбленно-бледные нарциссы о времени и о себе // Жолковский А. Блуждающие сны и другие работ. Москва : Наука, 1994. С. 225–244.
9. Лимонов Э. Молодой негодяй. Париж : Синтаксис, 1986. 270 с.
10. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992а. 335 с.
11. Лимонов Э. The Absolute Beginner, или Правдивая история сочинения «Это я – Эдички» // Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конец века», 1992б. С. 323–330.
12. Лотман Ю. М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. Санкт-Петербург : Академический проект, 2002. С. 376–387.

13. Лотреамон. Песни Мальдорора. Стихотворения. Лотреамон после Лотреамона. Москва : Ad Marginem, 1998. 672 с.
14. Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html> (дата обращения: 23.04.2023)
15. Панцов А. В. Мао Цзэдун. Москва : Молодая гвардия, 2012. 867 с.
16. Сартр Ж.-П. Предисловие к «Мао во Франции»: Маоисты во Франции // Маоизм.Ру. URL: <http://maoism.ru/6542> (дата обращения: 23.04.2023)
17. Смирнов И. П. Психодиахронология: Психология русской литературы от романтизма до наших дней. Москва : Новое литературное обозрение, 1994. 352 с.
18. Чудаков А. П. Предметный мир литературы (К проблемам категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. Москва, 1986. С. 251–291.
19. Чудаков А. П. Слово – вещь – мир. От Пушкина до Толстого. Москва : Современный писатель, 1992. 317 с.
20. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor : Ardis, 1984. P. 221–232.
21. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slawistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55–67.
22. Hearst P. C., Moscow A. Every Secret Thing. New York : Doubleday & Co., 1982. 499 p.
23. Matich Olga. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdichka» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. P. 526–540.
24. Ryan-Hayes K. Limonov's «Èto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, № 4. P. 438–459.
25. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1993. № 1003. P. 1–37.
26. Shukman A. Taboos, Splits, and Signifiers: Limonov's «Èto ya – Edichka» // Essays in Poetics. 1983. Vol. 8. P. 1–18.
5. Geller L. Prigotovitel'nye zametki k teorii skandalov, avangarda i jerotiki v literature na materiale sochinenija Je. Limonova «Jeto ja – Jedichka» = Preliminary notes on the theory of scandals, the avant-garde, and eroticism in literature on E. Limonov's novel It's Me, Eddie // Kovcheg. 1980. № 5. S. 84–88.
6. Gershenzon M. O. Mudrost' Pushkina = Pushkin's wisdom // Gershenzon M. O. Izbrannoe. Tom 1. Mudrost' Pushkina. Moskva – Ierusalim : Universitetskaja kniga, Gesharim, 2000. S. 9–115.
7. Donde A. Jeduard, Jedik, Jedichka... = Edward, Edik, Edichka... // Limonov Je. Palach. Moskva : Zhurn. «Glagol», 1993. S. 289–305.
8. Zholkovskij A. Vljublennno-blednye narcissy o vremeni i o sebe = Loving pale daffodils on time and ourselves // Zholkovskij A. Bluzhdajushhie sny i drugie rabot. Moskva : Nauka, 1994. S. 225–244.
9. Limonov Je. Molodoj negodjaj = The young villain. Parizh : Sintaksis, 1986. 270 s.
10. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka. = It's Me, Eddie. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992a. 335 s.
11. Limonov Je. The Absolute Beginner, ili Pravdivaja istorija sochinenija «Jeto ja – Jedichka» = The Absolute Beginner, or the True story of the writing It's Me, Eddie // Limonov Je. Jeto ja, Jedichka. Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992b. S. 323–330.
12. Lotman Ju. M. Hudozhestvennyj ansambl' kak bytovoe prostranstvo = Artistic ensemble as a household space // Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2002. S. 376–387.
13. Lotreamon. Pesni Mal'dorora. Stihotvorenija. Lotreamon posle Lotreamona = The Songs of Maldoror. Poems. Lautréamont after Lautréamont. Moskva : Ad Marginem, 1998. 672 s.
14. Matich O. Jeduard Limonov: istorija avtora i ego personazha = Eduard Limonov: the story of the author and his character // Zhurnal'nyj zal. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html> (data obrashhenija: 23.04.2023)
15. Pancov A. V. Mao Czjedun = Mao Zedong. Moskva : Molodaja gvardija, 2012. 867 s.
16. Sartr Zh.-P. Predislovie k «Maо vo Francii»: Maoisty vo Francii = Foreword to Mao in France: Maoists in France // Maoizm.Ru. URL: <http://maoism.ru/6542> (data obrashhenija: 23.04.2023)
17. Smirnov I. P. Psihodiahronologika: Psihoistorija russkoj literatury ot romantizma do nashih dnei = Psychodiachronologic: Psychohistory of Russian literature from Romanticism to the present day. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 1994. 352 s.
18. Chudakov A. P. Predmetnyj mir literatury (K problemam kategorij istoricheskoi pojetiki) = Material world of literature (On issues of historical poetics categories) // Istoricheskaja pojetika. Itogi i perspektivy izucheniya. Moskva, 1986. S. 251–291.

Reference list

1. Andreev L. Marksizm = Marxism // Jenciklopedicheskij slovar' sjurrealizma. Moskva : IMLI RAN, 2007. S. 311–312.
2. Andreev L. Revoljucija = Revolution // Jenciklopedicheskij slovar' sjurrealizma. Moskva : IMLI RAN, 2007. S. 409–410.
3. Vajl' P., Genis A. Sovremennaja russkaja proza = Modern Russian prose. Ann Arbor : Jermitez, 1982. 192 s.
4. Vanejgem R. Besceremonnaja istorija sjurrealizma = An offhand history of surrealism. Moskva : Gileja, 2014. 187 s.

19. Chudakov A. P. Slovo – veshh' – mir. Ot Pushkina do Tolstogo = Word – thing – world. From Pushkin to Tolstoy. Moskva : Sovremennyy pisatel', 1992. 317 s.
20. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor : Ardis, 1984. P. 221–232.
21. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slawistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55–67.
22. Hearst P. C., Moscow A. Every Secret Thing. New York : Doubleday & Co., 1982. 499 p.
23. Matich Olga. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdička» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. P. 526–540.
24. Ryan-Hayes K. Limonov's «Èto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, № 4. P. 438–459.
25. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Vesk Papers in Russian and East European Studies. 1993. № 1003. P. 1–37.
26. Shukman A. Taboos, Splits, and Signifiers: Limonov's «Èto ya – Edichka» // Essays in Poetics. 1983. Vol. 8. P. 1–18.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 17.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья

УДК 32.019.5

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_59

EDN: KICZBZ

Военная метафора как репрезентация спортивного инцидента в медиадискурсе

Дмитрий Петрович Гавра¹, Елена Владимировна Быкова^{2✉}

¹Доктор социологических наук, заведующий кафедрой связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

²Доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

¹d.gavra@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6536-9277>

²e.bykova@spbu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3842-8419>

Аннотация. Статья посвящена исследованию характера представления спортивного инцидента с российской чемпионкой К. Валиевой на Пекинской олимпиаде-2022 в медиадискурсе российских медиа прогосударственной и патриотической ориентации. Фокус медийного освещения событий на Олимпиаде 2022 был сосредоточен на детальном описании каждого дня допинг-скандала, который произошел в женском фигурном катании с очевидной фавориткой в этом виде спорта. Целью исследования является анализ употребляемых в медиасреде метафор с военной семантикой при описании происшедшего инцидента. Опираясь на устоявшееся мнение, что в современном социуме спорт может считаться суррогатом войны, в статье подтверждается гипотеза, что выбранная редакциями метафорическая рамка представления спортивного по существу инцидента ориентирует аудитории на восприятие происходящего в поле спорта как элемента глобальной войны обобщенного Запада против России. Эмпирический материал представлен текстами, собранными в системе Semanticforce.net по ключевому слову «Камила Валиева» в тексте, заголовке или подзаголовке в медиа. В отобранных текстах выделены метафоры войны.

Авторы делают вывод, что сегодня большой спорт и крупные спортивные мероприятия выступают в качестве смыслообразующего поля для политической мобилизации и боевых операций когнитивных войн, в медиадискурсе которых точка зрения одной из сторон опирается на ценностные категории, которые эксплицируются в способах репрезентации положения дел и их оценочного потенциала в бинарной оппозиции «свой – чужой».

В статье авторы показывают, что российские государственные и проправительственные медиа использовали коммуникативные стратегии патриотической мобилизации аудитории на основе использования военных метафор в ответ на инцидент с допинг-пробой Камилы Валиевой на Олимпиаде 2022. Стратегия, использованная обобщенным Западом в этой ситуации в российском медиадискурсе, маркируется как объявление войны против российского спорта и страны в целом.

Ключевые слова: военная метафора; спорт; массмедиа; олимпиада; когнитивная война

Для цитирования: Гавра Д. П., Быкова Е. В. Военная метафора как репрезентация спортивного инцидента в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 59–64. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_59. <https://elibrary.ru/KICZBZ>

Media communications and journalism

Original article

Military metaphor to present a sports incident in media discourse

Dmitry P. Gavra¹, Elena V. Bykova^{2✉}

¹Doctor of sociological sciences, head of the department of public relations, St. Petersburg State University. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7–9

²Doctor of philological sciences, professor, department of public relations, St. Petersburg State University. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7–9

¹d.gavra@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6536-9277>

²e.bykova@spbu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-3842-8419>

Abstract. The article studies the nature of presenting the sports incident with the Russian champion K. Valiyeva at the Beijing Olympics-2022 in the media discourse of the Russian pro-government and patriotic media. Media coverage of the 2022 Olympics focused on a detailed day-by-day description of the doping scandal that took place in women's figure skating with an obvious favorite in this sport. The aim of the study is to analyze the metaphors with military semantics used in the media when describing the incident that took place. Based on the well-established opinion that in modern society sport is considered to be a surrogate for war, the article confirms the hypothesis that the metaphors chosen by the editors to represent a purely sporting incident guide the audience to see what is happening in sports as an element of the collective West's global war against Russia. The material for the research is represented by texts collected in the Semanticforce.net system using the keyword «Kamila Valieva» in the media text, headline or subheading. The selected texts contain metaphors of war.

The authors conclude that today, big-time sports and major sporting events act as a semantic field for political mobilization and fighting cognitive wars in whose media discourse the point of view of one party is based on value categories, explicated in presenting the affairs and their evaluative potential in the binary opposition of «friend – foe». In this article, the authors show that the Russian official and pro-government media used communication strategies of patriotic audience mobilization based on the use of military metaphors in response to the incident with Kamila Valieva's doping test at the 2022 Olympics. The strategy used by the collective West in this situation in Russian media discourse is marked as a declaration of war against Russian sports and the country as a whole.

Key words: military metaphor; sports; mass media; Olympics; cognitive war

For citation: Gavra D. P., Bykova E. V. Military metaphor to present a sports incident in media discourse. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(2):59–64. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_59. <https://elibrary.ru/KICZBZ>

Введение. Спорт высоких достижений и Олимпиада в современном мире стали частью спортивной индустрии и потому рассматриваются как индустрия, приносящая миллиардные прибыли [Макаров, 2022]. С другой стороны, спортивная сфера в силу ее медийности, огромных аудиторий и замкнутости зрелищ на эмоции выступает полем формирования простых дихотомических смыслов – «мы-они», «свой-чужие», «друзья-враги», «победа-поражение», «добро-зло» [Гавра, Быкова, 2017; Чжэнь, 2017] и поэтому «является семантическим механизмом формирования позиции субъекта» [Селезнева, Жукова, 2022, с. 61]. Дихотомия объясняется агональностью медиа-дискурса и типизированностью сознания представителей различных лингвокультур в актуальной бинарной оппозиции «война – мир» [Магомедова, 2015, с. 8]. В кризисной коммуникации, которую мы наблюдали в ходе разворачивающейся спортивной борьбы и допинг-скандала с фавориткой Олимпиады Камиллой Валиевой, снижается когнитивная сложность процессов осмысления мира и на первый план выходят базовые структуры (например, оппозиции Свой-Чужой, Герой-Злодей-Жертва), которые во многом определяют оценки текущих событий вовлеченными акторами. «Надежным маркером актуализации концептуальных оппозиций в политическом дискурсе является милитарная метафора» [Будаев, 2022, с. 13]. Веской причиной, объясняющей связи между войной и спортом, можно назвать устойчивый архетип: спорт со времен Спарты являлся подготовкой к войне [Саяхова, 2017] и ассоциа-

тивная связка спорт-война – «это самая многочисленная группировка в составе социальной метафорической подсистемы» [Балашова, 2022, с. 778].

В связи с этим крупные спортивные мероприятия, государственная принадлежность организаторов и участников, поведение победителей и побежденных имплицитно всегда обладают политическим содержанием. Достаточно вспомнить победы Джесси Оуэнса на Олимпиаде-1936 в нацистском Берлине или сжатые кулаки в черных перчатках афроамериканских легкоатлетов из США на чемпионском пьедестале в Мехико-1968. В условиях роста международной напряженности этот потенциал политизации крупнейших спортивных мероприятий только возрастает. Спортивные состязания становятся дополнительным измерением международных конфликтов и превращаются не только в конкурентную площадку экономического, политического и ментального противостояния, но и становятся инструментом прямого давления, если не сказать, подавления [Гавра, Быкова, 2017, с. 26], что проявляется в виде санкций, бойкотирования, недопуска, дисквалификации спортсменов, представляющих сторону конфликта. Борьба за «чистоту спорта» сразу после Олимпиады-2014 в Сочи трансформировалась в борьбу с самой Россией, что привело к радикализации взаимоотношений с международными спортивными организациями. 2022 год принес новые рестрикции, российский спорт высших достижений сознательно и демонстративно исключен из того, что западные спортивные чиновники, сконцентрировавшие власть в

МОК и международных федерациях, называют «мировым спортивным движением». В этой уже новой ситуации ряд экспертов от российского спорта начинают сомневаться в олимпийском движении, точнее, в его нынешней вестернизированной неокOLONиалистской версии спорта как таковой [Sports.ru, 2022].

В современном медиатизированном мире, где важнейшие смыслы формируются в массовом сознании через каналы масс-медиа и социальных сетей [Чудинов, 2001, Castells, 2009, Couldry & Hepp, 2016], спортивная сфера превращается в важнейший резервуар, из которого политики, инфлюенсеры, журналисты, блогеры черпают, казалось бы, объективную информацию о фактах, голах, секундах, а затем превращают эту информацию в инструмент манипулирования и политической борьбы. Массовой аудитории навязывают восприятие спортивных соревнований не как эмоционально насыщенного зрелища, где меряются силами индивидуальные или объединенные в команды атлеты, а как противостояния ценностей, идеологий, «сил добра и зла». Медийная презентация «большого спорта» только эксплуатирует спорт как зрелище для извлечения экономическими агентами сверхприбылей, а политическими игроками – политических дивидендов. Авторитетными социологами и политологами спортивные мероприятия рассматриваются как суррогат войны [Philip, 2018], иногда даже метафизического противостояния Своих и Чужих, где победитель может быть только один и победитель получает все [Gerald, 1999].

В этом плане особая роль принадлежит способам коммуникативной упаковки спортивной информации. Журналист, комментатор, эксперт, спортивный чиновник, используя метафоры, генерализацию, метонимии и другие речевые инструменты воздействия, способны навязывать аудитории свое видение течения и результатов спортивного соревнования. И если при этом журналисты используют метафорику войны, то аудитория тоже начинает формировать свое отношения к происходящему именно в этом направлении.

В качестве эмпирического кейса для иллюстрации технологий воздействия на массовое сознание мы выбрали ситуацию, сложившуюся после обнародования подозрений в использовании допинга российской фигуристки Камиллой Валиевой на Пекинской олимпиаде-2022 [Комсомольская правда, 2022]. Важно отметить, что данный инцидент и его медийная рефлексия имели место еще до начала Специальной военной опера-

ции 24.02.22 (СВО), следовательно, воздействие фактора СВО на характер медиадискурса в этот период можно исключить, и потому мы имеем возможность выявить фоновые показатели политизации данного спортивного инцидента.

Материалы и методы исследования. В информационно-сетевом обществе площадкой для актуализации противоборства становится пространство цифровых медиакommunikаций. И, хотя технологии распространения и производства контента информационного противоборства существенно изменились технологически, цель осталась неизменной, и ее достижение проводится в полном соответствии с принципами ведения когнитивной войны [Русстрат, 2022]. И хотя сам по себе термин «когнитивная война» может считаться относительно недавно вошедшим в академический и профессиональный дискурс, самим принципам философии этого типа противостояния уже более тысячи лет. Вспомним классический трактат Сунь-Цзы «Искусство войны» [Сунь-Цзы, 1950] и переведем его стратегические рекомендации в поле спортивной коммуникации: разлагайте все хорошее, что есть в стране противника (лидерство в определенном виде спорта), вовлекайте видных деятелей в критику происходящего (посты лидеров общественного мнения в социальных сетях с изложением нелицеприятного мнения о допинг-скандале), подрывайте престиж руководства (обвинения руководства спорта в коррупции), разжигайте ссоры среди граждан страны противника (полемика по поводу участия или неучастия в соревнованиях под нейтральным флагом), подрывайте моральное состояние соперника, сломите волю к сопротивлению (подозрения в употреблении наркотических веществ) обесценивайте традиции (выход на награждение под государственный гимн, лишение заслуженных олимпийских медалей, пересмотр судебных решений), будьте щедры в покупке информации у сообщников (казус Родченкова) и т. п. Это все то, что можно обнаружить в медиадискурсе когнитивного противника, представленного в «независимых» российских медиа по отношению к российскому спорту в целом и применительно к инциденту с К. Валиевой, в частности.

В ответ на описанную подрывную информационную политику российские медиа использовали в олимпийском медиадискурсе лексику семантического поля военной риторики. Эмпирическую базу исследования составили статьи, извлеченные из электронных версий российских федеральных газет за период с 10.02.2022 по 20.02.2022, на тему

допингового скандала. Медiateксты собраны с помощью системы Semanticforce.net. по ключевому слову «Камила Валиева», эксплицированному в тексте, заголовке или подзаголовке в медиа. В отобранных текстах выделены метафоры войны, в которых реализован наступательный характер речевого поведения автора материала, так как метафора, как известно, является одним из наиболее эффективных средств воздействия на сознание читателей. «Метафоричность – один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи» [Чудинов, 2001, с. 4].

Результаты исследований и их анализ

Гипотеза. Российские проправительственные и патриотически ориентированные медиа маркировали инцидент с Камиллой Валиевой как эпизод стратегической когнитивной войны обобщенного Запада против России. Именно поэтому в российском медиадискурсе применялись речевые приемы, которые ориентировали аудиторию на интерпретацию данного инцидента как элемента общей стратегии ответа на агрессию в боевом противостоянии.

Типологию военной метафоры [Кулажко, 2018] по внутренней семантике допустимо экстраполировать на акторов, задействованных в допинг-скандале с К. Валиевой на пекинской Олимпиаде.

Рассмотрим основные метафорические приемы формирования смысла, использованные в данном контексте российскими федеральными медиа.

1. Бой, ответ на атаку / провокацию, использование средств ведения войны – допинг-скандал (*Тренер Тарасова: западные СМИ раздули историю с «допингом» Валиевой для давления на фигуристку*; является **провокацией** с целью эмоциональной **дестабилизации** фигуристки (Sputnik 09/02/22); Опрос показал, что большинство россиян **считает провокацией** скандал с фигуристкой Валиевой (КП 10.02.22); назвал все происходящее бредом и **провокацией** (Спорт 09.02.22); не нужно **заниматься истерией** (КП 09.02.22); произошедшее – очередная **нападка** на российский спорт (Нез.Г 10.02.22); запустили эту утку через своих журналистов, фактически **торпедировав соборную Россию** (КП); после этих суток **крошечного ада**, когда ты между **крушением** карьеры или полным оправданием; **гибридные информационные атаки**, к которым мы уже начали привыкать (КП 10.02.22);

2. Армия, боевое подразделение, методы боевых действий – команде российских спортсменов (Камилы Валиевой, **завоевавшей «золото»** в командном зачете (РГ 01.02.22); **предрекали победу** в женском турнире (Спорт 09.02.22); если наша чемпионка **завоюет** медаль любого достоинства в этих состязаниях, церемония награждения не состоится; все снести и **выстоять в этой битве** (РИА 15.02.2022); **взять реванш** за обидное поражение; в честной борьбе **сразиться** за медали; Первой же из россиянок, **штурмовавших** тройной аксель; **истерзанная** нервотрепками и разьедающей **боевой настрой** томительной неопределенностью, за такой **подвиг** уже можно давать **звание героя**; знаменитым **бойцовским** характером; **грозной соперницей**; **Решающая битва** за звание олимпийской чемпионки (РИА 15.02.2022); западная пресса **ополчилась** против России и Валиевой (Нов.Г 16.02.2022)

3. Участники боевых действий – Россия и коллективный Запад (Это был **полный катастрофический провал** для спортсменов и общественного доверия; **дамоклов меч** **устрашающе нависает** не только над **героической победой** наших фигуристов (РИА 12.02.2022); это **разрушительный ущерб** для моего спорта»; **«Они разрушили** этот олимпийский опыт для НЕЕ и для ВСЕХ здесь»).

4. Результаты войны – решение МОК и WADA (**брать в заложники** юную девушку; «рус, **партизан, сдавайся!**»; публичная **эзекуция** Валиевой; Для нас больше секретов – в этой части **гибридной войны Запада с Россией** – нет. **Да, войны, войны** под лозунгами «чистого спорта», «войны с употреблением допинга» Остановить Камилу. **Остановить Россию**).

Выводы

В ходе исследования сформулированная гипотеза получила свое эмпирическое подтверждение. Российские медиа прогосударственной и патриотической ориентации использовали речевые стратегии, прямо ориентирующие аудиторию на восприятие инцидента с Камиллой Валиевой как эпизода комплексной гибридной войны обобщенного Запада против России. При этом агрессором выступает Запад, а Россия – сторона, отвечающая на агрессию. Поэтому широко применялись лексические средства, принадлежащие к военному дискурсу или дискурсу спецслужб – собственно «война», «агрессия», «атака», «нависающий меч», «провокация», «битва», «боевой настрой», «бой-

цовский характер», «герой», «партизан», «героическая победа» и т. п.

Особо следует отметить глаголы, обозначающие действия. Они также принадлежат к военному дискурсу – «ополчиться», «торпедировать», «брать в заложники», «сдаваться», «штурмовать», «завоевать», «сразиться», «выстоять в битве», «взять реванш», «одержать победу» и т. п. Сама Камила Валиева представляется как персонаж военного нарратива – сначала – жертва – «жертва экзекуции», «истерзанная», «юная девушка, взятая в заложники», «русская партизанка», а затем – герой и победитель.

Сама история с допингом маркируется как провокация не только как атака на отдельную спортсменку, а как провокация, как акт войны против всей российской команды и – шире – против всего российского спорта и страны в целом.

Таким образом, исследование подтвердило не только частную гипотезу о политизирующих коммуникативных стратегиях медиа применительно к конкретному спортивному инциденту с отдельной спортсменкой. Оно также подтвердило и более общий тезис о том, что в современном конфликтном мире, пронизанном цифровыми коммуникациями, большой спорт и крупные спортивные мероприятия выступают в качестве смыслообразующего поля для политической мобилизации, для проведения специальных информационных операций, в конечном счете для боевых операций когнитивных войн.

Всем, кто знаком с философией олимпизма, очевидно, что такое положение вещей прямо противоречит этой философии. Призванный объединять и примирять через честное соперничество, большой спорт в руках тех, кто им сегодня управляет, превращается в свою функциональную противоположность.

Библиографический список

1. Балашова Л. В. Милитарная метафора как способ формирования концепта Ковид-19 в речи В. В. Путина // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 777–800.
2. Будаев Э. В. Милитарные метафоры как средство концептуализации белорусской милиции в российских СМИ // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 12–20.
3. Гавра Д. П., Быкова Е. В. Спортивная индустрия в контексте стратегических коммуникаций: базовые характеристики // Российская школа связей с общественностью. 2017. № 9. С. 26–34.
4. Кулажко С. Специфика использования военных метафор в текстах СМИ // Медиаальманах. 2018. № 6. С. 118–125.
5. Культуролог Кыласов: «Спорт в России давно не формирует престиж нации. Обнаглевшие нарциссы требуют господдержки и при этом выступают под белыми тряпками» // Sports.ru. 2022. URL: <https://www.sports.ru/athletics/1113010409-kulturolog-kylasov-sport-v-rossii-davno-ne-formiruet-prestizh-naczii-o.html> (дата обращения 13.02.2023)
6. Магомадова Т. Д. Военная метафора в современном английском, немецком и русском медиадискурсе. Волгоград, 2015. 25 с.
7. Макаров Е. Ментальная и когнитивная войны: вопросы определения, цели и средства // Геополитика. [сайт]. 2022. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-voyny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva> (дата обращения 13.02.2023)
8. Русстрат. Институт международных и политических стратегий Когнитивная война: война нового поколения. 2021. URL: <https://russtrat.ru/analytics/24-dekabrya-2021-0010-7763> (дата обращения 13.02.23)
9. Саяхова Д. К. Военная лексика в спортивных публикациях // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017031885> (дата обращения: 18.02.2023).
10. Слободянюк Н. В. Вопросы финансирования индустрии спорта в России // Государственный капитализм в современной экономике: материалы интернет-конф., 11 апр. – 16 мая 2011 г. / Рос. экон. ун-т им. Г. В. Плеханова. Москва, 2011. С. 347–350.
11. Сомнительный тест Камилы Валиевой стал причиной переноса церемонии награждения российских фигуристов на Олимпиаде // Комсомольская правда: [сайт]. 2022. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4623292/> (дата обращения 13.08.2023)
12. Селезнева Л. В., Жукова А. Г. Позиционирование в PR-дискурсе: позиция и точка зрения // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 61–70. URL: <https://elibrary.ru/ESXRIW>
13. Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве: Перевод и исследование / Н. И. Конрад; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. Москва; Ленинград : изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1950 (Ленинград). 404 с.
14. Чжэнь Ч. Военная метафора в русской и китайской спортивной журналистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов : Грамота, 2017. № 3(69): в 3-х ч. Ч. 2. С. 78–81.
15. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : монография. Екатеринбург : УрГПУ, 2001. 238 с.
16. Castells M. (2009). Communication Power. Oxford : Oxford University Press.
17. Couldry N., & Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge, UK; Malden, MA : Polity Press, 2016.

18. Hepp A. Deep mediatization. London and New York : Routledge, 2020.

19. Philip A. D'agati (2018) Surrogate war: politics of conflict in sports and space, International Journal of Sport Policy and Politics, 10:3. P. 451–467.

20. Gerald R. Gems Sports, war, and ideological imperialism, Peace Review, 11:4, 1999. P. 573–578.

Reference list

1. Balashova L. V. Militarная метафора как способ формирования концепта Kovid-19 в речи В. В. Путина = Military metaphor as a way of forming the Kovid-19 concept in V. V. Putin's speech // Kommunikativnye issledovaniya. 2020. T. 7. № 4. S. 777–800.

2. Budaev Je. V. Militarные метафоры как средство концептуализации белорусской милиции в российских СМИ = Military metaphors as a means of conceptualizing the Belarusian police in Russian media // Politicheskaja lingvistika. 2022. № 4 (94). S. 12–20.

3. Gavra D. P., Bykova E. V. Sportivnaja industrija v kontekste strategicheskikh kommunikacij: bazovye harakteristiki = Sports industry in the context of strategic communications: basic characteristics // Rossijskaja shkola svjazej s obshhestvennost'ju. 2017. № 9. S. 26–34.

4. Kulazhko S. Specifika ispol'zovanija voennyh metafor v tekstah SMI = Specific use of military metaphors in media texts // Medial'manah. 2018. № 6. S. 118–125.

5. Kul'turolog Kylasov: «Sport v Rossii davno ne formiruet prestizh nacji. Obnaglevshie narcissy trebujut gospodderzhki i pri jetom vystupajut pod belymi trjapkami» = Culturologist Kylasov: «Sports in Russia have long ceased to form the prestige of the nation. Cheeky narcissists demand state support and yet act under white rags» // Sports.ru. 2022. URL: <https://www.sports.ru/athletics/1113010409-kulturolog-kylasov-sport-v-rossii-davno-ne-formiruet-prestizh-naczii-o.html> (data obrashhenija 13.02.2023)

6. Magomadova T. D. Voennaja metafora v sovremenom anglijskom, nemeckom i russkom mediadiskurse = Military metaphor in contemporary English, German and Russian media discourse. Volgograd, 2015. 25 s.

7. Makarov E. Mental'naja i kognitivnaja vojny: voprosy opredelenija, celi i sredstva = Mental and cognitive wars: issues of definition, goals and means // Geopolitika.ru: [sajt]. 2022. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/mentalnaya-i-kognitivnaya-vojny-voprosy-opredeleniya-celi-i-sredstva> (data obrashhenija 13.02.2023)

8. Russtrat. Institut mezhdunarodnyh i politicheskikh strategij Kognitivnaja vojna: vojna novogo pokolenija = Russtrat. Institute for international and political strategies Cognitive Warfare: the new generation war. 2021. URL: <https://russtrat.ru/analytics/24-dekabrya-2021-0010-7763> (data obrashhenija 13.02.23)

9. Sajahova D. K. Voennaja leksika v sportivnyh publikacijah = Military vocabulary in sports publications // Materialy IX Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii «Studencheskij nauchnyj forum». URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017031885> > <https://scienceforum.ru/2017/article/2017031885> (data obrashhenija: 18.02.2023).

10. Slobodjanjuk N. V. Voprosy finansirovanija industrii sporta v Rossii = Issues of financing the sports industry in Russia // Gosudarstvennyj kapitalizm v sovremennoj jekonomike: materialy internet-konf., 11 apr. – 16 maja 2011 g. / Ros. jekon. un-t im. G. V. Plehanova. Moskva, 2011. S. 347–350.

11. Somnitel'nyj test Kamily Valievoj stal prichinoj perenosy ceremonii nagrazhdenija rossijskikh figuristov na Olimpiade = Kamila Valiyeva's dubious test caused the delay in the awards ceremony for Russian figure skaters at the Olympics // Komsomol'skaja pravda: [sajt]. 2022. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4623292/> (data obrashhenija 13.08.2023)

12. Selezneva L. V., Zhukova A. G. Pozicionirovanie v PR-diskurse: pozicija i tochka zrenija = Positioning in PR discourse: position and a point of view // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 2 (29). S. 61–70. URL: <https://elibrary.ru/ESXRIW>

13. Sun'-Czy. Traktat o voennom iskusstve: Perevod i issledovanie = Treatise on the art of war: Translation and research / N. I. Konrad; Akad. nauk SSSR. In-t vos-tokovedenija. Moskva; Leningrad : izd-vo i 1-ja tip. izd-va Akad. nauk SSSR, 1950 (Leningrad). 404 s.

14. Chzhjen' Ch. Voennaja metafora v russkoj i kitajskoj sportivnoj zhurnalistike = Military metaphor in Russian and Chinese sports journalism // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov : Gramota, 2017. № 3(69): v 3-h ch. Ch. 2. C. 78–81.

15. Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000) = Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991–2000) : monografiya. Ekaterinburg : UrGPU, 2001. 238 s.

16. Castells M. (2009). Communication Power. Oxford : Oxford University Press.

17. Couldry N., & Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge, UK; Malden, MA : Polity Press, 2016.

18. Hepp A. Deep mediatization. London and New York : Routledge, 2020.

19. Philip A. D'agati (2018) Surrogate war: politics of conflict in sports and space, International Journal of Sport Policy and Politics, 10:3. R. 451–467.

20. Gerald R. Gems Sports, war, and ideological imperialism, Peace Review, 11:4, 1999. R. 573–578.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 15.02.2023; approved after reviewing 12.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_65

EDN: KGSMQG

Инвективный потенциал иронии в медиадискурсе

Мария Анатольевна Фирсова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
firsovamariaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Аннотация. В статье рассматривается ирония в аспекте реализации инвективной речевой стратегии в рамках аналитической передачи. Отмечено, что лексемы с негативной семантикой усиливают манипулятивный потенциал иронии как дискурсивного приема установления контакта с адресатом. Установлено, что функционирование иронии с инвективным компонентом в индивидуальном дискурсе журналиста является формой социальной оценки. Посредством развертывания иронических смыслов в пространстве телепередачи автор текста выражает критику комментируемого новостного события, формируя тем самым общественное мнение. Композиционный анализ показал, что категория иронического становится основой для производства всего текста телепередачи, задает субъективную интерпретацию новостного события, а также служит основанием для перехода от иронии к речевой агрессии. Композиционное устройство авторского комментария журналиста на каждом этапе содержит инвективную иронию как манипулятивный прием. Это проявляется в понижении ответственности за высказывания у адресанта и расширяет границы допустимого словоупотребления в медиадискурсе. Проанализированный языковой материал позволил также выявить, что инвективный потенциал иронии репрезентируется в нескольких взаимодополняющих векторах: 1) интенциональный (инвективность), 2) дискурсивный (личный), 3) разнонаправленный (взаимная работа адресанта и адресата). Ироническое переосмысление мировых политических событий, которое достигается за счет нивелирования границ допустимого словоупотребления, является одним из показателей смещения ценностных ориентиров в сторону возрастания манипулятивной составляющей индивидуального дискурса журналиста. Инвективный потенциал иронии, репрезентированный в передаче, граничит с речевой агрессией, так как содержит не только негативную оценочность, но имеет также дискредитирующее содержание, представленное тактикой навешивания ярлыков, понижения статуса и т. п.

Ключевые слова: медиадискурс; ирония; инвективный потенциал; лексика с негативной семантикой; манипулирование; речевая стратегия; речевая агрессия

Для цитирования: Фирсова М. А. Инвективный потенциал иронии в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 65–71. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_65. <https://elibrary.ru/KGSMQG>

Original article

Invective potential of irony in media discourse

Maria A. Firsova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of modern russian language, Tatishchev Astrakhan state university. 414056, Astrakhan, Tatishchev st., 20a
firsovamariaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Abstract. The article considers irony for implementing the invective speech strategy in the framework of an analytical program. Lexemes with negative semantics are noted to enhance the manipulative potential of irony as a discursive technique for establishing contact with the addressee. The functioning of irony with an invective component in the journalist's individual discourse is a form of social assessment. Through the deployment of ironic meanings within the space of a TV program, the author of the text expresses criticism of the topical news event, thus forming public opinion. The compositional analysis shows that the category of the ironic becomes the basis for producing the entire text of a TV program, gives a subjective interpretation of the news event, and also underlies the transition from irony to verbal aggression. The compositional structure of the journalist's authorial commentary contains invective irony as a manipula-

tive technique at every stage, which manifests itself in the reduction of the addressee's responsibility for what is said and expands the boundaries of acceptable expression in media discourse. The material that has been analyzed reveals that the invective potential of irony is represented in several mutually complementary vectors: 1) intentional (invectiveness), 2) discursive (personal), 3) multidirectional (mutual work of the addresser and the addressee). Ironic reinterpretation of world political events, which is achieved by leveling the boundaries of acceptable word usage, is an indicator of shifting values in the direction of increasing manipulative component of individual journalistic discourse. The invective potential of irony, represented in the program, borders on verbal aggression, as it contains not only negative evaluation, but it also has a discrediting content, expressed through the tactics of labeling, downgrading, etc.

Key words: media discourse; irony; invective potential; lexis with negative semantics; manipulation; speech strategy; verbal aggression

For citation: Firsova M. A. Invective potential of irony in media discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):65–71. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_65. <https://elibrary.ru/KGSMQG>

Введение

Ирония, рассматриваемая как троп, основанный на противоречии между буквальным и скрытым смыслом, как концептуальная категория, связанная со структурой всего текста и позволяющая имплицитно передать отношение к изображаемому, является предметом исследования в работах многих лингвистов (О. П. Ермакова, 2014, А. А. Горностаева, 2016, И. Ю. Шкицкая, 2019, Н. Б. Руженцева, 2021 и др.). Многообразие проявлений иронического в текстах рассматривается на разных языковых уровнях, например, фонетическом. При этом утверждается, что адресат способен распознать иронию по интонации посредством протяженного произношения гласных звуков [Skrelin, 2020, p. 544]. Ирония рассматривается как речевой акт, основанный на социально принятых риторических механизмах [Witek, 2022, p. 76], а также как лингвистический феномен, в котором главное место занимает понятие аффекта [Fariás, Patti, Rosso, 2016, p. 1–24]. Язык социальных сетей рассматривается в работе A. Reyes, P. Rosso, D. Buscaldi, где ирония понимается как образная обработка языка; приводится ряд обоснований, подтверждающих «двусмысленность, полярность, неожиданность и эмоциональное содержание» данного феномена [Reyes, Rosso, Buscaldi, 2012, p. 12]. О тенденциозном использовании циничного и сатирического языка в медиа говорится в работе Nur Atikan Ibrahim, Malinda Yusof, а также подчеркивается повсеместное использование иронии в социальных медиа [Nur Atikan Ibrahim, Malinda Yusof, 2020, p. 269–288]. Способы проявления киберагрессии, среди которых ирония занимает одно из ведущих мест, рассматриваются в статье A. Tommasel, J. M. Rodriguez, D. Godoy; авторы предлагают механизмы преодоления проявлений киберагрессии в медиaprостранстве [Tommasel, Rodriguez, Godoy, 2019, p. 81–100]. Идентификация ироничных смыслов в тексте, их верное деко-

дирование, понимание и усвоение – важные этапы когнитивных механизмов интерпретации иронии. Обратной стороной данного процесса является достижение целей манипуляции автора. Двусмысленность, основанная на иронии, рассмотрена в работе Huang, Hen-Hsen & Chen, Chiao-Chen & Chen, Hsin-Hsi, а также предложены пути преодоления неоднозначности в хэштегах.

Безусловно, современный медиадискурс с точки зрения прагматического и антропоцентрического подходов открывает большие возможности для анализа функциональных составляющих иронии, среди которых оценочная, экспрессивная, манипулятивная, текстообразующая функции сочетаются с авторскими интенциями по созданию юмористического эффекта и утверждения своей точки зрения. Как отмечает В. И. Карасик, при использовании иронии в современном медиадискурсе на первый план выдвигается «образ ироничного комментатора как авторитетного представителя социума» [Карасик, 2019а, с. 257]. Профессор подчеркивает, что в настоящее время данный образ еще не приобрел типажной отчетливости, но «соотносится с известными телевизионными ведущими и их приверженностью к карнавальным форматам стеба и троллинга» [Карасик, 2019б, с. 257]. Для нашего исследования близка позиция по интерпретации иронии, заключающаяся в ее эвфемистической функции. L. Brusenskaya, I. Belyaeva, A. Kotaeва подчеркивают, что в современном медийном пространстве ирония выполняет очень важную социальную функцию, выступая альтернативой инвективе [Brusenskaya, 2021, с. 201–207]. Ирония может выполнять адаптивную функцию в медиадискурсе, так как ослабление значимости содержания через иронию, а также юмор – «достаточно сильный способ, который помогает сделать медиаматериал интересным, эффективным и удобным для восприятия» [Гришанина, Гришанина, 2019, с. 22]. Однако ирония как способ реализации ин-

вективной речевой стратегии в медиадискурсе ранее не рассматривалась, что и обусловило актуальность настоящего исследования.

Методы исследования

Исследованию подверглись выпуски телепередачи «Однако» за 2021–2022 гг., в которых ирония рассматривается как способ актуализации инвективной речевой стратегии в индивидуальном дискурсе журналиста М. Леонтьева и понимается как дискурсивный прием актуализации авторского замысла в рамках телепередачи. Основным содержательный смысл иронии в речи М. Леонтьева представляет собой сочетание двух модально-оценочных значений: комической недостоверности и косвенной оценки объекта. Журналист федерального канала М. Леонтьев является автором и ведущим передачи «Однако» на протяжении более двадцати лет; авторская передача «Однако» служит комментарием актуальных новостей, представляет собой взгляд журналиста на злободневные темы с видеосюжетами и иллюстрациями. «Телевидение, – как отмечает М. А. Чекунова, – по-прежнему играет роль важнейшего средства массовой информации и высоко ценится политконсультантами и имиджмейкерами»; именно поэтому на автора передачи, содержащей комментарий новостных событий, возлагается большая ответственность за уместный, полный и целесообразный текст [Чекунова, 2022, с. 62]. Безусловно, «Однако» является частью системы всей коммуникативной парадигмы российских СМИ, характеризующихся тенденцией к демократизации: возросшим влиянием устной речи, укреплением позиций просторечной, жаргонной, инвективной лексики. «Речевой имидж М. Леонтьева не исключение, а скорее яркий пример и отражение тех изменений, которые происходят в социальной сфере, оказывая существенное влияние на современный русский язык» [Золотых, Фирсова, 2016, с. 139].

В работе использованы следующие теоретические методы лингвистических исследований: 1) семантический анализ и контент-анализ, позволившие проанализировать содержание текстов выпусков передачи; 2) метод когнитивно-дискурсивного анализа, при котором медиадискурс рассматривается как особая сфера репрезентации инвективного потенциала иронии; 3) метод контекстуального анализа, применяемый в процессе изучения дискурсивной реализации иронических смыслов в медиадискурсе; 4) метод лингвистического описания, включающий приемы

наблюдения, сопоставления, интерпретации, обобщения и типологизации исследуемого языкового материала.

Результаты исследования

Анализ языкового материала показал, что повышение экспрессивности иронии, усиление ее негативно-оценочных коннотаций происходит в том случае, когда адресант включает в нее лексемы с негативной семантикой (ср.: вражда, смерть, убийство), средства речевой агрессии (жаргонизмы, просторечия, инвективы, агрессивные сравнения и/или метафоры). Проиллюстрируем сказанное на примере: «Если предположить, что **истерика** вокруг концентрации российских войск на границе Украины **раздувалась** сознательно, то выходит, что весь этот **цирк с конями** – это способ красиво продать отказ Байдена выполнять свои предвыборные угрозы. О том, что продажа удалась, свидетельствует **вакханалия детского творчества** по выдумыванию новых **сногшибательных санкций против России**» (эфир от 11 декабря 2021). Манипулятивное воздействие на адресата достигается через инвективность иронии, реализующейся в данном фрагменте посредством 1) прямой инвективы *истерика раздувалась*, 2) агрессивной метафоры *вакханалия детского творчества*, 3) фразеологической единицы *цирк с конями*, 4) издевки *сногшибательных санкций*. Ироническое переосмысление внешнеполитических событий, которое достигается за счет нивелирования границ допустимого словоупотребления, является одним из показателей смещения ценностных ориентиров в сторону возрастания манипулятивной составляющей индивидуально-го дискурса журналиста.

Манипулятивность иронии многократно усиливается за счет реализации инвективной речевой стратегии, «переключки с инвективными лексемами усиливает речевую агрессию» [Рацибурская, Самыличева, Шумилова, 2021, с. 89]. Работая в паре, ирония и инвектива создают ярко выраженный иронический тон всего высказывания за счет негативной оценки, иронического обыгрывания контекста, введения нового / искаженного смысла. Здесь имеет место избыточная отрицательная оценка: прямая – за счет инвективы, имплицитная – за счет иронии. И. А. Соболева отмечает: «Ирония медиадискурса частотно предполагает слегка завуалированные превосходство, снисхождение, скептицизм по отношению к описываемым реалиям, выражая ценност-

ные ориентиры дискурсивной личности» [Соболева, 2018, с. 45]. Указанные параметры медиации имеют яркое воплощение в выпусках передачи «Однако»: превосходство иронических контекстов достигается не только в комментировании темы выпуска, но и в сниженной лексике – просторечной и/или инвективной. Например: «*Ту же статью в „Вашингтон Пост“ завершает пассаж: „Будем надеяться на то, что, когда президент Байден впервые лично встретится с Путиным... он будет держать в уме эти события в истории“. И мы будем „держат в уме... Потому как отсутствие деменции не является исключительным преимуществом Соединенных Штатов“*» (эфир от 29 мая 2021)

Проанализированный языковой материал позволил выявить, что преобразование фактуальной информации в прагматическую приводит к образованию не только новых смыслов, но и негативных коннотаций. Демонстрация негативной интенции говорящего совместно с порождением новых декодируемых ироничных смыслов приводит к полиинтерпретируемым когнитивным механизмам манипулирования. Таким образом, инвективный потенциал иронии как приема функционирует в нескольких взаимодополняющих векторах: 1) интенциональный (инвективность), 2) дискурсивный (личный), 3) разнонаправленный (взаимная работа адресанта и адресата). Рассмотрим пример, иллюстрирующий векторное функционирование инвективного потенциала иронии: «Стабильное мировое устройство подразумевает отсутствие среди строителей параноиков. Эффективность и умеренность нашего консерватизма в значительной степени зависит от душевного здоровья наших партнеров. И совсем наглядный пример – это нынешний энергетический кризис. И то, как на него эти партнеры будут реагировать, как психически адекватные люди или душевнобольные» (эфир от 23 ноября 2021). В данном фрагменте журналист причисляет «мировых строителей» к психически больным людям, не способным действовать рационально и грамотно. Прямая инвектива «параноики» предопределяет создание ярлыка «больной» и формирование у адресата манипулятивной установки на неспособность к ведению партнерских отношений.

В ходе реализации иронии в речи М. Леонтьева создается комплексное специфическое речементальное образование, служащее экспликацией мыслей, эмоций, чувств, настроений, которое позволяет достигнуть цели журна-

листа – донесение до реципиентов авторского комментария в наиболее эффективной и запоминающейся форме. Например: «*И столица мира переместится в Нью-Киев, а Москву переименуют в Старые Васюки. Грешно смеяться над больными людьми. И Бог бы с ней, с Украиной. Просто на ней, как на кошечках. Вот детали, существенные не только для украинцев*» (эфир от 02 ноября 2021).

Недостоверным при реализации иронии в передаче всегда оказывается прямой смысл высказывания, тогда как скрытый смысл представляет собственно оценочное суждение, например: «*Ну и что ж, что взорвалось не там и не так, что „управляемый хаос“ на глазах превращается в неуправляемый и что, что нынешняя администрация уже никак не может управлять чужим хаосом? Зато можно его возглавить!*» (эфир от 22 февраля 2021). Ирония данного фрагмента основана на языковой игре – несоответствии формального и содержательного планов выражения *управлять хаосом / возглавить хаос*. Кроме того в данном фрагменте видим *взорвалось не там и не так*, где журналист намеренно вводит в заблуждение, апеллируя к лексеме *взорвалось* без обозначения деталей. Таким образом, в рамках одного фрагмента комментария реализуется несколько приемов инвективной речевой стратегии, основанной на иронии, – прием обманутого ожидания и прием языковой игры.

И. С. Кожеватова пишет: «Субъективный характер журналистского дискурса порождает имплицитные смыслы в публикации, которые несут заряд инвективности в силу своей направленности на отрицательную оценку объекта текста» [Кожеватова, 2015, с. 151]. Именно имплицитность как отличительная черта иронии дискурса передачи «Однако» делает этот прием эффективным для обеих сторон речевого события: адресант отправляет высказывание адресату, достигая сразу две цели 1) эффектно презентует информацию, 2) вовлекает адресата в интеллектуальную работу по декодированию ироничного смысла. Адресат в свою очередь получает информацию в нестандартной форме и декодирует ее с привлечением своего интеллектуального труда. Результат этого когнитивного механизма, по мнению О. С. Иссерс, становится для адресата наиболее ценным, так как «знание, полученное интеллектуальным трудом, легче становится своим, «приватизируется» [Иссерс, 2013, с. 65]. Замечено, что у адресата, способного понять иронию журналиста, возникает чувство превос-

ходства как реакция на повышение оценки смеющегося собственной личности и как осознание своей интеллектуальной способности.

Инвективность иронии в телепередаче «Однако» из манипулятивной переходит в пропагандистскую в том случае, когда комментируемые журналистом темы касаются мировой безопасности, например: *«Президент США со всей прямотой, глядя прямо в глаза, как это принято у президентов США, предупредил Путина, что если он нападет на Украину, то ему будет такое, чего ему никогда не было»* (эфир от 11 декабря 2021 г.). Отсылка к фразе „чтобы у тебя все было, и тебе за это ничего не было” в данном фрагменте снижает его коннотацию и переводит тему международной безопасности на обиходно-бытовой уровень. Общедоступность как ведущая черта авторского комментария является способом привлечения адресата в статус „своего брата”, при котором «адресат становится в какой-то степени союзником журналиста, его единомышленником и тогда уже невольно встает на сторону автора текста» [Наседкина, 2013, с. 211].

Триада «воздействие – манипуляция – пропаганда» сосуществует в авторском комментарии М. Леонтьева и по принципу матрешки раскрывается в композиционном строении выпуска. Приведем примеры:

1) *«Это когда мы, вроде как, избрали Трампа американским президентом. Политическая шизофрения – это и есть гражданская война»* (эфир от 02.07.2022). Данный фрагмент – начало выпуска передачи служит констатацией факта, по мнению журналиста, и с точки зрения манипулятивных приемов является приемом навешивания ярлыков ‘политическая шизофрения’. *Вроде как* – конструкция выражения неуверенности – служит иронией, ставящей под сомнение результаты выборов.

2) *«За пять лет стало только хуже. Сейчас уже никто не понимает, как противоположная сторона признает любой результат будущих выборов. Это мы не к тому, чтобы скакать от радости»* (эфир от 02.07.2022). Второй фрагмент занимает центральное положение в выпуске и также содержит иронический контекст *скакать от радости* – ‘неискренне радоваться’.

3) *Либеральные популисты – это те, кто понимает, что с реальной инфляцией и экономическим кризисом бороться поздно. И поэтому остается бороться с «российской агрессией» и «путинской инфляцией»* (эфир от 02.07.2022). Фрагмент, завершающий выпуск, также содер-

жит иронию и подводит итог в международной тематике, в которой каждый должен заниматься своим делом, по мнению журналиста.

Таким образом, композиционное устройство передачи «Однако» на каждом этапе содержит инвективную иронию как манипулятивный прием, с одной стороны, повышения интеллектуальной самооценки адресата, с другой – понижения ответственности за высказывания у адресанта. Последнее происходит вследствие того, что имплицитно переданная информация посредством иронии всегда неоднозначна, то есть результат декодирования неизвестен наверняка, что делает адресанта в какой-то степени неуязвимым.

При комментировании современной политической ситуации негативный смысл иронии мотивируется пророссийскими настроениями: *«Случайно или нет, но новость о якобы российском вторжении на Украину совпала с началом олимпийских соревнований в Пекине. То ли хотели перебить эту важную спортивную тематику, то ли действительно какой-то стажер нажал не ту кнопку. Остается радоваться, что не ядерную»* (эфир от 05 февраля 2022). Актуализированная журналистом тема ядерной безопасности подчеркивается абсурдностью совпадения двух событий мирового масштаба и одновременно доводится до апогея их несоизмеримость («вторжение» vs «соревнования»). В данном случае можно говорить о проявлении одной из характеристик речевого троллинга, при котором стратегически важная тема возводится на вершину абсурда и нейтрализуется ее важность. Необходимо отметить, что игнорирование морально-нравственных ограничений при использовании иронии, понимается некоторыми исследователями как речевая агрессия.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ выявил, что посредством употребления иронии журналист М. Леонтьев имплицитно дает оценки тем или иным явлениям общества, выражает свое отношение к ним и в то же время оказывает психологическое и логическое воздействие на аудиторию, тем самым формируя или изменяя ее ценностные установки. Основной механизм речевого воздействия иронии проявляется одновременно на трех уровнях дискурсивного медиапространства: речевом, аксиологическом и когнитивном, что доказывает мысль о намеренном вторжении в коммуникативное пространство адресата и дальнейшем влиянии на него.

Ирония в рассматриваемом продукте медиа-пространства – аналитическом комментарии М. Леонтьева – понимается как система производства дискурсивных смыслов, в том числе как способ формирования дискурсивных практик медийного пространства. Функционирование иронии с инвективным компонентом в индивидуальном дискурсе М. Леонтьева является формой социальной оценки и посредством развертывания иронических смыслов в пространстве телепередачи, выражает критику комментируемого новостного события, формируя тем самым общественное мнение. Категория иронического в дискурсе М. Леонтьева становится основой для производства текста телепередачи, задает субъективную интерпретацию новостного события.

Перспективы исследования видятся нам в дальнейшей разработке системы анализа особенностей репрезентации иронического в медиадискурсе, а также поиске универсальных критериальных показателей их видовой принадлежности.

Библиографический список

1. Гришанина А. Н., Гришанина М. Ю. Особенности чувства юмора как психологическая составляющая языковой личности журналиста // Гуманитарный вектор. 2019. № 5. С. 22–27.
2. Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 1. С. 57–75.
3. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. № 1-2 (9-10). С. 75–80.
4. Золотых Л. Г., Фирсова М. А. Языковая агрессия как компонент современного медиапространства (на материале телепередачи «Однако») // Вестник КГУ, 2016, № 6. С. 135–140.
5. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учебное пособие. 3-е изд., перераб. Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. 65 с.
6. Кожеватова И. С. Факторы, повышающие инвективный потенциал иронии (на материале современной публицистики) // Филология и человек. 2015. № 2. С. 151–158
7. Наседкина О. Е. Лексико-стилистические средства экспрессии в адвокатских речах конца XIX-начала XXI веков в аспекте речевого воздействия // Векторы науки ТГУ № 1 (23), 2013. С. 210–213.
8. Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В. Специфика современного медийного словотворчества : учебное пособие. 3-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2021. 89 с.
9. Руженцева Н. Б. Ирония в «Недельке с Дмитрием Поповым»: возможности комплексного исследования текста // Политическая лингвистика. 2021. № 4 (88). С. 21–28.
10. Соболева И. А. Функциональный потенциал иронии в современном медиадискурсе // Дискурс-Пи. 2018. Т. 15. № 3–4 (32-33). С. 44–49.
11. Чекунова М. А. Новая культура медиадискурса и современная политическая коммуникативистика // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 55–63.
12. Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. Р. 45–52.
13. Nur Atikan Ibrahim, Malinda Yusof The importance of Social Media: a social media perspective // The Malaysian Journal of Communication. 2020. Volume 36 (2). P. 269–288
14. Reyes A., Rosso P., Buscaldi D. From humor recognition to irony detection: The figurative language of social media // Data & Knowledge Engineering. 2012. T. 74. P. 1–12.
15. Huang, Hen-Hsen & Chen, Chiao-Chen & Chen, Hsin-Hsi. Disambiguating False-Alarm Hashtag Usages in Tweets for Irony Detection // National Taiwan University, Taipei, Taiwan MOST Joint Research Center for AI Technology and All Vista Healthcare, Taipei, Taiwan, 2018. P. 771–777.
16. Skrelin P. et al. Can we detect irony in speech using phonetic characteristics only?–looking for a methodology of analysis // Speech and Computer: 22nd International Conference, SPECOM 2020, St. Petersburg, Russia, October 7–9, 2020, Proceedings 22. Springer International Publishing, 2020. P. 544–553.
17. Tommasel A., Rodriguez J. M., & Godoy D. (2019). An experimental study on feature engineering and learning approaches for aggression detection in social media. *Inteligencia Artificial*, 22(63). P. 81–100.
18. Witek M. Irony as a speech action // Journal of Pragmatics. 2022. T. 190. P. 76–90.
19. Farias D. I. H., Patti V., Rosso P. Irony detection in twitter: The role of affective content // ACM Transactions on Internet Technology (TOIT). 2016. T. 16. №. 3. P. 1–24.
20. Brusenskaya L. et al. Irony vs invective in modern media communication // Медиаобразование. 2021. № 2. С. 201–207.

Reference list

1. Grishanina A. N., Grishanina M. Ju. Osobennosti chuvstva jumora kak psihologicheskaja sostavljajushhaja jazykovej lichnosti zhurnalista = Specifics of the sense of humor as a psychological component of a journalist's linguistic personality // Gumanitarnyj vektor. 2019. № 5. S. 22–27.
2. Gornostaeva A. A. Mesto ironii v rechevyh portretah sovremennyh politicheskikh dejatelej = The place of irony in verbal portraits of contemporary political figures // Vestnik RUDN. Serija: Lingvistika. 2016. № 1. S. 57–75.
3. Ermakova O. P. Javljaetsja li ironija rechevym zhanrom? (eshhe raz o nekotoryh osobennostjah ironii) =

Is irony a speech genre? (once again, on some features of irony) // Zhanry rechi. 2014. № 1-2 (9-10). S. 75–80.

4. Zolotykh L. G., Firsova M. A. Jazykovaja agressija kak komponent sovremennogo mediaprostranstva (na materiale teleperedachi «Odnako») = Verbal aggression as a component of modern media space (based on the TV show «However») // Vestnik KGU, 2016, № 6. S. 135–140.

5. Issers O. S. Rechevoe vozdejstvie = The speech impact : uchebnoe posobie. 3-e izd., pererab. Moskva : FLINTA : Nauka, 2013. 65 s.

6. Kozhevatova I. S. Faktory, povyshajushhie invektivnyj potencial ironii (na materiale sovremennoj publicistik) = Factors raising the invective potential of irony in modern journalism // Filologija i chelovek. 2015. № 2. S. 151–158

7. Nasedkina O. E. Leksiko-stilisticheskie sredstva jekspressii v advokatskih rechah konca XIX-nachala XXI vekov v aspekte rechevogo vozdejstvija = Lexical – stylistic expressive means in lawyers' speeches of the late XIX – early XXI centuries in terms of speech impact // Vektory nauki TGU № 1 (23), 2013. S. 210–213.

8. Raciburskaja L. V., Samylicheva N. A., Shumilova A. V. Specifika sovremennogo medijnogo slovtvorchestva = Specifics of contemporary media word formation : uchebnoe posobie. 3-e izd., ster. Moskva : FLINTA, 2021. 89 s.

9. Ruzhenceva N. B. Ironija v «Nedel'ke s Dmitriem Popovym»: vozmozhnosti kompleksnogo issledovanija teksta = Irony in The Week with Dmitry Popov: possibilities for a holistic textual study // Politicheskaja lingvistika. 2021. № 4 (88). S. 21–28.

10. Soboleva I. A. Funkcional'nyj potencial ironii v sovremenom mediadiskurse // Diskurs-Pi. 2018. T. 15. № 3–4 (32-33). S. 44–49.

11. Chekunova M. A. Novaja kul'tura mediadiskursa i sovremennaja politicheskaja kommunikativistika = New media discourse culture and contemporary political communication studies // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 1 (28). S. 55–63.

12. Shkickaja I. Ju. Fenomen ironii i ee funkcii v manipuljativnom diskurse = The phenomenon of irony and its functions in manipulative discourse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 440. P. 45–52.

13. Nur Atikan Ibrahim, Malinda Yusof The importance of Social Media: a social media perspective // The Malaysian Journal of Communication. 2020. Volume 36 (2). P. 269–288

14. Reyes A., Rosso P., Buscaldi D. From humor recognition to irony detection: The figurative language of social media // Data & Knowledge Engineering. 2012. T. 74. P. 1–12.

15. Huang, Hen-Hsen & Chen, Chiao-Chen & Chen, Hsin-Hsi. Disambiguating False-Alarm Hashtag Usages in Tweets for Irony Detection // National Taiwan University, Taipei, Taiwan MOST Joint Research Center for AI Technology and All Vista Healthcare, Taipei, Taiwan, 2018. P. 771–777.

16. Skrelin P. et al. Can we detect irony in speech using phonetic characteristics only?—looking for a methodology of analysis // Speech and Computer: 22nd International Conference, SPECOM 2020, St. Petersburg, Russia, October 7–9, 2020, Proceedings 22. Springer International Publishing, 2020. P. 544–553.

17. Tommasel A., Rodriguez J. M., & Godoy D. (2019). An experimental study on feature engineering and learning approaches for aggression detection in social media. *Inteligencia Artificial*, 22(63). P. 81–100.

18. Witek M. Irony as a speech action // Journal of Pragmatics. 2022. T. 190. P. 76–90.

19. Farias D. I. H., Patti V., Rosso P. Irony detection in twitter: The role of affective content // ACM Transactions on Internet Technology (TOIT). 2016. T. 16. №. 3. P. 1–24.

20. Brusenskaya L. et al. Irony vs invective in modern media communication // Mediaobrazovanie. 2021. № 2. S. 201–207.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 16.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 16.02.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 070

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_72

EDN: BYBPWZ

Образ этнокультурной среды Кацкого стана на страницах журнала «Кацкая летопись»

Екатерина Дмитриевна Невзорова

Соискатель кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
nevzorova.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1254-7858>

Аннотация. Социокультурная реальность глобализирующегося мира все больше ведет к унификации. Особый интерес сегодня представляют явления, связанные с сохранением и восстановлением культур. Одним из ярких проектов, направленных на возрождение региональной культуры, является «Кацкий проект», главный транслятор идей которого – краеведческий журнал «Кацкая летопись». Цель исследования – изучить культуру Кацкого стана и способы ее возрождения на страницах краеведческого журнала «Кацкая летопись». В ходе исследования было выдвинуто предположение о том, что журнал «Кацкая летопись» – способ возрождения и сохранения культуры кацкарей. Кацкари – самоназвание сельской общности, происходящее от названия реки Кадки. Были получены результаты, подтверждающие отражение кацкой культуры на страницах журнала «Кацкая летопись»: авторами статей используется специфический диалектный кацкий язык, являющийся одним из основополагающих компонентов этнокультурной идентичности кацкарей. Журнал публикует исторические сведения о Кацком стане и его жителях, символике, специфике уклада жизни и ведения хозяйства, обычаях и традициях. Полученные результаты также подтвердили, что в эпоху глобализации в атмосфере всеобщего уподобления и единообразия существуют примеры сохранения уникальности и этнокультурного своеобразия общностей людей в местах их локального проживания. Комплексный анализ эволюции материалов краеведческого издания «Кацкая летопись», их содержания и формы в аспекте той творческой и исследовательской работы, которую ведет авторский коллектив, изучая кацкий диалект, историю края, этнографию и культуру Кацкой волости, продемонстрировал тенденцию к углублению и расширению знаний о кацком диалекте, субэтнотопосе и кацкой культуре.

Ключевые слова: краеведческое издание; журнал; «Кацкая летопись»; кацкий язык; диалект; Кацкий проект; этнокультурная среда

Для цитирования: Невзорова Е. Д. Образ этнокультурной среды Кацкого стана на страницах журнала «Кацкая летопись» // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 72–77. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_72. <https://elibrary.ru/BYBPWZ>

Original article

The image of the ethnic cultural environment of Katsky camp in the magazine «The Katsky chronicle»

Ekaterina D. Nevzorova

Fellow at the department of journalism and media communications, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
nevzorova.tv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1254-7858>

Abstract. Sociocultural reality of the globalizing world is moving more and more toward unification. In this situation, one of the most acute is the problem of preserving traditional values and cultural characteristics of peoples. One of the remarkable projects aimed at the revival of regional culture is «Katsky project», and the main translator of its ideas is the local magazine «The Katsky chronicle». The purpose of the article is to study the culture of Katsky camp and the ways for its revival. In the course of the study, the magazine «The Katsky chronicle» was suggested to be the means of reviving and preserving Katskars' culture. Katskars is the self-name of the rural community, derived from the name of the river Kadki. The results obtained confirm the coverage of Katsky culture on the pages of «The Katsky chronicle»: the authors of the articles use the specific Katsky dialect, which is one of the fundamental components of the Katskars' ethnic cultural identity. The magazine publishes historical information about Katsky camp and its inhabitants, its sym-

bols, specific lifestyle and housekeeping, its customs and traditions. The research has also confirmed that in the era of globalization, universal assimilation and uniformity, there are some examples of the uniqueness and ethnic cultural distinctiveness of local communities in their native places of residence. A comprehensive analysis of the materials published in the regional magazine «The Katsky chronicle», of their content and form has been carried out by a team of the researchers, studying the dialect, the history, ethnography and culture of the Katsky region, which shows a tendency to deepen and expand knowledge about Katsky dialect, sub-ethnos and Katsky culture.

Key words: regional publication; magazine; «The Katsky chronicle»; The Katsky language; dialect; Katsky project; ethnic cultural environment

For citation: Nevzorova E. D. The image of the ethnic cultural environment of Katsky camp in the magazine «The Katsky chronicle». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):72–77. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_72. <https://elibrary.ru/BYBPWZ>

Введение. В социокультурной реальности глобализирующегося мира все больше процессов ведут к унификации, следовательно, острой становится проблема сохранения традиционных исконных ценностей и культурных особенностей народов. Снижаются шансы формирования этнокультурной идентичности как субъективно устанавливаемой идентичности, причем и для тех, кто живет в своей родной среде, и для тех, кто существует за ее пределами [Крюкова, 2017, с. 228]. Протекающие процессы создают угрозу исчезновения культур малочисленных этнических групп. В связи с этим особый интерес сегодня представляют явления, связанные с сохранением и восстановлением культур.

Одним из ярких проектов, направленных на возрождение региональной культуры, является «Кацкий проект», главный транслятор идей которого – краеведческий журнал «Кацкая летопись». В его основе заложена мысль о том, что жители Кацкого стана или Кацкой волости, а именно – 64 деревень Мышкинского, Угличского и Некоузского районов Ярославской области с центром в деревне Мартыново [Зарецкий, 2015, с. 7], являются субэтносом в составе русских. Одна из важнейших их отличительных особенностей – специфический язык, который существует и в устной, и в письменной формах.

Кацкий проект можно назвать авторским проектом Сергея Темняткина – краеведа, учителя, писателя. На базе кацкого языка в 1992 году он основал краеведческое издание «Кацкая летопись» [Кацкая..., 2020]. Сам Темняткин не отрицает, что язык существует благодаря его деятельности и деятельности энтузиастов. Однако сообщество кацкарей поддерживает миф о кацком языке как о традиционном для Кацкого стана – исторической территории по реке Кадке, на западе Ярославской области. Подобно феноменам, описанным в книге Йохана Хейзинга «Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры» [Хейзин, 2017],

кацкари создают свою собственную реальность, которая оказывается чрезвычайно привлекательной для туристов.

Вначале «Кацкая летопись» выходила при мышкинской районной газете «Волжские зори». Уже в первых выпусках были сформулированы идеи возрождения и сохранения культуры кацкарей (носителей, исследователей языка и краеведов). Первый выпуск 1 августа 1992 года Сергей Темняткин посвятил престольному приходскому празднику Успенье, название которого согласно нормам кацкого диалекта произносится с безударной «ё».

Несколько позже был основан клуб кацкарей [Некоммерческая..., 2020] и этнографический музей в Мартыново. Не случайна очевидная параллель самоназвания «кацкари» с «сицкарями» (население бывшего Мологского уезда в нижнем течении реки Сить), которые также долгое время считались субэтнической группой с особыми культурными традициями. Программные статьи в «Кацкой летописи» отсылают именно к осознанию особой кацкой идентичности. Так, например, в журнале мы находим рубрики, напрямую связанные с этнической идентичностью кацкарей. Это рубрики «Я покону кацкого», «Этнографические страницы», «Кацкий стан сегодняшний», «Моя кацкая Русь», которые рассказывают читателю, например, о преподавании кацкого языка в местной школе, об особом отношении кацкарей к религии, об их традиционной хозяйственной деятельности, о местных лекарях и знахарях и т. д. [Темняткин, 2003]

Материалы, публикуемые под этими рубриками, основаны на реальных исторических событиях, приводятся конкретные факты, цитируются документы. В материалах «Кацкой летописи» отражено стремление сохранить наследие целых поколений, которые жили в этих местах. У многих народов мы находим схожие тенденции, когда сохранение культурного, духовного, этнического наследия становится заботой не только государ-

ства, но и самого общества, людей, носителей этнокультурной идентичности [Cultural..., 2020].

Исследователи отмечают, что наиболее убеждённые сторонники кацкого языка склонны находить их среди общелитературных, разговорных, просторечных слов и таким образом преувеличивают долю «кацкизмов» в лексиконе местного населения.

Для лингвистов вопрос о статусе «кацкого языка» (микроязыка, диалекта) остаётся дискуссионным. Но если со временем в дискуссии и будет поставлена точка, это никак не скажется на успешности «кацкого проекта» и на жизнеспособности «кацкого языка».

Методы исследования. Исследование проводилось с помощью теоретических и эмпирических методов (качественный анализ, контент-анализ, стилистический анализ текста) [Little, 1997]. Базу исследования составили номера журнала «Кацкая летопись» за период с 1992 по 2017 год. Общий временной охват выпусков – 25 лет; общее количество проанализированных выпусков – 62.

Кроме того, в своих разработках мы опирались на результаты исследований в области языкознания, в частности, изучения диалектов, материалы научных конференций, региональные публикации, посвященные глубокому и всестороннему рассмотрению феномена кацкого языка (в частности, спецвыпуск журнала «Угличе поле» [Суслов, 2012]). Методология работы потребовала комплексного подхода к изучению публицистических материалов краеведческого издания.

В данной статье представлены результаты одного из этапов нашего исследования, направленного на изучение журнала «Кацкая летопись» как способа возрождения и сохранения культуры кацкарей, а также других элементов кацкой культуры – клуба и музея.

Результаты исследования. В ходе исследования «Кацкого проекта» был определен феномен «кацкого языка» в качестве основного фактора своеобразия содержания и формы публицистических материалов краеведческого издания «Кацкая летопись»; выявлен диапазон возможностей использования диалектной речи в журнале: от создания особенной стилистической окраски текстов до средства накопления знаний о кацком диалекте, его фонетических, лексических, стилистических особенностях; выяснено особое значение обратной связи с основной читательской аудиторией, которую составляют носители кацкого диалекта.

Журнал «Кацкая летопись» является главным транслятором идей возрождения кацкой культуры

[Суслов, 2012, с. 2]. Это едва ли не единственное в России периодическое издание краеведческой тематики, выпускаемое в деревне – причём вот уже более четверти века. Статьи в «Кацкой летописи» отсылают именно к осознанию особой кацкой идентичности. «Кацкая летопись» публикует исторические, краеведческие, фольклорные, генеалогические материалы, подготовленные как местными авторами, так и специалистами Государственного архива Ярославской области, Ярославского музея-заповедника и др. Особое внимание уделяется кацкому диалекту.

Однако в отличие от традиционных краеведческих изданий, имеет место тесное сотрудничество и обратная связь с основной читательской аудиторией, которую составляют носители кацкого диалекта. Это сотрудничество с аудиторией является проявлением стремления социума к удовлетворению потребности в принадлежности к традиционной исторической культуре и специфической этнокультурной среде.

Подобное восприятие и толкование кацкой культуры во многом объясняет и изменение во внутренней структуре издания за время его существования. Если изначально «Кацкая летопись» была газетой местного масштаба (жителям деревни о жителях деревни), то со временем она обрела свои отличительные качества и самобытный облик. Сегодня это краеведческое издание, пишущее уже не просто о местных жителях, а о кацкарях как общности. Материалы построены таким образом, что обращены сразу и к местному населению, и к широкой аудитории вовне, которую нужно познакомить с уникальной культурой особого субэтноса. Та же самая идея заложена и в основу концепции музея. Объединение двух этих идей помогает воссоздать облик уходящей в историю русской деревни [Ермолин, 2017, с. 190]. Поэтому материалы, публикуемые в рубрике «Прогулки по музею», играют большую роль в сохранении не просто культуры кацкарей, но и исконно русской культуры.

Из номера в номер можно наблюдать присутствие кацкого языка в авторских материалах всех жанров: от новостных заметок и корреспонденций до художественно-публицистических текстов. Редакция «Кацкой летописи» предполагает не только знакомство читателей с языком, но и обучение, которое могло бы способствовать его распространению. Азы кацкого языка публикуются в форме игровых уроков. На страницах издания регулярно появляется словарь кацкого языка в рубрике «Побахорим по-кацкие», контекст употребления и произношение слов кацкого языка приво-

дится в рубрике «Великий, могучий кацкий язык». В первой версии словарь, создававшийся на страницах «Кацкой летописи», насчитывал более 2000 слов, фиксация слов не была структурирована. Сейчас авторы переписывают словарь заново, публикуя слова в алфавитном порядке, но единый источник пока не создан.

Кацкий язык как основа культурной самобытности кацкарей получил должный резонанс – от исследований технологий «символического менеджмента» в региональной политике до научно-популярных публикаций и даже репортажей в широкой прессе, например, в «Независимой газете» [Соловьев, 2007], «Русском репортёре» [Шарова, 2009], на сайте Лента.ру [Сидоров, 2016].

Как отмечает В. Баранова, кацкари в целом положительно относятся к деятельности активистов и краеведов, большинство жителей кацкой волости весьма довольны, что у них есть собственный журнал и музей. Но она также обращает внимание на то, что среди молодых информантов достаточно широко распространено представление о том, что хорошо говорят по-кацки именно старики, соответственно, в «Кацкой летописи» реконструируется, прежде всего, их речь. Однако представители старшего поколения, вопреки этим представлениям, не считают себя «эталонными носителями» кацкого языка, а отсылают к материалам издания и составителям словаря [Баранова, 2014, с. 34–35].

В. Гулида, говоря о кацком проекте, ссылается на публикацию В. Барановой и отмечает, что, вероятно, проект обрёл все основные признаки настоящего языка и социальные аспекты его присутствия в публичной жизни. По ее мнению, Сергей Темпятикин является не только народным лингвистом, но и языковым политиком [Гулида, 2013, с. 138]. К. Викторова рассуждает о кацкарях в контексте формирования локальной и этнической идентичности, сравнивая их с поморами – малой по численности, но самобытной этнографической группой русского народа на Баренцевом и белом море [Викторова, 2004, с. 92].

Т. Г. Стефаненко определяет этническую идентичность как составную часть социальной идентичности личности, психологическую категорию, которая относится к осознанию своей принадлежности к определенной этнической общности [Стефаненко, 2006, с. 7]. При этом необходимо, во-первых, разводить понятия этнической идентичности и этничности – социологической категории, относящейся к определению этнической принадлежности по ряду объективных при-

знаков (этнической принадлежности родителей, месту рождения, языку, культуре), и иметь в виду, что в реальной жизни этническая идентичность далеко не всегда совпадает с официальной этничностью. Во-вторых, следует помнить, что этническая идентичность не сводится и может не совпадать с декларируемой идентичностью (причислением себя к этнической общности), которая проявляется в самоназвании [Стефаненко, 2013, с. 192].

Понятие этнокультурной среды тесно сопряжено с понятиями этнического и этнокультурного самосознания. Этнокультурное самосознание – это своего рода единство и воспроизводство нации, что играет немаловажную роль в процессе социализации индивида, в процессе его национального самоопределения. Вопрос об этнокультурном самосознании рассмотрен в целом ряде зарубежных работ [Cheung, 2000; Downie, 2004; Ryan, 1989].

Заключение. Изучение Кацкого проекта приобретает особую значимость в условиях противоречий современной социокультурной среды, в которой сталкиваются тенденции глобализации, в том числе в сфере информации (усреднение, стандартизация языка), с одной стороны, и стремление к сохранению культурного и языкового самосознания, этнической и культурной идентичности – с другой. Специфический феномен кацкого языка, который актуален и востребован как разнообразность языковой нормы, является одним из важнейших факторов своеобразия и творческим импульсом развития кацкого проекта и краеведческого издания «Кацкая летопись».

Комплексный анализ эволюции материалов краеведческого издания «Кацкая летопись», их содержания и формы в аспекте той творческой и исследовательской работы, которую ведет авторский коллектив, изучая кацкий диалект, историю края, этнографию и культуру Кацкой волости, продемонстрировал тенденцию к углублению и расширению знаний о кацком диалекте, субэтнотопии и кацкой культуре.

Анализ также показал высокую степень достоверности представленных сведений и материалов в связи тем, что они подкрепляются свидетельствами коренных жителей, носителей диалекта. Выявленные особенности кацкого языка представляют большой интерес для широкого круга исследований – не только в области культурологии и лингвистики, но и в сфере журналистских проектов. Поскольку журнал является платформой для возрождения кацкой культуры и языка,

он представляет несомненную ценность не только в региональном, но и во всероссийском масштабе.

Библиографический список

1. Баранова В. В. Составление словаря и рождение нового языка. Материалы конференции «Народная лингвистика» // Антропологический форум. Санкт-Петербург, 2014. № 21. С. 27–36.
2. Викторова К. В. Поморы и кацкари: формирование локальной и этнической идентичности у двух групп русскоязычного населения современной России // Полевая этнография: Материалы Междунар. науч. конференции / под ред. В. А. Козьмина. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004. С. 92–96.
3. Гулида В. Б. Конференция «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык // Вопросы языкознания. Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013. № 5. С. 136–144.
4. Ермолин Е. А. «Кацкий стан»: концептуализация и практика культурного проекта // Национальное культурное наследие России: региональный аспект : материалы V Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией С. В. Соловьевой. Самара : СГИК, 2017. С. 189–192.
5. Зарецкий Ю. П. Кто такие кацкари? // «Мышкинская лощина». Мышкин : НЧУК «Мышкинский Народный музей», 2015. № 11 (17). С. 5–18.
6. Кацкая летопись. Газета краеведов. URL: <http://kl-21.narod.ru> (дата обращения: 11.03.2020)
7. Крюкова Л. В. Глобализация как предмет социально-философского анализа / Л. В. Крюкова, Э. Э. Тонян, Р. Р. Оганезова // Новая наука: стратегии и векторы развития. Уфа : «Агентство международных исследований». 2017. С. 226–229.
8. Невзорова Е. Д. Уроки кацкого: диалектная речь на страницах краеведческого издания «Кацкая летопись» / Е. Д. Невзорова, А. А. Маслова // Современные медиа: процессы и контексты. Материалы IV очно-заочной всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 5-летию кафедры и 20-летию журналистского образования в Ярославле. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. С. 114–121.
9. Невзорова Е. Д. Возрождение культурных традиций Кацкого стана на страницах краеведческого издания «Кацкая летопись» / Этническая культура. Чебоксары : ООО «Издательский дом „Среда”». 2020. № 2 (3). С. 39–41.
10. Некоммерческая организация Клуб «Кацкая летопись». Портал некоммерческих организаций Ярославской области. URL: <https://nko76.ru/luchshie-praktiki/nekommercheskaya-organizaciya-klub-kackaya-letopis-2.html> (дата обращения: 11.03.2020)
11. Сидоров А. Примаскалили в XXI век. Живое путешествие в загадочную страну русских кацкарей. «Лента.ру» 25.08.2016 URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/25/kackari/> (дата обращения: 11.03.2020)
12. Современная этнопсихология : хрестоматия / под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск : Харвест. 2013. 368 с.
13. Соловьев Е. Как поблаторить с кацкарями. Независимая газета. 09.07.2007. URL: http://www.ng.ru/ngregions/2007-07-09/15_kackari.html (дата обращения: 11.03.2020)
14. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. Москва : Норма. 2013. 329 с.
15. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: практикум : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Аспект Пресс. 2006. 208 с.
16. Суслов А. Ю. Главный хранитель кацкого мира // Угличское поле. Углич : МЕДИАРОСТ, 2012. № 14. С. 2.
17. Темняткин С. Н. Моя Кацкая Русь: люди, предания, обычаи, верования зап. земель Яросл. края / С. Н. Темняткин; [ред.: Е. А. Ермолин, А. М. Рутман ; худож. Е. М. Чернова]; Администрация Яросл. обл. Ярославль : Издательство Александра Рутмана. 2003. 192 с.
18. Шарова Т. Чисто по-кацки. «Русский репортер» № 29 (108). 30.07.2009. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2009/29/muzey/ (дата обращения: 11.03.2020)
19. Хейзин Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры. Москва : ИД Ивана Лимбаха. 2017. 416 с.
20. Cheung G. W., & Rensvold, R. B. (2000). Assessing extreme and acquiescence response sets in cross-cultural research using structural equations modeling. Journal of Cross-Cultural Psychology. № 31. P. 187–212.
21. Cultural Heritage in a Changing World. / Ed. by Karol Jan Borowiecki, Neil Forbes, Antonella Fresca. [This book is published open access]. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-29544-2> (дата обращения: 11.03.2020)
22. Downie M., Koestner R., ElGeledi S., Cree K. (2004). The impact of cultural internalization and integration on well-being among tricultural individuals. Personality and Social Psychology Bulletin. № 30. P. 305–314.
23. Little T. D. (1997). Mean and covariance structures (MACS) analyses of cross-cultural data: Practical and theoretical issues. Multivariate Behavioral Research. № 32. P. 53–76.
24. Ryan R. M., Connell J. P. (1989). Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains. Journal of Personality and Social Psychology. № 57(5). P. 749–761.

Reference list

1. Baranova V. V. Sostavlenie slovarja i rozhdenie novogo jazyka. Materialy konferencii «Narodnaja lingvistika» = Compiling a dictionary and the birth of a new language. Materials of the conference «Folk Linguistics» // Antropologicheskij forum. Sankt-Peterburg, 2014. № 21. S. 27–36.
2. Viktorova K. V. Pomory i kackari: formirovanie lokal'noj i jetnicheskoy identichnosti u dvuh grupp russkojazychnogo naselenija sovremennoj Rossii = The Pomors and the Katsakars: forming local and ethnic identities in two groups of the Russian-speaking population in

modern Russia // Polevaja jetnografija: Materialy Mezhdunar. nauch. konferencii / pod red. V. A. Koz'mina. Sankt-Peterburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. S. 92–96.

3. Gulida V. B. Konferencija «Narodnaja lingvistika»: vzgljad nositelej jazyka na jazyk = The conference «Folk Linguistics»: native speakers' view of the language // Voprosy jazykoznanija. Moskva : Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2013. № 5. S. 136–144.

4. Ermolin E. A. «Kackij stan»: konceptualizacija i praktika kul'turnogo proekta = «Katsky camp»: conceptualization and practice of a cultural project // Nacional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyj aspekt: materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod redakciej S. V. Solov'evoj. Samara : SGIK, 2017. S. 189–192.

5. Zareckij Ju. P. Kto takie kackari? = Who are Katskars? // «Myshkinskaja locija». Myshkin : NChUK «Myshkinskij Narodnyj muzej», 2015. № 11 (17). S. 5–18.

6. Kackaja letopis'. Gazeta kraevedov = The Katsky Chronicle. Local newspaper. URL:<http://kl-21.narod.ru> (data obrashhenija: 11.03.2020)

7. Krjukova L. V. Globalizacija kak predmet social'no-filosofskogo analiza = Globalization as a topic for socio-philosophical analysis / L. V. Krjukova, Je. Je. Tonjan, R. R. Oganezova // Novaja nauka: strategii i vektory razvitiija. Ufa : «Agentstvo mezhdunarodnyh issledovanij». 2017. S. 226–229.

8. Nevzorova E. D. Uroki kackogo: dialektnaja rech' na stranicah kraevedcheskogo izdanija «Kackaja letopis'» = Lessons of Katsky: dialect speech on the pages of the local publication «The Katsky Chronicle» / E. D. Nevzorova, A. A. Maslova // Sovremennye media: processy i konteksty. Materialy IV očno-zaočnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 5-letiju kafedry i 20-letiju zhurnalistskogo obrazovanija v Jaroslavl'e. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. S. 114–121.

9. Nevzorova E. D. Vozrozhdenie kul'turnyh tradicij Kackogo stana na stranicah kraevedcheskogo izdanija «Kackaja l'topis'» = Restoring the cultural traditions of the Katsky camp on the pages of the local publication «The Katsky Chronicle» / Jetnicheskaja kul'tura. Cheboksary : OOO «Izdatel'skij dom „Sreda“». 2020. № 2 (3). S. 39–41.

10. Nekommercheskaja organizacija Klub «Kackaja letopis'» = The non-profit organization Katsky Chronicle Club. Portal nekommercheskich organizacij Jaroslavskoj oblasti. URL: <https://nko76.ru/luchshie-praktiki/nekommercheskaya-organizaciya-klub-kackaya-letopis-2.html> (data obrashhenija: 11.03.2020)

11. Sidorov A. Primaskalili v XXI vek. Zhivoe puteshestvie v zagadochnuju stranu russkih kackarej = To the XXI century. A live journey to the mysterious land of Russian Katskars. URL:

<https://lenta.ru/articles/2016/08/25/kackari/> (data obrashhenija: 11.03.2020)

12. Sovremennaja jetnopsihologija = Contemporary ethnic psychology : hrestomatija / pod obshh. red. A. E. Tarasa. Minsk : Harvest. 2013. 368 s.

13. Solov'jov E. Kak pobahorit' s kackarjami = How to communicate with Katskars. Nezavisimaja gazeta. 09.07.2007. URL:http://www.ng.ru/ngregions/2007-07-09/15_kackari.html (data obrashhenija: 11.03.2020)

14. Stefanenko T. G. Jetnopsihologija = Ethnic psychology. Moskva : Norma. 2013. 329 s.

15. Stefanenko T. G. Jetnopsihologija: praktikum = Ethnic psychology: practice : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. Moskva : Aspekt Press. 2006. 208 s.

16. Suslov A. Ju. Glavnyj hranitel' kackogo mira = The chief guardian of the Katsky world // Ugleche pole. Uglich : MEDIAROST, 2012. № 14. S. 2.

17. Temnjatkin S. N. Moja Kackaja Rus': ljudi, predanija, obyčaj, verovanija zap. zemel' Jarosl. kraja = My Katsky Rus: people, legends, customs and beliefs of the western lands of the Jaroslavl region / S. N. Temnjatkin; [red.: E. A. Ermolin, A. M. Rutman ; hudozh. E. M. Chernova]; Administracija Jarosl. obl. Jaroslavl' : Izdatel'stvo Aleksandra Rutmana. 2003. 192 s.

18. Sharova T. Chisto po-kacki = Purely in Katsky // «Russkij reporter» № 29 (108). 30.07.2009. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2009/29/muzey/ (data obrashhenija: 11.03.2020)

19. Hjojzin J. Homo Ludens. Chelovek igraushhij. Opyt opredelenija igrovogo jelementa kul'tury = Homo Ludens. The playing man. Defining the game element of culture. Moskva : ID Ivana Limbaha. 2017. 416 s.

20. Cheung G. W., & Rensvold, R. B. (2000). Assessing extreme and acquiescence response sets in cross-cultural research using structural equations modeling. Journal of Cross-Cultural Psychology. № 31. R. 187–212.

21. Cultural Heritage in a Changing World. / Ed. by Karol Jan Borowiecki, Neil Forbes, Antonella Fresa. [This book is published open access]. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-319-29544-2> (data obrashhenija: 11.03.2020)

22. Downie M., Koestner R., ElGeledi S., Cree K. (2004). The impact of cultural internalization and integration on well-being among tricultural individuals. Personality and Social Psychology Bulletin. № 30. R. 305–314.

23. Little T. D. (1997). Mean and covariance structures (MACS) analyses of cross-cultural data: Practical and theoretical issues. Multivariate Behavioral Research. № 32. P. 53–76.

24. Ryan R. M., Connell J. P. (1989). Perceived locus of causality and internalization: Examining reasons for acting in two domains. Journal of Personality and Social Psychology. № 57(5). P. 749–761.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Русский язык

Научная статья

УДК 81.161.1'36

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_78

EDN: BFLLSY

Субстантивная словоформа «даром»: ступенчатый тип функциональной транспозиции в наречие

Виктор Васильевич Шигуров^{1✉}, Татьяна Алексеевна Шигурова²

¹Доктор филологических наук, заслуженный деятель науки Республики Мордовия, заведующий кафедрой русского языка филологического факультета, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

²Доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева. 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

¹shigurov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4898-6484>

²shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>

Аннотация. Цель работы – исследование степеней транспозиции субстантивных словоформ в класс наречий. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного исследования механизма транспозиции в языке, продуцирующего в речи огромный пласт синкретичных образований, синтезирующих в разной пропорции и комбинаторике дифференциальные признаки взаимодействующих частей речи. Новизну подхода определяет применение метода индексации при исчислении степеней адвербиализации языковых единиц. В работе использовались общенаучные и общелингвистические, специальные методы анализа материала (сравнение, обобщение; описательный метод, оппозиционный анализ, элементы компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа). На примере словоформы «даром» показаны стадии адвербиальной транспозиции существительных в форме творительного падежа без предлога. Применение методики оппозиционного анализа (со шкалой переходности) и индексации позволило установить, что словоформы типа «даром» представляют в разных контекстах ядерные и периферийные существительные, а также ядерные и периферийные отсубстантивные наречия. Исследование периферийного наречия «даром» в значении «бесплатно, безвозмездно» показало, что оно возникло в результате функциональной адвербиализации существительного, то есть в пределах семантической зоны исходной субстантивной лексемы, и демонстрирует 4 % соответствия своих дифференциальных признаков признакам исходного ядерного существительного *даром* и 64 % соответствия признакам ядерного наречия «даром» в значении «зря, напрасно» или «без последствий, чаще негативных». Результаты исследования могут найти применение в дальнейшей разработке проблем теории транспозиции и синкретизма в грамматическом строе языка, а также в преподавании грамматики в высшей и средней школе.

Ключевые слова: русский язык; грамматика; транспозиция; адвербиализация; существительное; наречие; индексация

Для цитирования: Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Субстантивная словоформа «даром»: ступенчатый тип функциональной транспозиции в наречие // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 78–89. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_78. <https://elibrary.ru/BFLLSY>

Russian language

Original article

The substantive word form «даром»: a graded functional transposition into an adverb

Victor V. Shigurov^{1✉}, Tatiana A. Shigurova²

¹Doctor of philological sciences, honored scientist of the Mordovia republic, head of the russian language department, faculty of philology, N. P. Ogarev Mordovia state university. 430005, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68

²Doctor of cultural studies, professor, department of cultural studies and library-information resources, N. P. Ogarev Mordovia state university. 430005, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68

¹shigurov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4898-6484>

²shigurova_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5342-8471>

Abstract. The aim of the work is to study the degrees of substantive word forms transposition into the the class of adverbs. The work is relevant due to the need for a comprehensive study of the linguistic transposition mechanism which produces in speech a huge number of syncretic formations, synthesizing differential features of interacting parts of speech in different proportions and combinations. The novelty of the approach is determined by applying the indexing method to calculate the degrees of adverbializing linguistic units. In their work, the authors use general scientific, general linguistic and specialist methods of data analysis (comparison, generalization, descriptive method, oppositional analysis, elements of component, distributive and transformational analysis). The example of the word form «даром» (free of charge / in vain) shows the stages in the adverbial transposition of nouns in the instrumental case without a preposition. The use of the oppositional analysis technique (with a transitivity scale) and indexing helps to establish that such word forms as «даром» represent nuclear and peripheral nouns, as well as nuclear and peripheral substantive adverbs in different contexts. The study of the peripheral adverb «даром» in the sense of «free of charge, for nothing» shows that it arose as a result of the functional adverbialization of the noun, that is, within the semantic zone of the original substantive lexeme, and demonstrates 4 % correspondence of its differential features to the features of the original nuclear noun «даром» and 64 % correspondence to the signs of the nuclear adverb «даром» in the meaning of «in vain» or «without consequences, more often negative ones». The results of the study can be used in further developing the theory of transposition and syncretism in the grammatical structure, as well as in teaching grammar in universities and secondary schools.

Key words: the Russian language; grammar; transposition; adverbialization; noun; adverb; indexation

For citation: Shigurov V. V., Shigurova T. A. The substantive word form «даром»: a graded functional transposition into an adverb. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):78–89. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_78. <https://elibrary.ru/BFLLSY>

1. Вводные замечания

Актуальность работы обусловлена необходимостью системного комплексного анализа языкового механизма транспозиции, продуцирующего огромный пласт синкретичных структур. Синкреты такого рода в разной пропорции и комбинаторике синтезируют свойства взаимодействующих в речи классов слов и межклассных семантико-синтаксических разрядов предикативов и вводно-модальных единиц, позволяя кратко, но емко выражать мысли и чувства человека [Воротников, 2003, с. 82; Кустова, 2018, с. 380–390; Падучева, 2019; Shigurov, Shigurova 2016, с. 237–245]. Транспозиционные процессы на уровне частей речи имеют ступенчатую природу и протекают нередко в пределах семантической зоны исходных лексем, давая основание говорить не о разных словах, которые появляются в языке в результате адвербиализации, интеръективации, модалации, предикативации и т. п., а о двух типах употребления одной и той же словоформы [Шигуров, 2013, с. 3–11; Шигуров, Шигурова, 2014, с. 161–165; Shigurov, Shigurova, 2015, с. 57–59].

Адвербиализация существительных, как известно, является одним из самых продуктивных способов образования наречий в русском языке. Данный тип транспозиции языковых единиц ха-

рактеризуется тем, что морфологические формы «выпадают из системы словоизменения своей части речи, утрачивая ее грамматические признаки и приобретая грамматическое значение наречия» [Красильникова, 1997, с. 15].

Невзирая на многочисленные попытки установить степени адвербиализации слов разных частей речи, и прежде всего предложных и беспредложных форм существительных, в работах А. А. Потебни, Л. В. Щербы, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова, О. П. Ермаковой, В. В. Бабайцевой, И. В. Высоцкой и других исследователей, многие факты языка и речи до сих пор интерпретируются различно – как существительные, наречия или гибридные, промежуточные образования.

Цель работы – исследование ступеней, признаков и предела транспозиции существительных в форме творительного падежа без предлога в наречия. Новизна подхода обусловлена использованием количественных данных при определении степеней адвербиализации языковых единиц, позволяющих уменьшить фактор субъективизма при оценке противоречивых грамматических фактов. Методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов по проблеме транспозиции (или, в иной терминологической системе, конверсии, транс-

ляции, деривации, трансформации) (см.: [Балли, 1955; Мельчук, 1995; Теньер, 1988; Урысон, 1996, с. 25–38; Вихованець, 2004; Eihinger Ludwig M., 1982; Stekauer P., 1996]). В исследовании применялись как общенаучные, так и общелингвистические, специальные методы анализа материала (сравнение, обобщение; описательный метод, оппозиционный анализ, элементы компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа). Использование метода индексации позволило установить пропорцию признаков взаимодействующих существительных и наречий в структуре словоформ, подвергающихся в типовых контекстах ступенчатой транспозиции в наречия.

2. Материал и результаты исследования

В данной работе изложен опыт исследования степеней адвербиальной транспозиции существительных без предлогов с опорой на методы оппозиционного анализа и индексации.

Анализ типовых контекстов функционирования субстантивных словоформ типа *даром* свидетельствует о том, что они представляют разные степени сближения с наречиями. Ступени их адвербиализации можно показать на примере словоформы *даром* в виде ряда звеньев шкалы переходности: **А / С(уш)** (зона ядра существительных) (1) --> **Аб / С(уш) н(ареч)** (зона периферии существительных) (2) --> **аБ / с(уш) Н(ареч)** (зона периферии наречий) --> **Б / Н(ареч)** (зона ядра наречий) (4). Ср. примеры, иллюстрирующие указанные этапы адвербиализации из Национального корпуса русского языка, отмеченные здесь и далее аббревиатурой НКРЯ:

(1) *Кипренский, обладавший величайшим даром импровизации, но лишенный многих необходимых знаний упорства и мужества, погружался в блеск славы* [К. Паустовский. Орест Кипренский (1936)] [НКРЯ]; *Лариса владела прекрасным, редким даром – вызывать к себе доверие* [Л. Корнешов. Газета (2000)] [НКРЯ] (ядерное существительное в функции дополнения с объектным значением; ≈ ‘талантом, способностями’);

(2) *Всевышний, наградив его чудесным даром владения оружием, позаботился о том, чтобы дар этот не мог быть употреблен во зло* [Л. Юзефович. Костюм Арлекина (2001)] [НКРЯ]; *Он заслужил свои привилегии личной отвагой, собственным мечом и природным даром понимать, чего опасается противник* [Б. Васильев. Ольга, королева русов (2002)] [НКРЯ] (периферийное существительное в синкретичной функции до-

полнения и обстоятельства способа действия; ≈ ‘при помощи таланта, умения’);

(3) *Никанор Иванович не только не ходит ни в какой театр ни за деньги, ни даром, но даже меняется в лице при всяком театральном разговоре* [М. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929–1940)] [НКРЯ]; *В стихах он мечтал о любви... а цветы и любовь раздавать даром направо и налево* [В. Войнович. Монументальная пропаганда // «Знамя», 2000] [НКРЯ] (периферийное отсубстантивное наречие в функции обстоятельства образа и способа действия; ≈ ‘бесплатно, безвозмездно’);

(4) *Ни одной минуты не должно быть потеряно даром* [Ю. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933)] [НКРЯ] (ядерное отсубстантивное наречие в функции обстоятельства образа действия; ≈ ‘напрасно, зря, бесцельно’); *Спокойствие не дается даром; рано или поздно, выдержка отыгрывается на психике. Даром ничего не дается! Каждый чувствует это по-своему* [А. Морозов. Прежние слова (1985–2001) // «Знамя», 2002] [НКРЯ] (ядерное отсубстантивное наречие в функции обстоятельства образа действия; ≈ ‘бесследно, без последствий’).

Зону гибридности [**аб / с(уш) н(ареч)**] на шкале адвербиализации периферийная субстантивная словоформа *даром* (5) «минует», сразу трансформируясь в позиции одиночного обстоятельства в наречие сначала чисто функционального типа (6), то есть в виде адвербиального типа употребления словоформы в пределах семантической зоны исходной субстантивной лексемы (*дар* – исторически суффиксальное производное от **дати* (*дать*)) [Шанский, Боброва, 1994, с. 66–67; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов, 2007, с. 180], но с позиции синхронного словообразования мотивируется глаголом *дарить*, осмысляясь в качестве результата нулевой отглагольной суффиксации [Тихонов, 1985, с. 269]) [**аБ / с(уш) Н(ареч)**], а затем в статусе самостоятельной адвербиальной лексемы, функционирующей по отношению к исходному творительному падежу ядерного существительного [**А / С(уш)**] (7) в качестве его грамматического и лексического омонима [**Б / Н(ареч)**] (8а–б):

(5) *От природы он был награжден удивительным даром предвидения* (≈ ‘талантом, способностью’);

(6) *Все это досталось ему даром* (≈ ‘безвозмездно’);

(7) Он владел божественным **даром** предсказания ‘талантом, способностью’);

(8) (а) **Даром** обычно такие вещи не проходят ($\approx$ ‘бесследно, без последствий, чаще негативных’);

(б) **Даром** только потерял время, результата никакого ($\approx$ ‘зря, напрасно’).

В примерах (5–7) представлены контексты на разные типы употребления субстантивной лексемы *дар*, демонстрирующей в форме творительного падежа (*даром*) три этапа функциональной, то есть собственно грамматической транспозиции в класс определительных наречий. Предел, конечную стадию адвербиализации *даром* манифестирует зона ядра наречий [Б / Н(ареч)], представленная словоформами (8 а,б), подвергшимися функционально-семантическому типу адвербиальной транспозиции. Результатом адвербиализации этого типа является образование ядерных отсубстантивных наречий *даром* ($\approx$ ‘бесследно, без последствий’) и *даром* ($\approx$ ‘зря, напрасно, без ощутимого результата’) с обстоятельственным значением образа действия. Важно подчеркнуть, что оба эти ядерные наречия функционируют как самостоятельные лексемы – за пределами семантической зоны исходного существительного *дар* (*даром*).

Далее речь пойдет об адвербиализованной словоформе *даром* в значении ‘бесплатно, безвозмездно’ (9), с двумя оттенками значения ‘По очень низкой цене, дешево’ (10) и ‘Без затраты сил, без труда; легко’ (11), представляющей зону периферийных наречий (см.: [Словарь современного русского литературного языка..., 1954, Т. 3, с. 560–561]). Наречия такого типа функционируют в рамках исходных субстантивных лексем [звено **аБ / с(ущ) Н(ареч)** на шкале адвербиализации] как особые адвербиальные типы их употребления. См. примеры из Национального корпуса русского языка:

Адвербиальный тип употребления словоформы (*даром*), имеющей значение «бесплатно, безвозмездно»:

(9) (а) «У нас было бесплатное жилье, – сказал я, – квартиры всем давали **даром** [М. Кантор. Честный англичанин (2011)] [НКРЯ];

(б) Все равно уедете, и мы заберем квартиру **даром** [Г. Садулаев. Когда проснулись танки (2010)] [НКРЯ];

(в) А я миллионер – **даром** вас возить? – спросил водитель с акцентом [А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010] [НКРЯ];

(г) Мало того, Павел, не хотевший чувствовать, что он **даром** берет что-то у государства и наживается, организовал что-то вроде бригады, только рабочие не работали вместе, а каждый отдельно [А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010] [НКРЯ];

(д) Он Россию любит **даром**, не с подмошков, не с эстрад [В. Лавришко. Один день из жизни Очень Знаменитого Поэта // «Октябрь», 2001] [НКРЯ].

Адвербиальный тип употребления словоформы (*даром*), имеющей оттенок значения ‘По очень низкой цене, дешево’:

(10) (а) Думал, всё – выбросить придется, а ничего – только сморщилось и высохло, а как потеплело весной, пожалуйста, вновь набухло, листочки новые проклюнулись! Бери, **даром** отдаю, за двадцатку! [А. Шалин. Футурия // «Наука и жизнь», 2009] [НКРЯ];

(б) Народ штурмовал прилавки так, как будто на завтра магазин закрывался, а сегодня все отдавали **даром** [М. Полетика. Однажды была осень (2012)] [НКРЯ].

Адвербиальный тип употребления словоформы (*даром*), имеющей оттенок значения ‘Без затраты сил, без труда; легко’:

(11) (а) К безверию нужно прийти самому, а русским безверие достается **даром**, поэтому его не ценят, а ценят веру [М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005] [НКРЯ];

(в) Презирает разминаться у стенки, художественная натура: не любит ученья и черной работы, все **даром** привык получать – гибкий, верткий, любимец фортуны... [Т. Набатникова. День рождения кошки (2001)] [НКРЯ].

Надо сказать, что в ряде случаев противопоставление между смыслами ‘бесплатно’ и ‘без труда, легко’ / ‘по очень низкой цене, дешево’ выражено в контексте неотчетливо, что позволяет двояко интерпретировать одну и ту же ситуацию. Помимо некоторых из приведенных выше предложений см. также:

(12) «Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – сердито сказала она, – мне в этой жизни ничего не досталось **даром**» [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)] [НКРЯ] (бесплатно или легко, без труда?);

(13) Мне кажется, потому, что банановые компании существуют только для прикрытия: если в каждый контейнер с бананами из того же Эквадора, что недалеко от Колумбии, закладывать несколько коробок чистого кокаина, то экономический эффект операции оправдывает

все затраты. Бананы можно вообще **даром** раздавать [Г. Садулаев. Таблетка (2008)] [НКРЯ] (бесплатно или по очень низкой цене?).

Следует подчеркнуть, что во всех приведенных выше случаях периферийное наречие *даром* функционирует в качестве синкретичного обстоятельства образа и способа действия, в отличие от периферийного существительного *даром*, которое совмещает функцию дополнения с функцией обстоятельства способа действия; ср.: *награжден даром предвидения* ≈ *при помощи дара предвидения* (о полифункциональных единицах языка см., напр.: [Панков, 2013, с. 451–452; 2016, с. 434–439]):

Ср. также собственно субстантивный тип употребления словоформы *дар* (*даром*), обозначающей «то, что даётся совершенно безвозмездно; подарок, подношение; особую степень одаренности, талант» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 239]:

(14) (а) *Мои именины ознаменовались огромным селезнем, даром от Самойловых...* [Письма В. Н. Буниной к художнице Т. Логиновой-Муравьевой (1941)] [НКРЯ];

(б) *Подобным умением обычно овладевают с большим трудом, но бывают случаи, когда человек наделен этим даром от природы, как, видимо, обстоит дело со мной* [З. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня (1992)] [НКРЯ].

При функциональной транспозиции в класс наречий субстантивная словоформа *даром* претерпевает ряд изменений на семантическом, морфологическом, синтаксическом уровнях. Эти изменения, с одной стороны, проявляются в утрате таких типичных признаков исходного существительного, как категориальная семантика предметности и ее презентация в виде грамматических категорий и форм рода, падежа и числа, система падежных и числовых форм (две совмещенные парадигмы), изменяемость, принадлежность к лексико-грамматическим разрядам (подклассы нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных существительных), первичные синтаксические функции подлежащего и дополнения, возможности распространения адъективными согласуемыми словами и управляемыми субстантивными формами косвенных падежей.

Наличие указанных зависимых слов свидетельствует о субстантивной природе рассматриваемого образования; ср. ядерное существительное *даром* в объектном значении (15), периферийное существительное *даром* в объектно-

обстоятельственном значении (16) и отсубстантивное периферийное наречие *даром* в обстоятельственном значении (17):

(15) *Он обладал редким даром убеждения;*

(16) *Его природа наградила редким даром убеждения;*

(17) *Книги даром были переданы в детский дом.*

С другой стороны, при собственно грамматической транспозиции в наречия словоформа *даром* приобретает типичные свойства слов адвербиального класса: общеграмматическую семантику признака признака; принадлежность к подклассу определительных наречий образа и способа действия; неизменяемость; особый тип присловной подчинительной связи с главным словом словосочетания – примыкание. По классификации Ф. И. Панкова, оно может быть отнесено к группе свободных синтаксем, для которых характерно использование как в позиции вне предложения (в качестве заголовка, рекламы и т. п.), так и в присловной позиции приглагольного компонента предложения (см., напр.: [Панков, 2006, с. 10–13]). Синтаксическая функция обстоятельства, свойственная также периферийному существительному, совмещающему ее с функцией дополнения, стала при адвербиализации первичной, категориально обусловленной функцией наречия *даром*. Морфемная структура рассматриваемой словоформы также подвергается трансформации: флексия *-ом* в ядерном и периферийном существительном *даром*, передающая частные грамматические значения мужского рода, единственного числа и творительного падежа, перерождается у наречия *даром* в суффикс *-ом*. В итоге основа слова из непроемной и нечленимой преобразуется в производную и членимую.

Однако семантического отхода от исходной лексемы при функциональной адвербиализации существительного не наблюдается: *даром* не нарушает смыслового тождества слова, характеризуясь лишь особым адвербиальным типом употребления; ср.: собственно субстантивный (18–19) и адвербиальный типы употребления лексемы *дар* (*даром*) (20):

(18) *Поражает нас расстановка слов у Брюсова. Брюсов владеет даром мелодийным. Он – лучший стилист среди современных русских поэтов* [А. Белый. Брюсов (1908)] [НКРЯ];

(19) *Зато боги его наградили даром слова, острым умом и искусством сочинять басни* [М. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)] [НКРЯ];

(20) *Все получил даром от государства – квартиру, какая нам не снилась, дачу, курорты, лучшую больницу, закрытый распределитель и т. п.* [А. Зиновьев. Русский эксперимент (1995)] [НКРЯ].

Более точно определить степень адвербиализации *даром* в зоне периферийных наречий можно с использованием методики индексации, которая позволяет с опорой на формулу соответствия установить, в какой мере дифференциальные признаки функционального отсубстантивного наречия *даром* соответствуют, с одной стороны, дифференциальным признакам ядерного существительного *даром*, а с другой – дифференциальным признакам ядерного отсубстантивного наречия *даром*.

В заключение необходимо отметить, что функциональное отсубстантивное наречие *даром* в предложениях типа *Книги были отданы даром* может быть включено в группу адвербиальных единиц с фиксированной сферой действия: они характеризуются жесткой семантической связью с глагольным компонентом высказывания. Данное наречие играет роль модификатора глагола, который представляет внутреннюю характеристику описываемой ситуации. Семантику *даром* в этом случае можно интерпретировать при помощи перифразы с союзом *как*: ‘То, как были отданы книги, было безвозмездно’. Для периферийного отсубстантивного наречия *даром* в значении образа и способа действия исключена перифраза с союзом *что*: **То, что книги были отданы, было безвозмездно*.

Ядерное же наречие *даром* со значением ‘бесполезно, зря’ и оттенком ‘бесследно’, возникшее вследствие функционально-семантической адвербиализации творительного падежа, характеризуется сентенциальным употреблением. Оно представляет внешнюю характеристику ситуации, допуская семантическую интерпретацию путем перифразы с союзом *что*. Напр.: *Даром потрачено столько времени* ≈ *То, что потрачено столько времени, было напрасно*. Или: *Такие его промахи даром не пройдут* ≈ *То, что им допущены такие промахи, бесследно не пройдет* (подробнее о наречиях в сентенциальном и несентенциальном употреблении с фиксированной и плавающей сферами действия см., например, в исследованиях: [Dik, 1972, p. 96–121; Богуславский, 1985, с. 55–56 и др.; Рудницкая, 1993, с. 12–14; Филипенко, 2003, с. 33–147; Циммерлинг, 2021, с. 218–219].

Адвербиалы с плавающей сферой действия, согласно М. В. Филипенко, входят в такие словосочетания, как *зря надеяться, легкомысленно предлагать, напрасно сомневаться, самоотверженно бороться* (см.: [Филипенко, 2003, с. 121]). У них нет непосредственной семантической связи с определяемыми глаголами. Применительно к исследуемым наречиям *даром* можно полагать, что их типы употребления должны трактоваться соответственно как сентенциальное (в случаях с ядерным отсубстантивным наречием *даром* в значении ‘зря, напрасно’) или несентенциальное (в случаях с периферийным отсубстантивным наречием *даром* в значении ‘безвозмездно, бесплатно’). Схожую ситуацию имеем при противопоставлении сентенциального и несентенциального употреблений, например, наречия *благоразумно* в предложениях *Он благоразумно промолчал* (≈ ‘То, что он промолчал, было благоразумно’) и *Он ответил благоразумно* (≈ ‘То, как он ответил, было благоразумно’) (см.: [Филипенко, 2003, с. 13 и др.]). Подтверждается это и в исследовании А. В. Циммерлинга, который в случаях типа *Он намеренно оставил вас в одиночестве* и *Маша красиво танцевала* усматривает определенную специализацию в употреблении наречий *намеренно* и *красиво*. Первое, как отмечает автор, употреблено сентенциально, относясь ко всему высказыванию в целом, в то время как второе специализируется в языке на несентенциальном употреблении и относится к глаголу, характеризуя способ протекания действия (см.: [Циммерлинг, 2021, с. 218]).

Как видно из предыдущего изложения, результатом функциональной адвербиализации *даром* стало формирование особого, адвербиального типа употребления субстантивной лексики, допускающего интерпретацию в рамках внутрисловной полисемии; ср.: (*награжден*) *даром* (*предвидения*) (существительное) – (*отдал*) *даром* (наречие).

При адвербиальном употреблении в синтаксической функции обстоятельства образа и способа действия в структуре рассматриваемой словоформы происходит изменение комбинаторики и пропорции дифференциальных признаков, с одной стороны, исходного ядерного существительного *дар* (*даром*), а с другой – ядерного наречия *даром* в значении ‘напрасно, зря’.

Для определения степени соответствия собственно грамматического наречия *даром* прототипическим представителям исходного и конечного звеньев адвербиализации необходимо ис-

пользовать процедуру исчисления индексов его межкатегориальной транспозиции.

Проведенное исследование показывает, что у периферийного наречия *даром* и исходного существительного *дар* (*даром*) есть как интегральные, так и различительные признаки. Объединяет их один общий признак (1 балл) – семантическое тождество исходной лексемы, характеризующей двумя типами употребления – собственно субстантивным и адвербиальным. Ср. толкование лексического значения существительного *дар* (*даром*) ‘Подарок, подношение, пожертвование; что-либо, отданное кому безвозмездно в полную собственность’ (*Вещи оказались даром от спонсоров*); ‘способность, талант, дарование (ниспосланная Богом или данная от природы)’ (*Он был наражден даром предсказателя*)’ и функционального отсубстантивного наречия *даром* ‘безвозмездно, бесплатно’ [*Книги были переданы даром*] (см.: [Словарь современного русского литературного языка, 1954, с. 557, 560]).

В отличие от исходного существительного *дар* (*даром*), периферийное наречие *даром* не имеет таких субстантивных свойств, как: 1) частеречное значение предмета (предметности); ср.: *обладать даром красноречия (чем?) и получить книги даром (как?)*; 1 балл; 2) принадлежность к подклассам нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных, точнее, абстрактных по семантике и конкретных по грамматическим свойствам существительных; 3 балла; 3) морфологическая категория рода, эксплицированная формой мужского рода (*интересоваться даром, переданным из Общества милосердия*); 1 балл; 4) морфологическая категория числа, представленная формами единственного и множественного числа: ср.: *дар / дары природы*; 2 балла; 5) морфологическая категория падежа, эксплицируемая шестью падежными формами: *Дар / дара / дару / дар / даром / о даре – природы*; 6 баллов; 6) изменяемость; две парадигмы в рамках категорий падежа и числа); 1 балл; 7) наличие в морфемной структуре слова флексийных морфем, выражающих категории рода, числа и падежа и общеграмматическую семантику предмета; ср., например, флексию *-ом* у исходного существительного в форме творительного падежа *даром* (*обладать даром перевоплощения*) и возникший на его базе суффикс *-ом* у периферийного отсубстантивного наречия *даром* (*Все было отдано даром, безвозмездно*); 1 балл; 8) первичные синтаксические функции существительного – подлежащее и дополнение; ср. у

собственно грамматического наречия *даром* функцию обстоятельства образа и способа действия: *Оставшиеся вещи были переданы детскому дому даром* (2 балла); 9) синтагматические характеристики существительного – его сочетаемость с согласуемыми и управляемыми распространителями (*владеть поэтическим даром слова*); (2 балла); 10) присловная связь с главным компонентом словосочетания в виде сильного управления; ср. различие подчинительных синтаксических связей: а) управление формой творительного падежа в словосочетаниях с глаголами и прилагательными вроде *обладать, владеть, быть довольным – даром актера, красноречия* и б) примыкание функционального наречия к словам, не обладающим способностью управлять творительным падежом без предлога: *передать кому-либо книги даром* (1 балл).

Вместе с тем, функциональному наречию *даром* свойственны признаки, отсутствующие у исходного существительного. К ним относятся: 11) синкретичная функция обстоятельства образа и способа действия; ср. также синкретичную атрибутивно-обстоятельственную функцию у наречий рассматриваемого типа, примыкающих к существительным: *Передача книг даром происходила, на удивление, очень быстро* (1 балл); 12) особая лексическая сочетаемость: **во-первых**, с определяемыми компонентами словосочетания, к которым примыкает функциональное наречие *даром*, а именно: с глаголами, не обладающими способностью управлять формой творительного падежа существительного и обозначающими чаще всего какие-либо конкретные действия, связанные с перемещением предметов; ср.: *передать, отдать / получить что-то даром*; с отглагольными образованиями (*передача, получение чего-либо даром* и др.); с краткими прилагательными и предикативами с отрицанием в модальном значении отсутствия необходимости чего-либо (*даром / не нужно, не надо чего-либо*): *Кроссовки эти – мне их и даром не нужно* [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)] [НКРЯ]; *Нам таких швейцаров в ресторане и даром не надо* [М. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)] [НКРЯ]; **во-вторых**, с определяющими компонентами в виде наречий типа *абсолютно, совсем, совершенно*, примыкающих к функциональному отсубстантивному адвербиалу *даром*; ср. также: *почти даром, чуть не даром*: *На следующий день я приехала в институт, где изучали растения, и решила разведать обстановку. – Входите, входите,*

посещение музея совершенно бесплатно. – Э... э, – пробормотала я, – в музей можно без денег? – **Абсолютно даром**, – заверил меня секьюрити... [Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004)] [НКРЯ]; *На корабле она объяснила Базе, что один человек сказал, что есть по дешевке золотой браслет, **совсем даром*** [Е. Белкина. От любви до ненависти (2002)] [НКРЯ]; *Не то привлекает в природных недрах и природных чудесах, что они удивительны, а то, что они достались человеку **совершенно даром*** [С. Самсонов. Аномалия Камлаева (2006–2007)] [НКРЯ]; *На глазах ее появились слезы; она не могла себе простить, что отдала такую ценную вещь почти **даром** этому американцу...* [Г. Газданов. Возвращение Будды (1950)] [НКРЯ]; ср.: грамматические омонимы: *Наш разговор оказался очень коротким: коллекцию она ещё в прошлом году **отдала (даром)** Веселову...* [О. Амитров. Дневник (1977)] [НКРЯ] (периферийное отсубстантивное наречие *даром* в значении ‘бесплатно, безвозмездно’, образующее с глаголом *отдать* словосочетание на правах примыкающего компонента) и *Яркая личность и талантливый человек, Герман Шлаевич **обладает даром** притягивать к себе людей* [В. Цыганков. Поздравление (2004) // «Пермский строитель», 16.04.2004] [НКРЯ] (ядерное существительное в функции дополнения с объектным значением, находящееся с глаголом *обладать* в обязательной предсказующей связи сильного управления); 1 балл.

Таким образом, периферийное наречие *даром* [ступень **с(ущ)** **Н(ареч)** на шкале переходности] демонстрирует 22 дифференциальных признака, отличающих его от ядерного существительного *дар (даром)*, эксплицирующего исходный пункт собственно грамматической (функциональной) транспозиции словоформы *даром* [ступень **С(ущ)**] в класс определительных наречий.

Исследование показывает, что процесс функциональной транспозиции существительного *даром* в класс наречий периферийного типа, употребляющихся в рамках исходных субстантивных лексем, заключается в изменении комбинаторики и пропорции дифференциальных признаков в словоформе *даром*. Она утрачивает такие частеречные характеристики существительного, как общеграмматическое значение предметности, грамматические категории рода, числа и падежа, принадлежность к подклассам нарицательных, неодушевленных и абстрактно-конкретных слов, изменяемость, парадигмы категорий падежа и числа, первичные субстантивные функции

подлежащего и дополнения, распространители в виде адъективных слов (слева) и присубстантивных словоформ (справа), вхождение в словосочетание на правах управляемого компонента, флексии и т. п. и приобретает синкретичную функцию обстоятельства образа и способа действию, лексическую сочетаемость со словами, находящимися с ним в связи примыкания (**получить абсолютно даром**).

Однако, как и в других случаях сугубо грамматической адвербиализации существительных вроде *весной, летом, утром, вечером, ночью* и т. п., обособление и изоляции фиксированных форм творительного падежа без предлога от общей парадигмы исходной лексемы не приводит к образованию новой единицы языка. Это не словообразовательный процесс, а факт чистой грамматики, демонстрирующий наличие у словоформы нового, адвербиального типа употребления, которое не нарушает смыслового тождества слова. Иначе обстоит дело при образовании ядерного наречия образа действия *даром*, обозначающего, что какое-либо действие осуществляется, с точки зрения говорящего, напрасно, зря или не обходится без негативных последствий; ср.: **Даром потрачено столько времени; Такие промахи даром не проходят**. В этом случае адвербиализация приводит к выводу наречия за пределы семантической зоны исходной субстантивной лексемы, лексикализации словоформы и образованию лексического омонима, то есть к словообразованию (см. также: [Норман, 2016, с. 108]). Следует также заметить, что, по сравнению с отсубстантивными ядерными адвербиалами *кругом, верхом*, периферийное наречие *даром*, как, впрочем, и ядерное наречие *даром*, не обнаруживает акцентологического расхождения с грамматическим омонимом-существительным; ср.: *плыть со спасательным **кру́гом** – повернуться **кругом**; наблюдать за **ве́рхом** сосны – ехать **ве́рхом***.

Степень собственно грамматической адвербиализации периферийного определительного наречия *даром* в значении ‘бесплатно, безвозмездно’ [ступень **с(ущ)** **Н(ареч)** на шкале переходности], проявляющаяся в соответствии его дифференциальных признаков признакам исходного ядерного существительного *даром* [ступень **С(ущ)**], определяется путем исчисления индекса x_1 по формуле:

$$x_1 [\text{даром с(ущ) Н(ареч)}] = 1 / (1 + 22) = 1 / 23 \approx 0,04 (4 \%)$$

Исчисление индекса x_1 свидетельствует о том, что в зоне периферии класса отсубстантивных

наречий функциональное наречие *даром* демонстрирует 4 % соответствия своих дифференциальных признаков признакам исходного ядерного существительного *дар* (*даром*).

Исчисление второго индекса соответствия периферийного наречия *даром* (x_2) ядерным наречиям типа *даром*, возникшим в результате функционально-семантической адвербиализации творительного падежа существительного, предполагает выявление признаков их сходства и различия. При сравнении периферийного наречия с ядерным не будут браться в расчет такие критерии, которые уже учитывались при определении степени соответствия периферийного адвербиала *даром* прототипическому (ядерному) существительному *даром*. Речь идет о наличии / отсутствии у периферийного наречия ряда дифференциальных признаков ядерного существительного – грамматических категорий рода, падежа и числа; первичных синтаксических функций (подлежащее, дополнение) и т. п.

Для сравнения приведем типовые контексты употребления периферийного наречия *даром* в значении ‘бесплатно’, ‘безвозмездно’ [ступень **с(ущ) Н(ареч)**] (21) и ядерного наречия *даром* со значением ‘зря, напрасно’ или ‘без последствий, обычно негативных’ [ступень **Н(ареч)**] (22):

(21) *Старуха оскалила два ряда желтых зубов. «Бери птицу! Я отдаю ее тебе даром. Бери!» Стараться получать все на свете даром было правилом моим с детства, но мне непонятной казалась щедрость цыганки. – «Почему же даром?»* [Б. Садовской. Карл Вебер (1923)] [НКРЯ]; *Не люблю даром есть хлеб, а главное, терпеть не могу, чтобы меня жалели* [Д. Мережковский. Александр Первый (1922)] [НКРЯ]; *«Предлагаю даром скотину не раздавать, а положить плату», – сказал, выйдя на середину, лавочник* [П. Романов. Рябая корова (1920)] [НКРЯ]; *Дерсу тотчас полез за пазуху и, подавая мне корень, сказал, что отдает его даром* [В. Арсеньев. По Уссурийскому краю (1917)] [НКРЯ].

(22) *Тогда он решил плыть в Сандагоу, чтобы летнее время не пропало даром* [А. Фадеев. Разлив (1923)] [НКРЯ]; *«Еще бы, – вы так много потрудились, чтобы сплести целую сеть лжи, нахальства и шантажа. Но это не пройдет вам даром» – прошептал президент* [Б. Лавренев. Крушение республики Итль (1925)] [НКРЯ]; *Схлестнулись лицом к лицу два суровых решенья: эта стычка даром пройти не могла* [Д. Фурманов. Талка (1925)] [НКРЯ].

В результате исследования установлено, что периферийное наречие *даром* сближают с ядерным наречием *даром* такие характеристики, как: 1) категориальное значение признака признака; 1 балл; 2) неизменяемость, что обусловлено отсутствием словоизменительных категорий и парадигм; 1 балл; 3) морфемный состав: членимость на морфы; ср. наличие в их структуре корня (*дар-*) и суффикса (*-ом*); 1 балл; 4) первичная наречная функция обстоятельства, совмещенная в ряде случаев со вторичной функцией несогласованного определения [Евтюхин, 2013, с. 502]; ср.: *Работали даром*; *Время потрачено даром* и *Работа в течение месяца совершенно даром не устраивала рабочих* (≈ ‘бесплатно’; каким образом? каким способом? какая? – обстоятельство образа и способа действия и несогласованное определение); *Эта трата времени даром не могла принести какие-либо плоды* (≈ ‘зря, напрасно’; каким образом? какая? – обстоятельство образа действия и несогласованное определение); 1 балл; 5) присловная подчинительная связь с главным словом словосочетания – примыкание; ср.: *передать / передача вещей – даром* (безвозмездно) и *тратить время / трата времени – даром* / (*впустую, напрасно*); 1 балл; 6) сочетаемость с примыкающими наречиями типа *совершенно: получить что-то совершенно даром* и *время потрачено совершенно даром* (1 балл); 7) структурно-семантическая соотносительность с исходным существительным (*дар*); ср.: *владеть даром перевоплощения* (ядерное существительное) – *отдать вещи даром* (периферийное отсубстантивное наречие в значении ‘безвозмездно’ и *Получается, что все силы были растрачены даром* (ядерное отсубстантивное наречие в значении ‘зря, напрасно’); 1 балл. Всего интегральных признаков у сравниваемых наречий – семь.

Отграничивают периферийное наречие *даром* (получили книги) от ядерного наречия *даром* (потрачено время) такие дифференциальные признаки, как: 1) отсутствие у него омонимичного лексического значения, которое знаменовало бы выход адвербиализующегося существительного за пределы семантической зоны исходного лексемы, что характерно для процесса функционально-семантической адвербиализации; ср. смысловое тождество исходного существительного при функциональном типе транспозиции творительного падежа в наречие (*быть довольным даром от спонсоров --> получить книги почти даром*) и нарушение смыслового тождества

слова при его функционально-семантической транспозиции в наречие (*Это тебе даром не пройдет, будут последствия*); 2 балла; 2) принадлежность к подклассу определительных наречий образа и способа действия; ср. значение образа действия у ядерного отсубстантивного наречия *даром*; 1 балл; 3) неспособность употребляться в качестве лексико-грамматического омонима по отношению к исходной субстантивной словоформе; ср. употребление функциональных омонимов – *Дети были довольны полученным от спонсоров даром* (существительное) и *получить книги в наследство, даром* (отсубстантивное периферийное наречие) и лексико-грамматических омонимов – *Он обладал даром красноречия* (существительное) и *Такие вещи не проходят даром* (отсубстантивное ядерное наречие); 1 балл. Всего отличительных признаков – четыре, что соответствует 4 баллам в процедуре индексации.

На основании сказанного просчитаем степень сходства и различия периферийного наречия *даром* и ядерного наречия *даром* по формуле соответствия.

$$x_2 [\text{даром с(ущ) Н(ареч)}] = 7 / (7 + 4) = 7 / 11 \approx 0,64 \text{ (64\%)}$$

3. Заключение

Проведенное исследование показывает, что функциональная адвербиализация субстантивных словоформ типа *даром*, не нарушающая смыслового тождества слова, имеет ступенчатую природу. Типовые контексты демонстрируют в современном языке разные этапы их транспозиции в наречия – стадии периферийных существительных (*от природы наделен особым даром целителя – чем и каким способом?*) и периферийных наречий (*Вещи были переданы даром – как? При помощи чего?*), что не может не затруднять их однозначную частеречную квалификацию. Во многих случаях мы имеем дело с синкретичными образованиями, в той или иной пропорции совмещающие признаки взаимодействующих классов слов. Что касается периферийного наречия типа *даром* в значении ‘бесплатно, безвозмездно’, то оно обнаруживает 4 % соответствия своим дифференциальным свойствам исходного ядерного существительного *даром* и 64 % соответствия свойствам ядерного наречия *даром* в значении ‘зря, напрасно’ или ‘без последствий, чаще негативных’. Следует подчеркнуть, что периферийное наречие *даром*, сформировавшееся в результате функционального типа адвербиализа-

ции существительного, утратило основные семантико-грамматические свойства данной части – субстанциальную семантику, грамматические категории и парадигмы, первичные функции и окружение существительного и т. п., но осталось в семантической зоне исходной субстантивной лексемы, продолжая функционировать в качестве особого, адвербиального типа употребления словоформы *даром*.

Библиографический список

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
2. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. Москва : Наука, 1985. 175 с.
3. Воротников Ю. Л. Слово и время. Москва : Наука, 2003. 168 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.
5. Евтюхин В. Б. Наречие // Морфология современного русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2013. С. 499–538.
6. Красильникова Е. В. Адвербиализация // Русский язык: энциклопедия. Москва : Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 15–16.
7. Кустова Г. И. Ментальные предикаты в метатекстовых конструкциях 2-го лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2018». Вып. 17 (24). Москва, 2018. С. 380–390.
8. Мельчук И. Русский язык в модели «Смысл – Текст». Москва – Вена : Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. 682 с.
9. Норман Б. Ю. Жизнь словоформы. Москва : ФЛИНТА, 2016. 216 с.
10. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2019. 440 с.
11. Панков Ф. И. Позиции адвербиальных синтаксем (Фрагмент функционально-коммуникативной лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2006. № 4. С. 9–33.
12. Панков Ф. И. К вопросу о полифункциональности языковых единиц // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. кол. М. Л. Ремнёва, Е. Л. Бархударова, А. И. Изотов, В. В. Красных, Ф. И. Панков. Москва : МАКС Пресс, 2013. Вып. 47. С. 450–463.
13. Панков Ф. И. Полифункциональность лексических единиц в устной речи (на материале слова «еще») // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 434–439.

14. Рудницкая Е. Л. Сентенциальные наречия в русском языке. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1993. 22 с.

15. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Москва, Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР. Т. 3. 1954. 1339 с.

16. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. 1. Москва : Рус. яз., 1985. 856 с.

17. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов // РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

18. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. Москва : Прогресс, 1988. 656 с.

19. Урысон Е. В. Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // Вопросы языкознания. 1996. № 4. С. 25–38.

20. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. Москва : Азбуковник, 2003. 304 с.

21. Циммерлинг А. В. От интегрального к аспектному. Москва : Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. 652 с.

22. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. Москва : Прозерпина, 1994. 400 с.

23. Шигуров В. В. Лингвистические и экстралингвистические причины предикативации причастий в русском языке // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 4. С. 3–11.

24. Шигуров В. В. «Судя по» в контексте модалации и препозиционализации: к исчислению индексов транспозиции // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 6. С. 42–55.

25. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. О модалации глагольных инфинитивов в русском языке // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 8–3. С. 161–165.

26. Вихованець І. Р. Теоретична морфологія української мови / І. Р. Вихованець, К. Г. Городенська; за ред. І. Р. Вихованця. Київ: Пульсари, 2004. 398 с.

27. Dik S. C. The semantic representation of manner adverbials // Kraak A. (ed.) Linguistics in The Netherlands 1972–1973. № 1. Amsterdam. P. 96–121.

28. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.

29. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. 155 p.

30. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Modalation of verbal adverbs in the Russian language // European journal of natural history. 2015. № 4. P. 57–59.

31. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. T. 5. No. 5. P. 237–245.

Reference List

1. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and the issues of French. Moskva : Izd-vo inostrannoј literatury, 1955. 416 s.

2. Boguslavskij I. M. Issledovanija po sintaksicheskoј semantike: sfery dejstvija logicheskikh slov = Studies in syntactic semantics: spheres of logical words functioning. Moskva : Nauka, 1985. 175 s.

3. Vorotnikov Ju. L. Slovo i vremja = Word and time. Moskva : Nauka, 2003. 168 s.

4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Large explanatory dictionary of the Russian language / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : Norint, 2000. 1536 s.

5. Evtjuhin V. B. Narechie = Adverb // Morfologija sovremennogo russkogo jazyka: Uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij Rossijskoј Federacii / S. I. Bogdanov, V. B. Evtjuhin, Ju. P. Knjazev i dr. Sankt-Peterburg : Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 2013. S. 499–538.

6. Krasil'nikova E. V. Adverbializacija = Adverbialization // Russkij jazyk: jenciklopedija. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija: Drofa, 1997. S. 15–16.

7. Kustova G. I. Mental'nye predikaty v metatekstovyh konstrukcijah 2-go lica = Mental predicates in 2nd person metatextual constructions // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii: Po materialam mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2018». Vyp. 17 (24). Moskva, 2018. S. 380–390.

8. Mel'chuk I. Russkij jazyk v modeli «Smysl – Tekst» = The Russian language in the model "Meaning – Text". Moskva – Vena : Shkola «Jazyki russkoј kul'tury», Venskij slavisticheskij al'manah, 1995. 682 s.

9. Norman B. Ju. Zhizn' slovoformy = Life of the word form. Moskva : FLINTA, 2016. 216 s.

10. Paducheva E. V. Jegocentricheskie edinicy jazyka = Egocentric language units. 2-e izd. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2019. 440 s.

11. Pankov F. I. Pozicii adverbial'nyh sintaksem (Fragment funkcional'no-kommunikativnoј lingvodidakticheskogoj modeli russkoј grammatiki) = Positions of adverbial syntax-semes (Part of the functional-communicative linguodidactic model of Russian grammar) // Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologija. 2006. № 4. S. 9–33.

12. Pankov F. I. K voprosu o polifunkcional'nosti jazykovykh edinic // Jazyk, soznanie, kommunikacija = On language units multifunctionality // Language, mind, and communication : sb. statej / red kol. M. L. Remnjova, E. L. Barhudarova, A. I. Izotov, V. V. Krasnyh, F. I. Pankov. Moskva : MAKSPress, 2013. Vyp. 47. S. 450–463.

13. Pankov F. I. Polifunkcional'nost' leksicheskikh edinic v ustnoj rechi (na materiale slova «eshhe») = Polyfunctionality of lexical units in speaking (on the word «more») // Dinamika jazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii. 2016. № 5. S. 434–439.

14. Rudnickaja E. L. Sentencial'nye narechija v russkom jazyke = Sentential adverbs in Russian. Moskva : MGU im. M. V. Lomonosova, 1993. 22 s.

15. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 t. = Dictionary of the modern Russian literary language: In 17 vol. Moskva, Leningrad : Izd-vo Akad. nauk SSSR. T. 3. 1954. 1339 s.
16. Tihonov A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka = Word formation dictionary of the Russian language : V 2-h t. T. 1. Moskva : Rus. jaz., 1985. 856 s.
17. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključenijem svedenij o proishozhdenii slov = Explanatory dictionary of the Russian language, including information of the origin of words // RAN. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova / otv. red. N. Ju. Shvedova. Moskva : Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2007. 1175 s.
18. Ten'er L. Osnovy strukturnogo sintaksisa = The basics of structural syntax. Moskva : Progress, 1988. 656 s.
19. Uryson E. V. Sintaksicheskaja derivacija i «naivnaja» kartina mira = Syntactic derivation and a «naive» worldview // Voprosy jazykoznanija. 1996. № 4. S. 25–38.
20. Filipenko M. V. Semantika narechij i adverbial'nyh vyrazhenij = Semantics of adverbs and adverbial phrases. Moskva : Azbukovnik, 2003. 304 s.
21. Cimmerling A. V. Ot integral'nogo k aspektivnomu = From the integral to the aspectual. Moskva : Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2021. 652 s.
22. Shanskij N. M., Bobrova T. A. Jetimologičeskij slovar' russkogo jazyka = Etymological dictionary of the Russian language. Moskva : Prozerpina, 1994. 400 s.
23. Shigurov V. V. Lingvisticheskie i jeks-tralingvisticheskie prichiny predikativacii prichastij v russkom jazyke = Linguistic and extralinguistic reasons for predicating participles in Russian // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2013. T. 72. № 4. S. 3–11.
24. Shigurov V. V. «Sudja po» v kontekste modaljicii i prepozicionalizacii: k ischisleniju indeksov transpozicii = «Judging by» in the context of modalation and prepositionalization: on calculating transposition indices // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 2020. T. 79. № 6. S. 42–55.
25. Shigurov V. V., Shigurova T. A. O modaljicii glagol'nyh infinitivov v russkom jazyke = On modalation of verb infinitives in Russian // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2014. № 8–3. S. 161–165.
26. Vihovanec' I. R. Teoretichna morfologija ukraïns'koï movi / I. R. Vihovanec', K. G. Gorodens'ka; za red. I. R. Vihovancja. Kiïv: Pul'sari, 2004. 398 s.
27. Dik S. C. The semantic representation of manner adverbials // Kraak A. (ed.) Linguistics in The Netherlands 1972–1973. № 1. Amsterdam. P. 96–121.
28. Eihinger Ludwig M. Syntaktische Transposition und semantische Derivation: die Adjektive auf -isch im heutigen Deutsch. Tübingen. 1982. 241 p.
29. Stekauer P. A theory of conversion in English. Frankfurt am Main : Peter Lang, 1996. 155 p.
30. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Modalation of verbal adverbs in the Russian language // European journal of natural history. 2015. № 4. R. 57–59.
31. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Theoretical basics of the transpositional grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. T. 5. No. 5. P. 237–245.

Статья поступила в редакцию 24.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 24.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 070.4 + 81.373.2

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_90

EDN: BSZIWf

Региональные средства массовой коммуникации как источник для топонимического мартиролога

Сергей Александрович Попов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики, Воронежский государственный университет. 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1
spo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Аннотация. Проблема фиксации, сохранения и исследования исчезнувших наименований географических объектов в настоящее время остается актуальной для отечественной топонимики. Согласно официальным данным, по состоянию на середину февраля 2023 года в автоматизированном государственном каталоге географических названий зарегистрировано более 40 тысяч названий географических объектов Российской Федерации, снятых с учёта как прекративших существование, в связи с чем сегодня назрела острая необходимость составления для каждого региона России топонимического мартиролога и на его основе – словаря исчезнувших ойконимов, которые в дальнейшем могут стать составной частью аналогичных изданий в масштабах всей страны. В статье рассматривается деятельность региональных средств массовой коммуникации по освещению темы исчезнувших топонимов. На примере ряда районных газет Воронежской области автор исследует лингвокраеведческую составляющую их публикаций, особое внимание уделяя материалам, посвященным исчезнувшим населённым пунктам региона. В статье предлагается включить в учебные планы факультетов журналистики вузов России предмет «Лингвокраеведение», что позволит журналистам региональных СМИ создавать и публиковать качественные материалы, связанные с историко-культурным наследием предков, которые впоследствии будут высоко оценены читателями, радиослушателями и телезрителями. По мнению автора, публикации в региональных средствах массовой коммуникации могут гармонично дополнять официальную информацию об исчезнувших названиях населённых пунктов и служить полноценным источником для топонимического мартиролога как отдельных субъектов РФ, так и страны в целом.

Ключевые слова: журналистика; медиакommunikation; ономастика; топонимия; ойконимия; русский язык; топонимический мартиролог; лингвистическое краеведение

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01737 «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

Для цитирования: Попов С. А. Региональные средства массовой коммуникации как источник для топонимического мартиролога // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 90–96. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_90. <https://elibrary.ru/BSZIWf>

Original article

Regional mass media as a source for toponymic martyrology

Sergey A. Popov

Candidate of philological sciences, associate professor, department of public relations, advertising and design, faculty of journalism, Voronezh state university. 394018, Voronezh, Universitetskaya sq., 1
spo@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9515-5296>

Abstract. The problem of fixation, preservation and analysis of the disappeared names of geographical objects is currently relevant for the national toponymy. According to official data, as of mid-February 2023, the automated state catalog of geographical names registers more than 40 thousand names of geographical objects of the Russian Federation, removed from the records as having ceased to exist. In this connection, there is an urgent need to compile a toponymic martyrology for each Russian region and, on its basis, a dictionary of extinct ойконимы, which may be used for similar publications on a national scale in the future. The article examines regional mass media coverage of the disap-

peared toponyms topic. Taking some of the Voronezh regional newspapers as examples, the author examines the linguistic component of their publications, focusing on the materials devoted to the settlements no longer existing in the region. The author suggests introducing the subject «Linguistic local studies» into the journalism departments curricula of Russian universities, which will allow regional media journalists to create and publish high-quality materials related to the historical and cultural heritage of their ancestors, which will then be highly appreciated by readers, radio listeners and TV viewers. According to the author, regional media publications can complement the official information about the extinct toponyms and serve as a valuable source for the toponymic martyrologies both of certain subjects of the RF and of the country as a whole.

The study was supported by the grant of the Russian science foundation No. 23-28-01737 «Toponymic martyrology of the Russian Federation on the sociolinguistic aspect», <https://rscf.ru/project/23-28-01737/>

Key words: journalism; media communications; onomastics; toponymy; oikonymy; the russian language; toponymic martyrology; linguistic local studies

For citation: Popov S. A. Regional mass media as a source for toponymic martyrology. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):90–96. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_90. <https://elibrary.ru/BSZIWf>

Введение

В настоящее время для отечественной топонимики продолжает оставаться актуальной проблема исчезнувших наименований географических объектов. С середины XX века по наши дни из национальной топонимической системы Российской Федерации по разным причинам, включая политические и лингвистические, исчезли десятки тысяч географических названий, отражавших национальный элемент языковой картины мира.

Топонимический мартиролог страны, под которым мы понимаем перечень исчезнувших наименований географических объектов (топонимов) [Попов, 2022б, с. 108], массово пополнили ойконимы (названия населенных пунктов), урбанонимы (названия улиц, площадей, скверов, парков и других внутригородских объектов) и некоторые другие разряды топонимов.

Согласно официальным данным публично-правовой компании «Роскадастр» (г. Москва), предоставленным на наш запрос, по состоянию на середину февраля 2023 года в автоматизированном государственном каталоге географических названий (АГКГН) зарегистрированы алфавитные списки названий географических объектов Российской Федерации, снятых с учёта как прекративших существование, на каждый вид географических объектов: 5 будок, 5 курортных поселков, 6 поселков при станции, 8 казарм, 13 кордонов, 14 станций, 15 станиц, 20 городов, 28 железнодорожных станций, 28 разъездов, 30 дачных поселков, 34 участка, 36 местечек, 41 рабочий поселок, 43 слободы, 101 аул, 101 выселок, 228 починков, 245 улусов, 263 поселка городского типа, 2361 хутор, 2629 сёл, 9784 поселка, 28336 деревень, – всего 44374 населенных пункта.

Многие жители России оказались в ситуации, описанной профессором Г. Ф. Ковалёвым: «у многих жителей нашей области место рождения осталось лишь соответственной строчкой в паспорте, то есть место, где родился человек, в паспорте прописано, а в реальности его уже нет. Поэтому и традиция появилась: празднование былого поселения» [Ковалев, 2017, с. 6]. В настоящее время в каждом субъекте Российской Федерации необходимо провести скрупулезную работу по сохранению и исследованию исчезнувших топонимов с дальнейшей публикацией результатов для широкой общественности.

Таким прочным связующим звеном между учёными-топонимистами и жителями российских регионов выступают региональные средства массовой коммуникации, которые представляют собой один из важных источников для исследования местного топонимического пространства. С другой стороны, научные исследования учёных также могут быть полезными для журналистов, особенно если они посвящены местным топонимическим реалиям, например, микротопонимии [Ковалев, 2023].

Сегодня «массовая коммуникация – это система взаимосвязей, позволяющая получить практически одновременный доступ к социально значимым сообщениям большому числу людей, независимо от места расположения, положения, социального статуса (например, СМИ, Интернет). Такая коммуникация развивается на основе использования технических средств размножения и передачи сообщения. Как правило, массовые коммуникации осуществляются специализированными организациями (издательства, агентства, редакции, студии)» [Геворкян, 2005, с. 9].

Как отмечает В. В. Тулупов, «именно благодаря, например, местной прессе в стране сохра-

няется единое информационное пространство, к тому же в лучших своих образцах она выполняет социальную функцию (вот почему от районной газеты не следует требовать рентабельности или прибыльности, особенно в сегодняшних экономических условиях). Отсюда – высокая востребованность публикуемой местной информации (публицистической, официальной, статистической, деловой, научно-технической, научно-популярной, рекламно-справочной), отсюда – мощный организаторский ресурс, которым обладают местные редакции (вовлечение населения в самоуправление; проведение гражданских акций; взаимодействие населения с местной властью и др.)» [Тулупов, 2013, с. 81].

На примере ряда районных газет Воронежской области рассмотрим, как региональные средства массовой коммуникации способны стать полноценным научным источником для наполнения топонимического мартиролога.

База исследования

Эмпирическая база исследования состоит из печатных изданий, хранящихся в отделе краеведения Воронежской областной универсальной научной библиотеки им. И. С. Никитина, а также их оцифрованных версий, размещённых на официальном сайте библиотеки [Электронная библиотека ...], поисковой базы «База данных статей о Воронежской области» [База данных ...], официальных ответов публично-правовой компании «Роскадастр» (г. Москва) на запросы автора о названиях географических объектов Российской Федерации, снятых с учёта как прекративших существование (по видам географических объектов).

Результаты исследования

Исходные данные для дальнейшей работы над общероссийским топонимическим мартирологом, полученные из публично-правовой компании «Роскадастр», представлены в следующем виде (в формате pdf): регистрационный номер в АГКГН, наименование географического объекта, варианты названия, реквизиты нормативного правового акта, на основании которого наименование географического объекта была снята из учетных данных, административно-территориальная (муниципальная) привязка, географические координаты (широта, долгота), привязка к другим географическим объектам, номенклатура листа карты масштаба 1:100 000, на котором располагался объект.

Подача информации в таком виде неудобна для топонимических исследований и для конечного потребителя – заинтересованного читателя. В связи с этим полученные из АГКГН данные необходимо переформатировать в текстовый файл, в который помимо указанных сведений следует добавить дополнительную культурно-историческую и лингвокраеведческую информацию по исчезнувшему топониму, поскольку «любое географическое название – это явление истории и культуры: имя несёт на себе отпечаток времени, отражает события и мировоззрение живущих в данный момент людей. Сведения такого рода, несмотря на свой экстралингвистический характер, создают фоновые знания: помогают лучше понять топоним, время и обстоятельства, при которых он появился, а также связанный с ним ассоциативный ряд» [Гордова, 2020, с. 92].

В. Э. Сталтмане указывала, что «каким бы ни был исследовательский подход, непереносимым условием для любой ономастической работы всегда остается наличие фактического материала. Последний же в наиболее удобной и обозримой для научного потребления форме оказывается представленным в виде словарей. Поэтому без преувеличения можно сказать, что лексикографическая инвентаризация имён собственных различных разрядов является основой дальнейшего развития ономастики в целом» [Сталтмане, 1989, с. 3].

Таким образом, для полноценной работы над топонимическим мартирологом необходимо подготовить помимо списка исчезнувших ойконимов также и словарь исчезнувших наименований географических объектов по каждому региону России.

Как мы отмечали ранее, в этом непростом деле большую помощь ученым могут оказать журналисты местных средств массовых коммуникаций.

В настоящее время под медиакommunikациями понимается «процесс создания, обработки и трансляции, а также обмена информацией в индивидуальном, групповом, массовом формате по различным каналам массовых коммуникаций с помощью различных коммуникативных средств – вербальных / невербальных; аудиальных, аудиовизуальных, визуальных, средствами webкоммуникаций» [Профессиональные компетенции ... , 2021, с. 18], поэтому для более широкого распространения топонимических знаний необходимо активнее использовать современные средства массовой коммуникации: радио, теле-

видение, интернет, не забывая и про традиционные печатные СМИ.

Многие районные газеты Воронежской области регулярно публикуют на своих страницах лингвокраеведческие материалы, в том числе и связанные с историей исчезнувших населенных пунктов. Не случайно «История лингвокраеведческих исследований тесно связана с развитием научных вообще и краеведческих исследований в частности. Зародившись в недрах естественнонаучных исследований, тесно соприкасаясь с историей, географией, этнографией, лингвокраеведение постепенно приобретало самостоятельный характер. На данный момент, ориентируясь на практику употребления термина, мы можем говорить о лингвокраеведении как о комплексной лингвистической науке, изучающей особенности языка какого-либо края с учетом данных краеведения, о научном направлении; о лингвокраеведении как учебном предмете, изучающем эту науку; о лингвокраеведении как совокупности знаний о языковых особенностях того или иного края, а также о процессе получения этих знаний». [Верховых, 2022, с. 83].

Зачастую только в региональных СМИ (особенно в районных газетах) можно встретить статьи об истории исчезнувших населённых пунктов края, нередко проиллюстрированные раритетными архивными фотографиями. Как правило, в таких материалах также содержится информация об этимологии ойконима, неофициальные (народные) названия населенных пунктов и их частей и другие топонимические реалии.

Районная газета «Заря» Таловского муниципального района Воронежской области 25 октября 2019 года открыла рубрику «Исчезнувшие с карты» для регулярных публикаций материалов журналистов издания «о поселках, которые когда-то существовали, в них жили и трудились люди, кипела общественная жизнь. А потом по разным причинам они исчезли с карты района. Но самое главное – еще живы люди, для которых эти поселки – их малая родина» [Нужная, 2019а, с. 5].

Дебютная статья рубрики была посвящена исчезнувшему хутору Корольскому, её автор также рассказала о народных названиях улиц бывшего населенного пункта: «Три улицы Корольского в народе называли по-своему. *Большой край* – там находилась основная часть домов, магазин, первое (деревянное) и второе здание начальной школы (его построили в 1967 году из ракушечного кирпича, привезенного из Краснодарского края), клуб, детский сад (в щитовом доме), зер-

носклад и весь колхозный двор. *Куцый кордон* – называли так, потому что лощина отделяла 16 домов от основной улицы. *Старина* – там жили первые поселенцы. Потом улицам дали официальные названия: первые две назвали *Путь Сталина*, третья стала улицей *Ворошилова*» [Нужная, 2019, с. 5].

Эта тема быстро понравилась читателям газеты, которые стали сами приглашать журналистов «районки» проехать с ними по местам бывших поселений и подробно рассказывать о жизни в исчезнувших населенных пунктах. Например, одна из статей появилась благодаря жителям райцентра ветерана труда Зинаиды Чесноковой и педагога сельской школы Алексея Роженко и была посвящена бывшему поселку Печеровка, последняя жительница которого Клавдия Гонженко уехала оттуда в 1989 году. Поселок располагался на стыке трех районов: Новохопёрского, Бутурлиновского и Таловского, как бы в углу, примыкая землями к соседям. Возглавлявшая много лет Анохинскую администрацию Наталья Хаустова вспоминает: «Списали с карты района Печеровку лет 12 назад. Отправили ходатайство в район и область с обоснованием: более 20 лет в поселке никто не живет, строений нет. Вопрос вынесли на рассмотрение сессии райсовета. По решению сессии Печеровку списали. Но на месте бывшего населенного пункта долго еще находился летний животноводческий лагерь местного хозяйства» [Махинова, 2020, с. 4]. Талые воды часто заливали дома местных жителей, что и послужило одной из основных причин их переселения в другие места.

Сразу двенадцати исчезнувшим поселкам Добринского поселения, появившимся после 1911 года вокруг пос. Центральный (прежнее название – Церковный), посвящен еще один материал И. Махиновой. Бывший директор Добринской школы Любовь Рощупкина в начале 2000-х организовала на краеведческие поиски школьников, которые опросили старожилов и собрали большой материал об исчезнувших поселках. Воспоминания, фото из архивов, старинные вещи они разместили в школьном музее: «Их было 12, небольших поселков вокруг бывшего Церковного: Подлесный, Колодезный, Большой, Прудовой, Нижний Колпак, Верхний Колпак, Двойной, Косой, Рыжовский, Потупкино, Лесокультурный, Коврижный. О каждом мы собрали по крохам информацию и систематизировали её. Объявили конкурс на эмблему нашей местности и утвердили такой вариант: колокол (его предложил наш

ученик Женя Баля), а на его фоне колосок с 13 зернами и дубовая ветка. В колосе 12 зерен темного цвета, это исчезнувшие поселки, и одно зеленое, это поселок Центральный. Ветка дуба символизирует два леса, расположенные в этой местности, а 11 листиков – примерный год образования всех поселков» [Махинова, 2021а, с. 4]. Исчезновение поселков их бывшие жители связывают с развалом производства и социальной сферы, с бездорожьём, с миграцией и естественной убылью населения. Заведующая Добринским клубом Татьяна Антонова поясняет: «За минувшие десятилетия там не осталось даже следа от некогда наполненных жизнью мест. Исчезли частные и производственные строения, колодцы, сады, улицы. О них сохранились только воспоминания и старые фотографии. На месте иных поселков сейчас кое-где только заброшенные сады и бурьян. А от некоторых поселков вообще не осталось следов. Они живут только в памяти наших жителей и воспоминаниях» [Махинова, 2021а, с. 4].

В качестве иллюстрации обратной связи с читателями газета «Заря» приводит телефонный звонок в редакцию восьмидесятилетней жительницы Таловой Антонида Скоморохиной, прочитавшей материал «От слободы до села» про свою малую родину – исчезнувшее с карты района село Колодеевка. Встреча с родным селом на страницах газеты стала для неё приятным сюрпризом, и бывшая колхозница захотела внести свою лепту в тему «Исчезнувшие с карты» и поделилась воспоминаниями о жизни послевоенной деревни: «Антонида Ивановна читает каждый номер районки. Считает рубрику «Исчезнувшие с карты» полезной для молодежи. «Чтобы знали, как раньше было, как жили в деревнях, и сравнили с сегодняшними днями», – сказала она» [Махинова, 2021б, с. 3].

В рубрике «Исчезнувшие с карты» таловской районной газеты «Заря» также были опубликованы материалы про исчезнувшие поселки Добрый баптист и Нижний Колпак [Махинова, 2019], Купальный [Нужная, 2020], Макаровский [Нужная, 2019б] и многие другие.

Газета «Родное Придонье» Петропавловского муниципального района Воронежской области по инициативе главного редактора Л. Н. Поповой в январе 2020 года открыла рубрику «Здесь был хутор», в которой стали публиковаться содержательные и хорошо иллюстрированные материалы о забытых и заброшенных хуторах и деревнях района. Как пишет автор дебютной статьи, «по-

чти полвека назад исчез с лица земли хутор Мандровка, который находился в 18 километрах от Петропавловки. Сегодня на его месте только памятный камень, памятник с именами мандровцев, погибших в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны, и кладбище, более чем наполовину заросшее кленами да дикой порослью. Да и доехать до хутора непросто. Почти двадцать километров дороги петляют между полями и лесополосами. <...> Старожилы утверждали, что название хутору дал крестьянин по фамилии Мандровский, который перебрался в это место вместе с семьей из села Журавка Богучарского района. Было это в 1865 году. В том же году в хуторе было отстроено 12 хат-лозьянок, где проживало 46 мужчин и 47 женщин. Через 20 лет в Мандровке уже проживало 686 человек в 132 домах» [Попова, 2020а, с. 8].

Позднее Л. Н. Попова опубликовала статью про исчезнувший хутор Солопов [Попова, 2020б], также с неподдельным интересом встреченную читателями. Эстафету редактора подхватила журналист «Родного Придонья» Д. Ставицкая, подготовившая несколько материалов про исчезнувший хутор Турецкий [Ставицкая, 2020; Ставицкая, 2021].

Можно привести еще множество подобных примеров из районных газет Воронежской области, однако формат научного журнала несколько ограничивает возможности авторов в их объеме.

Наше предложение о включении в образовательный процесс факультетов журналистики российских вузов предмета «Лингвокраеведение» остается актуальным, поскольку «изучение данного предмета позволило бы выпускникам вузов профессионально вести лингвокраеведческую работу на страницах газет, готовить соответствующие рубрики на радио- и телеканалах, интернет-порталах. Это позволит работникам редакций региональных СМИ создавать и публиковать качественные материалы, связанные с историко-культурным наследием наших предков, которые впоследствии будут высоко оценены читателями, радиослушателями и телезрителями» [Попов, 2022а, с. 130].

Заключение

Как видно из приведённых примеров, лингвокраеведческие публикации в региональных средствах массовой коммуникации могут гармонично дополнять официальную информацию об исчезнувших названиях населённых пунктов и служить полноценным источником для топонимиче-

ского мартиролога как отдельных субъектов РФ, так и страны в целом.

Таким образом, журналисты региональных СМИ, заинтересованные в лингвокраеведческой тематике своих публикаций, являются единомышленниками, активными помощниками и коллегами учёных-топонимистов.

Библиографический список

1. База данных статей о Воронежской области. URL: http://195.98.70.70/cgi-bin/irbis64r_15/cgiirbis_64.exe?LNG=&C21COM=F&I21DBN=KRAY&P21DBN=KRAY&S21FMT=&S21ALL=&Z21ID=&S21CNR=10 (дата обращения: 21.04.2023).
2. Верховых Л. Н. К изучению истоков отечественного лингвокраеведения и региональной ономастики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 1. С. 81–93.
3. Геворкян А. Э. Понятие, сущность и функции массовой коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2005. № 3. С. 8–11.
4. Гордова Ю. Ю. Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009–2019. Москва : ЛЕНАНД, 2020. 128 с.
5. Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т. 1 : А–Л. 410 с.
6. Ковалев Г. Ф. Словарь микротопонимов Воронежской области: в 3-х т. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2023. Т. 1 : А–Й. 520 с.; Т. 2 : К–О. 525 с.; Т. 3 : П–Я. 573 с.
7. Махинова Ирина. Добрый баптист и Нижний Колпак : С карты района исчезли 26 поселков // Заря. Таловая, 2019, 26 ноября (№ 95). С. 3.
8. Махинова Ирина. Печеровка в воспоминаниях : Поселок Анохинского сельсовета просуществовал до 1989 года // Заря. Таловая, 2020. 22 сентября (№ 68). С. 4–5.
9. Махинова Ирина. От Большого до Косого : От 12 поселков Добринского поселения не осталось и следа // Заря. Таловая, 2021а. 2 февраля (№ 7). С. 4–5.
10. Махинова Ирина. Вспомнила родную Колодевку : Пенсионерка Антониды Скоморохина рассказала и жизни села, которое давно исчезло с карты района // Заря. Таловая, 2021б. 12 марта (№ 16). С. 3.
11. Нужная Ирина. Некоролевская судьба Корольского // Заря. Таловая, 2019а. 25 октября (№ 86). С. 5.
12. Нужная Ирина. В списках значится : Поселок Макаровский еще не списали как исчезнувший, но последние жители покинули его 20 лет назад // Заря. Таловая, 2019б. 3 декабря (№ 97). С. 4.
13. Нужная Ирина. Что Купальный передал Гнилому : С карты района исчезло название одного поселка, а в реальности перестал существовать другой // Заря. Таловая, 2020. 21 января (№ 4). С. 5.
14. Попов С. А. О роли лингвокраеведения в профессиональной деятельности журналистов региональ-

ных СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022а. № 4 (47). С. 126–131.

15. Попов С. А. Топонимический мартиролог региона как часть национального культурного пространства Российской Федерации // Социолингвистика. 2022б. № 3 (11). С. 104–119.

16. Попова Лина. В Мандровке – полувековая тишина : 46 лет назад исчез с лица земли хутор с необычным названием // Родное Придонье. Петропавловка, 2020а. 24 января (№ 3). С. 8–9.

17. Попова Лина. Лишь название и старый погост : Почти сорок лет назад хутор Солопов покинули последние жители // Родное Придонье. Петропавловка, 2020б. 17 июля (№ 29). С. 8–9.

18. Профессиональные компетенции специалиста по коммуникациям XXI века : коллективная монография / под ред. проф. А. Д. Кривоносова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭУ, 2021. 227 с.

19. Ставицкая Дарья. «Воздух слаще и соловьиные трели звонче» : Уроженки исчезнувшего хутора Турецкий поделились воспоминаниями о жизни в нём // Родное Придонье. Петропавловка, 2020. 4 декабря (№ 48). С. 8–9.

20. Ставицкая Дарья. Урочище, саманки и лежанки : Новые факты из жизни исчезнувшего хутора Турецкий // Родное Придонье. Петропавловка, 2021. 22 января (№ 2). С. 8–9.

21. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография / отв. ред. А. В. Суперанская. Москва : Наука, 1989. 112 с.

22. Тулупов В. В. Региональная журналистика : сегодня и завтра // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. № 2 (4). С. 78–92.

23. Электронная библиотека Воронежской областной универсальной научной библиотеки имени И.С. Никитина : Периодические издания (районные). URL: <https://el.vrnlib.ru/category/periodicheskie-izdaniya-rajonnye/> (дата обращения: 21.04.2023).

Reference list

1. Baza dannyh statej o Voronezhskoj oblasti = The database of articles about the Voronezh region. URL: http://195.98.70.70/cgi-bin/irbis64r_15/cgiirbis_64.exe?LNG=&C21COM=F&I21DBN=KRAY&P21DBN=KRAY&S21FMT=&S21ALL=&Z21ID=&S21CNR=10 (data obrashhenija: 21.04.2023).
2. Verhovyh L. N. K izucheniju istokov otechestvennogo lingvokraevdenija i regional'noj onomastiki = Toward studying the origins of national linguistic and regional onomastics // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2022. T. 26, № 1. S. 81–93.
3. Gevorkjan A. Je. Ponjatje, sushhnost' i funkcii massovoj kommunikacii = The concept, essence, and functions of mass communication // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2005. № 3. S. 8–11.
4. Gordova Ju. Ju. Aktual'nye sposoby obrabotki i predstavlenija onomasticheskikh dannyh: 2009–2019 = Current ways of processing and presenting onomastic

data: 2009–2019. Moskva : LENAND, 2020. 128 s.

5. Kovalev G. F. Slovar' mikrotoponimov Voronezhskoj oblasti = Dictionary of the Voronezh region microtoponyms : v 2 t. Voronezh : NAUKA-JuNIPRESS, 2017. T. I : A–L. 410 s.

6. Kovalev G. F. Slovar' mikrotoponimov Voronezhskoj oblasti = Dictionary of the Voronezh region microtoponyms : v 3-h t. Voronezh : Izdatel'skij dom VGU, 2023. T. 1 : A–J. 520 s.; T. 2 : K–O. 525 s.; T. 3 : P–Ja. 573 s.

7. Mahinova I. Dobryj baptist i nizhnij Kolpak : S karty rajona ischezli 26 poselkov = A good baptist and Nizhny Kolpak : 26 settlements disappeared from the map of the district // Zarja. Talovaja, 2019, 26 nojabrja (№ 95). S. 3.

8. Mahinova I. Pecherovka v vospominanijah : Poselok Anohinskogo sel'soveta prosushhestvoval do 1989 goda = Pecherovka in memory: The settlement of Anokhinsky village council existed until 1989 // Zarja. Talovaja, 2020. 22 sentjabrja (№ 68). S. 4–5.

9. Mahinova I. Ot Bol'shogo do Kosogo : Ot 12 poselkov Dobrinskogo poselenija ne ostalos' i sleda = From Bolshoye to Kosoye: Not a trace is left of the 12 Dobrinsky settlements // Zarja. Talovaja, 2021a. 2 fevralja (№ 7). S. 4–5.

10. Mahinova I. Vspomnila rodnuyu Kolodeevku : Pensionerka Antonida Skomorohina rasskazala i zhizni sela, kotoroe davno ischezlo s karty rajona = I remember my native Kolodeevka: Antonida Skomorokhina, a pensioner, spoke about the life of the village, which had long disappeared from the district map // Zarja. Talovaja, 2021b. 12 marta (№ 16). S. 3.

11. Nuzhnaja I. Nekorolevskaja sud'ba Korol'skogo = Korolsky's unroyal destiny // Zarja. Talovaja, 2019a. 25 oktyabrja (№ 86). S. 5.

12. Nuzhnaja I. V spiskah znachitsja : Poselok Makarovskij eshhe ne spisali kak ischeznuvshij, no poslednie zhiteli pokinuli ego 20 let nazad = Listed in the register: Makarovsky village has not yet been written off as extinct, but the last inhabitants left it 20 years ago // Zarja. Talovaja, 2019b. 3 dekabrja (№ 97). S. 4.

13. Nuzhnaja I. Chto Kupal'nyj peredal Gnilomu : S karty rajona ischezlo nazvanie odnogo poselka, a v real'nosti perestal sushhestvovat' drugoj = What Kupalny passed on to Gniloy: One settlement's name disappeared from the district map, while in fact another one ceased to exist // Zarja. Talovaja, 2020. 21 janvarja (№ 4). S. 5.

14. Popov S. A. O roli lingvokraevedenija v professional'noj dejatel'nosti zhurnalistov regional'nyh SMI = On the role of local linguistics in the professional work of regional media journalists // Aktual'nye voprosy sov-

remennoj filologii i zhurnalistiki. 2022a. № 4 (47). S. 126–131.

15. Popov S. A. Toponimicheskij martirolog regiona kak chast' nacional'nogo kul'turnogo prostranstva Rossijskoj Federacii = Regional toponymic martyrology as part of the national cultural space of the Russian Federation // Sociolingvistika. 2022b. № 3 (11). C. 104–119.

16. Popova L. V Mandrovke – poluvekovaja tishina : 46 let nazad ischez s lica zemli hutor s neobychnym nazvaniem = Half a century silence in Mandrovka: 46 years ago the village with the unusual name vanished from the face of the earth // Rodnoe Pridon'e. Petropavlovka, 2020a. 24 janvarja (№ 3). S. 8–9.

17. Popova L. Lish' nazvanie i staryj pogost : Pochti sorok let nazad hutor Solopov pokinuli poslednie zhiteli = Only the name and an old graveyard: Almost forty years ago, the last inhabitants left Solopov farm // Rodnoe Pridon'e. Petropavlovka, 2020b. 17 ijulja (№ 29). S. 8–9.

18. Professional'nye kompetencii specialista po kommunikacijam XXI veka = Professional competencies of a XXI century communication expert : kollektivnaja monografija / pod red. prof. A. D. Krivosova. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGJeU, 2021. 227 s.

19. Stavickaja D. «Vozduh slashhe i solov'inye treli zvonche» : Urozhenki ischeznuvshego hutora Tureckij podelilis' vospominanijami o zhizni v njom = «The air is sweeter and the nightingales' songs are ringing»: The natives of Turetsky, a village that vanished, shared their memories of life there // Rodnoe Pridon'e. Petropavlovka, 2020. 4 dekabrja (№ 48). S. 8–9.

20. Stavickaja D. Urochishhe, samanki i lezhanki : Novye fakty iz zhizni ischeznuvshego hutora Tureckij = A tract, an adobe, and a bench: New facts from the life of the disappeared Turetsky farm // Rodnoe Pridon'e. Petropavlovka, 2021. 22 janvarja (№ 2). S. 8–9.

21. Stal'tmane V. Je. Onomasticheskaja leksikografija = Onomastic lexicography / otv. red. A. V. Superanskaja. Moskva : Nauka, 1989. 112 s.

22. Tulupov V. V. Regional'naja zhurnalistika : segodnja i zavtra = Regional journalism: today and tomorrow // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2013. № 2 (4). S. 78–92.

23. Jelektronnaja biblioteka Voronezhskoj oblastnoj universal'noj nauchnoj biblioteki imeni I.S. Nikitina : Periodicheskie izdaniya (rajonnye) = Electronic library of the Voronezh regional universal scientific library named after I. S. Nikitin : Periodicals (regional). URL: <https://el.vrnlib.ru/category/periodicheskie-izdaniya-rajonnye/> (data obrashhenija: 21.04.2023).

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing 12.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_97

EDN: ADLYMO

Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда»)

Татьяна Петровна Куранова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kuranova.mk-28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1121-674X>

Аннотация. Данная статья посвящена структурно-семантическим трансформациям фразеологических единиц, функционирующих в современной российской прессе. Материалом исследования послужили газетные заголовки печатных изданий «Правда» и «Аргументы и факты».

Как показал анализ языкового материала, одним из наиболее продуктивных и широко распространенных способов индивидуально-авторских преобразований в заголовках газетных статей является *лексическая трансформация* (замена или перестановка компонентов фразеологической единицы) и *расширение состава фразеологизма*. Помимо данных преобразований были выявлены и менее частотные – *эллипсис* и *контаминация*.

В результате исследования было обнаружено, что контекстуальные преобразования фразеологизмов в печатных СМИ зачастую не ограничиваются использованием одного из видов инноваций и являют пример смешанной трансформации. Замена компонента устойчивого оборота и расширение его состава может привести к значительному обновлению и развитию образной структуры фразеологического единства.

Акцентируется внимание на том, что модификация устойчивых выражений используется с целью повышения воздействующей ценности газетных заголовков. Утверждается мысль о том, что использование различных видов трансформаций в публицистике обогащает язык прессы, делает его ярким, броским, насыщенным, что содействует привлечению внимания как можно большего количества читателей. По этой причине публицисты во избежание использования застывших, однообразных форм всё чаще прибегают к различного рода преобразованиям устойчивых сочетаний.

Всё вышесказанное позволяет говорить о том, что фразеология в языке современных СМИ выполняет аттрактивную функцию, а также служит для создания новых, экспрессивных образов, языковой игры на страницах печатных изданий, привлекающей внимание читателей.

Ключевые слова: язык современной российской прессы; публицистический текст; способы трансформации фразеологических единиц; семантические трансформации ФЕ; структурно-семантические трансформации ФЕ; функции трансформации ФЕ; аттрактивная; экспрессивно-стилистическая; оценочно-экспрессивная функции; функция экономии речевых средств

Для цитирования: Куранова Т. П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий «Аргументы и факты», «Правда») // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 97–105. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_97. <https://elibrary.ru/ADLYMO>

Original article

Ways of transforming phraseological units in modern newspaper headlines (based on publications in «Arguments and Facts» and «Pravda»)

Tatiana P. Kuranova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kuranova.mk-28@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1121-674X>

Abstract. This article is devoted to structural-semantic transformations of phraseological units in the modern russian press. The material for the research is newspaper headlines in «Pravda» and «Arguments and Facts» newspapers.

According to the linguistic analysis, one of the most productive and widespread ways of authorial transformations in newspaper headlines is *lexical transformation* (replacement or transposition of phraseological unit components) and *phraseological unit expansion*. In addition to these transformations, there are also less frequent ones – *ellipsis* and *contamination*. The research shows that contextual transformations of phraseological units in printed media are rarely limited to only one type of innovations and are an example of mixed transformations. Replacing a component of a fixed expression and expanding its structure can lead to significantly renewing and developing the figurative structure of a phraseological unit. What is important is that the modification of fixed expressions is used in order to increase the impact of newspaper headlines. The use of various transformation types in journalism enriches the language of the press, making it bright, catchy, and saturated, which contributes to attracting the attention of as many readers as possible. In order to avoid using stale, monotonous forms, journalists are more and more resorting to various transformations of collocations.

All the above mentioned suggests that phraseology in the modern media language performs the function of attraction, and also creates new, expressive images and language games in printed media, attracting the readers' attention.

Key words: language of modern russian press; journalistic text; ways of phraseological units transformation; semantic transformation; structural-semantic transformation; functions of phraseological units transformation; attraction; expressive-stylistic; evaluative-expressive functions; function of linguistic economy

For citation: Kuranova T. P. Ways of transforming phraseological units in modern newspaper headlines (based on publications in «Arguments and Facts» and «Pravda»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):97–105. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_97. <https://elibrary.ru/ADLYMO>

Теоретические основания исследования

Понятие трансформации фразеологических единиц. Русский язык – явление открытое, динамичное. Он постоянно развивается и совершенствуется, отвечая запросам современного общества. Фразеологический фонд не является исключением: объём фразеологии регулярно расширяется за счёт возникновения в речи новых выражений, крылатых фраз. Несмотря на нормативную устойчивость, количественное и качественное постоянство состава, всё чаще в устной и письменной речи встречаются видоизменения состава фразеологических оборотов, иначе говоря – отклонение от общепринятой нормы.

По мнению А. И. Молоткова, причинами отклонений могут служить:

1) «индивидуально-авторское преобразование фразеологизмов в тех или иных целях»; 2) «недостаточное знание отдельными носителями языка норм»; 3) «подвижность самих языковых норм» [Молотков, 1966, с. 93].

В процессе своего функционирования фразеологические единицы с нарастающей частотой подвергаются индивидуально-авторским преобразованиям. «В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [Шанский, 1985, с. 149]. Так, работники СМИ, широко используя фразеологический материал, подвергают устойчивые сочетания различного рода преобразованиям.

В данном исследовании под **трансформацией фразеологических единиц** мы будем понимать «различные способы (в том числе и сочетание способов) обновления узуальных устойчивых выражений для наиболее адекватной характеристики описываемой ситуации» [Гусейнова, 2015, с. 68].

Трансформация фразеологической единицы предполагает наличие специальной авторской цели и выступает в качестве приёма, помогающего выстроить эстетически цельное повествование. Чаще всего трансформации фразеологизмов представлены в заголовках прессы – названиях статей и новостных текстов, с которыми в первую очередь сталкивается читатель, на которые обращает внимание.

Функции трансформации ФЕ в публицистическом тексте. Активное использование трансформированных фразеологических единиц в публицистических текстах, а именно – в газетных заголовках, позволяет авторам реализовать необходимое количество задач благодаря характерным для преобразованных фразеологизмов функциям. Остановимся на них подробнее.

В первую очередь, путём создания образности и нарушения привычной нормы публицисты обращают внимание читателя на свой текст или его часть. В этом заключается *аттрактивная функция* трансформированных фразеологизмов. Апеллируя к фоновым знаниям потенциального читателя об устойчивых сочетаниях нашего языка, хранящимся в его памяти, автор подвергает фразеологизмы трансформации и тем самым добивается повышенного внимания – реципиент невольно задумывается о несоответствии знако-

мой конструкции своей изначальной форме. При этом автор газетного материала базируется в основном на обобщённом тезаурусе личности, то есть обращается к известным большинству конструкциям, чтобы довести информацию до как можно большего числа читателей.

В поисках адекватной речевой формулировки для заголовка публицисты обращаются к тем языковым выражениям и конструкциям, которые сделают текст рекламным, броским, при этом содержат сжатую информацию, развёртываемую далее в газетном тексте [Гусейнова, 2015, с. 69]. Данный факт позволяет говорить об *экспрессивно-стилистической функции*, выполняемой преобразованными фразеологическими единицами в текстах заголовков.

Наряду с этой функцией следует выделить и *оценочно-экспрессивную*: передавая материал с определённым намерением, журналист стремится создать определённое настроение, отношение к проблеме текста у читателя. «Отправитель языковых знаков не просто передает информацию. Он заинтересован в том, чтобы вызвать определенную реакцию, определенные чувства у получателя» [Клаус, 1967, с. 16].

Трансформация фразеологических единиц в СМИ к тому же реализует «тенденцию к экономии речевых усилий; один из важнейших законов, определяющих речевую действительность и через неё формирующих в языке стремление к экономичности средств выражения» [Кузьмина, Абросимова, 2013, с. 9]. Такие языковые единицы не только в форме словосочетания заключают значительный по объёму смысл, но и исключают необходимость фразеобразования «с нуля», позволяя использовать уже существующие конструкции.

Таким образом, трансформация ФЕ подразумевает под собой различные способы обновления общепринятых устойчивых выражений для наиболее адекватной характеристики описываемой ситуации. От ошибок в употреблении фразем трансформация отличается наличием определённого намерения, специальной авторской цели. Реализованные в заголовках публицистических текстов, преобразованные фразеологические единицы выполняют *аттрактивную, экспрессивно-стилистическую, оценочно-экспрессивную функции*, а также *функцию экономии речевых средств*.

Виды индивидуально-авторских преобразований ФЕ. Трансформация фразеологических единиц подвергалась изучению в трудах таких

исследователей в области фразеологии, как Л. М. Болдырева [Болдырева, 1968], Н. М. Шанский [Шанский, 1985], В. В. Горлов [Горлов, 1992], Т. С. Гусейнова [Гусейнова, 1997]. Однако говорить о достаточной изученности данного вопроса преждевременно: в отношении классификации фразеологической трансформации единого взгляда так и не сложилось – ни одна из существующих классификаций не является полной, все они отличаются друг от друга.

Обобщив классификации ведущих лингвистов, мы приходим к выводу, что большинство из них выделяют два основных типа трансформаций: *семантические* и *структурно-семантические*.

Семантическая трансформация фразеологизма предполагает его употребление в необычном значении без изменения лексико-грамматической структуры. Публицистами используется нестандартное, новое сочетание фразеологической единицы с другими словами, и в контексте одно значение подменяется другим. Внеконтекстуально говорить о семантических преобразованиях фразеологизмов невозможно.

Наиболее распространенными семантическими трансформациями в публицистических текстах являются:

1) *буквализация значения фразеологической единицы*, при которой на первый план выступает прямое значение выражения, зачастую противопоставленное фразеологическому значению оборота;

2) *переосмысление фразеологической единицы*, подразумевающее полное изменение смыслового содержания фразеологизма;

3) *преобразование фразеологической единицы по цели высказывания*;

4) *двойная актуализация* – прием совмещения фразеологического и буквального семантических планов.

Структурно-семантические виды преобразований направлены на изменение структуры (состава, внешней формы) фразеологической единицы, зачастую сочетающееся с изменениями в значении оборота. По наблюдениям исследователей, наиболее часто в публицистике применяются следующие подвиды структурно-семантических трансформаций:

1) *лексическая трансформация*, подразумевающая замену или *перестановку* одного или нескольких лексических компонентов фразеологической единицы;

2) *расширение фразеологизма за счёт введе-*

ния добавочных компонентов усиливает экспрессивную функцию – читатель не ожидает в уже знакомом выражении увидеть новый компонент, причём вклинивание возможно в любой части фразеологизма;

3) *эллипсис* (усечение фразеологической единицы), при котором фразеологизм сокращается для создания эффекта усиленного ожидания с помощью незавершённой конструкции: в памяти читателя фразеологическая единица восстанавливается до первоначального варианта;

4) *контаминация фразеологической единицы* – объединение частей двух или более фразеологических единиц благодаря утрате компонента как минимум у одного фразеологизма.

Стоит отметить, что некоторые виды преобразований могут использоваться в сочетании с другими.

Анализ результатов исследования

Материалом для исследования послужили заголовки текстов российской прессы, в числе которых 7 выпусков газеты «Аргументы и факты» за период с 11.05.2022 по 28.06.2022, а также 20 выпусков газеты «Правда» за период с 24.05.2022 по 22.06.2022. Всего было выявлено и проанализировано 30 фразеологических единиц.

Для сбора информации был использован метод сплошной выборки, дающий исчерпывающую информацию о всей генеральной совокупности. Отобранные фразеологические единицы были описаны с точки зрения способов их трансформации и подсчитаны, а на основе количественных данных был проведён анализ особенностей состава преобразованных фразеологизмов в тексте прессы посредством определения частотности употребления видов трансформированных фразем.

Среди анализируемых заголовков были выявлены примеры реализации **лексической трансформации фразеологических единиц**.

В выражении «Санкции о двух концах» [Аргументы и факты / АиФ № 19, 11–17 мая 2022, с. 16] читатель сталкивается с заменой компонента в устойчивом сочетании «палка о двух концах». Трансформируя известный фразеологизм, автор не изменяет основной смысловой оборота ‘о чем-л. сомнительном, неопределённом, что может повлечь за собой и благоприятные, и отрицательные последствия’ [ФССРЛЯ, 2004, с. 784]. В лаконичном заголовке журналист сжато выражает информацию о противоречивости введённых санкций, раскрываемую далее в тексте статьи.

Противоположная ситуация с заголовком «Хождение по звукам» [Аргументы и факты / АиФ № 19, 11–17 мая 2022, с. 38]: он является публицистическим переложением известного выражения «хождение по мукам», означающего ‘ряд тяжёлых жизненных испытаний’ [ФССРЛЯ, 2004, с. 612], и названия одноимённой трилогии А. Н. Толстого. Однако авторское структурно-семантическое преобразование в данном случае коренным образом меняет семантическое значение. Заголовок статьи не подразумевает тягот жизни – в нём обыгрывается последовательное выполнение упражнений при дыхательной и звуковой гимнастике, которой посвящена статья.

«Пуститься во все растяжки» [Аргументы и факты / АиФ № 20, 18–24 мая 2022, с. 42] – в статье о пользе растяжки и спорта обыгрывается выражение «пуститься во все тяжкие» (ирон. экспрес.) со значением ‘предаваться безудержно и безрассудно чему-либо предосудительному’ [ФСРЛЯ]; через замену компонента изменяется общий смысл и эмоциональная окраска оборота. Автор переводит сему фразеологической единицы в разряд положительных значений, изменяя «безрассудство» на «увлечение», «предосудительное» – на «полезное, здоровое».

Сходная модель трансформации наблюдается в словосочетании «С места в барьер» [Аргументы и факты / АиФ № 23, с. 42]: используется замена одного из компонентов во фразеологизме «с места в карьер» (экспрес. ‘без промедлений, сразу же’) [ФСРЛЯ] на схожее по звучанию, но относящееся выражение к теме статьи – лёгкой атлетике и спортивных санкциях. Автор не только закрепляет выражение за определённой речевой ситуацией, но и наполняет фразу новым смыслом: журналист намекает на трудности, с которыми приходится сталкиваться спортсменам в условиях санкций.

Фразеологизм «сами с усами» с исходным значением ‘нисколько не хуже, не глупее других’ (разг. экспрес.) [ФСРЛЯ] под умелым пером журналиста превращается в заголовок текста о перспективах работы на новых рынках, несмотря на нарушение сотрудничества с Америкой. Оборот «Сами с индусами» [Аргументы и факты / АиФ № 24, 15–21 июня 2022, с. 28] является сатирическим намёком на то, что российский рынок продолжит процветать и в условиях натянутых отношений с Западом. Тем самым автор приводит в действие экспрессивно-стилистическую и аттрактивную функции трансформированных фразеологизмов: заголовок

бросок, яркое и привлекает внимание в том числе за счёт фонетической игры («*са́ми с уса́ми*» – «*са́ми с индуса́ми*» вместо «*са́ми с индуса́ми*»).

Лексическая трансформация фразеологизма всегда закрепляет его за конкретной речевой ситуацией, наполняет его новыми смысловыми и эмоциональными оттенками: преобразования усиливают экспрессию текста, приводят к достижению сатирического эффекта. Кроме того, в результате такой трансформации актуализируются семантические поля, способствующие пониманию.

Расширение фразеологизма за счёт введения добавочных компонентов также реализуется на страницах прессы довольно часто и служит для использования знакомых фразем с новым семантическим звучанием и интеллектуализации текстов.

Так, выражение «*Держать санкционный удар*» [Аргументы и факты / АиФ № 21, 25–31 мая 2022, с. 2] – структурно-семантическая трансформация оборота «*держать удар*», что значит ‘стойко переносить неудачи, невзгоды’, которая не меняет основной семы фразеологизма, но за счёт расширения состава конкретизирует смысл заголовка, даёт читателю представление о содержании статьи.

«*Как винная карта ляжет*» [Аргументы и факты / АиФ № 20, 18–24 мая 2022, с. 10] – расширение состава фразеологизма «*как карта ляжет / как карты лягут*» в заголовке статьи о новом законе по отношению к покупке алкогольной продукции не изменяет общего значения выражения ‘как получится, смотря по обстоятельствам’ (разг.) [БСРП, 2007, с. 278], [Елистратов, 1994, с. 189], [СРПЖ], а лишь сужает смысл высказывания, конкретизирует его, а также придает ему комический оттенок.

Автор статьи «*Без русских житья нет*» [Аргументы и факты / АиФ № 21, 25–31 мая 2022, с. 8], прибегая к расширению фраземы «*житья нет*», создаёт яркий окказионализм, передающий явный сатирический оттенок. Журналист, буквализируя значение фразеологизма, иронизирует по поводу нежелания курортных стран отказываться от выдачи виз российским туристам.

Заголовок «*Дети в рыночном переплёте*» [Правда / № 54, 24–25 мая 2022, с. 2] является авторским преобразованием выражения «в переплёте», означающим пребывание человека ‘в очень затруднительном положении’ (прост. экспресс.) [ФСРЛЯ], и наталкивает читателя на проблему неоднозначности законопроекта «О рос-

сийском движении детей и молодёжи...», о котором говорится в соответствующей статье. Используя трансформированную форму фразеологизма, автор делится с читателем своим негодованием по поводу пункта о предпринимательской деятельности в документе, напрямую относящемся к детям и детским организациям.

«*Чемпионат по стрельбе в собственные ноги*» [Правда / № 61, 9 июня 2022, с. 1] – выражение является одним из многочисленных примеров **смешанной трансформации**: устойчивое сочетание «*выстрелить себе в ногу*» для обозначения *кого-то, кто непреднамеренно навредил своим собственным интересам, пытаясь причинить ущерб кому-то другому* расширяется с помощью слова «чемпионат», при этом слово «свой» заменяется синонимичным ему «собственные», а глагол «выстрелить» переводится в разряд существительных в качестве слова «стрельба». Посредством используемого оборота журналист иронизирует над жителями зарубежья и делится несравненной иронией с читателем.

Ещё одним ярким примером сочетания таких способов индивидуально-авторских преобразований, как **лексическая трансформация** и **расширение состава фразеологизма**, выступает оборот «*Ход индийским слоном*» [Аргументы и факты / АиФ № 23, 8–14 июня 2022, с. 28]. Трансформируя фразеологизм «*ход конём*» ‘о решительном средстве, пускаемом в ход (в крайнем случае) для одержания успеха в каком-л. деле’ [ФССРЛЯ, 2004, с. 508], публицист заменяет название шахматной фигуры и расширяет выражение за счёт включения прилагательного «*индийским*». Тем самым автор напрямую связывает значение оборота с темой статьи – необходимостью наладить отношения с Дели, – при этом умело обыгрывая его исходное значение ‘хитрый ход, неожиданный поворот событий, обходной манёвр’.

Фразеологический оборот «*искать вчерашний день*» в значении ‘надеяться найти, вернуть то, что безвозвратно минуло, чего уже нет’ [Молотков, 1968, с. 186] распространяется автором за счёт введения вопросительного местоимения в сочетании с заменой начальной формы глагола на совершенную форму прошедшего времени: «*Где нашли вчерашний день?*» [Аргументы и факты / АиФ № 21, 25–31 мая 2022, с. 11]. Помимо этого, журналистом используется приём перевода утвердительного по форме выражения в вопросительную форму, что позволяет установить диалогические отношения с читателем.

Расширение фразеологизма, включение в него новых компонентов, с одной стороны, активизирует знания читателя об исконном фразеологизме и его образном значении, а с другой – позволяет журналисту кратко выразить содержание газетного материала. Наиболее часто обороты расширяются за счёт ввода в структуру фразеологизма прилагательного, переводящего сему выражения в сферу заявленной речевой ситуации. Наряду с лексической трансформацией, распространение фразеологических единиц за счёт ввода новых компонентов служит для усиления экспрессии текста, привлечения внимания читателя к неожиданному добавочному компоненту, создания определённого настроения, в том числе с сатирическим оттенком.

Такой вид трансформации, как **эллипсис (усечение фразеологизма)** в ходе исследования обнаружен нами лишь в трех заголовках – в сочетании с другими способами преобразований:

При трансформации фразеологизма «*узнать, почём фунт лиха*» ‘испытать горе, большие неприятности, трудности’ [БТС] посредством усечения глагола и замены компонента, означающего меру веса на меру объёма [Ефремова], журналист переводит выражение в нужную сферу – размышление о ценах на нефть в новых условиях рынка, – и получает оборот «*почём баррель лиха*» [Аргументы и факты / АиФ № 20, 18–24 мая 2022, с. 16]. Это позволяет не только закрепить фразеологизм за определённой речевой ситуацией, но и ёмко обозначить главную тему статьи.

«*Как рыба об лёд*» [Аргументы и факты / АиФ № 22, 1–7 июня 2022, с. 10] – выражение «биться как рыба об лёд» (*экспрес.* ‘сильно нуждаясь, бесплодно, безрезультатно добиваться улучшения материального положения’) [ФСРЛЯ] подвергается усечению через отказ от глагола, а также замене одного компонента для придания обороту нового смыслового оттенка.

«*Выброс ребром*» [Аргументы и факты / АиФ № 23, с. 5] – в данном случае эллипсис вновь сочетается с лексической трансформацией: фразеологизм «ставить вопрос ребром», подразумевающий ‘решительное заявление’ (*книжн. экспрес.* ‘заявлять со всей решительностью, категоричностью’) [ФСРЛЯ], подвергается усечению и замене одного компонента, что в итоге меняет смысл всего выражения.

Самым немногочисленным в исследованном объёме языковых единиц оказался приём **контаминации**: «*Буря в бочке нефти*» [Аргументы и факты / АиФ № 20, 18–24 мая 2022, с. 16] – в за-

головке статьи о вопросах экспорта нефти в современных условиях для усиления экспрессии объединяются два фразеологизма: «буря в стакане» (*ирон.* ‘волнения, споры из-за пустяков’) [ФСРЛЯ] и «ложка дёгтя в бочке мёда» ‘небольшая неприятность на фоне большой удачи’ [ФССРЛЯ, 2004, с. 76].

Как показывает проведённое исследование, публицисты при работе с фразеологическими единицами отдают предпочтение структурным и структурно-семантическим преобразованиям, изменяющим как внешнюю структуру фразеологизма, так и его значение, в частности: лексической трансформации, расширению состава фразеологизма за счёт введения новых компонентов, реже – эллипсиса, контаминации.

Такие трансформации успешно выполняют аттрактивную функцию: привлекают внимание многих читателей, – а помимо этого в условиях экономии речевых усилий насыщают язык прессы необходимыми смысловыми и эмоциональными оттенками, задают повествованию нужный тон.

Исследование частотности использования различных видов трансформаций. В ходе наблюдения над языковым материалом удалось установить, что разные виды трансформаций используются журналистами с разной периодичностью.

Всего в отобранном нами материале представлены: 19 единиц с лексической трансформацией, 13 единиц с расширением состава фразеологизма, 3 единицы с эллипсисом и одна единица с контаминацией. Основываясь на полученных количественных данных, мы определили частотность использования представленных видов трансформации фразеологических единиц (см. табл. 1). Ввиду того, что в собранной нами картотеке присутствуют единицы со смешанной трансформацией, не отнесенной к определённому виду, показатели частотности в сумме превышают 100%.

Наиболее продуктивным и широко распространённым оказалось использование *лексической трансформации*, составившее 63 % от общего количества трансформаций. На втором месте по частотности применения в языке прессы находится *расширение состава фразеологизма* (43 %). Активность употребления других представленных в отобранном языковом материале видов преобразований составляет от 3 % до 10 %.

Таблица 1

Количественные показатели и частотность применения видов трансформаций

Виды трансформации	Количество единиц	Частотность (в %)
Лексическая трансформация	19	63
Расширение состава фразеологизма	13	43
Эллипсис	3	10
Контаминация	1	3

Анализ газетных заголовков показал, что журналисты чаще всего применяют *структурно-семантические трансформации*, то есть изменяют значение и форму фразеологизма. Основным приём при данном виде авторских изменений – это замена одного из компонентов фразеологической единицы. Данный способ трансформации позволяет автору по-новому выразить мысль, обыграть фразеологизм, наполнив его новыми смысловыми и экспрессивными оттенками.

Всё вышесказанное позволяет говорить о том, что фразеология в языке современных СМИ выполняет аттрактивную функцию, а также служит для создания новых, экспрессивных образов, языковой игры на страницах печатных изданий, привлекающей внимание читателей.

Заключение

В данном исследовании были рассмотрены способы трансформации фразеологических единиц в языке современной прессы федерального уровня (на примере печатных изданий «Правда» и «Аргументы и факты»).

Методом сплошной выборки были выявлены окказиональные фразеологизмы в заголовках газетных статей, описаны способы модификации устойчивых оборотов и особенности их функционирования в публицистическом дискурсе, проанализированы типы индивидуально-авторских преобразований с точки зрения частотности их использования в современных газетных заголовках.

Наблюдения над языковым материалом позволили сделать следующие выводы: создавая окказиональный фразеологизм, авторы чаще всего прибегают к таким приёмам, как *лексическая трансформация* и *расширение состава фразеологизма*. Помимо данных преобразований были выявлены и менее частотные – *эллипсис* и *контаминация*. Такое преобладание лексической трансформации и расширения фразеологизма над другими способами индивидуально-авторских

преобразований объясняется высокой продуктивностью данных методов. Оба способа позволяют без затраты лишних языковых усилий связать заголовок с контекстом, повысить уровень его экспрессии. В ведущей роли данных способов трансформации в сравнении с уступающими им эллипсисом и контаминацией, характеризующимися тем не менее повышенной сложностью трансформации, видится тенденция к упрощению процесса, поиску более быстрых и простых способов воздействия на читателя.

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремология. Москва : Флинта : Наука, 2009. 344 с.
2. Болдырева М. Л. К вопросу функционально-стилистической характеристики фразеологических единиц // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Москва, 1968. Т. 42.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998; публ. в авторской редакции 2014 года. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 10.03.2023)
4. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. Е. Н. Телия. Москва : АСТ-Пресс Книга, 2006. 784 с. URL: <https://rus-phrasedict.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.03.2023)
5. Горлов В. В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет // Русский язык в школе. 1992. № 5–6. С. 35–37.
6. Гусейнова Т. С. Трансформация фразеологических единиц в публицистическом дискурсе: объективная закономерность // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 4 (33). С. 67–71.
7. Гусейнова Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии. Махачкала : ИПЦ ДГУ, 1997. 175 с.
8. Гусейнова Т. С. Трансформация фразеологических единиц: основные способы реализации сверхфразового единства (на материале современной газеты) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 584. С. 124–136.
9. Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. Москва : Русские словари, 2000. 694 с.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (дата обращения: 10.03.2023)
11. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд. Москва : Русский язык, 1993. 537 с.
12. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка. Москва, 1967. 137 с.

13. Кузьмина Н. А., Амбросимова Е. А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени. Москва, 2013. 254 с.

14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва : Издательство: Олма Медиа Групп, 2007. 784 с. URL: <https://my-dict.ru/dic/bolshoy-slovar-russkih-pogovorok/371643-golubaya-mechta/> (дата обращения: 10.03.2023)

15. Молотков А. И. Некоторые особенности употребления фразеологизмов в современном русском языке. Москва : Наука, 1966. 110 с.

16. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. Москва : АСТ : Астрель, 2008. 878 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 08.03.2023)

17. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Москва : Советская энциклопедия, 1968. 543 с.

18. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: справочное издание: в 2 т. / под ред. проф. А. Н. Тихонова. Москва: Флинта, 2004. 832 с.

19. Хуснутдинов А. А. У истоков русской фразеологии и фразеологии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 1, «Филология». С. 107–125.

20. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература». 3-е изд., испр. и доп. Москва : Высш. шк., 1985. 160 с.

Reference List

1. Alefirenko N. F., Semenenko N. N. Frazеologija i paremiologija = Phraseology and paroemiology. Moskva : Flinta : Nauka, 2009. 344 s.

2. Boldyreva M. L. K voprosu funkcional'no-stilisticheskoy harakteristiki frazeologicheskikh edinic = On functional and stylistic characteristics of phraseological units // Uchenye zapiski MGPIIa im. M. Toreza. Moskva, 1968. T. 42.

3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Large explanatory dictionary of the Russian language / gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : Norint, 1998; publ. v avtorskoj redakcii 2014 goda. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (data obrashhenija: 10.03.2023)

4. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka = Large phraseological dictionary of the Russian language / otv. red. E. N. Telija. Moskva : AST-Press Kniga, 2006. 784 s. URL: <https://rus-phrase-dict.slovaronline.com/> (data obrashhenija: 10.03.2023)

5. Gorlov V. V. Frazеologizmy kak sredstvo vyrazitel'nosti na stranichah gazet = Phraseological units as an expressive means in newspapers // Russkij jazyk v shkole. 1992. № 5–6. S. 35–37.

6. Gusejnova T. S. Transformacija frazeologicheskikh edinic v publicisticheskom diskurse: ob#ektivnaja za-

konomernost' = Phraseological transformation in journalistic discourse: an objective regularity // Izvestija Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2015. № 4 (33). S. 67–71.

7. Gusejnova T. S. Transformacija frazeologicheskikh edinic kak sposob realizacii gazetnoj jekspressii = Phraseological transformation as a way of implementing newspaper expression. Mahachkala : IPC DGU, 1997. 175 s.

8. Gusejnova T. S. Transformacija frazeologicheskikh edinic: osnovnye sposoby realizacii sverhfrazovogo edinstva (na materiale sovremennoj gazety) = Phraseological transformation: major ways of realizing super-phrasal unity in a modern newspaper // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 584. S. 124–136.

9. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo: Materialy 1980–1990 gg.: okolo 9000 slov, 3000 idiomaticheskikh vyrazhenij = Russian argot dictionary: Materials 1980–1990: approx. 9,000 words and 3,000 idiomatic expressions. Moskva : Russkie slovari, 2000. 694 s.

10. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj = Russian new dictionary. Explanatory and word-building. Moskva, 2000. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/> (data obrashhenija: 10.03.2023)

11. Zhukov V. P. Slovar' russkikh poslovic i pogovorok = Russian dictionary of proverbs and sayings. 5-e izd. Moskva : Russkij jazyk, 1993. 537 s.

12. Klaus G. Sila slova. Gnoseologicheskij i pragmaticheskij analiz jazyka = Word power. Epistemological and pragmatic linguistic analysis. Moskva, 1967. 137 s.

13. Kuz'mina N. A., Ambrosimova E. A. Aktivnye processy v russkom jazyke i kommunikacii novejshego vremeni = Active processes in contemporary Russian and communication. Moskva, 2013. 254 s.

14. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok = Large dictionary of Russian proverbs. Moskva : Izdatel'stvo: Olma Media Grupp, 2007. 784 s. URL: <https://my-dict.ru/dic/bolshoy-slovar-russkih-pogovorok/371643-golubaya-mechta/> (data obrashhenija: 10.03.2023)

15. Molotkov A. I. Nekotorye osobennosti upotreblenija frazeologizmov v sovremennom russkom jazyke = Certain features of using phraseology in the modern Russian language. Moskva : Nauka, 1966. 110 s.

16. Fedorov A. I. Frazеologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka : okolo 13000 frazeologicheskikh edinic = Phraseological dictionary of the Russian literary language : approx. 13000 phraseological units. 3-e izd., ispr. Moskva : AST : Astrel', 2008. 878 s. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (data obrashhenija: 08.03.2023)

17. Frazеologicheskij slovar' russkogo jazyka = Phraseological dictionary of the Russian language / pod red. A. I. Molotkova. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1968. 543 s.

18. Frazelogicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: spravocnoe izdanie: v 2 t. = Phraseological dictionary of the modern Russian literary language : reference book: in 2 vols. / pod red. prof. A. N. Tihonova. Moskva: Flinta, 2004. 832 s.

19. Husnutdinov A. A. U istokov russkoj frazeologii i frazeografii = The origin of Russian phraseology and phraseography // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo

universiteta. Serija «Gumanitarnye nauki». 2008. Vyp. 1, «Filologija». S. 107–125.

20. Shanskij N. M. Frazelogija sovremennogo russkogo jazyka : uchebnoe posobie dlja vuzov po special'nosti «Russkij jazyk i literatura» = Phraseology of the modern Russian language : a textbook for universities, «The Russian language and literature» specialty. 3-e izd., ispr. i dop. Moskva : Vyssh. shk., 1985. 160 s.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 21.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 81'373.21

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_106

EDN: EKRHJW

Лингвистические черты отантропонимических метронимов города Москвы

Самуэл Одои-Аджей

Соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина. 117495, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6
sammyagyei22@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-4074-9633>

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингвистическому анализу названий станций Московского метрополитена, в основе которых лежат антропонимы, то есть метронимы, образованные от антропонимов – отантропонимические метронимы. Лингвистический анализ отантропонимических метронимов позволяет выявить лингвистические черты и закономерности функционирования отантропонимической и топонимической систем в лексико-семантическом и морфологическом аспектах. В классификациях лексико-семантического анализа выявленных метронимов содержатся метронимы, которые образуются непосредственно от фамилий, метронимы, образованные от фамилий, восходящих к личным именам, метронимы, производные от прозвищ: категорические этапные образования метронимов и другие. Морфологический анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил выявить, что исследуемые метронимы образуются продуктивным способом в русском языке, то есть при помощи *аффиксации*.

Однако несмотря на значительное число работ, посвященных изучению топонимов, целый ряд вопросов до сих пор не получил достаточно полного и однозначного освещения, а именно, пока не разработан лексико-семантический и морфологический анализ о совершенно новом виде топонимов, которые можно было бы назвать *метронимами*, то есть речь идет о *названиях станций метрополитена*. Таким образом, исследования в области лингвистики наполняются новыми неизученными аспектами, позволяющими глубже проникнуть в природу топонимических единиц, указывая на их неслучайное появление и развитие в языковой системе. Следует отметить, что результаты данного исследования могут быть использованы при изучении антропонимов и топонимов с точки зрения русской языковой картины мира. Рассмотрение топонимов в совокупности с их лингвистическим содержанием помогает осмыслить специфику именуемого объекта.

Ключевые слова: топонимика; метронимы; отантропонимический метроним; лексико-семантический и морфологический анализы; двухэтапное и трёхэтапное образование имён

Для цитирования: Одои-Аджей С. Лингвистические черты отантропонимических метронимов города Москвы // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 106–112. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_106. <https://elibrary.ru/EKRHJW>

Original article

Linguistic features of anthroponym-based Moscow metronyms

Samuel Odoi-Adjei

Applicant for the degree of candidate of philology, A. S. Pushkin State institute of the Russian language. 117495, Moscow, Akademik Volgin st., 6
sammyagyei22@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-4074-9633>

Abstract. This article presents a linguistic analysis of the Moscow metro stations names based on anthroponyms, i.e., metronyms formed from anthroponyms – anthroponym-based metronyms. The linguistic analysis of anthroponym-based metronyms reveals certain linguistic features and regularities of anthroponym-based and toponymic systems in lexical-semantic and morphological aspects. The classifications of the selected metronyms contain metronyms that are formed directly from surnames, metronyms formed from surnames, which are in turn formed from personal names, metronyms derived from nicknames: categorical stage formations of metronyms, etc. Morphological analysis of the materi-

al at our disposal has revealed that the metronyms under study are formed in Russian with the help of *affixation*, a productive way of word formation. However, despite the significant number of works devoted to the study of toponyms, there are still several issues that have not been covered thoroughly and unambiguously enough, namely, the lexical-semantic and morphological analysis of a completely new kind of toponyms, which could be called *metonyms*, i.e. the *names of metro stations*. Thus, linguistic research is filled with new unexplored aspects that help to penetrate deeply into the nature of toponymic units, indicating that they have not appeared and developed randomly in the linguistic system. It should be noted that the results of this research can be used in studying anthroponyms and toponyms in terms of the Russian linguistic worldview. Considering toponyms together with their linguistic content helps to comprehend the specificity of the nominated object, which is especially important to foreign speakers.

Key words: toponymy; metronyms; anthroponym-based metronym; lexical-semantic and morphological analysis; two-stage and three-stage word formation

For citation: Odoi-Adjei S. Linguistic features of anthroponym-based Moscow metronyms. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):106–112. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_106. <https://elibrary.ru/EKRHJW>

Введение

Существует довольно много географических и лингвистических исследований топонимов, но одним из недостаточно изученных вопросов является вопрос об их происхождении. Как известно, топонимы помогают восстановить отличительные черты исторического прошлого людей, определить границы их поселения, представить прежнее распределение языков, географические, культурные и экономические центры, торговые пути и т. д. Таким образом, изучение происхождения топонимов, как правило, позволяет формировать социокультурный облик территории различных регионов страны, отражая в своих названиях вышеперечисленные особенности. При этом необходимо отметить, что в настоящее время сам термин «социокультурный» достаточно широко используется в различных гуманитарных науках – истории, социологии, культурологии, географии и т. д., синтезируя явления и процессы, связанные с формированием населения, хозяйства и в целом территории, а также отражая особенности их культуры. Географическая терминология позволяет реконструировать культурные слои. Данная реконструкция возможна в случае применения различных методик проведения лингвистического анализа, историко-географического анализа, этимологического анализа, а также социолингвистических аспектов изучения топонимов [Бабаян, 2022; Кондакова, 2018; Купцов, 2021].

Как известно, имена собственные как языковая категория является частью лексической системы любого языка, организованные в лексико-семантические группы – группы антропонимов, гидронимов, эргонимов, а также метронимов (то есть названия станций метро) и др. [Милованова,

Одои-Аджей, 2018]. Этноязыковые и этнокультурные закономерности содержатся в данных группах, что позволяет определить семантические особенности топонимов, а также выявить их типологическое разнообразие [Кондакова, 2018; Купцов, 2022; Шилова, 2022].

Таким образом, данная работа посвящена лингвистическому анализу названий станций московского метрополитена, в основе которых лежат антропонимы.

Как известно, одной из уникальных особенностей русского промышленного развития является строение системы метрополитена. Такое достижение русского народа привлекает большое внимание как отечественных, так и зарубежных специалистов разных дисциплин для того, чтобы высоко оценить лингвистические, социальные, политические, культурные, архитектурные, политические особенности восприятия русского народа [Медведева, 2018, с. 10; Мурзаев, 1960].

Разработка научной терминологии «антропонимика» во многих отношениях с начала его использования является интернациональной проблемой. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольская определяет *ономастику* «как раздел языкознания, изучающий любые имена собственные. Долгое время под термином „ономастика“ понимались: а) изучение антропонимов, то есть антропонимика; б) совокупность антропонимов, то есть антропонимия; в) совокупность всех собственных имен, то есть онимия...» [Подольская, 1978, с. 97]. Необходимо отметить, что в настоящем определении представлено четкое разграничение между двумя терминами. Ряд исследователей также придерживается определения Н. В. Подольской: Ж. Марузо [Марузо, 1960], А. К. Матвеев [Мат-

веев, 2004], О. С. Ахмановой [Ахманова, 2004], Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [Розенталь, Теленкова, 1976], Б. О. Унбегаун [Унбегаун, 1989], Н. И. Формановская [Формановская, 2011] и др.

Известный специалист в области топонимики Э. М. Мурзаев отмечает, что «всякое рождение топонима вызывается историческими условиями, географической средой и осуществляется средствами языка» [Кондакова, 2018]. Все географические объекты, в том числе станции метро, имеют собственные названия, поскольку это предполагает отражение уникального своеобразия. Представляется целесообразным разделить все топонимы на классы в зависимости от специфичности объекта номинации. Таким образом, С. Н. Басик определяет топонимический класс как «Сумму [группу] названий однотипных географических объектов» [Басик, 2006, с. 18]. Этот концепт топонимики оказывается очень научным и сложным [Никонов, 1965]. Х. Л. Ханмагомедов и А. Н. Гебекова цитировали, что «Топонимы – это, – как пишет Г. Я. Рылюк, – выражение мироощущения людей, культуры, быта, обычаев, повседневного их окружения, психологического состояния и общения» [Ханмагомедов, Гебекова, 2011, с. 24]

В настоящее время лингвистами пристально исследуются имена нарицательные и имена собственные вследствие того, что слова, входящие в систему языка, образуются по правилам данного языка. Имена собственные являются лингвистической единицей и представляют собой объект лингвистического анализа [Реформатский, 1996]. Известный английский лингвист Д. С. Милль приходит к выводу, что «собственные имена не обладают значением, они – своеобразные ярлыки, или метки, помогающие узнавать предметы и отличать их друг от друга» [Бондалетов, 1983, с. 11].

Метро бесспорно представляет собой географический объект, и термин *метронимы* принадлежит подгруппе *урбанонимов*. В связи с тем, что метро представляет собой городской транспорт, представляется вполне уместным относить названия станций метро в подгруппу *урбанонимов*. Топонимы являются элементами лексики языка, поэтому подчиняются правилам или законам языка, следовательно, *метронимы*, как и другие виды топонимов подчиняются правилам данного языка.

Имена собственные в русском языке, как правило, изучаются с точки зрения антропонимических, географических, идеологических, профессиональных аспектов с применением лингвистических, географических, социологических и исторических подходов к изучению. *Метронимы* как имена собственные не являются исключением. В качестве примеров можно провести такие единицы как *метро Щукинская* – от антропонима *Щукин*, *метро Южная* / *метро Юго-западная* – обозначение географического местоположения, *Электрозаводская* – профессиональный. Таким образом, *метронимы* целесообразно анализировать с данной точки зрения. Как отмечено выше, в данной работе считаем необходимым использовать лингвистический подход при анализе метронимов, сосредоточивая внимание только на антропонимических названиях.

Гипотеза

Метронимы отражают социальную и культурную сущность, культурные преобразования, языковые контакты, а также исторические эпохи. В русской лингвокультуре существует традиционная тесная связь между метронимами и антропонимами, что представляет собой национально-специфическую особенность русской лингвокультуры.

Анализ материала

Лексический состав русского языка в большей степени состоит из имен собственных и нарицательных. Важно отметить, что имена, особенно собственные, не являются произвольными, а являются частью лексики любого языка. Таким образом, лексикографическое изучение крайне важно лингвисту, который пытается выявить лингвистические феномены.

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала позволил выявить *лексико-семантические классификационные варианты метронимов*:

1) *Метронимы, образованные непосредственно от фамилий*

Русские фамилии могут быть образованы от основы личных имён, иными словами, русские имена могут стать фамилиями путём морфологического оформления. В этой подгруппе мы рассматриваем фамилии, которые не были образованы от основы личного имени. В этом случае фамилии на *-ский/ской*, *-цкий/-цкой*, в сущности,

представляют собой обычные полные прилагательные. Они функционируют как существительные. Фамилии такого типа являются более продуктивными в русском языке. Например, станция метро *Достоевская* от фамилии *Достоевский*; станция метро *Маяковская* от фамилии *Маяковский*, станция метро *Чкаловская* – *Чкалов*, станция метро *Менделеевская* – *Менделеев*, станция метро *Мичуринский проспект* – *Мичурин*, станция метро *Бунинская аллея* – *Бунин*. В этом случае образование метронимов является *двухэтапным*, поскольку названия станций метро непосредственно образуются от фамилии, а не от других антропонимов или отантропонимических топонимов.

2) Метронимы, образованные от топонимов и гидронимов

Станция метро *Бутырская* – *Бутырский* (район), станция метро *Варшавский* – *Варшава*, станция метро *Волжская* – *Волга*, станция метро *Добрынинская* – *Добрынин*, станция метро *Калужская* – *Калуга*, станция метро *Курская* – *Курск*, станция метро *Минская* – *Минск*, станция метро *Римская* – *Рим*, станция метро *Ржевская* – *Ржев*.

Иностранцами и иногда русскими обычно не признаются социокультурные и лингвистические особенности, когда они сталкиваются с метронимами такого типа. Они воспринимают их просто как названия станций метро, но не как метроним другого отантропонимического топонима. В таком морфологическом значении русский язык отличается не только от западноевропейских, но даже от большинства других языков в мире. Например, станция метро *Алтуфьево* – *Алтуфьев*, станция метро *Зябликово* – *Зябликов*, станция метро *Измайлово* – *Измайлов*, станция метро *Коньково* – *Коньков*, станция метро *Медведково* – *Медведков*, станция метро *Орехово* – *Орехов*, станция метро *Перово* – *Перов*, станция метро *Ростокино* – *Ростока*, станция метро *Румянцево* – *Румянцев*, станция метро *Тропарёво* – *Тропарёв*.

3) Метронимы, образованные от фамилий, восходящих к личным именам

Следующая группа метронимов образована от фамилий, а те в свою очередь от личных имен. Например, станция метро *Борисово*, образованная от фамилии *Борисов* и от имени *Борис*; станция метро *Измайлово* и станция метро *Измайлов-*

ская – от фамилии *Измайлов* – от имени *Измаил* (*Исмаил*).

В ходе анализа были выявлены исключения, например, станция метро *Андроновка*, образованная от имени *Андрон*, фамилии *Андронов*, но при наименовании станции метро, на основе фамилии *Андронов* название станции метро названо с помощью суффикса *-ка*. В данной категории метронимы образуются в три этапа.

4) Метронимы, образованные от личных имен

В данной группе объединены метронимы, образованные от имен. Такие метронимы являются непродуктивными, так как в русском языке невозможно определить человека только при помощи его имени без отчества или фамилии. Например, станция метро *Александровский*, образованное от имени *Александр*, станция метро *Алексеевская* – *Алексей*, станция метро *Аннино* – *Анна*, станция метро *Петровский* – *Петр* и т. п.

В данной группе метронимов довольно трудно выяснить их происхождение, были они образованы от имени или фамилии. Например, станция метро *Борисово* – от имени *Борис* и фамилии *Борисов*, станция метро *Дмитровская* – *Дмитрий* – *Дмитров*, станция метро *Добрынинский* – *Добрыня* – *Добрынинская*, станция метро *Семеновская* – *Семен* – *Семенов* и т. п.

В ходе исследования метронимов в русском языке был проведен *морфологический анализ*, а именно *аффиксации* в словообразовании метронимов.

– метронимы образуются от фамилий с окончаниями имени прилагательного. В этом случае использовались суффиксы *-овский/-евский* и *-ский/-цкий/-нский*. Например, станция метро *Багратионовская* – *Багратион*, станция метро *Бауманская* – *Бауман*, станция метро *Войковская* – *Войков*, станция метро *Кропоткинская* – *Кропоткин*, станция метро *Лермонтовская* – *Лермонтов*, станция метро *Менделеевская* – *Менделеев*, станция метро *Панфиловская* – *Панфилов*, станция метро *Полежаевская* – *Полежаев*, станция метро *Тимирязевская* – *Тимирязев*, станция метро *Тургеневская* – *Тургенев*, станция метро *Фрузенская* – *Фрунзе*, станция метро *Чеховская* – *Чехов*, станция метро *Шипиловская* – *Шипилов*, станция метро *Шереметьевская* – *Шереметьев*.

Русские фамилии с окончанием на *-ов/-ев* являются наиболее распространенными. Они происходят от существительных, оканчивающихся

на твердый согласный, фамилии образуются с помощью суффикса *-ов*, а от существительных, которые оканчиваются на мягкий согласный *-ий* или *-е*, с помощью его варианта *-ев*. Московские антропонимические фамилии на *-ский* преобладают, так как русские фамилии на *-ов/ев* составляют большинство. Это подтверждается вышеуказанными примерами. В связи с московскими антропонимическими метронимами по фамилии с суффиксом *-нский*, в этой категории, единственным исключением представляется название станции метро *Фрунзенская*, которое производно от фамилии *Фрунзе*.

– метронимы, образованные от фамилии в форме притяжательного прилагательного. Преобладание суффикса *-ов/-ев* по сравнению с *-ин* не должно вызывать удивления, хотя фамилии на *-ов/ев* и *-ин* были морфологически равноправны, поскольку их образования определялось лишь строгими и определенными правилами словообразования. Притяжательные прилагательные на *-ов/-ев* становились все менее и менее продуктивными, постепенно они были замещены или другим типом прилагательных, или родительным падежом. Таким образом, за очень немногими исключениями суффикс *-ов/-ев* не имел никакой другой функции, кроме функции образования фамилий. Притяжательные прилагательные на *-ин*, напротив, все еще существуют для обозначения принадлежности как к фамилиям, так и к кому-либо существительному с уменьшительным суффиксом: *Митя – Митин* – станция метро *Митино*. Следовательно, суффикс *-ов/-ев* стал более типичным и более специализированным окончанием для образования фамилии со значением притяжательного прилагательного, чем суффикс *-ин*.

Заключение

Итак, проанализировав вышеприведенные онимы Московского метрополитена, образованные на основе антропонимических единиц, выявлены лингвистические закономерности функционирования отантропонимической и топонимической систем в лексико-семантическом и морфологическом аспектах. В ходе исследования было установлено, что в русской лингвокультуре существует традиционная тесная связь между топонимами, в том числе метронимами и антропонимами, что представляет собой специфическую особенность русской национальной линг-

вокультуры, а также национально-культурную действительность общества. Рассмотрение топонимов в совокупности с их лингвистическим и экстралингвистическим содержанием помогает осмыслить специфику именуемого объекта, что особенно важно для представителей иноязычных культур.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
2. Бабаян В. Н. Семантические и коммуникативно-прагматические особенности дискурсивных маркеров в испаноязычном художественном дискурсе / В. Н. Бабаян, А. Е. Купцов, Н. В. Шилова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 4(31). С. 86–92.
3. Басик С. Н. Общая топонимика : учебное пособие для студентов географического факультета специальностей. Минск : БГУ. 2006. 200 с.
4. Бондалетов В. Д. Русская Ономастика. Москва : «Просвещение», 1983. 221 с.
5. Кондакова Т. Ю. Топонимы как отражение социокультурного облика регионов Португалии / А. Е. Купцов, Т. Ю. Кондакова // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14), № 4. С. 208–219.
6. Купцов А. Е. Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова. 2022. № 3. С. 269–273.
7. Купцов А. Е. Кельтские топонимические концепты как составляющие топонимической системы Испании / А. Е. Купцов, Е. Е. Милосердова. 2021. № 3 (46). С. 161–164.
8. Матвеев А. К. Словарь Апология имени // Вопросы ономастики. № 1. 2004. С. 7–13.
9. Медведева А. Р. Влияние социальных факторов на архитектурные стили Московского метрополитена на примере станций Кольцевой линии. Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 4 (12). С. 10–34.
10. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. 436 с.
11. Милованова М. С., Одои-Аджей С. Метроним как объект лингвистического и лингвокультурологического исследования. Русский за рубежом. 2018. 6(271). С. 88–92.
12. Мурзаев Э. М. Происхождение географических названий: Совет. география: итоги и задачи: сб. тр. / АН СССР, геогр. общ-во СССР; под ред. И. П. Герасимова. Москва, 1960.

13. Никонов В. А. Введение в топонимику. Москва : Наука, 1965.
14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва, 1978. 187 с.
15. Реформатский А. А. Введение в языкознание. Москва : Аспект-пресс, 1996. 536 с.
16. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителя. Москва : Просвещение, 1976. 543 с.
17. Унбегаун Б. О. Русская Фамилия. Москва : «Прогресс», 1989. 446 с.
18. Формановская Н. И. Личное имя и традиция // Русская речь. № 4. 2011. С. 98–102.
19. Ханмагомедов Х. Л., Гебекова А. Н. Учение о географических названиях (топонимика) и пути его развития. Вопросы современной науки и практики. Рецензент д-р геогр. наук, доцент А.В. Лысенко. 2011. С. 24–35.
20. Шилова Н. В. Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект / А. Е. Купцов, Н. В. Шилова // Язык и общество. Диалог культур и традиций : Сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01–31 марта 2022 года. Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2022. С. 223–232.

Reference list

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Moskva : Editorial URSS, 2004. 571 s.
2. Babajan V. N. Semanticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti diskursivnykh markerov v ispanojazychnom hudozhestvennom diskurse = Semantic and communicative-pragmatic features of discourse markers in Spanish literary discourse / V. N. Babajan, A. E. Kupcov, N. V. Shilova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 4(31). S. 86–92.
3. Basik S. N. Obshhaja toponimika = General toponymy : uchebnoe posobie dlja studentov geograficheskogo fakul'teta special'nostej. Minsk : BGU. 2006. 200 s.
4. Bondaleto V. D. Russkaja Onomastika. = Russian Onomastics. Moskva : «Prosveshhenie», 1983. 221 s.
5. Kondakova T. Ju. Toponimy kak otrazhenie sociokul'turnogo oblika regionov Portugalii = Toponyms as a reflection of the socio-cultural image of Portugal's regions / A. E. Kupcov, T. Ju. Kondakova // Geopolitika i jekogeodinamika regionov. 2018. T. 4 (14), № 4. S. 208–219.
6. Kupcov A. E. Diskursivy i sintaksicheskie konstrukcii kak sredstva formirovanija pragmaticheskogo jeffekta akta kommunikacii v anglo- i ispanojazychnom hudozhestvennom diskurse = Discursives and syntactic constructions as a means of forming communication pragmatic effect in English and Spanish literary discourse / A. E. Kupcov, N. V. Shilova. 2022. № 3(50). S. 269–273.
7. Kupcov A. E. Kel'tskie toponimicheskie koncepty kak sostavljajushhie toponimicheskoy sistemy Ispanii = Celtic toponymic concepts as parts of the Spanish toponymic system / A. E. Kupcov, E. E. Miloserdova. 2021. № 3(46). S. 161–164.
8. Matveev A. K. Slovar' Apologija imeni = Name Apologia Dictionary // Voprosy onomastiki. № 1. 2004. S. 7–13.
9. Medvedeva A. R. Vlijanie social'nykh faktorov na arhitekturnye stili Moskovskogo metropolitena na primere stancij Kol'cevoj linii. Biznes i dizajn revju = The influence of social factors on the architectural styles of the Moscow Metro based on the example of the Ring Line stations. Business and design review. 2018. № 4 (12). S. 10–34.
10. Maruzo Zh. Slovar' lingvisticheskikh terminov. = Dictionary of linguistic terms. Moskva : Izd-vo inostrannoju literatury, 1960. 436 s.
11. Milovanova M. S., Odoi-Adzhej S. Metronim kak ob'ekt lingvisticheskogo i lingvokul'turologicheskogo issledovanija = Metronym as an object of linguistic and linguocultural research. Russkij za rubezhom. 2018. 6(271). S. 88–92.
12. Murzaev Je. M. Proishozhdenie geograficheskikh nazvanij: Sovet. geografija: itogi i zadachi = The origin of geographical names: Soviet geography: results and objectives: sb. tr. / AN SSSR, geogr. obshh-vo SSSR; pod red. I. P. Gerasimova. Moskva, 1960.
13. Nikonov V. A. Vvedenie v toponimiku = Introduction to toponymy. Moskva : Nauka, 1965.
14. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva, 1978. 187 s.
15. Reformatskij A. A. Vvedenie v jazykoznanie = Introduction to Linguistics. Moskva : Aspekt-press, 1996. 536 s.
16. Rozental' D. Je., Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov = Glossary of linguistic terms : posobie dlja uchitelja. Moskva : Prosveshhenie, 1976. 543 s.
17. Unbegaun B. O. Russkaja Familija = Russian Surname. Moskva : «Progress», 1989. 446 s.
18. Formanovskaja N. I. Lichnoe imja i tradicija = A personal name and tradition // Russkaja rech'. № 4. 2011. S. 98–102.
19. Hanmagomedov H. L., Gebekova A. N. Uchenie o geograficheskikh nazvaniyah (toponimika) i puti ego razvitija. Voprosy sovremennoj nauki i praktiki = The study of geographical names (toponymy) and the ways

of its development. Contemporary scientific and practical issues. 2011. S. 24–35.

20. Shilova N. V. Lingvokul'turnye osobennosti kubinskogo varianta ispanskogo jazyka v hudozhestvennom diskurse: leksicheskij aspekt = Linguistic and cultural characteristics of the Cuban Spanish variant in literary discourse: the lexical aspect / A. E. Kupcov, N. V. Shilova // Jazyk i obshchestvo. Dialog kul'tur i tradicij : Sbornik materialov nauchnoj konferencii, Jaroslavl', 01–31 marta 2022 goda. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K. D. Ushinskogo, 2022. S. 223–232.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 14.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 13.02.2023; approved after reviewing 14.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 81'42:81'367:811.111

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_113

EDN: DECKRN

Теория релевантности Д. Вилсон и Д. Спербера и её актуальность для текста художественного произведения

Вероника Александровна Кулакова

Аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24
va.kulakova@mgou.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1690-2938>

Аннотация. Основной целью работы является представление теории релевантности, явления, получившего широкую известность в англоязычной лингвистике. Задачами исследования выступают определение исторической составляющей и понятия указанной теории, выявление её особенностей и оценка возможности и продуктивности её использования для текстов художественных произведений.

В процессе исследования использовались методы абстрагирования, индукции и дедукции, анализа и синтеза. Влияние теории релевантности раскрыто на основе иноязычных трудов, являющихся основными источниками информации о ней, а также раскрывающих её функционирование. Были найдены именно те работы, в которых зародилось относительно новое лингвистическое явление, и выявлены их основные тезисы и предложения (Д. Спербер, Д. Вилсон, Х. П. Грайс). Применение теории релевантности было установлено в исследовании Б. МакМахон, её наблюдения положены в основу определения особенностей теории.

В результате работы представлен обобщённый материал, репрезентирующий основные аспекты теории. Теоретическая значимость работы связана с его особой ценностью для исследований добавочных языковых смыслов, имеющей большой потенциал для анализа текстовых конструкций с другой стороны. Практическая значимость состоит в том, что представление применения теории релевантности для художественного текста, описанное в работе, может быть использовано для дальнейшего изучения образов персонажей в художественных текстах.

Проведённое исследование позволяет увидеть специфику описываемого явления и расширить круг его использования в лингвистике: представляется актуальным применение в русскоязычных трудах, не получившее пока широкого распространения среди исследователей.

Ключевые слова: Д. Вилсон; Х. П. Грайс; Д. Спербер; добавочные смыслы; синтаксические конструкции; теория релевантности; художественный текст

Для цитирования: Кулакова В. А. Теория релевантности Д. Вилсон и Д. Спербера и её актуальность для текста художественного произведения // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 113–118. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_113. <https://elibrary.ru/DECKRN>

Original article

The theory of relevance by D. Wilson and D. Sperber and its importance for literary text

Veronika A. Kulakova

Postgraduate student, department of modern russian language named after professor P. A. Lecant, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24
va.kulakova@mgou.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1690-2938>

Abstract. The article aims to present the theory of relevance, a phenomenon that has become popular in linguistics of english-speaking countries. The objectives of the study are: to define the historical component and the concept of this theory, to identify its features and to assess the possibility and productivity of using it for literary texts.

While doing the research, the author used abstraction, induction and deduction methods, analysis and synthesis. The influence of the relevance theory is shown on the basis of foreign-language works, which are the main sources of information about it, and reveal its functioning. The works that gave rise to the relatively new linguistic phenomenon have been selected for this research, and their main theses and suggestions have been outlined (D. Sperber, D. Wilson,

Н. Р. Грейс). The application of the relevance theory was described in B. McMahon's study, and her observations form the basis for determining the features of the theory.

This work presents a comprehensive material representing the main aspects of the theory. The theoretical significance of the work is linked to its specific value for studying additional linguistic meanings, having a great potential for the analysis of text structures. The practical value lies in the fact that the application of the relevance theory to literary text described in the paper can be used for further studies of characters in literary texts. The conducted research helps to see the specificity of the phenomenon under consideration and expand the scope of its use in linguistics: its application in Russian linguistic works, not yet popular with researchers, appears to be relevant.

Key words: D. Wilson; H. P. Grice; D. Sperber; additional meanings; syntactic constructions; theory of relevance, literary text

For citation: Kulakova V. A. The theory of relevance by D. Wilson and D. Sperber and its importance for literary text. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(2):113–118. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_113. <https://elibrary.ru/DECKRN>

Введение

Высказывания порождают ожидание, они создаются для реакции воспринимающей стороны и становятся релевантными только тогда, когда достигают позитивного когнитивного эффекта. Последний создаётся благодаря семантике лексических единиц и зависит от других факторов. Среди них важными являются взаимоотношения между адресатом и адресантом, особенности их речи и наличие фоновых знаний. Именно поэтому интерпретация высказывания должна выстраиваться с их учётом.

Для преодоления ошибок в понимании высказывания Д. Спербер и Д. Вилсон создали названную ими *теорию релевантности*, в которой уделяется внимание внешним условиям коммуникативного акта.

Теория релевантности

Понятие *теория релевантности* было предложено Д. Спербером, французским социологом и философом, и Д. Вилсон, британским лингвистом и когнитивистом, и нашло применение в когнитивной лингвистике и учениях о прагматике. Идею о значении релевантности авторы взяли из труда другого учёного и разработали её, превратив в теорию.

Впервые вопрос о релевантности появляется в работах философа, основателя теории имплицатур Х. П. Грайса «Причинная теория восприятия» (The Causal Theory of Perception, 1961), «Логика и разговор» (Logic and Conversation, 1967). В языках появляются добавочные смыслы, которые Х. П. Грайс называет «нежелательными наростами» [Grice, 1975, p. 42]. Причиной их появления становятся, по мнению автора, концепты, которые не могут быть чётко идентифицированы и представлены в предложении. В связи с этим автор считает, что логика высказывания, выявляемая из формальных показателей, отлича-

ется от той, что создаётся с учётом всех внешних факторов естественного языка, этих «наростов», то есть неактуальных добавочных смыслов концептов. Однако автор на конкретных примерах показывает, что некоторые имплицатуры условны [Grice, 1975, p. 43], и определить их подлинный смысл трудно (один из примеров: *Он англичанин. Он смелый.* – контекст содержит условную имплицатуру, то есть не несёт в себе добавочного смысла 'он смелый, потому что англичанин'). Автор вводит термин «кооперативный принцип» для явления, когда предложение создаётся для конкретного реципиента и понимается именно им, и вводит четыре его составляющие-максимы: *количество, качество, отношение (релевантность) и способ (манера)* [Grice, 1975, p. 45–47]. Таким образом, при наличии всех максимум у передаваемой информации (то есть количество – максимально подходящий объём для требуемой информации, качество – её подбор, релевантность – её актуальность и востребованность, способ – вариант её передачи) она становится понятна адресанту. Одним из выводов Х. П. Грайса является то, что предложение не может существовать без имплицатуры, контекстуальной и внешней информации. Примечательно, что именно максима «релевантность» описана учёным кратко и неполно. Именно поэтому она была разработана Д. Спербером и Д. Вилсон. Сам Д. Спербер так представлял их исследование: «между нашим первоначальным проектом 1975 г. и публикацией „Релевантности“ в 1986 г. мы работали над рядом вопросов, от пресуппозиционных эффектов до иронических интерпретаций, от механизмов вывода до интерпретации речевых актов настроения и, таким образом, мы вышли далеко за рамки наших первоначальных предположений о том, что все максимы Грайса можно свести к релевантности и что метафорические и иронические интерпретации

не были вызваны нарушением максимы правдивости и не руководствовались простыми отношениями сходства или противоположности» [Sperber, 2019, p. 14].

Согласно Д. Вилсон, теория релевантности – это «когнитивный подход к прагматике, который состоит из двух общих предположений Грайса: а) большая часть человеческого общения, как вербального, так и невербального, включает в себя выражение намерений и б) при выводе этих намерений адресат предполагает, что поведение коммуникатора будет соответствовать определённым стандартам, которые для Грайса основаны на кооперативном принципе и максимах, а для теории релевантности вытекают из предположения, согласно которому в результате постоянного давления отбора в ходе человеческой эволюции и познание, и общение ориентированы на релевантность» [Wilson]. Д. Вилсон, Д. Спербер и другие исследователи выявили следующие основные принципы теории релевантности:

- её центральное утверждение состоит в том, что ожидания, возникающие в связи с высказыванием, точны и предсказуемы, чтобы направлять слушающего к смыслу говорящего [Wilson, Sperber, 2004, p. 607];

- слова никогда полностью не кодируют то, что они люди имеют в виду, и контекст всегда имеет несколько интерпретаций, поэтому понимание – это процесс вывода, управляемый точными ожиданиями релевантности [Wilson, Sperber, 2012, p. 2];

- значение высказывания зависит от социального фактора: «социологически решающий факт, что содержание трансформируется, искажается, теряется или подавляется в самой социальной коммуникации, не может быть устранён» [Sperber, Wilson, 1997, p. 146];

- её можно рассматривать как попытку подробно разработать одно из центральных утверждений Грайса, что существенной чертой большей части человеческого общения, как вербального, так и невербального, является выражение и распознавание намерений [Allot, 2013, p. 11];

- она представляет собой принцип, согласно которому процесс коммуникации включает не только кодирование, передачу и декодирование сообщений, но и множество других элементов, включая вывод и контекст [Nordquist, URL];

- её основной единицей является не предложение, а высказывание: «значение предложения (в отличие от значения высказывания) – это значение, придаваемое составляющими предложе-

ния и его структурой ... предложения сами по себе *не являются* высказываниями, но они могут *выражать* их» [Iten, 2005, p. 6]; примечательно, что изначально в качестве маркёров для релевантности рассматривались вводные слова, как, например, в работах Д. Блэкмор [Blakemore, 2002], но позднее стали выделяться именно целые высказывания;

- релевантность в ней понимается как «не только типичное свойство внешних стимулов (например, высказываний), но также и внутренних представлений и мыслей, все из которых могут стать входными данными для когнитивной обработки. Стремление к релевантности – типичный аспект умственной деятельности человека, всегда направленного на получение высшей награды от стимулов, которые она обрабатывает» [Yus, 2012, p. 679];

- релевантная информация может быть получена не только из высказываний и других коммуникативных актов, но также из памяти, наблюдения и умозаключения [Wilson, Sperber, 1986, p. 244].

Особенно важным фактором является внеязыковая ситуация: предполагается, что адресант в любом случае *ожидает* что-либо от адресата, и потому воспринимает информацию особым образом. Б. Кларк отмечает эту особенность: «Независимо от того, задействован ли язык или нет, действия, которые дают понять, что кто-то намеревается что-то сообщить, всегда вызывают у адресатов особые ожидания. Общее ожидание можно грубо охарактеризовать как предположение, что существует интерпретация поведения коммуникатора, которую адресат сочтёт целесообразным восстановить. Это обобщение лежит в основе теоретико-релевантного описания интенциональной коммуникации» [Clark, 2013, p. 5]. Помимо ожидания важно намерение адресанта. Это подчёркивает Ф. Галлаи: «Учёные в этой области сосредотачиваются на цепочках выводов, необходимых для понимания *намерения* коммуникатора, начиная с его высказывания и различных ментальных представлений, лежащих в основе понимания различных явлений как когнитивных процессов» [Gallai, 2022, p. 25].

Таким образом, теория релевантности неразрывно связана с изучением коммуникативных задач высказывания и его имплицатур. Её применимость к вербальному общению понятна. Д. Вилсон, Д. Спербер в статье «Теория релевантности» (Relevance Theory, 2004) приводят такой пример: если кто-то оставит свой пустой

стакан в поле зрения другого человека, тот заметит и, вероятно, сделает вывод, что первый хотел бы ещё выпить [Sperber, Wilson, 1996, p. 611]. В таком случае стакан выступает в роли остенсивного раздражителя, и коммуникация происходит бессловесно. В результате вербальное общение может достигать степени эксплицитности, невозможной при невербальном общении. Другой пример – небольшой диалог:

Питер: – Джон заплатил тебе деньги, которые был должен?

Мари: – Нет. Он забыл сходить в банк.

Такой диалог подразумевает сразу несколько импликатур: 1) Джон забыл сходить в банк и снять деньги, поэтому он не может выплатить Мари долг; 2) Джон сможет выплатить долг, когда сходит в банк и т. п. [Sperber, Wilson, 1996, p. 617]. Объектами релевантности высказываний становятся не другие наблюдаемые явления, а мысли, воспоминания и выводы из умозаключений [Sperber, Wilson, 1996, p. 608]. Значение слова *банк* сужено контекстом: банк как финансовое учреждение, а не *берег* (на *англ.* омоним *bank*) *реки*, так же, как и значение словосочетания *сходить в банк*, где подразумевается поход в банк с целью взять деньги, а не просто прийти или ограбить. Таким образом, контекст выполняет важную роль при уточнении импликатур, релевантность достигается благодаря соответствию ответа вопросу. Поэтому интерес представляет функционирование теории релевантности в тексте художественного произведения.

Релевантность в художественном тексте и его синтаксис

В монографии «Релевантность. Коммуникация и когниция» (Relevance. Communication and Cognition, 1986) Д. Вилсон, Д. Спербер заключают, что «большинство прагматических исследований проводилось в рамках философской или лингвистической традиции, которая отдаёт более высокий приоритет теоретической общности и опоре на интуицию, чем на необходимость экспериментирования» [Sperber, Wilson, 1996, p. 628]. Поиск формального показателя, который бы заменил интуицию, становится причиной возникновения теории релевантности.

Для вербального общения стоит отметить синтаксическую зависимость конструкции ответа от вопроса: «говорящий, стремящийся к оптимальной релевантности, должен формулировать своё высказывание так, чтобы способствовать

раннему и правильному устранению неоднозначности», и при синтаксическом анализе заметно, что «слушатель строит упреждающие гипотезы об общей структуре высказывания на основе того, что он уже слышал. Например, он может не только идентифицировать каждое слово и предварительно отнести его к синтаксической категории, но и использовать свои знания о его лексических свойствах и ограничениях сочетаемости, чтобы предсказать категории следующих слов или фраз» [Sperber, Wilson, 1996, p. 204–205]. Следовательно, прямая зависимость наблюдается при вербальном общении. Для невербального общения Д. Вилсон, Д. Спербер обращают внимание на то, что «высказывания имеют составную структуру, внутренний порядок и центральное ударение, для их обработки требуется время», поэтому экономное использование языковых единиц «приведёт к множеству прагматических эффектов» [Sperber, Wilson, 1996, p. 217]. Другими словами, чем проще составлено предложение, тем больше импликатур оно имеет. «Существует естественная связь между лингвистической структурой и прагматической интерпретацией, и нет необходимости в каких-либо специальных прагматических соглашениях или правилах интерпретации: говорящий просто адаптирует своё высказывание к тому, как слушающий собирается его обработать, учитывая существующие структурные и временные ограничения» [Sperber, Wilson, 1996, p. 217]. Следовательно, адресант стремится создать такое высказывание, неоднозначность которого была бы сведена к минимуму. В одной из своих статей авторы замечают: «если мы хотим, чтобы вы прочитали нашу работу, то в наших интересах стремиться к как можно более высокому уровню релевантности, создавая ожидания, которые побудят вас продолжать читать нашу работу с вниманием, которого, по нашему мнению, она заслуживает» [Sperber, Wilson, 1986, p. 257]. Следовательно, снова выстраивается оппозиция *ожиданий (стимулов)* читателя и *намерений* писателя.

В тексте художественного произведения появляются *поэтические приёмы*. Их влияние на релевантность следующее: «они не добавляют совершенно новых предположений», наоборот, «они лишь незначительно увеличивают очевидность множества слабо выраженных допущений», то есть «создают скорее общие впечатления, чем общие знания», они «могут быть использованы именно для того, чтобы создать это ощущение

явно аффективной, а не когнитивной взаимности» [Sperber, Wilson, 1996, p. 224]. Согласно авторам, поэтические эффекты «возникают в результате обращения к большому количеству очень слабых имплицатур в обычной погоне за релевантностью. Стилистические различия – это просто различия в способах достижения релевантности. Один из способов, по которому стили могут различаться, заключается в их большей или меньшей зависимости от поэтических эффектов точно так же, как они могут различаться в большей или меньшей степени в своей зависимости от имплицатуры и в том, как они используют фоновую и первичную информацию в своих экспликурах» [Sperber, Wilson, 1996, p. 224]. Таким образом, художественный стиль – это один из вариантов достижения релевантности.

Именно этому посвящён труд «Чтение за пределами кода: литература и теория релевантности» (Reading Beyond the Code: Literature and Relevance Theory, 2018) – сборник статей разных авторов, объединённых одной темой. Предисловие к книге и её редактуру подготовили один из соавторов теории релевантности – Д. Вилсон – вместе с Т. Кейвом. В нём ставится вопрос о возможности применения теории релевантности к художественному тексту, который решается посредством вывода о том, что она *может* быть использована в качестве ресурса для изучения литературы, в то время как восприятие такого текста как лингвистического кода является нецелесообразным, так как в литературе заложено прагматическое ожидание – нацеленность на отклик – от адресата: «Перспектива использования теории релевантности не отрицает, что язык является кодом, но утверждает, что то, что он кодирует, слишком фрагментарно и неполно, чтобы *иметь смысл* сам по себе» [Wilson, Cave, 2018, p. 13]. Подобный вывод был сделан авторами уже в 2002 г.: «лингвистически закодированное значение слишком схематично и фрагментарно, чтобы быть истинным или ложным: это просто вход для дальнейшей обработки» [Wilson, Sperber, 2002, p. 628]. Особым заключением этого сборника является идея, что именно теория релевантности может полностью расшифровать такой код.

Б. МакМахон на примере «Детской книги» А. С. Байетт в статье «Теория релевантности, синтаксис и литературное повествование» (MacMahon B. Relevance Theory, Syntax and Literary Narrative, 2014) применила теорию релевантности к литературному тексту. Она замечает:

«Высказывание – это, конечно, лингвистически закодированное свидетельство, так что вербальное понимание включает в себя элемент декодирования. Однако декодированное лингвистическое значение является лишь одним из исходных данных для процесса недемонстративного вывода, который даёт интерпретацию значения говорящего» [MacMahon, 2014, p. 94]. Процесс декодирования, согласно автору, связан с выявлением прямой и не прямой речи, внутренней непроявленной речи (Unuttered or Inner Represented Speech) – приёма, характерного только для художественного стиля. Б. МакМахон заключает: «теория релевантности выстроена на стилистическом подходе и нацелена на прагматическую перспективу, поэтому её интерпретирующий функционал позволяет нам объяснять коммуникационную стратегию литературного повествования, ничем, по сути, не отличающегося от обычного. К тому же используется его скрытый потенциал: метареференция в значимой мере детализирует план повествования, объединяя в себе свойства множественных внутренних повествовательных голосов, которым присуща когнитивная способность мыслить (собственные мысли, мысли других, мысли о возможном), а также связывая литературное изобретение вымышленных миров с соответствующими когнитивными способностями для моделирования не реальных действий и симуляции» [MacMahon, 2014, p. 94]. Можно заключить, что коммуникация в художественном тексте аналогична вербальной, однако она подчинена задачам одного человека – автора. В литературном произведении симулируются действия, которые возможны в реальности, и они могут быть проанализированы с позиции теории релевантности.

Заключение

Теория релевантности – явление, получившее широкое распространение в англоязычной литературе. Оно применяется в области прагматики и представляет собой замену философским и литературным подходам к изучению смыслов текста. Не удивительно, что уже в конце XX в. Д. Вилсон и Д. Спербер заметили, что именно релевантность «может быть определена не только как сравнительное, но и как количественное понятие, что может представлять определённый интерес для логиков и специалистов по ИИ» [Wilson, Sperber, 1986, p. 703]. В настоящее время, когда активно развиваются функции искусственного интеллекта – от реализации цифрового

рисунка (Midjourney, DALL-E) до написания текста по запросу (ChatGPT) – как никогда остро встаёт проблема релевантности – ожидания и намерений использующего. Такое стечение обстоятельств ярко иллюстрирует, как важна степень, в которой задуманный объект отвечает требованиям заказчика – его релеванностью к поставленной задаче. То же характерно и для литературного текста, если воспринимать его как поставленную автором задачу. Изначально задуманная как максима постижения имплицитной теории релевантности нашла применение в художественном произведении, где уже стала рассматриваться на ином прагматическом уровне: не просто адресат – адресант, но автор – читатель.

Библиографический список

1. Allot N. Relevance Theory // Perspectives on Linguistic Pragmatics. 2013. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-319-01014-4_3 (дата обращения: 24.12.2022).
2. Blakemore D. Relevance and Linguistic Meaning. The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 212 p.
3. Clark B. Relevance Theory (Cambridge Textbooks in Linguistics). 1st Edition. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 420 p.
4. Gallai F. Relevance Theory in Translation and Interpreting: A Cognitive-Pragmatic Approach (Routledge Advances in Translation and Interpreting Studies). Milton Park : Routledge, 2022. 277 p.
5. Grice H. P. Logic and Conversation // Cole P., ed. Syntax and Semantics 3. Speech Art. Academic Pr., 1975. P. 41–58.
6. Itan C. Linguistic Meaning, Truth Conditions and Relevance (Palgrave Studies in Pragmatics, Language and Cognition). London : Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.
7. Nordquist R. What Is Relevance Theory in Terms of Communication? // ThoughtCo: [сайт]. URL: <https://www.thoughtco.com/relevance-theory-communication-1691907> (дата обращения: 24.12.2022).
8. MacMahon B. Relevance Theory, Syntax and Literary Narrative // Chapman S., Clark B., eds. Pragmatic Literary Stylistics. Hampshire, Palgrave Macmillan Publ., 2014. P. 90–110.
9. Sperber D. Personal Notes on a Shared Trajectory (Reflections on the Development of Relevance Theory) // Relevance, Pragmatics and Interpretation / eds. K. Scott, B. Clark, R. Carston. Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 13–20.
10. Sperber D., Wilson D. Irony and the Use-Mention Distinction // Cole P. Radical Pragmatics. New York : Academic Press, 1981. P. 295–318.
11. Sperber D., Wilson D. Précis of Relevance Communication and Cognition // Behavioral and Brain Sciences. 1987. № 10. P. 697–754.
12. Sperber D., Wilson D. Relevance Communication and Cognition. 2nd edition. Padstow, Cornwall, T. J. Press Ltd, 1996. 330 p.
13. Sperber D., Wilson D. Remarks on Relevance Theory and the Social Sciences // Multilingua. 1997. № 16. P. 145–151.
14. Wilson D. Relevance Theory // Linguistics. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780199384655.013.201> (дата обращения: 24.12.2022).
15. Wilson D., Cave T. Introduction // Wilson D., Cave T., eds. Reading Beyond the Code: Literature and Relevance Theory. Oxford : OUP Oxford, 2018. P. 2–20.
16. Wilson D., Sperber D. Meaning and Relevance. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 395 p.
17. Wilson D., Sperber D. On Defining Relevance // Philosophical Grounds of Rationality / ed. R. Grandy, R. Warner. Oxford : Oxford University Press, 1986. P. 243–258.
18. Wilson D., Sperber D. Relevance Theory // Blackwell's Handbook of Pragmatics (Blackwell Handbooks in Linguistics) / eds. L. Horn, G. Ward. Blackwell Publishing, 2004. P. 607–632.
19. Wilson D., Sperber D. Truthfulness and Relevance // Mind. 2002. № 11. P. 583–632.
20. Yus F. Relevance Theory // Encyclopedia of Language and Linguistics. 2nd edition / ed. K. Brown. Amsterdam : Elsevier, 2012. P. 679–702.

Статья поступила в редакцию 23.02.2023; одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 23.02.2023; approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 811.161.1'373.211.5

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_119

EDN: TDGKWW

Урбанонимическая система полилингвального города

Роман Викторович Разумов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности урбанонимической модели билингвального города. Под билингвальным городом автор понимает населенный пункт, в котором языки двух и более этносов функционируют в качестве государственных языков. Основной особенностью ономастики билингвальных городов является двуязычность функционирующих в нем имен собственных. Она проявляется в создании онимов на русском и местном языках, а также в обязательном переводе всех названий на оба государственных языка республики. Формирование урбанонимической модели билингвального города началось в Российской Федерации в конце XX века. До этого времени в населенных пунктах преобладали названия на русском языке, образованные по типичным для русских городов моделям. Урбанонимы на языке местного населения были единичными, большинство из них имело отыменное происхождение, то есть было образовано от ойконимов, гидронимов или антропонимов. В 1990–2000-е гг. отмечается значительный рост количества внутригородских названий на государственных языках республик, что было обусловлено формированием региональной идентичности. Урбанонимы на национальных языках стали создаваться в 1990–2000-е гг. Автор отмечает, что в постсоветский период истории страны развитие систем урбанонимов полилингвальных городов происходило по двум основным моделям. Первая модель развития была реализована в Казани, она предполагала формирование национальной идентичности через создание новых урбанонимов на территориях, которые присоединялись к черте города. Вторая модель развития была реализована во многих республиках Кавказа, которые для формирования региональной идентичности активно использовали процесс переименования внутригородских объектов.

Ключевые слова: социономастика; языковые контакты; региональная идентичность; городское онимическое пространство; полилингвальный город; урбаноним

Для цитирования: Разумов Р. В. Урбанонимическая система полилингвального города // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 119–126. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_119. <https://elibrary.ru/TDGKWW>

Original article

Urbanonymic system of a multilingual city

Roman V. Razumov

Candidate of philological sciences, associate professor, department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Abstract. The article focuses on the specifics of a bilingual city's urbanonymic model. A bilingual city is understood by the author as a settlement with the languages of two or more ethnic groups functioning as official languages. The main feature of the onomasticon in bilingual cities is the bilingualism of their proper names. It manifests itself in creating onyms in Russian and local languages, as well as in translating all names into both official languages of the republic. Shaping the urbanonymic model of a bilingual city began in the Russian Federation at the end of the XX century. Before that time, names in Russian prevailed, which were formed according to models typical of Russian cities. There were few local language urbanonyms, and most of them were of nominal origin, i.e., they were formed from oikonyms, hydronyms, or anthroponyms. In the 1990s-2000s there was a significant increase in the number of intracity names in the state languages of the republics, which was due to forming a regional identity. Urbanonyms in national languages emerged in the 1990s and 2000s. The author notes that in the post-Soviet period the systems of urban names

in multilingual cities developed according to two main models. The first model was used in Kazan and involved the formation of a national identity through creating new urban names on the territories adjacent to the city limits. The second model of development was practiced in many Caucasian republics where renaming intra-city objects was actively used to form a regional identity.

Key words: social onomastics; linguistic contacts; regional identity; urban onymic space; multilingual city; urbanonym

For citation: Razumov R. V. Urbanonymic system of a multilingual city. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):119–126. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_119. <https://elibrary.ru/TDGKWW>

1. Введение

Любое научное исследование предполагает разработку типологии, выявление общих или отличительных черт, свойственных тому или иному явлению окружающего мира. Город как объект познания также может быть подвергнут дифференциации, что подтвердили исследования географов, социологов и экономистов, в трудах которых активно используются различные классификации населенных пунктов [см., например: Архипов, 2010; Данилова, 2021; Манаева, 2018; Старовойтов, 2008]. Очевидно, что может быть разработана и лингвистическая типология городов, поскольку существуют очевидные различия в функционировании языка в населенных пунктах различного типа. На это указывают пока еще немногочисленные исследования региональных вариантов русского языка, появившиеся в последнее время [см., например: Донецкий региолект, 2018; Ерина, 2021; Юнаковская, 2008].

Впервые на возможность разработки лингвистической типологии городов было указано Е. В. Красильниковой, отметившей, что подобная разработка «должна строиться с учетом всех достижений современной социологии города, но быть при этом ориентирована на языковые различия – чем, например, различается языковая жизнь больших и малых городов» [Красильникова, 1988, с. 8]. К сожалению, данное предположение не получило последующего развития ни в трудах самого автора, ни в работах его коллег. Возможно, отсутствие подобных исследований обусловлено тем, что к настоящему времени накоплено сравнительно мало фактического языкового материала. Во многих регионах подобная работа началась лишь в постсоветский период истории страны, к тому же научные центры, анализирующие социолингвистические аспекты речи горожан, расположены преимущественно в крупных городах с преобладающим русскоговорящим населением.

На наш взгляд, реализация идеи Е. В. Красильниковой весьма плодотворна и перспективна, она позволяет более полно раскрыть особенности ре-

чи жителей населенных пунктов с различным статусом. На это указывают существующие исследования языка больших и малых городов [см., например: Язык большого города, 2022], а также наши попытки построения подобной классификации, выполненной на ономастическом материале [Разумов, 2016; Разумов, 2022]. Знание о типологических особенностях систем урбанонимов позволяет выявить особенности номинации в системах названий отдельных городов, показать, какие из онимов являются типичными для подобных населенных пунктов, а какие характеризуют лишь данную систему.

2. Урбанонимическая система полилингвального города

В настоящей статье мы предложим описание урбанонимической модели *полилингвального города* – населенного пункта, в котором языки двух и более этносов имеют статус государственных. Она представлена в населенных пунктах Российской Федерации, расположенных в национальных республиках.

Урбанонимическая модель полилингвального города неоднократно привлекала внимание ономастологов. Так, в течение последних нескольких десятилетий были защищены диссертационные исследования, в которых рассматривались вопросы создания и функционирования онимических систем ряда населенных пунктов Российской Федерации с подобным статусом. Анализу были подвергнуты не только внутригородские названия отдельных городов страны: Казани (Г. Х. Исмагилова), Махачкалы (Л. Н. Рабаданова), Улан-Удэ (Ю. Г. Пушкарева), Элисты (Н. А. Кичикова), но и урбанонимические системы соседних регионов – Республики Марий Эл и Чувашской республики (Л. В. Егорова). Рассмотрению урбанонимии полиэтнических регионов посвящены монографии [Пушкарева, 2016], словари и справочники [Кадьков, 2010; Казаков, 2005; Куклин, 1990; Узигов, 2007; Улицы Улан-Удэ, 2014], а также многочисленные статьи [см., например: Воронин,

1971; Гареева, 1986; Головлёв, 2017; Фазылова, 2019].

К изучению особенностей урбанонимической номинации в полиэтнических регионах часто обращаются не только лингвисты, но и представители других гуманитарных наук. Так, социолог В. К. Тхакахов опубликовал большой цикл статей, посвященных анализу развития урбанонимических систем Кавказа. В своих публикациях автор показал этапы формирования городской топонимии Владикавказа [Тхакахов, 2019б], Магаса [Тхакахов, 2018а], Нальчика [Тхакахов, 2018б] и Чечни [Тхакахов, 2019а], указал проблемы ее трансформации в постсоветский период истории страны.

Наличие такого большого количества публикаций позволяет перейти к обобщению сделанных разрозненных наблюдений, выделить черты, характеризующие развитие онимических систем подобных населенных пунктов в целом. Эту задачу мы и намерены реализовать в данной статье, обратившись к анализу двух разновидностей официальных урбанонимов: годонимов и агоронимов.

3. Особенности дореволюционного и советского этапов развития систем урбанонимов полилингвальных городов

В дореволюционный период истории Российской Федерации урбанонимические системы полилингвальных городов не имели ярко выраженных особенностей. На картах подобных населенных пунктов в основном встречались годонимы и агоронимы, образованные на базе апеллятивных и онимических основ русского языка. Так, в Казани до революции существовали урбанонимы *Адмиралтейская улица*, *Воздвиженская улица*, *Воскресенская улица*, *Газовая улица*, *Екатерининская улица*, *улица Жуковского*, *Красная улица*, *Кузнечная улица*, *Московская улица*, *Мостовая улица*, *Мясницкая улица*, *Набережная улица*, *Николаевская площадь*, *Покровская улица*, *Большая Проломная улица*, *Сенная улица* и *площадь*, *Солдатские 1-я и 2-я улицы*, *Университетская улица*, *Ямские 1-я, 2-я и 3-я улицы* и др. Все перечисленные названия в указанный период были отмечены во многих городах нашей страны, т.е. большинство годонимов и агоронимов полилингвального города были образованы по типичным для русских городов моделям.

Сравнительно небольшое количество урбанонимов до революции могло быть образовано от основ местного языка, при этом практически все

они имеют отыменное происхождение. Подобные названия часто мотивированы местными ойконимами, гидронимами, оронимами и экклезионимами. Так, на картах Казани представлены урбанонимы *Казанская*, *Казанская Большая*, *Казанская Малая* и *Казанская Поперечная улицы* ← город Казань, *Кизическая* и *Кизическая Малая улицы* ← Кизический монастырь, *Правая набережная Булака* и *Левая набережная Булака* ← река Булак, *Левая набережная Кабана* ← озеро Кабан, *Арского Поля Односторонняя улица* ← Арское поле, *Зилантовские 1-я и 2-я улицы*, *Зилантовские 1-я и 2-я Поперечные улицы*, *Зилантовский переулок* ← Зилантова гора (названа по мифическому змею, в древности жившему в Заречье), *Черноозерская Правая* и *Левая улицы* ← Черное озеро. Небольшое количество городских топонимов могло быть создано от антропонимов – имен, прозвищ и фамилий местных жителей. Как отмечала Г. Х. Исмагиловой, «единичные номинации улиц, находящихся в Татарской слободе, мотивированы татарскими фамилиями: *Акчурицкий переулок*, *Апанаевский переулок*, *площадь Юнусова* (фамилии известных предпринимателей и видных домовладельцев)» [Исмагилова, 2011, с. 11].

Похожая картина была описана В. К. Тхакаховым при анализе онимической системы Владикавказа. Как отмечал исследователь, «в официальном списке урбанонимов Владикавказа за 1911–1912 гг. <...> нет ни одного наименования, имеющего прямое отношение к осетинскому антропонимикону. Годонимы, комонимы, этнонимы, гидронимы Осетии в корпусе урбанонимов присутствуют, однако урбанонимы в честь осетинских или даже региональных деятелей – военных, политических – здесь еще не появились» [Тхакахов, 2019, с. 113].

Анализ дореволюционных карт других полилингвальных городов (Йошкар-Олы, Саранск, Уфы и др.) показывает, что для них также были характерны все вышеперечисленные особенности.

Советский период истории страны не привел к существенному изменению сложившейся до революции практики.

Количество отапеллятивных урбанонимов, образованных в советскую эпоху от основ местного языка, по-прежнему было крайне невелико. В справочнике «Казанских улиц имена» [Амиров] приводятся единичные примеры подобных названий. Например, в 1927 году на карте Казани появились урбанонимы: *улица Ирек (Ирэк)* ('воля, свобода' [Амиров, 2008, с. 204]), *улица Кунче*

(*Кунчи*) ('кожевенник': «улица находится в районе, где в XVIII–XIX вв. располагалась слобода татарских кожевенников, изготавливавших традиционную национальную обувь (ичиги, чувяки и др.)» [Амиров, 2008, с. 265]), *улица Тимер Юл* ('железная дорога' [Амиров, 2008, с. 467]), *Эш Урам* ('улица труда' [Амиров, 2008, с. 563]), *улица Яшьляр* ('молодежь, молодежная' [Амиров, 2008, с. 576]), в 1929 г. – годоним *улица Сабан* ('плуг, пахотный, яровой': «наименование улицы произошло от названия древнего поля, где устраивались праздники Сабантуя в Заречье» [Амиров, 2008, с. 416], то есть, возможно, в данном случае оним образован от микротопонима). По-прежнему немногочисленными отапеллятивными урбанонимы оставались и в 1950–1970-е гг. Так, в 1957 г. появился годоним *Тар Урам* ('узкая улица' [Амиров, 2008, с. 464]), в 1962 г. – *переулок Якты Юл* ('светлый путь' [Амиров, 2008, с. 568]) и *улица Яшь Кыч* ('молодая сила' [Амиров, 2008, с. 576]), в 1971 г. – *Юл Урам* ('дорожная улица' [Амиров, 2008, с. 566]). В других полилингвальных городах, материалы об урбанонимии которых нам доступны (Альметьевск, Владикавказ, Йошкар-Ола, Набережные Челны, Уфа и ряд других), нам не встретились случаи образования отапеллятивных урбанонимов от основ местного языка.

Активное развитие в советский период получила традиция создавать персональные меморативы в честь местных жителей. С их помощью произошло увеличение доли урбанонимов, образованных от онимических основ местных языков. Если в 1920–1940-е гг. количество подобных названий было незначительно, то в 1950–1980-е гг. оно стало постепенно увеличиваться. В первый период среди меморативов преобладали урбанонимы в честь местных революционеров и героев Гражданской войны, а во второй период – городские топонимы увековечивали память о деятелях культуры, ученых, участниках Великой Отечественной войны. Эта особенность номинации объекта отражала общероссийские тенденции в области создания урбанонимов.

4. Постсоветский этап развития системы урбанонимов полилингвальных городов

Онимическая модель полилингвального города начала формироваться в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Ее развитие непосредственно связано с утратой общефедеральных идеологических установок в области наименования внутригород-

ских объектов и началом активного формирования местной национальной идентичности.

Основной особенностью развития полилингвальных урбанонимических систем стало обязательное написание любого внутригородского названия на двух государственных языках: русском и языке той республики, в которой создано название: *улица Рябинина / Рябинин урем* (Йошкар-Ола), *улица Советская / Советский урем* (Йошкар-Ола), *набережная Кремлевская / Кремль яр буе* (Казань), *переулок Загадочный / Загадочный тыкрыгы* (Казань), *улица Комсомольская / Комсомол урамы* (Стерлитамак). Эта особенность может быть зафиксирована в реестрах наименований внутригородских объектов, где написание годонимов и агоронимов, как правило, приводится на двух языках: русском и государственном языке соответствующей республики. Так, в Реестре названий улиц города Казани указаны два варианта написания каждого урбанонима на русском и татарском языках: *улица Абая Кунанбаева / Абай Кунанбаев урамы*, *улица Абжалилова / Эбжэлилов урамы*, *Авангардная улица / Авангард урамы* и т. д. [О реестре названий]. Аналогичную картину мы наблюдаем и в списке названий внутригородских объектов Альметьевска. Следует отметить, что в большинстве национальных республик Российской Федерации в местном законодательстве отсутствует норма об обязательном включении в реестры двух вариантов наименования объектов, что, на наш взгляд, не является оправданным, так как может создавать разнобой в написании одних и тех же урбанонимов на аншлагах домов, в рекламе и СМИ. Так, в реестрах названий Махачкалы, Элисты и Чебоксар, а также некоторых городов Республики Татарстан все названия указаны исключительно на русском языке, варианты названий на государственном языке республики отсутствуют.

В постановлениях о наименовании новых внутригородских объектов может приводиться два варианта написания названия. Так, в решении Казанской городской думы № 6-37 от 29.10.2014 г. «О наименовании улиц города Казани» указано: «Присвоить вновь формируемым улицам жилого комплекса «Седьмое небо» Советского района г. Казани следующие наименования (приложение): 1.1. улице №1 – имя Героя Советского Союза, Почетного гражданина Казани Ахтямова Сабира Ахтямовича и впредь именовать ее: «*Сабир Әхтәмөв урамы – улица Сабира Ахтямова*»; 1.2. улице №2 – имя Героя

Советского Союза, Почетного гражданина Казани Полушкина Петра Алексеевича и впредь именовать ее: «**Петр Полушкин урамы – улица Петра Полушкина**».

В постсоветский период истории страны развитие систем урбанонимов полилингвальных городов могло происходить по двум основным моделям.

Первая модель развития была реализована в Казани, где отказались от тотального переименования существующих внутригородских объектов. Формирование новой – татарской – идентичности происходило с помощью создания новых урбанонимов на территориях, которые присоединялись к черте города. Среди топонимов и агронимов постсоветского периода встречаются как отонимические образования, среди которых преобладают персональные меморативы, так и отапеллятивные названия: *улица Узянле* ('долинная, низменная' [Амиров, 2008, с. 490]); *Тар урам* ('узкая улица' [Амиров, 2008, с. 464]); *улица Яшьляр* ('молодежь, молодость' [Амиров, 2008, с. 576]); *улица Науруз* ('новогодний праздник по солнечному (иранскому) календарю' [Амиров, 2008, с. 340]); *Эш урам* ('улица труда' [Амиров, 2008, с. 563]); *улица Кемеш* ('серебро, серебряный' [Амиров, 2008, с. 233]), *улица Кояшлы* ('солнечная, светлая' [Амиров, 2008, с. 249]) и др.

Вторая модель развития была реализована во многих республиках Кавказа, которые при формировании региональной идентичности активно использовали процесс переименования внутригородских объектов. С его помощью осуществлялось устранение советских меморативов, происходила их замена на названия, увековечивавшие местных известных людей. Так, В. К. Тхакахов отмечал, что в 1990–2000-е гг. в Нальчике наблюдался «процесс идеологической деколонизации – происходит расставание с символами Октябрьской революции и советскости, сопровождаемое мемориализацией в городском пространстве бывших партийных хозяйственных и общественных деятелей, участников ВОВ местного масштаба» [Тхакахов, 2018, с. 76].

В ряде регионов процесс переименования внутригородских объектов носил тотальный характер: с карт населенных пунктов было устранено значительное количество названий. Так, в Махачкале свои названия сменили многие внутригородские объекты: в 1996 году *проспект Калинина* был переименован в *проспект Имама Шамиля*, *проспект Кирова* – в *проспект Гамидо-*

ва, *проспект Карла Маркса* – в *проспект Алигаджи Акушинского*, а в 2005 году *проспект Ленина* – в *проспект Расула Гамзатова* и т. д. Особенно активным данный процесс был в Чечне, где в 1990–2000-е гг. прошло два этапа смены названий: первый происходил во времена существования «независимой» Чеченской республики Ичкерия, второй – после восстановления в регионе статуса полноправного члена Российской Федерации [подробнее об этом см.: Головлёв].

В других регионах процесс десоветизации городов был менее активным. Так, во Владикавказе свои названия сохранили многие внутригородские объекты: из 11 площадей и 12 скверов и парков, упомянутых в справочнике А. Н. Кадыкова, ни один объект не изменил своего наименования, из 3 проспектов лишь один приобрел новое имя: в 1992 году *проспект Ноя Буачидзе* («Буачидзе Самуил Григорьевич (партийный псевдоним Ной) (1882–1918), деятель российского революционного движения, один из руководителей борьбы за советскую власть на Северном Кавказе» [Кадыков, 2010, с. 402]) стал *проспектом Коста (К. Л. Хетагурова)* («Хетагуров Коста (Константин) Леванович (1859–1906) – осетинский поэт, просветитель, общественный деятель, революционный демократ. Основоположник осетинской литературы» [Кадыков, 2010, с. 400]). Аналогичную картину мы наблюдаем и в Набережных Челнах, где поменялись урбанонимы у 6 объектов: Ленинский проспект получил название *проспект Сююмбике* («Сююмбике (Сююмбике, Сююнь-бике – «радость-девица» (1516–1554) – правительница Казанского ханства в 1549–1551 годах» [Казаков, 2005, с. 38]), проспект 50-летия Октября – *проспект Хасана Туфана* («Хасан Фахриевич Туфан (1900–1981) – выдающийся поэт, один из основоположников татарской советской поэзии» [Казаков, 2005, с. 42]), Ленинградский проспект – *Чулман проспекты* («Чулман – тюркское название реки Кама» [Казаков, 2005, с. 46]), Комсомольский проспект – *Яшьлек проспекты* ('молодежный проспект': «Постановлением мэрии г. Набережные Челны РТ № 300/2 от 3 мая 1992 года проспект Комсомольский переименован в Яшьлек проспекты (Молодежный проспект). Бывший проспект Комсомольский был назван в честь молодежи комсомольской организации КАМАЗа, которая преобладала в период строительства города и комплекса заводов» [Казаков, 2005, с. 58]), улица 50-летия Октября – *Мәчет урамы* («На улице расположена мечеть (от арабского «аль-

масджид» – место поклонения) – мусульманское культовое сооружение» [Казаков, 2005, с. 109]).

По мнению исследователей, не все замены меморативов в национальных республиках были сопоставимы по значимости. Так, В. К. Тхакахов привел пример переименования *улицы Гагарина* в Нальчике: «Самый резонансный пример неэквивалентного обмена символами в Нальчике произошел в 2007 г., когда одну из улиц города – Гагарина переименовали в улицу Идарова. Несопоставимость фигур, их вклада в отечественную историю изначально была очевидна. Однако политическая целесообразность в глазах правящего класса оказалась более значимой, чем культурный капитал Советской России, который позволил стране стать пионером в космических полетах» [Тхакахов, 2018б, с. 79].

Как видно из приведенных примеров, во многих полилингвальных городах при формировании региональной идентичности в постсоветский период истории стал использоваться советский номинативный стереотип: большинство вновь образованных названий являются персональными меморативами, увековечивающими память об уроженцах соответствующей национальной республики.

5. Заключение

Проведенный нами анализ внутригородских названий полилингвальных городов позволил, на наш взгляд, выявить общие закономерности формирования данной онимической модели. Знание о типологических особенностях развития урбанонимических систем позволит выявлять особенности онимических систем отдельных городов, показать, какие из них являются типичными для подобных населенных пунктов, а какие характеризуют лишь данную систему.

Библиографический список

1. Амиров К. Ф., Ахметзянова Р. Х., Вениаминов Р. Г. Казанских улиц имени. Казань : Центр инновационных технологий, 2008. 592.
2. Архипов А. М. Функциональная типология городов Центральной России // Вестник Академии. 2010. № 2. С. 47–51.
3. Воронин И. Д. Старинная микротопонимия города Саранска // Ономастика Поволжья 2 (материалы II Поволжской конференции по ономастике) / отв. ред. Т. А. Исаева, В. А. Никонов. Горький : [б. и.], 1971. С. 264–266.
4. Гареева Г. Г., Камалов А. А. Топонимия улиц Уфы // Ономастика Поволжья: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Д. В. Цыганкин, В. А. Никонов. Саранск : Издательство Мордовского университета, 1986. С. 87–91.
5. Головлёв А. А. К двухсотлетию юбилею Грозного: урбанонимия и микротопонимия Статья 1. Классификация урбанонимов и этапы их переименования // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2017. № 5 // URL: <https://regrazvitie.ru/k-dvuhstolletnemu-yubileyu-groznogo-urbanonimiya-i-mikrotoponimiya-statya-1-klassifikatsiya-urbanonimov-i-etapy-ih-pereimenovaniya/> (дата обращения 15.01.2021)
6. Данилова Д. В., Прокшиц Е. Е., Золотухина Я. А. Градостроительная типология городов Воронежской области как вектор устойчивого развития региона // Научный журнал. Инженерные системы и сооружения. 2021. № 2. С. 42–48.
7. Донецкий региолект: монография / под ред. В. И. Теркулова. Донецк : Фолиант, 2018. 265 с.
8. Ерина Т. Н., Фомин Э. В. Говорят Чебоксары (Шупашкар каласать). Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2021. 168 с.
9. Исмаилова Г. Х. Языковые особенности наглядно-информационной атрибутики города в рамках реализации закона о языках Республики Татарстан: на примере казанских урбанонимов. Казань : [б. и.], 2011. 22 с.
10. Кадыков А. Н. Улицы, переулки, площади и проспекты г. Владикавказа : справочник. Владикавказ : Респект, 2010. 512 с.
11. Казаков Б. В. Улицы нашего города. Набережные Челны, 2005 г. 240 с.
12. Красильникова Е. В. Язык города как лингвистическая проблема // Живая речь уральского города. Свердловск: Уральский государственный университет, 1988. С. 5–18.
13. Куклин В. Н. Биографии саранских улиц. Саранск : Мордовское книжное издательство, 1990. 320 с.
14. Манаева И. В. Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 7. С. 1235–1249.
15. О Реестре названий улиц города Казани: Постановление Исполнительного комитета г. Казани от 3 февраля 2016 года № 286 (с изменениями и дополнениями на 18.03.2021). URL : <https://docs.cntd.ru/document/446524353> (дата обращения: 12.02.2022).
16. Пушкарёва Ю. Г., Доржиева Г. С. Улицы города Улан-Удэ: история и современность. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2016. 168 с.
17. Разумов Р. В. Русская урбанонимия: Полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 387 с.
18. Разумов Р. В. Типология моделей урбанонимических систем Российской Федерации // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4. С. 121–125.

19. Старовойтов М. К. Медведева Л. Н. Типология городов: эволюция и многогранность подходов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2008. № 6. С. 71–75.

20. Тхакахов В. Х. Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. 2019а. № 2. С. 40–49.

21. Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Владикавказа // Дискурс. 2019б. Т. 5. № 6. С. 108–119.

22. Тхакахов В. Х. Идентичность и память в урбанонимах Магаса // Общество. Среда. Развитие. 2018а. № 3. С. 62–67.

23. Тхакахов В. Х. Топонимическая трансформация идентичности и памяти в КБР: Нальчик // Научная мысль Кавказа. 2018б. № 4. С. 73–80.

24. Узигов Ю. Уфимских улиц имена. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2007. 320 с.

25. Улицы Улан-Удэ – памятники истории: словарь-справочник. Изд. 2-е, доп. / отв. ред. В. В. Номогоева; сост. Г. С. Доржиева, Ю. Г. Пушкарева, А. В. Жарникова, А. Э. Гармаева. Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2014. 432 с.

26. Фазылова Г. Р., Абдуллина Г. Р. Названия первых улиц Стерлитамака (лингвистический анализ) // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 1. С. 155–159.

27. Юнаковская А. А. Формирование лингвокультурологического поля сибирских городов одного региона: Тара и Омск (на основе лингвистических данных). Омск : Издательство Омского государственного университета, 2008. 304 с.

28. Язык большого города: медиаурбанистический дискурс в России и Китае: коллективная монография / под общ. ред. проф. О. А. Леонтович. Москва : Гнозис, 2022. 288 с.

Reference list

1. Amirov K. F., Ahmetzjanova R. H., Veniaminov R. G. Kazanskijh ulic imena = The names of Kazan streets. Kazan' : Centr innovacionnyh tehnologij, 2008. 592.

2. Arhipov A. M. Funkcional'naja tipologija gorodov Central'noj Rossii = Functional typology of Central Russian cities // Vestnik Akademii. 2010. № 2. S. 47–51.

3. Voronin I. D. Starinnaja mikrotoponimija goroda Saranska = Old Saransk microtoponymy // Onomastika Povolzh'ja 2 (materialy II Povolzhskoj konferencii po onomastike) / отв. ред. Т. А. Isaeva, В. А. Nikonov. Gor'kij : [b. i.], 1971. S. 264–266.

4. Gareeva G. G., Kamalov A. A. Toponimija ulic Ufy = Ufa streets toponymy // Onomastika Povolzh'ja: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov / отв. ред. D. V. Cygankin, V. A. Nikonov. Saransk : Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 1986. S. 87–91.

5. Golovljov A. A. K dvuhstoljetnemu jubileju Groznogo: urbanonimija i mikrotoponimija Stat'ja 1. Klassifikacija urbanonimov i jety ih pereimenovaniya = Toward Grozny's bicentennial: urbanonymy and microto-

ponymy Article 1. Classification of urbanonyms and the stages of their renaming // Regional'noe razvitie: elektronnyj nauchno-praktičeskij zhurnal. 2017. № 5 // URL: [https://regrazvitie.ru/k-dvuhstoljetnemu-yubileju-groznogo-urbanonimija-i-mikrotoponimija-statya-1-klassifikatsiya-urbanonimov-i-etapy-ih-pereimenovaniya/\(data-obrashhenija-15.01.2021\)](https://regrazvitie.ru/k-dvuhstoljetnemu-yubileju-groznogo-urbanonimija-i-mikrotoponimija-statya-1-klassifikatsiya-urbanonimov-i-etapy-ih-pereimenovaniya/(data-obrashhenija-15.01.2021))

6. Danilova D. V., Prokshic E. E., Zolotuhina Ja. A. Gradostroitel'naja tipologija gorodov Voronezhskoj oblasti kak vektor ustojchivogo razvitija regiona = Urban typology of Voronezh regional cities as a vector of sustainable regional development // Nauchnyj zhurnal. Inženernye sistemy i sooruzhenija. 2021. № 2. S. 42–48.

7. Doneckij regiolekt = Donetsk regiolect : monografija / pod red. V. I. Terkulova. Doneck : Foliant, 2018. 265 s.

8. Erina T. N., Fomin Je. V. Govorjat Cheboksary (Shupashkar kalaçat') = Cheboksary speaking (Shupashkar kalaçat). Cheboksary : Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2021. 168 s.

9. Ismagilova G. H. Jazykovye osobennosti nagljadno-informacionnoj atributiki goroda v ramkah realizacii zakona o jazykah Respubliki Tatarstan: na primere kazanskijh urbanonimov. = Linguistic characteristics of urban visual and informational attributes in implementing the Republic of Tatarstan's Law on Languages: based on Kazan urbanonyms. Kazan' : [b. i.], 2011. 22 s.

10. Kadykov A. N. Ulicy, pereulki, ploshhadi i prospekty g. Vladikavkaza = Streets, alleys, squares and avenues of Vladikavkaz : spravocnik. Vladikavkaz : Repekt, 2010. 512 s.

11. Kazakov B. V. Ulicy nashego goroda = The streets of our city. Naberezhnye Chelny, 2005 g. 240 s.

12. Krasil'nikova E. V. Jazyk goroda kak lingvisticheskaja problema = City language as a linguistic issue // Zhivaja rech' ural'skogo goroda. Sverdlovsk: Ural'skij gosudarstvennyj universitet, 1988. S. 5–18.

13. Kuklin V. N. Biografii saranskijh ulic = Biographies of Saransk streets. Saransk : Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990. 320 s.

14. Manaeva I. V. Goroda Rossii: klassifikacija i tipologija = Russian cities: classification and typology // Regional'naja jekonomika: teorija i praktika. 2018. T. 16. № 7. S. 1235–1249.

15. O Reestre nazvanij ulic goroda Kazani = On the register of Kazan street names: Postanovlenie Ispolnitel'nogo komiteta g. Kazani ot 3 fevralja 2016 goda № 286 (s izmenenijami i dopolnenijami na 18.03.2021) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/446524353> (data-obrashhenija: 12.02.2022).

16. Pushkarjova Ju. G., Dorzhieva G. S. Ulicy goroda Ulan-Udže: istorija i sovremennost' = Streets of Ulan-Ude: history and modernity. Ulan-Udže : Izd-vo VSGUTU, 2016. 168 s.

17. Razumov R. V. Russkaja urbanonimija: Polevaja organizacija, modeli nominacii, sociolingvisticheskie osobennosti funkcionirovanija = Russian urbanonymy: Field organization, nomination models, sociolinguistic

functioning characteristics. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 387 s.

18. Razumov R.V. Tipologija modelej urbanonimicheskikh sistem Rossijskoj Federacii = Typology of urbanonymic system models of the Russian Federation // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2016. № 4. S. 121–125.

19. Starovojtov M. K. Medvedeva L. N. Tipologija gorodov: jevoljucija i mnogogrannost' podhodoj = City typology: evolution and multifaceted approaches // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2008. № 6. S. 71–75.

20. Thakahov V. H. Identichnost' i pamjat' v toponimicheskoi politike Chechni = Identity and memory in Chechen toponymic policy // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2019a. № 2. S. 40–49.

21. Thakahov V. H. Identichnost' i pamjat' v urbanonimakh Vladikavkaza = Identity and memory in Vladikavkaz urbanonyms // Diskurs. 2019b. T. 5. № 6. S. 108–119.

22. Thakahov V. H. Identichnost' i pamjat' v urbanonimakh Magasa = Identity and memory in Magas urbanonyms // Obshhestvo. Sreda. Razvitie. 2018a. № 3. S. 62–67.

23. Thakahov V. H. Toponimicheskaja transformacija identichnosti i pamjati v KBR: Nal'chik = Toponymic

transformation of identity and memory in the KBR: Nal'chik // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2018b. № 4. S. 73–80.

24. Uzikov Ju. Ufimskih ulic imena = Ufa street names. Ufa : Ufimskij poligrafkombinat, 2007. 320 s.

25. Ulicy Ulan-Udže – pamjatniki istorii = Ulan-Ude streets are historical memorials : slovar'-spravochnik. Izd. 2-e, dop. / otv. red. V. V. Nomogoeva; sost. G. S. Dorzhieva, Ju. G. Pushkarjova, A. V. Zharnikova, A. Je. Garmaeva. Ulan-Udže : Izdatel'stvo Burjatskogo gosuniversiteta, 2014. 432 s.

26. Fazylova G. R., Abdullina G. R. Nazvanija pervykh ulic Sterlitamaka (lingvisticheskij analiz) = The first Sterlitamak street names (linguistic analysis) // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2019. T. 24. № 1. S. 155–159.

27. Junakovskaja A. A. Formirovanie lingvokul'turologicheskogo polja sibirskih gorodov odnogo regiona: Tara i Omsk (na osnove lingvisticheskikh dannyh) = Forming a linguocultural field of Siberian cities in the same region: Tara and Omsk (on the basis of linguistic data). Omsk : Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 304 s.

28. Jazyk bol'shogo goroda: mediaurbanisticheskij diskurs v Rossii i Kitae = A big city language: media urbanistic discourse in Russia and China : kollektivnaja monografija / pod obshh. red. prof. O. A. Leontovich. Moskva : Gnozis, 2022. 288 s.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81`23

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_127

EDN: SYXHRQ

Метод психолингвистического анализа для выявления маркеров самооправдания в письме преступника

Ирина Михайловна Доронина

Кандидат филологических наук, старший преподаватель института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета, Московский институт электронной техники. 124498, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, д. 1

doronina.im@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7326-8064>

Аннотация. В лингвистической традиции толкование самооправдания, как правило, представляется как оправдание своего поведения и своих поступков. Современная психология связывает данный концепт с психологическими стратегиями, применяемыми для снятия с себя вины, очищения совести, перекладывания ответственности на третьих лиц. Самооправдание транслируют также как склонность человека оправдывать собственные действия, чтобы сохранить самооценку.

Психолингвистическим методом с элементами контент-анализа в статье проанализирована переводная версия письма американского массового убийцы Джона Листа на предмет морального самооправдания в условиях только что совершенного аморального действия (убийства семьи).

Используя инструментарий сайта seolik.ru был получен ряд количественных показателей, демонстрирующих, что автор раскован, не испытывает аффективных или фрустрирующих эмоциональных переживаний. Установлена высокая вероятность его нахождения в состоянии вменяемости при явных проявлениях симптомов психопатии (данный тезис в силу невозможности провести медицинское освидетельствование высказан исключительно в качестве предположения). Контент-анализ (экспресс) выявил лексемы, свидетельствующие об эгоцентризме автора – неумении придавать значение отличной от его точки зрения.

Качественным психолингвистическим методом произведена маркировка текста-вербализатора психологической защиты (эпизоды самооправдания), определены элементы психологических игр («Почему бы Вам не... Да, но» (защита детского «эго»), «Психиатрия» (когда человек использует свои травмы, чтобы добиться нужной реакции) и некоторые акцентуированные личностные черты адресанта (нарциссическую, параноидную).

Примененные методы, взаимодействуя между собой, подчеркивают актуальность исследований в области выявления криминального подтекста: в частности, морального самооправдания преступника в условиях совершенного им аморального действия.

Ключевые слова: психолингвистический анализ; криминальный подтекст; юрислингвистика; психолингвистика; лингвистическая экспертиза; экспертиза текста; контент-анализ

Для цитирования: Доронина И. М. Метод психолингвистического анализа для выявления маркеров самооправдания в письме преступника // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 127–134. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_127. <https://elibrary.ru/SYXHRQ>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Psycholinguistic analysis to identify markers of self-justification in a criminal's letter

Irina M. Doronina

Candidate of philological sciences, senior lecturer, institute of high-tech law, social sciences and humanities, National research university, Moscow institute of electronic technology. 1244498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1

doronina.im@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-7326-8064>

Abstract. According to linguistic tradition, the interpretation of self-justification is presented as an excuse for one's behavior and actions. Modern psychology connects this concept with psychological strategies used to absolve oneself of guilt, purify conscience, and shift responsibility to third parties. Self-justification is also translated as a person's tendency to justify their own actions in order to maintain self-esteem.

Using the psycholinguistic method with elements of content analysis, the author analyzes a translated letter of the American mass killer John List regarding moral self-justification in the context of a just committed immoral act (murder of his family). The tools of the website seolik.ru helps to obtain a number of quantitative indicators that the author of the letter is relaxed and does not experience affective or frustrating emotional distress. There is a high probability that he is sane with obvious symptoms of psychopathy (this is a pure assumption as it is impossible to conduct a medical examination). The express content analysis reveals lexemes indicative of the author's egocentrism – the inability to pay attention to a point of view that is different from his.

A qualitative psycholinguistic method was used to mark text-verbalizers of psychological defense (episodes of self-justification), to identify elements of psychological games («Why don't you... Yes, but» (protection of the child's «ego»), «Psychiatry» (when a person uses their injuries to achieve the desired reaction) and some accentuated personal traits of the addresser (narcissistic, paranoid).

The methods used, interacting with each other, emphasize the relevance of the research in identifying criminal implications: in particular, the offender's moral self-justification in the context of the committed immoral action.

Key words: linguistic and semantic analysis; criminal implication; legal linguistics; psycholinguistics; linguistic expertise; text expertise; content analysis

For citation: Doronina I. M. Psycholinguistic analysis to identify markers of self-justification in a criminal's letter. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2023;(2):127–134. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_127. <https://elibrary.ru/SYXHRQ>

Введение

В юриспруденции психолингвистический анализ часто применяется для объективной оценки вербальной информации, получаемой из внешних источников: СМИ, социальных сетей, телефонных переговоров, писем, записок, дневников и других документов, входящих в состав материалов дел подозреваемых / потерпевших. Задачей анализа в перечисленных ситуациях является лингвистическая экспертиза [Баранов, 2020; Желтухина, 2011] продуктов речевой деятельности в различных коммуникативных условиях, чаще всего конфликтных, эмоциогенных, с применением знакового кодирования или использованием искусственного языка. Как правило, психолингвистический анализ предполагает работу с глубинным разбором сообщений, однако в ряде случаев имеет смысл и визуальный анализ документов (экспресс-анализ), в частности, когда эксперт имеет ограниченное количество времени для ознакомления с материалом. «С диагональным чтением мы получаем некоторый набор основных мыслей, обобщающих смысл документа. Получив общее представление о значении документа, мы интегрируем его как неотъемлемый объект в нашу ментальную систему понятий и, при необходимости, можем „извлечь“ его для более детального изучения» [Вицентий, Шишаев, Диковицкий, 2018]. А. В. Вицентий, М. Г. Шишаев, В. В. Диковицкий называют этот процесс «быстрым пониманием». Благодаря такому подходу, считают они,

резонно применять визуальный анализ для исследования семантики текстовых документов [Вицентий, Шишаев, Диковицкий, 2018].

В то же время Дж. Филд обращает внимание на то, что быстрая последовательная визуальная презентация (БПВП) не допускает регрессий (связанных с характеристиками мгновенной памяти), которые при нормальном чтении играют важную роль в репрезентации значения [Филд, 2012, с. 39], а следовательно могут снижать способность воспринимать подтекст сообщения, что недопустимо при рассмотрении писем (и любых других форм изложения текста) преступников.

Методы исследования

Психолингвистический метод в совокупности с элементами контент-анализа фатических и информационных текстов сообщений (вербальных и невербальных) помогает эксперту создать заключение с глубинной проработкой установленной проблемы [Енгальчев, Моисеева, Моисеев, 2015, с. 39–45]. «Общий метод психолингвистики заключается в том, чтобы на основе исследования формальных (лингвистических, текстовых, фонетических, стилистических и пр.) и неформальных (содержательных, смысловых, интенциональных и др.) характеристик текста (либо поведения, представленного как текст) определить отдельные психологические черты породившего его человека либо, в идеале, его целостный психологический портрет» [Енгальчев, 2001, с. 399–406]. В исследовании данные мето-

ды используются для выявления вербальных характеристик текста, содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. «Содержательно-фактуальная информация представляет собой сообщения о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом», – пишет И. Р. Гальперин [Гальперин, 1981, с. 27]. В свою очередь «содержательно-концептуальная информация сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами СФИ (содержательно-фактуальной информации. – И. Д.), понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [Гальперин, 1981, с. 27]. Доказано, что, произнося высказывание, говорящий упаковывает «многомерное содержание в линейную структуру речевого акта» [Баранов, 2020, с. 40], тем самым «существенная часть смысла высказывания и текста приходится на имплицитные слои плана содержания» [Баранов, 2020, с. 42], которые в ряде случаев невозможно выявить при диагональном чтении.

Результаты исследования

Для анализа неявного наличия самооправдания выбрано письмо Джона Листа, который 7 декабря 1971 года убил свою семью, после чего написал письмо своему пастору, в котором объяснил, как «во имя Господа он совершил то, что совершил» [Дуглас, Олшейкер, 2020, с. 213]. Самооправдание будем понимать как склонность человека оправдывать собственные действия, с тем чтобы сохранить свою самооценку [Жмуров, 2012].

Убийство произошло в Нью-Джерси. Жертвами Джона Листа стали его жена Хелен, дочь Патрисия и двое сыновей – Джон-младший и Фредрик. Детально это преступление описано в книге Д. Дугласа и М. Олшейкера «Почему они убивают?» [Дуглас, Олшейкер, 2020].

Содержание фрагмента письма Джона Листа приводим из переводной версии названной книги.

«Дорогой пастор Ревинкель:

Мне очень жаль добавлять еще и этот груз к вашей нелегкой ноше. Я знаю, что поступил неправильно с учетом всего, чему меня учили, и

что никакие объяснения с моей стороны уже не исправят. Но вы единственный человек, который, я знаю, пускай и не простит меня, но хотя бы попытается понять, что я чувствовал, когда шел на это.

1. Я не зарабатывал и половины той суммы, которая нужна, чтобы содержать семью. Все, за что я брался, не удавалось. Нам грозило банкротство и жизнь на пособие.

2. И это ведет меня к следующему пункту. Зная район, в котором мы жили, плюс среду, в которой росли наши дети, плюс то, какое влияние оказал бы на них переход на пособие, я понял, что они не выдержат этого и не должны выдерживать. Я знал, что они не против экономить, но речь шла о гораздо больших жертвах.

3. Пат была решительно настроена стать актрисой, и я боялся, что это помешает ей оставаться доброй христианкой. Уверен, профессия ей бы навредила.

4. Поскольку Хелен не ходила в церковь, я знал, что это подорвет веру детей в Господа. Я продолжал надеяться, что вскоре она начнет туда ходить. Но когда я сообщил ей, что мистер Джутц хочет заглянуть к нам, она рассмеялась и заявила, что лучше бы ему вычеркнуть ее имя из церковных списков. Опять же плачевный эффект на веру детей.

Итак, на этом все. С каким-нибудь одним обстоятельством из этого списка мы еще сумели бы справиться, но всего вместе оказалось слишком много. По крайней мере, я уверен, что все они теперь на небесах. Если бы так продолжалось дальше, кто знает, попали бы они туда или нет.

Конечно, мама тоже пошла за ними, потому что то, что я сделал со своей семьей, стало бы для нее громадным потрясением в такие годы. Поэтому, зная, что она добрая христианка, я решил, что лучше будет освободить ее от тягот этого мира, которые сильно ударили бы по ней.

Когда все было конечно, я прочитал за них молитвы из книги гимнов. Это было самое малое, что я мог сделать.

Теперь последние распоряжения:

Хелен и дети согласились, что предпочли бы кремацию. Пожалуйста, проследите, чтобы ее цена не была слишком высокой».

Далее в письме дается дополнительная фактуальная информация, в конце Джон Лист несколько абзацев посвящает тому, какую концепцию следует избрать при осмыслении «памяти о нем

самом».

«Что касается меня, прошу меня вычеркнуть из списков паствы. Я отдаю себя в руки Господа и уповаю на его милость. Я не сомневаюсь, что он мог бы помочь нам, но, судя по всему, не счел необходимым ответить на мои молитвы таким образом, как я надеялся. Это наводит меня на мысль, что я избрал единственно возможный выход, по крайней мере, касательно душ наших детей. Я знаю, что им предстояло прожить еще много лет, но, если бы они перестали быть христианами, какой в этом был бы смысл?»

Я уверен также, что многие будут говорить: «Как человек мог совершить такой страшный поступок?» Мой единственный ответ, что мне тоже пришлось нелегко, и я долго это обдумывал...

Джон пострадал больше всех, потому что мучился дольше. Остальные умерли без боли. Джон, правда, тоже находился без сознания.

Прошу, поминайте меня в своих молитвах. Они мне понадобятся вне зависимости от того, исполнит ли государство свой долг в моем отношении или нет. Я стремлюсь примириться с Господом и уверен в этом, потому что Христос умер в том числе и за меня.

P.S. Мама лежит в кладовой на чердаке – на третьем этаже. Она была слишком тяжелая, чтобы ее перетаскивать. Джон».

Эксплицитно данный текст представляет собой, с одной стороны, исповедь, с другой – практическое руководство для дальнейших действий по захоронению убитых людей. Имплицитно «исповедь» является «письмом самому себе» с целью морального самооправдания в условиях совершенного аморального действия с перекладыванием ответственности на третьих лиц. Выдвинем это утверждение гипотезой.

Д. Дуглас и М. Олшейкер отмечают, что Джон Лист был бухгалтером: «И похоже, неплохим: он отлично разбирался в цифрах». При этом, говорят Дуглас и Олшейкер, в его психике принято было делить все на черное и белое, хорошее и плохое. Он не знал, что такое амбивалентность, которая, как известно, считается признаком целостности личности. Способность видеть предмет с разных точек зрения не позволил бы здравомыслящему человеку относиться серьезно, к примеру, к намерениям шестнадцатилетней дочери стать актрисой (впрочем, даже если это так, то эксплицитно в этом нет криминальной составляющей) [Дуглас, Олшейкер, 2020]. Кроме

того, Лист не способен прочувствовать эмоции окружающих его людей (характерная особенность психопата [Кулик, 2022, с. 25]), что подчеркивается безэмоциональным сообщением о смерти собственного ребенка: «Джон пострадал больше всех, потому что мучился дольше».

Используя инструментарий сайта seolik.ru, мы получили следующие количественные показатели по тексту письма Дж. Листа (Таблица 1).

Таблица 1

Количество символов	3285
Количество символов без пробелов	2753
Количество слов	537
Количество стоп-слов (1)	339
Заспамленность текста	5.77 %
Водность (2)	63.13 %
Классическая тошнота (3)	2.65 %
Академическая тошнота	3.38 %

Показатель «водности» (63.13 %) свидетельствует о том, что автор письма многословен, следовательно, раскован и не испытывает аффективных или фрустрирующих эмоций. Водность указывает на болтливость и поверхностность – также важные симптомы психопатии [Хаэр, 2021, с. 48]. Восприятие может сигнализировать, что «психопат играет роль, машинально произнося заученные фразы» [Хаэр, 2021, с. 48]. Деление текста на смысловые части указывает на то, что адресат находится в состоянии вменяемости и относится к паранойальному радикалу [Пономаренко, 2019] (без заключения психотерапевта утверждать данный тезис невозможно, поэтому мы высказываем лишь предположение).

Анализ самых часто употребляемых Дж. Листом слов (Таблица 2) подтверждает вышесказанное и демонстрирует нарциссическую акцентуацию автора (патологическую структуру «Я» [Фрейд, 2009; Жмурин, Корнейчик, 2022]). Это подчеркивает склонность Листа оправдываться – прежде всего перед самим собой. Преувеличенное мнение о себе, о праве решать за других репрезентируется лексемами *знаю* и *уверен*. Троекратное упоминание собственного имени *Джон* также свидетельствует об эгоцентризме.

Таблица 2

Слово	Вхождений	Частотность
знаю, знал, зная	7	1.30 %
дети, детей	5	0.93 %
уверен	4	0.74 %
джон	3	0.56 %
молитвы, молитвах	3	0.56 %
списка, списков	3	0.56 %
господа, господом	3	0.56 %
единственный, единственно	3	0.56 %

Вот что пишут Д. Дуглас и М. Олшейкер: «Многие, если не все убийцы, <...> рассказывая о своих преступлениях, находили, кого за них винить: мать, жену, начальника, политический заговор, общество в целом – кого или что угодно, вписывающихся в их *эмоциональный контекст* (курсив автора статьи). Контекст Листа – то, как он видел себя и мир вокруг – подразумевал, что он праведный, верующий и богобоязненный, поэтому свою вину он переложил, ни больше ни меньше, на Господа Бога» [Дуглас, Олшейкер, 2020, с. 217].

В Таблице 2 выявлено частое упоминание имени Господа и лексемы *молитва*, а в Таблице 3 указана частотность употребления личных местоимений *я* (24) и *меня, мне, моей, моем, мои, мой* (в общей сложности – 15 случаев).

Таблица 3

Слово	Вхождений	Частотность
меня	8	1.49 %
мне	3	0.56 %
моей	1	0.19 %
моем	1	0.19 %
мои	1	0.19 %
мой	1	0.19 %
я	24	4.47 %

Частое употребление указанных местоимений выявляет уверенность адресата в правильности принятых им решений, безапелляционность.

Осмысление текста письма Дж. Листа с применением глубинного психолингвистического анализа указывает на то, что автору свойственны

такие качества, как «эмоциональная (часто агрессивная) реакция на конструктивную критику; нежелание признавать справедливость чужого мнения; стремление оставить последнее слово за собой в любом споре или конфликте (даже если высказывание получится неуместным); уверенность в неправильности чужой точки зрения, сохраняющаяся даже при необходимости согласиться со справедливостью отдельных утверждений; перекладывание своей вины на окружающих и на обстоятельства; неспособность извиняться; попытки доказывать свою правоту в споре через отрицание компетентности оппонента (обычно в уничижительном тоне); стремление быть идеальным и всегда делать все правильно с первого раза; склонность демонстративно учить других жизни (делая акцент на том, что „обучаемый” якобы не понимает элементарных вещей); болезненная реакция на свои промахи и ошибки, когда они слишком очевидны и нет возможности переложить вину на кого-то или оправдаться обстоятельствами; страх показаться слабым, беззащитным, не знающим чего-то, не контролирующим ситуацию или неуверенным в себе; демонстрация высокомерия в любом общении...» [Юсупов, 2023, с. 544]. А. Р. Юсупов относит эти характеристики к особенностям завышенной самооценки.

Итак, анализ текста количественным методом выявил наличие маркеров самооправдания.

Рассмотрим теперь письмо Дж. Листа с использованием качественного метода, также маркируя текст-вербализатор психологической защиты (эпизоды самооправдания).

1. **Я знаю, что поступил неправильно с учетом всего, чему меня учили, и что никакие объяснения с моей стороны уже не исправят. Но...** (маркеры скрытого варианта возражения («Почему бы Вам не... Да, но»), демонстрация невозможности переубеждения («Психиатрия») [Берн, 2012].)

2. **...вы единственный человек, который, я знаю, пускай и не простит меня, но...** (маркеры скрытого варианта возражения).

3. **Я не зарабатывал... суммы, которая нужна... Нам грозило банкротство и жизнь на пособие** (претензия на познание истины при отсутствии видимых доказательств).

4. **Зная район, в котором мы жили, плюс среду, в которой росли наши дети, плюс то, какое влияние оказал бы на них переход на пособие, я понял, что они не выдержат этого и не должны выдержат. Я знал, что они не против эко-**

номить, **но** речь шла о гораздо больших жертвах (претензия на познание истины при отсутствии видимых доказательств; скрытый вариант возражения).

5. *Поскольку Хелен не ходила в церковь, я знал, что это подорвет веру детей в Господа* (перекладывание ответственности на третьих лиц; микропресуппозиция [Красных, 2012, с. 237]: «В этом виновата Хелен»).

6. *С каким-нибудь одним обстоятельством из этого списка мы еще сумели бы справиться, но всего вместе оказалось слишком много...* (маркеры скрытого варианта возражения).

7. *...я уверен, что все они теперь на небесах. Если бы так продолжалось дальше, кто знает, попали бы они туда или нет* (претензия на познание истины при отсутствии видимых доказательств; маркер скрытого варианта возражения).

8. *...мама тоже пошла за ними, потому что то, что я сделал со своей семьей, стало бы для нее громадным потрясением в такие годы* (претензия на познание истины при отсутствии видимых доказательств).

9. *Когда все было конечно, я прочитал за них молитвы из книги гимнов. Это было самое малое, что я мог сделать* (самооправдание; демонстрация мнимого сожаления и заботы об убитых).

10. *Хелен и дети согласились, что предпочли бы кремацию* (демонстрация заботы об убитых: убийца позаботился о том, чтобы узнать волю жертв на предмет их захоронения).

11. *Я отдаю себя в руки Господа и уповаю на его милость. Я не сомневаюсь, что он мог бы помочь нам, но, судя по всему, не счел необходимым ответить на мои молитвы таким образом, как я надеялся. Это наводит меня на мысль, что я избрал единственно возможный выход, по крайней мере, касательно душ наших детей. Я знаю, что им предстояло прожить еще много лет, но, если бы они перестали быть христианами, какой в этом был бы смысл?* (восприятие детей «в рамках своих нарциссических потребностей и как пространства нарциссического расширения» [Жмурин, Корнейчик, 2022, с. 114]; перекладывание ответственности на третьих лиц [Красных, 2012, с. 237]: «В том, что произошло, виноват Господь»).

12. *Я уверен также, что многие будут говорить: «Как человек мог совершить такой страшный поступок?» Мой единственный ответ, что мне тоже пришлось нелегко, и я долго это обдумывал...* (риторическая «уступка» [Ко-

втуненко, 2016, с. 51]; самооправдание).

13. (Ранее) *...прошу меня вычеркнуть из списков паствы...* (затем) *Прошу, поминайте меня в своих молитвах* (противоречие: самобичевание при одновременном требовании сострадания).

14. *...исполнит ли государство свой долг в моем отношении... Христос умер в том числе и за меня...* (заявление о правах; напоминание о евангельских сравнениях «Человек – Бог» – «Образ – Подobie»).

15. *P.S. Мама лежит в кладовой на чердаке – на третьем этаже. Она была слишком тяжелая, чтобы ее перетаскивать* (демонстрация заботы об убитых: убийца позаботился о том, чтобы следователи нашли всех его жертв; самооправдание).

Согласно метрикам seolik.ru, предлог *но* Лист употребляет 7 раз, а маркер сослагательного наклонения, частицу *бы*, – 13 раз. Этим, вероятно, подчеркивается, во-первых, доминирование позиции ребенка и использование психологической игры «Почему бы Вам не... Да, но» [Берн, 2012], а во-вторых, противительный союз *но* выступает маркером риторических отношений «уступки» [Ковтуненко, 2016, с. 51]. Риторическая сила уступки заключается в этическом призыве: «У аудитории создается впечатление, что человек, способный на откровенные признания... не только хороший человек, но и человек, настолько уверенный в силе своей позиции, что он может себе позволить уступать очки оппозиции» [Corbett, 1965]. «Да» Дж. Листа – это мнимые «очки» адресату, пастору Ревинкелю, которые Лист обращает оправданием для себя.

Заключение

Письмо Джона Листа пастору Ревинкелю имплицитно адресовано автором самому себе с целью морального самооправдания в условиях совершенного аморального действия (убийства семьи) и перекладывания ответственности на третьих лиц. Эксплицитно эта позиция в письме не выражена, однако она доказывается методом психолингвистического анализа с элементами качественного и количественного контент-анализа.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учебное пособие. Москва: ФЛИНТА, 2020. 592 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений / перевод с ан-

глийского А. Грузберга. Москва : Эксмо, 2012. (Выбор редакции).

3. Вицентий А. В., Шишаев М. Г., Диковицкий В. В. Опыт использования визуализации семантических моделей документов для экспресс контент-анализа (на примере нормативно-правовых актов, регламентирующих развитие пространственно-распределенных систем) // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 10-9(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-ispolzovaniya-vizualizatsii-semanticheskikh-modeley-dokumentov-dlya-ekspress-kontent-analiza-na-primere-normativno-pravovyh-aktov> (дата обращения: 13.03.2023).

4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 138 с.

5. Дуглас Д., Олшейкер М. Почему они убивают. Как ФБР вычисляет серийных убийц. Москва : Издательство Эксмо, 2022. 416 с.

6. Енгальчев В. Ф. Юридическая психолингвистика // Прикладная юридическая психология : учебное пособие для вузов. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 399–406.

7. Енгальчев В. Ф. Моисеева И. Г., Моисеев А. В. Об особенностях применения метода контент-анализа в судебно-психологической экспертизе различной предметной направленности // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 39–45.

8. Желтухина М.Р. Комплексная судебная экспертиза: психолого-лингвистический аспект // Юри-слингвистика. 2011. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-sudebnaya-ekspertiza-psihologo-lingvisticheskij-aspekt-1> (дата обращения: 05.04.2023).

9. Жмурин И. Е., Корнейчик И. В. Особенности проявления негативного нарциссизма в семейных отношениях // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-negativnogo-nartsissizma-v-semeynnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 31.03.2023).

10. Жмуров В. А. Большая энциклопедия по психиатрии. Москва : Джангар, 2012. 864 с.

11. Ковтуненко И. В. Противительный союз как маркер выражения риторических отношений уступки в тексте блогов // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10-3(52). С. 49–52.

12. Красных В. В. Основы психолингвистики : лекционный курс. Москва : Гнозис, 2012. 333 с.

13. Кулик А. В. Портрет психопата : профайлер о серийных убийцах. Москва : Эксмо, 2022. 384 с.

14. Пономаренко В. В. Практическая характерология : методика 7 радикалов. Москва : АСТ, 2019. 221 с.

15. Филд Д. Психолингвистика: ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами) / перевод с английского, общая редакция И. В. Журавлева. Москва : Издательство ЛКИ, 2012. 344 с.

16. Фрейд З. О нарциссизме // Психоаналитические концепции нарциссизма / под редакцией А. В. Литвинова, А. Н. Харитонова. Москва : Русское психоаналитическое общество, 2009. С. 11–34.

17. Хаэр Р. Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. : пер. с англ. Санкт-Петербург : ООО «Диалектика», 2021. 240 с.

18. Юсупов А. Р. Влияние нерациональной самооценки на процесс интуитивного и эвристического познания // Экономика и социум. 2023. № 1-1(104). С. 543–546.

19. Corbett E. P. J. Classical Rhetoric for the Modern Student. New York : Oxford university press, 1965. 584 p.

20. Seolik.ru Анализ контента. URL: <https://seolik.ru/analysis-content> (дата обращения: 14.03.2022).

Reference list

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniya i praktika = Linguistic textual expertise: theoretical basis and practice : uchebnoe posobie. Moskva : FLINTA, 2020. 592 s.

2. Bern Je. Igrы, v kotorye igrajut ljudi: psihologija chelovecheskih vzaimootnoshenij = Berne E. Games People Play: The Psychology of Human Relationships / perevod s anglijskogo A. Gruzberga. Moskva : Jeksmo, 2012. (Vybor redakcii).

3. Vicentij A. V., Shishaev M. G., Dikovickij V. V. Opyt ispol'zovaniya vizualizacii semanticheskikh modeley dokumentov dlja jekspress kontent-analiza (na primere normativno-pravovyh aktov, reglamentirujushhih razvitie prostranstvenno-raspredeleennyh sistem) = Using visualization of semantic models of documents for express content analysis (based on the legal acts regulating the development of spatially distributed systems) // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. 2018. № 10-9(9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-ispolzovaniya-vizualizatsii-semanticheskikh-modeley-dokumentov-dlya-ekspress-kontent-analiza-na-primere-normativno-pravovyh-aktov> (data obrashheniya: 13.03.2023).

4. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moskva : Nauka, 1981. 138 s.

5. Duglas D., Olshejker M. Pochemu oni ubivajut. Kak FBR vychisljaet serijnyh ubijc = Why they kill. How the FBI figures out serial killers. Moskva : Izdatel'stvo Jeksmo, 2022. 416 s.

6. Engalychev V. F. Juridicheskaja psiholingvistika = Legal psycholinguistics // Prikladnaja juridicheskaja psihologija : uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : JuNITI-DANA, 2001. S. 399–406.

7. Engalychev V. F. Moiseeva I. G., Moiseev A. V. Ob osobennostjah primeneniya metoda kontent-analiza v sudebno-psihologicheskoy jekspertize razlichnoj predmetnoj napravlenosti = On specifics of using the method of content analysis in forensic psychological examinations of different subject matter // Prikladnaja juridicheskaja psihologija. 2015. № 3. S. 39–45.

8. Zheltuhina M. R. Kompleksnaja sudebnaja jekspertiza: psihologo-lingvisticheskiy aspekt = Comprehensive forensic expertise: the psychological-linguistic aspect // Jurislingvistika. 2011. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-sudebnaya-ekspertiza-psihologo-lingvisticheskiy-aspekt-1> (data obrashheniya: 05.04.2023).

9. Zhmurin I. E., Kornejchik I. V. Osobennosti proyavleniya negativnogo narcissizma v semeinyh otnosheniyah = Characteristics of negative narcissism in family relationships // Nauchnyy rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-proyavleniya-negativnogo-nartsissizma-v-semeinyh-otnosheniyah> (data obrashheniya: 31.03.2023).

10. Zhmurov V. A. Bol'shaya jenciklopediya po psihiatrii = Large encyclopedia of psychiatry. Moskva : Dzhangar, 2012. 864 s.

11. Kovtunen I. V. Protivitel'nyy sojuz kak marker vyrazheniya ritoricheskikh otnoshenij ustupki v tekste blogov = The adversative conjunction as a marker for expressing rhetorical relations of concession in the blog text // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. 2016. № 10-3(52). S. 49–52.

12. Krasnyh V. V. Osnovy psiholingvistiki = Basic psycholinguistics : lekcionnyy kurs. Moskva : Gnozis, 2012. 333 s.

13. Kulik A. V. Portret psihopata : profajler o serijnyh ubijcah = A psychopath's portrait : a profile of serial killers. Moskva : Jeksmo, 2022. 384 s.

14. Ponomarenko V. V. Prakticheskaja harakterologiya : metodika 7 radikalov = Practical characterology : the 7 radicals methodology. Moskva : AST, 2019. 221 s.

15. Fild D. Psiholingvistika: ključevye koncepty. Jenciklopediya terminov (s anglijskimi jekvivalentami) =

Psycholinguistics: key concepts. Terminology encyclopedia (with English equivalents) / perevod s anglijskogo, obshhaja redakcija I. V. Zhuravleva. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2012. 344 s.

16. Frejd Z. O narcissizme = On narcissism // Psihoanaliticheskie koncepcii narcissizma / pod redakciej A. V. Litvinova, A. N. Haritonova. Moskva : Russkoe psihoanaliticheskoe obshhestvo, 2009. S. 11–34.

17. Hajer R. D. Lishennye sovesti. Pugajushhij mir psihopatov = Deprived of conscience. The frightening world of psychopaths : per. s angl. Sankt-Peterburg : OOO «Dialektika», 2021. 240 s.

18. Jusupov A. R. Vlijanie neracional'noj samoocenki na process intiutivnogo i jevrsticheskogo poznaniya = Influence of irrational self-esteem on the intuitive and heuristic cognition process // Jekonomika i socium. 2023. № 1 1(104). S. 543–546.

19. Corbett E. P. J. Classical Rhetoric for the Modern Student. New York : Oxford university press, 1965. 584 p.

20. Seolik.ru Analiz kontenta. URL: <https://seolik.ru/analysis-content> (data obrashheniya: 14.03.2022).

(1) Стоп-слова – слова, которые не несут смысловой нагрузки (например, местоимения, частицы).

(2) Водность – процент наличия в тексте стоп-слов.

(3) Классическая тошнота – это коэффициент, показывающий заспамленность текста самым повторяющимся словом. Определяется как квадратный корень из количества повторений самого тошнотного слова. Самое тошнотное слово может снижать релевантность по остальным словам. Оптимальное значение классической тошноты равно 7. Большой показатель тошноты может помешать продвижению сайта.

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 22.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_135

EDN: SBWDPJ

Стратегия самопрезентации в реализации агональных отношений в письменной научной иноязычной коммуникации

Елена Петровна Марьясова^{1✉}, Наталия Александровна Свердлова²

¹Аспирант кафедры иностранных языков и философии, Иркутский научный центр СО РАН. 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 134

²Кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом научно-образовательной деятельности и экспертной оценки, ведущий научный сотрудник, Иркутский научный центр СО РАН. 664033, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 134

¹mariaselena@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-3504-9416>

²nsverdlova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5315-6266>

Аннотация. Стремление к выполнению главной задачи академической коммуникации – выявить объективное научное знание – связано с изучением степени когнитивного и языкового развития субъекта научного дискурса. Прагматические задачи ученого-исследователя продиктованы его коммуникативной профессиональной потребностью в представлении своего научного опыта. В связи с этим целью предпринятого исследования является анализ письменной научной коммуникации с точки зрения реализации риторической стратегии самопрезентации. Для этого описан характер коммуникативных интенций и степень мотивации субъекта речи и их естественное проявление в его речевом поведении. Отдельное внимание уделено дихотомии «самопрезентация – презентация другого» и взаимосвязи и тесной интеграции ее составляющих. Стратегии представления себя связаны с категорией оценочности, которая вербализуется наиболее ярко в самопрезентации автора академического дискурса. Противопоставление старого знания новому, противоборство двух или многих мнений, оппозиционирование автора-исследователя являются обязательными свойствами агональных отношений. Выявление фактов конфронтативной и кооперативной агональности подчеркивает неизбежность агональных отношений в текстах разных научных специальностей. Проанализированные примеры подтверждают объективность вывода о факте влияния реализованной стратегии самопрезентации в рамках агональных отношений на эффективность научной коммуникации и на степень объективности/субъективности представленных знаний. Языковые способы и средства вербализации агональных отношений, реализованные в письменных научных текстах, характеризуют академический дискурс и являются маркером объективности и валидности научного знания, представленного субъектом научной коммуникации, а также показателем профессионального уровня специалиста-ученого.

Ключевые слова: агональность; самопрезентация; письменный научный текст; иноязычная коммуникация; речевое поведение; ученый-исследователь; риторические стратегии; языковая личность ученого

Для цитирования: Марьясова Е. П., Свердлова Н. А. Стратегия самопрезентации в реализации агональных отношений в письменной научной иноязычной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 135–141. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_135. <https://elibrary.ru/SBWDPJ>

Original article

The self-presentation strategy in competitive relations in written scientific communication in foreign languages

Elena P. Mariasova^{1✉}, Natalia A. Sverdlova²

¹Postgraduate student, department of foreign languages and philosophy, Irkutsk scientific center, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. 664033, Irkutsk, Lermontov st., 134

²Candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of scientific and educational work and expert evaluation, leading researcher, Siberian branch of the Russian Academy of Sciences. 664033, Irkutsk, Lermontov st., 134

¹mariaselena@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-3504-9416>

²nsverdlova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5315-6266>

Abstract. The main aim of academic communication – to discover objective scientific knowledge – is linked to studying the degree of cognitive and linguistic level of scientific discourse participants. Scientists' pragmatic tasks are dictated by their communicative professional need to present their scientific experience. Therefore, the aim of the current study is to analyze written scientific communication in terms of rhetorical self-presentation strategy. To this end, the authors of the article describe the nature of communicative intentions and motivation of the speech subject as well as their natural manifestation in the speech behavior. Particular attention is paid to the dichotomy «self-presentation – the other's presentation» as well as to the interrelation and close integration of its components. Self-presentation strategies are related to the category of evaluation, which is verbalized most clearly in self-presentation of the academic discourse author. The opposition of old and new knowledge, the confrontation of two or many opinions and the scientist's contrariety are essential properties of competitive relations. Revealing confrontational and cooperative competitiveness emphasizes inevitable competitive relations in different scientific texts. The examples analyzed in the article confirm the conclusion about the impact of self-presentation strategy within the competitive relationships on the efficiency of scientific communication as well as on the objectivity/subjectivity of the presented knowledge. Linguistic ways and means of verbalizing competitiveness in written scientific texts characterize academic discourse and are a marker of objectivity and validity of scientific knowledge presented by the scientific communication participant, as well as an indicator of scientific professionalism.

Key words: competitiveness; self-presentation; written scientific text; foreign language communication; speech behavior; researcher; rhetorical strategies; scientist's linguistic personality

For citation: Mariasova E. P., Sverdlova N. A. The self-presentation strategy in competitive relations in written scientific communication in foreign languages. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):135–141. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_135. <https://elibrary.ru/SBWDPJ>

Введение

Процесс организации науки в устойчивую структуру, ее институционализация, невозможен без закрепления опыта научного познания в текстах определенного регистра. Устная речь ученого, исследователя, как и речь человека иных видов профессиональной деятельности, активна (по сравнению с письменной), обладает выразительностью; как и письменная речь представляет языковую культуру человека. Письменная речь более нормирована и регламентирована, осуществляется чаще в условиях отсутствия явного коммуниканта, и, следуя правилам научного регистра, имеет четкие характеристики, которые указывают на способы и возможности фиксации научно-исследовательского процесса.

Среди маркеров научного текста мы выделяем языковые (фонетические, лексические, стилистические) и внеязыковые (обобщенность, логичность, точность, доказательность, объективность изложения, насыщенность фактической информацией). На принадлежность текста к определенному научному направлению наиболее ярко указывает массив лексических единиц и прежде всего использованные термины. В свою очередь, о результате самоопределения в научном мире свидетельствует позиция ученого, выраженная в его отношении к имеющемуся, ранее закрепленному научному знанию, которая представлена в его самопрезентации. Очевидно, что реализация категории самопрезентации имеет отношение ко всем отличительным параметрам научного текста.

Изменчивость норм языка по-разному отражается в его письменном и устном вариантах. Несмотря на то, что письменная речь лишь графически призвана передать устную речь, первая наиболее консервативна в части отражения существующих норм и правил и, конечно, является наиболее надежным источником передачи информации через время и века, что исключительно важно, особенно для решения задач накопления знаний в научном мире.

Именно поэтому письменный научный текст, являющийся «практически уникальной, неповторимой и единственной формой заявления о себе, обнаружения себя вовне „мыслящей субстанцией“» [Бахтин, 1979], представляется нам наиболее релевантным материалом для изучения возможностей представления мнения ученого, как части научного знания в определенной научной сфере. В. И. Карасик определяет тип научного дискурса как институциональный или статусно-ориентированный, при этом ученый выступает здесь как представитель определенной социальной группы и следует определенным нормам и стандартам общения этого социума. [Карасик, 2002] Самопрезентация, как способ отражения его позиции, укажет на уровень научного самоопределения исследователя и степень его соответствия нормам общения в рамках научного дискурса. Актуальным является материал иноязычных текстов – русскоязычных авторов на иностранном языке и англоязычных авторов – для последующего решения прикладных задач исследования.

Материалы и методы

Письменный тип научного дискурса имеет свои отличительные характеристики, в соответствии с делением на сферы научной деятельности, жанры (сложившиеся группы научных произведений – прим. автора). В работе были использованы специальные методы научного исследования в виде обработки данных с помощью контент-анализа и прагма-семантического анализа языковых единиц, представленных в материалах научных статей гуманитарного, естественно-научного циклов, отобранных в базах научных публикаций на ресурсах researchgate.com, sciencedirect.com, e-library.ru, cyberleninka.ru, на поисковой платформе semanticscholar.org.

Результаты

Исследуя языковую личность ученого, необходимо обратить внимание на специфику цели его профессиональной коммуникации – стремление к объективному научному знанию. Академический дискурс предусматривает особый набор языковых явлений, сочетание которых и формирует восприятие, и представляет этапы поиска научной истины. 'Объективность истины' – труднодостижимый идеал, поскольку «личностные установки субъекта исследования всегда будут искажающей реальность линзой, через которую субъект будет видеть мир» (здесь мы поддерживаем [Труфанова, 2017], которая ссылается на [Harding, 1991] и [Дебласио, 2010]) и описывать его в исследовании соответственно своему видению. Таким образом, можно говорить о степени приближенности научного знания к объективности-идеалу, но знание всегда субъективно.

Рассматривая категории объективности и субъективности на материале русских и немецких научных статей, М. В. Харламова приходит к выводу о замене привычной академической обезличенности немецкого научного текста (использование номинальных и пассивных конструкций, отсутствие личных местоимений, отказ от конструкций, выражающих мнение автора) на тенденцию к выражению субъективного авторского мнения и позиции. Основанием для этих перемен являются не только желание исследователей придать научному тексту дискуссионный характер, сделать его более убедительным, но и желание выразить субъективное отношение к исследуемому объекту, подчеркнуть уникальность собственной концепции [Харламова, 2021]. Похоже, что это справедливо и в отношении англоязычных научных статей, поскольку конкуренция

авторов-исследователей и их публикаций характерна не только для немецкоязычной академической среды. При этом, «выразить свою точку зрения нейтрально невозможно. <...> использование языка предполагает осуществление власти, то есть воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком» [Блакар, 2001]. Конкурентная борьба объясняет наличие в рациональном научном дискурсе агональных отношений, со стратегией самопрезентации в качестве ведущей. При этом, степень «скромности» самопрезентации может быть разной и, соответственно, вербализуется разными языковыми средствами. Чем более четко и прямо выражена позиция автора (I insist, I disprove, I argue и т. п.), его отношение к проблеме, тем ярче агональные характеристики проявятся в тексте.

С этой точки зрения проанализируем отрывок из аннотации на английском языке к статье А. М. Каплуненко «Под флагом Фуко»: *The text-centered tradition of discourse analysis has been herewith open to scrutiny. I argue that, given the continuity of scholastic representation, this tradition is not free from logical and ideological controversies. I insist that the Foucault theory of discourse can help resolve the controversial issues as well as add to discourse analysis a remarkable potential for discovery* [Каплуненко, 2013]. Прямая самопрезентация автора, его позиция, выраженная перформативами I argue (есть сема 'спор', 'ссора' – агон) / I insist (есть сема 'настойчивость' – твердость позиции), критически оценивает традиционный дискурс-анализ, характеризуя его как имеющий логические и идеологические противоречия (*is not free from logical and ideological controversies*). Автор не просто критикует, но и уверенно предлагает способ решения противоречивых проблем (*I insist that the Foucault theory can help*). В примере нет скромного коллективного 'We'; автор 'I' несет единоличную ответственность за мнение, выражаемое в статье. Кроме того, здесь наблюдается оппозиция 'индивидуальный субъект мнения vs. неопределенный коллективный субъект мнения' (адепты текстоцентрической теории дискурсивного анализа), где автор вступает в агональные отношения не с отдельным индивидуумом, а с широким кругом носителей научного мнения, укоренившегося настолько, что его можно считать традиционным (*tradition of discourse analysis*), а это требует уверенности в себе и в некотором смысле дерзости.

Коммуникативно-прагматической целью автора письменного научного дискурса является

обнародование авторского (субъективного) мнения и убеждений, воздействие и попытка убедить адресата в истинности или неистинности старого или нового научного знания, сформировать определенное мнение аудитории. Для этого автором посредством лингвистических средств реализуются риторические стратегии, тактики и приемы, среди которых важную роль играют стратегии самопрезентации и презентации оппонента, тактика убеждения, тактика дискредитации оппонента, но ведущей стратегией при позиционировании себя как носителя научного знания или мнения является тактика самопрезентации [Соловьянова, 2018(б)]. В таком случае мы можем говорить о том, что при стремлении к объективности научного знания самопрезентация будет важным средством / способом достижения указанной цели.

Агональность, являясь обязательным свойством устной и письменной академической коммуникации, подразумевает состязательность и проявляется в столкновении точек зрения, противоречии научных мнений и убеждений. При этом целью критики оппонента является не только необходимость в утверждении собственной точки зрения, но и в определении объективного научного знания [Шилихина, 2016]. Следуя определению [Шейгал, Дешеева, 2009] трех типов агональности (конфронтативной, дискуссионной, игровой), связанных с различными речевыми жанрами и видами коммуникативных событий, научную статью, как жанр академического дискурса, можно классифицировать как пример дискуссионной и в некоторой степени конфронтативной агональности. Прототипный жанр этого вида дискурса – спор, идеальная коммуникативная цель которого установление истины посредством сопоставления / сравнения точек зрения коммуникантов, что не исключает реализацию элементов конфронтативной агональности, как то: намеренное понижение статуса коммуникативного оппонента и демонстрация интеллектуального превосходства. Давление и превосходство может демонстрироваться уже на уровне названия статьи и аннотации к ней. Например, заголовок статьи *Improved imaging quality of cluster LiDAR by optimizing laser energy distribution using an effective optical approach*. Далее аннотация *Abstract: The cluster LiDAR has been developed and applied for its superiority of high SNR, high resolution and long range. The laser energy distribution of optical antenna is the key component to improve the imaging quality of cluster*

LiDAR. Thus an effective optical approach is crucial for the design and optimization of the optical antenna. However, traditional approaches can hardly satisfy the requirement for cluster LiDAR technique. In this paper, an effective optical approach is proposed to optimize the imaging quality of cluster LiDAR. Double convex cone lenses and a cylindrical lens are mainly used to optimize the Gaussian laser energy distribution in the transmitting optical antenna. Then each APD can receive the same laser intensity from the targets. To verify the superiority of this method, mathematical model is established to analyze it in detail and an imaging experiment is conducted. The results indicate that the effective optical approach can increase the detectable area by about 30%. It is also worth mentioning that a special platform cylindrical lens is used to increase the energy utilization efficiency. The energy density is increased by 6 times than the original system, and the reflected laser intensity is greatly enhanced. Combining the above, the imaging quality of the cluster LiDAR is significantly improved [Yang X, 2020]. Насыщенность текста мелиоративной лексикой в сочетании с интенсификаторами (*greatly enhanced, significantly improved*), цифровые фактические аргументы (*increased by 6 times, increase by about 30 %*), указание на несостоятельность традиционных методов, то есть дискредитация ‘старого’ знания (*traditional approaches can hardly satisfy*), способствуют однозначно успешной самопрезентации автора.

Основными стратегиями при организации агональных отношений являются стратегия самопрезентации и стратегия презентации Другого. Самопрезентация – создание впечатления о себе в соответствии с определенными коммуникативными намерениями. Стратегия презентации другого является доминирующей, поскольку основной целью автора научного текста является нахождение истинного научного знания путем указания на ошибочность взглядов оппонента и получение превосходства над оппонентом через его дискредитацию и умаление его достижений (при конфронтативной агональности) [Соловьянова, 2018(а)]. На деле оба варианта стратегий – самопрезентации и презентации другого – тесно интегрированы, поскольку через презентацию оппонента, предопределяющей тематику и конфронтативность риторики, проявляется позиция автора. То есть прямая презентация оппонента способна имплицитно презентировать автора и позволяет «считывать» присущую ему точку зрения.

Для поддержания эффективности конфронтативности интеллектуального противостояния не всегда используется «воинственная» агрессивная и оскорбительная лексика. В отличие от, например, агональных ТВ-шоу или политических дебатов, с характерным для этих жанров эксплицитным выражением агональности, начиная уже с самого названия [Дешевова, 2010] в научном письменном дискурсе поддерживается режим сдержанной академичности, которой присуще отсутствие эмоционального накала. Так, в изученных нами научных статьях (на момент написания этой работы проанализировано более 46 текстов научных статей разных направлений – прим. автора.) для отстаивания своей точки зрения и убеждений наряду с очевидно аксиологической лексикой используются и стилистически нейтральные лексические средства (*systematization, improvement*), хотя и с семой 'положительный'. Несмотря на скрытую аксиологическую принадлежность, такие языковые единицы могут успешно применяться для оценивания референта, создавая необходимый оценочный – положительный или отрицательный – фон, как, например, в предложении *The article is aimed at studying and systematization of the currently existent definitions of securitization of assets*. [Дрига, 2014]. Поскольку в западноевропейской культуре концепт «порядок» прочно ассоциируется с правильностью, правильным расположением вещей, четкостью, ясностью, чистотой и оценивается положительно, то в контексте приведенного предложения, автор, определяя цель статьи как *systematization* (с положительной семой «порядок, гармония»), имплицитно негативно оценивает существующее положение вещей, при этом не указывая прямо на отсутствие порядка, бессистемность, хаотичность и т. п. Заявляя о стремлении систематизировать и упорядочить, автор косвенно сообщает о своих возможностях управлять ситуацией. Таким образом автор демонстрирует свое превосходство ('я могу') и дискредитирует оппонента ('у вас не получилось'). Агональность в данном случае основана на оппозиции 'системный, упорядоченный (= «хороший») подход автора' vs 'бессистемный, беспорядочный (= «плохой») подход предшественников'.

Обсуждение

Учитывая результаты исследований в области персонологии (В. И. Карасик, Г. И. Богин, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных), определяющие понятие языковой личности, можно сделать об-

щий вывод и понимать языковую личность как человека, способного порождать речь, текст, дискурс с целью реализации своих коммуникативных интенций и решения коммуникативных задач. Такое понимание подразумевает определенную степень владения системой языка, что имеет особое значение для идеальной научной коммуникации. Говоря об устройстве языковой личности, Н. Ю. Караулов выделяет три уровня: нулевой – вербально-грамматический, первый – тезаурусный, он же лингво-когнитивный и второй – мотивационный (прагматический). Собственно языковая личность начинается с первого (лингво-когнитивного) уровня. Единицы высшего – мотивационного – уровня должны быть прагматически направлены, реализуя коммуникативно-деятельностные потребности личности как то: необходимость высказаться, стремление воздействовать на адресата письменным текстом, потребность в дополнительной аргументации, желание получить информацию (от коммуниканта или из текста) [Караулов, 2019, с. 52]. При этом, «в информации, передаваемой средствами языка, всегда заключено отношение языковой личности к единицам / формам / структурам языка, которые эта личность актуализирует с разной степенью осознанности и целенаправленности в своей речевой деятельности» [Чернявская, 2006, с. 8]. Активная речемыслительная деятельность в области науки формирует языковую личность-исследователя. Активизация отдельных параметров его речевой деятельности способствует наиболее эффективному освоению научной сферы. Актуализация нового знания (ввод абсолютно нового знания или «обновление» старого знания путем приращения нового) базируется на анализе и оценке наличного (старого) знания и неразрывно связана с оценочными действиями субъекта познания и речи. Познавательная оценка – это выраженная в тексте квалификация автором текста того или иного компонента знания как имеющего определенную ценность, необходимую для формирования и выражения нового знания [Чернявская, 2016, с. 59]. И среди параметров речевой деятельности исследователя – стратегии и тактики самопрезентации как «способ представления человеком самого себя в наилучшем свете в соответствии с конкретным коммуникативным намерением» [Кулинич, 2007].

Заключение

В результате проведенного исследования

произведен анализ письменной научной коммуникации с точки зрения реализации риторической стратегии самопрезентации. Анализ коммуникативных интенций в речевом поведении учебного и описание степени мотивации субъекта через призму категории оценочности произведены через агональность, ее вербализованный вариант.

В письменной научной коммуникации наиболее отчетливо представлены составляющие дихотомии «самопрезентации – презентации другого»: это один из способов выражения своего профессионального мнения, которое пройдет путь от оценки результатов «чужих» научных трудов до признания собственных теорий авторов-исследователей.

Академический дискурс оказался довольно благоприятным материалом для исследования агональных отношений, поскольку именно научная работа вносит вклад в поиск объективного знания. Именно аспект приближенности к объективности, точнее – шкала взаимозависимости степени агональности, реализованной в научной речи, и уровень верифицированности представленной информации представляет дальнейший исследовательский интерес.

Структурированность и выявленные дискурсивные закономерности служат основой для прикладного использования результатов исследования в сфере использования языка научного общения.

Библиографический список

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. С. 282–283.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Психология влияния : хрестоматия / сост. А. В. Морозов. Санкт-Петербург : Питер, 2001. С. 42–67. URL: https://www.studmed.ru/morozov-av-psihologiya-vliyaniya_ea412e029f8.html (дата обращения: 10.02.2023)
3. Богин Г. И. Современная лингводидактика : учебное пособие. Калинин : Калининский Государственный Университет, 1980. 61 с.
4. Дебласио А. Новые тенденции в альтернативных эпистемологиях // Epistemology & philosophy of science / Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 23. № 1. С. 160–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-v-alternativnyh-epistemologiyah/viewer> (дата обращения: 28.11.2022)
5. Дрига О. П. Секьюритизация: анализ понятия и сущности в контексте бухгалтерского учета // БИ. 2014. № 11. С. 216–220. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekyuritizatsiya-analiz-ponyatiya-i-suschnosti-v-kontekste-buhgalterskogo-ucheta> (дата обращения: 27.12.2022).
6. Каплуненко А. М. Курс дискурса: под флагом Фуко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4(25). С. 9–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kurs-diskursa-pod-flagom-fuko> (дата обращения: 27.02.2023).
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.
8. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Издательство ВГПУ «Перемена», 2000. С. 5–20.
9. Карасик В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : ВГПУ Перемена, 2002. 477 с.
10. Кулинич Е. В. Специфика самопрезентации как коммуникативного явления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 299. С. 7–10.
11. Соловьянова Е. В. Некооперативная стратегия презентации оппонента в научных текстах // Теоретические и прикладные аспекты описания языка и межкультурной коммуникации : сборник научных трудов / отв. ред. Л. В. Цурикова. Выпуск 7. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018а. С. 51–61.
12. Соловьянова Е. В. Стратегия самопрезентации в научном тексте в условиях дискуссионной агональности // Язык, коммуникация и социальная среда. 2018б. № 16. С. 183–199.
13. Труфанова Е. О. Ситуационное знание и идеал объективности в науке // Эпистемология и философия науки, 2017. № 54(4). С. 99–110.
14. Харламова М. В. Выражение объективности и субъективности в немецких и русских научных статьях: анализ грамматических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3(845). С. 231–244.
15. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия : учебное пособие для вузов по направлению 540300 «Филологическое образование». Москва : Флинта : Наука, 2006. 133 с.
16. Чернявская В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 56–64.
17. Шейгал Е. И., Дешеева В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 145–148.
18. Шилихина К. М. Состязательность в англоязычном научном дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 15–19.
19. Harding S. Whose Science? Whose Knowledge? Thinking From Women's Lives. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1991. 336 p.
20. Yang X. Improved imaging quality of cluster LiDAR by optimizing laser energy distribution using an effective optical approach / Xingyu Yang, Litong Hao, Junyu

Chen, Xueyun Cao, Yuanqing Wang // Optics Communications. Volume 460, 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0030401819311605> (дата обращения: 10.11.2022)

Reference list

1. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorчества = Aesthetics of verbal creativity. Moskva : Iskuststvo, 1979. S. 282–283.
2. Blakar R. M. Jazyk kak instrument social'noj vlasti = Language as an instrument of social power // Psihologija vlijaniya : hrestomatija / sost. A. V. Morozov. Sankt-Peterburg : Piter, 2001. S. 42–67. URL: https://www.studmed.ru/morozov-av-psihologiya-vlijaniya_ea412e029f8.html (data obrashhenija: 10.02.2023)
3. Bogin G. I. Sovremennaja lingvodidaktika = Modern linguistic didactics : uchebnoe posobie. Kalinin : Kalininskij Gosudarstvennyj Universitet, 1980. 61 s.
4. Deblasio A. Novye tendencii v al'ternativnyh jepistemologijah = New trends in alternative epistemologies // Epistemology & philosophy of science / Jepistemologija i filosofija nauki. 2010. T. 23. № 1. C. 160–172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-tendentsii-v-al'ternativnyh-epistemologijah/viewer> (data obrashhenija: 28.11.2022)
5. Driga O. P. Sek'juritizacija: analiz ponjatija i sushhnosti v kontekste buhgalterskogo ucheta = Securitization: analyzing its concept and nature in accounting // BI. 2014. № 11. S. 216–220. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sekyuritizatsiya-analiz-ponyatiya-i-suschnosti-v-kontekste-buhgalterskogo-ucheta> (data obrashhenija: 27.12.2022).
6. Kaplunen A. M. Kurs diskursa: pod flagom Fouko = A course of discourse: under the Foucault flag // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 4(25). S. 9–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kurs-diskursa-pod-flagom-fuko> (data obrashhenija: 27.02.2023).
7. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and the linguistic personality. Izd. 7-e. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2019. 264 s.
8. Karasik V. I. O tipah diskursa = On discourse types // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs : sbornik nauchnyh trudov / pod red. V. I. Karasika, G. G. Slyshkina. Volgograd : Izdatel'stvo VGPU «Peremena», 2000. S. 5–20.
9. Karasik V. I. Jazykovoju krug : lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd : VGPU Peremena, 2002. 477 s.
10. Kulinich E. V. Specifika samoprezentacii kak kommunikativnogo javlenija = Self-presentation specificity as a communication phenomenon // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 299. S. 7–10.
11. Solov'janova E. V. Nekooperativnaja strategija prezentacii opponenta v nauchnyh tekstah = Uncooperative strategy of presenting the opponent in scientific texts // Teoreticheskie i prikladnye aspekty opisaniya jazyka i mezhkul'turnoj kommunikacii : sbornik nauchnyh trudov / otv. red. L. V. Curikova. Vypusk 7. Voronezh : Izdatel'skij dom VGU, 2018a. S. 51–61.
12. Solov'janova E. V. Strategija samoprezentacii v nauchnom tekste v uslovijah diskussionnoj agonal'nosti = Self-presentation strategy in scientific text in the context of discussion agonality // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. 2018b. № 16. S. 183–199.
13. Trufanova E. O. Situacionnoe znanie i ideal ob#ektivnosti v nauke = Situational knowledge and the ideal of objectivity in science // Jepistemologija i filosofija nauki, 2017. № 54(4). S. 99–110.
14. Harlamova M. V. Vyrazhenie ob#ektivnosti i sub#ektivnosti v nemeckih i russkij nauchnyh stat'jah: analiz grammaticheskijh sredstv = Expressing objectivity and subjectivity in German and Russian scientific articles: grammar analysis // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2021. № 3(845). S. 231–244.
15. Chernjanskaja V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstvija = Discourse of power and power of discourse. Speech impact issues : uchebnoe posobie dlja vuzov po napravleniju 540300 «Filologicheskoe obrazovanie». Moskva : Flinta : Nauka, 2006. 133 s.
16. Chernjanskaja V. E. Nauchno-issledovatel'skaja stat'ja kak verbalizacija novogo nauchnogo rezul'tata (na materiale lingvistiki) = A research article as verbalization of a new scientific result in linguistics // Zhanry rechi. 2016. № 1(13). S. 56–64.
17. Shejgal E. I., Deshevova V. V. Agonal'nost' v kommunikacii: struktura ponjatija = Competitiveness in communication: the concept structure // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 34 (172). Filologija. Iskuststvovedenie. Vyp. 36. S. 145–148.
18. Shilihina K. M. Sostjazatel'nost' v anglojazychnom nauchnom diskurse = Competitiveness in English scientific discourse // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2016. № 2. S. 15–19.
19. Harding S. Whose Science? Whose Knowledge? Thinking From Women's Lives. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1991. 336 p.
20. Yang X. Improved imaging quality of cluster LiDAR by optimizing laser energy distribution using an effective optical approach / Xingyu Yang, Liting Hao, Junyu Chen, Xueyun Cao, Yuanqing Wang // Optics Communications. Volume 460, 2020. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0030401819311605> (data obrashhenija: 10.11.2022)

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 17.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 81'316.772.2

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_142

EDN: RRULEC

Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса

Владимир Николаевич Бабаян^{1✉}, Александр Евгеньевич Купцов²

¹Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

²kupcov.a@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9251-3214>

Аннотация. Статья посвящена исследованию диалогического художественного дискурса. Выявлены лингвопрагматические особенности англоязычного диалогического художественного дискурса на материале произведений А. Кристи. Приведены определения понятий «дискурс», «художественный дискурс», «диалог» и «высказывание-реплика». В результате обзора литературы по исследуемой тематике авторы статьи приходят к заключению, что художественный диалог представляет аналог диалога реальной жизни и обладает такими же характеристиками как последний. Авторы приводят признаки, характерные как для диалога в реальной жизни, так и в художественном дискурсе, что находит свое подтверждение в процессе анализа высказываний-реплик англоязычного диалога. Цель работы – исследование лингвопрагматических особенностей англоязычного диалогического художественного дискурса на лексическом, грамматическом (морфологическом и синтаксическом) и семантическом уровнях. В результате анализа высказываний-реплик англоязычного диалога авторы статьи приходят к заключению о том, что на лексическом уровне диалог преобладает именами собственными, сокращенными словами, усилителями-интенсификаторами, бранными словами или их эвфемизмами, междометиями и междометными выражениями, обращениями, вводными словами, фразами, этикетными формулами и др. Все перечисленные языковые средства способствуют адекватному ходу диалога, его естественному звучанию, эмоциональной нагрузке и др. Англоязычный диалогический художественный дискурс характеризуется следующими морфологическими особенностями: в нем преобладают местоимения первого и второго лица, сокращения, стяженные глагольные формы, аналитические эмфатические формы, фразовые глаголы и глагольные сочетания и др. Среди синтаксических характеристик англоязычного диалогического художественного дискурса авторы выделяют: односоставные предложения, связанные в диалогические единства: вопросно-ответные, с подхватом, с повтором или синтаксически параллельные; эллиптические обороты и предложения; вопросы в синтаксической форме утвердительного предложения; грамматические конструкции сослагательного наклонения. Таким образом, англоязычный диалогический художественный дискурс состоит из высказываний-реплик коммуникантов, характеризующихся специфическими, присущими только ему лексическими, грамматическими и семантическими особенностями, реализующими прагматическую функцию высказываний-реплик участников диалога.

Ключевые слова: дискурс; художественный дискурс; диалогический дискурс; диалог; высказывание-реплика; лексические; грамматические; семантические особенности

Для цитирования: Бабаян В. Н., Купцов А. Е. Лингвопрагматические особенности высказываний-реплик англоязычного диалогического художественного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 142–151. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_142. <https://elibrary.ru/RRULEC>

Original article

Linguopragmatic features of utterances in dialogical fictional discourse in the english language

Vladimir N. Babayan¹, Aleksandr E. Kuptsov^{2✉}

¹Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of the theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Candidate of philological sciences, senior lecturer, the department of the english language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

²kupcov.a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9251-3214>

Abstract. The article is devoted to the study of dialogical fictional discourse. Examining A. Christie's stories, the authors identify linguopragmatic features of english dialogical literary discourse. The article defines the concepts of «discourse», «fictional discourse», «dialogue» and «utterance». After reviewing the literature on the topic under study, the authors conclude that the literary dialogue is analogous to the real life dialogue and possesses the same features as the latter. The authors show features that are characteristic of dialogue both in real life and in fictional discourse, which is confirmed in the course of analyzing utterances in the english dialogue. The purpose of the work is to study linguistic and pragmatic features of the english dialogical fictional discourse at the lexical, grammatical (morphological and syntactic) and semantic levels. As a result of the utterance analysis, the authors of the article come to the conclusion that at the lexical level the english dialogue is dominated by proper names, abbreviated words, intensifiers, swear words or their euphemisms, interjections and interjectional expressions, addresses, introductory words, phrases, etiquette formulas, etc. All of these linguistic means contribute to the adequate development of the dialogue, its natural tone, emotional intensity, etc. The dialogical fictional discourse in english is characterized by the following morphological features: it contains the first and second person pronouns, abbreviations, contracted verb forms, analytical emphatic forms, phrasal verbs and verbal expressions, etc. Among syntactic characteristics of the english dialogical fictional discourse the authors distinguish: syntactically simple sentences, parallel; elliptical phrases and sentences; questions in the syntactic form of an affirmative sentence; grammatical constructions of the subjunctive mood. Thus, english dialogical fictional discourse consists of the interlocutors' utterances characterized by specific lexical, grammatical and semantic features that realize the pragmatic function of the interlocutors' utterances. All these features characterize the verbal form of speech.

Key words: discourse; fictional discourse; dialogical discourse; dialogue; utterance; lexical; grammatical; semantic features

For citation: Babayan V. N., Kuptsov A. E. Linguopragmatic features of utterances in dialogical fictional discourse in the english language. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):142–151. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_142. <https://elibrary.ru/RRULEC>

Введение

Проблемам человеческого общения всегда уделялось большое внимание, так как общение как специфическая форма деятельности занимает одно из доминирующих мест в жизни современного человека.

Конечным продуктом любого акта коммуникации как минимум двух его участников является диалогический дискурс. По мнению ряда исследователей, **дискурс** – это сложное коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы, такие как знания о мире, интересы, цели коммуникатора [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2006; Григорян, 2005; Мельникова, 2021, 2022; Купцов, 2016; Тюкина, 2021; Шилова, 2022a]. Дискурс является отражением языковой и социокультурной реальности. Он является особым способом использования языка для выражения ментальности, что отражается в особой грамматике и правилах лексики и, в конечном счете, создает особый «ментальный мир» [Степанов, 1995, с. 38–39]. «**Дискурс** представляет интерактивную деятельность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия друг на друга, использование различных

коммуникативных приемов, их вербальное и невербальное воплощение в практике общения» [Денисов, 2012, с. 127]. **Дискурс** – связный монологический / диалогический текст, представляющий собой семантически и грамматически связанную последовательность предложений-высказываний-реплик в устной / письменной форме, обращенный к слушателю / читателю (адресату), отражающий целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающий в качестве экстралингвистических факторов всех ее участников [Бабаян, 2021, с. 68]. Диалог, представляя собой устную речь двух или нескольких лиц, является одной из важнейших специфических форм диадического межличностного взаимодействия.

«**Художественный дискурс**» часто подразумевает дискурс художественной литературы. **Художественный дискурс** – это «совокупность вербальных высказываний, сформированная в результате взаимодействия автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства, с учетом эстетических факторов порождения и восприятия этих высказываний в конкретных видах и формах искусства. Под «произведением искусства» понимается

текст, объект или событие, обладающее эстетической ценностью и являющееся продуктом художественного творчества. Это определение ставит, таким образом, категорию художественного дискурса в ряд других лингвоэстетических понятий категорий, таких как художественный текст, художественная коммуникация, художественное высказывание и др.» [Фещенко, 2021, с. 30].

«Диалог (от греч. *dialogos*), ...форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц, речевая коммуникация посредством обмена репликами» [БЭС, т. 1, 1991, с. 388]. Для него характерен ряд дифференциальных признаков: наличие не менее двух собеседников; обязательная смена говорящих; участники диалога понимают язык, на котором ведется диалог; участники диалога видят, по крайней мере, слышат друг друга. Диалог понимается как функциональная разновидность речи, вид речи, тип коммуникации, принцип организации коммуникации, реализация которого создает особый тип текста.

Единицей дискурса принято считать *высказывание*. Высказывание – речевое произведение, где формально-содержательные характеристики связаны с определенной ситуацией коммуникативного акта [Орлов, 1991, с. 165]. Высказывание следует рассматривать в качестве минимальной структурной единицы вербального общения, так как заверченный речевой обмен состоит из сочетания отдельных (минимум двух) *реплик-высказываний* участников коммуникации [Тюкина, Бабаян, 2020, с. 21].

Форма и содержание диалога зависят от целого ряда факторов. Несмотря на некоторые отличия художественного диалога от диалога в реальной жизни, важно подчеркнуть, что оба типа диалога обладают в основном одинаковыми особенностями. Данный факт еще раз подтверждает, что художественный диалог является аналогом реального и в значительной степени подчиняется законам развития последнего.

Гипотеза

Диалогичность, как характерный признак устной речи, накладывает на устную речь своеобразный отпечаток, выражающийся как в ее лексической, так и грамматической (морфологической и синтаксической) и семантической специфике.

Анализ материала

Говоря о лексических особенностях диалога, следует отметить, что диалоги насыщены именами

собственными, которые придают речи коммуникантов большую реалистичность, естественность и национальный колорит. Приведем несколько наиболее часто встречающихся имен собственных в произведениях А. Кристи: *Scotland Yard, Hampstead, the Channel, Charing Cross, Sloane Street, Chelsea, the Home Office* и др.

(1) «*This is Detective Barnes, of Scotland Yard, and Major Norman. They will hold themselves entirely at your disposal. Good luck to you...*»

(2) «*He and O'Murphy were driven straight to the house of 'Mrs. Everard,' at Hampstead, Daniels' so-called 'aunt'*»

(A. Christie. *The Kidnapped Prime Minister*).

Говоря о лексических особенностях диалога, И. В. Арнольд выделяет такие две противоположные тенденции, связанные с конкретными условиями общения (то есть прежде всего с его устной формой), как **компрессия**, которая приводит к разного рода неполноте выражения, и **избыточность**.

На уровне лексики **компрессия** проявляется в преимущественном употреблении одноморфемных слов, таковыми являются:

- **глаголы с постпозитивами** (фразовые глаголы): *give up, look out*,
- **аббревиатуры**: *frog, marg, vegs*;
- **эллипс типа**: *mineral waters – minerals*;
- **другие виды эллипса**: *Morning!*;
- **слова широкой семантики**: *thing, stuff*;
- **транзитивное употребление непереходных глаголов**: *go it* и т. д.

Диалогическая речь характеризуется неподготовленностью, спонтанностью, что приводит к ее **избыточности**. К избыточным элементам относят прежде всего т. н. «сорные слова» и выражения (англ. «time fillers»), не имеющие семантической нагрузки: *well, I mean, you know, you see, so to speak*. Например:

(3) «*It's like this, you see. As Uncle Mathew grew older, he got more and more suspicious. He didn't trust anybody*» (A. Christie. *Strange Jest*).

(4) «*But do you really think – I mean, it seems to me that Iris will be keener to get rid of me than ever*»

(A. Christie. *The Case of the Discontented Husband*).

Известно, что ускоренный темп устной речи является той основой, на которой возникают новые формы слова, являющиеся сокращением от полных форм. Таковы разговорные слова: **mike** от *microphone*; **knickers** от *knickerbockers*; **gent** от *gentleman*; **car** от *motorcar*; **cab** от *cabriolet*;

phone от *telephone*; **cycle** и **bike** от *bicycle*; **exam** от *examination*; **sub** от *submarine* и др.

Заметим, что некоторые из этих образований устной речи рассматриваются не как разговорные слова литературного языка, а как слова, стоящие на грани просторечия или жаргонизмов.

Эмотивная функция является причиной обилия в разговорной речи разного рода **усилителей** (англ. **intensifiers**), которые могут выступать в различных сочетаниях и различны для литературно-разговорного и фамильярно-разговорного стилей. Так, в фамильярно-разговорном стиле *how, when, where, which, what, why* сочетаются со словом *ever*, или суффиксом *-ever*, или с такими выражениями, как: *on earth, the devil, the hell* и т. п. Например:

(5) «**Whatever** you should have done nine years ago, it is too late now! New tactics must be adopted...»

(A. Christie. *The Case of the Discontented Husband*).

(6) «**What the devil** do you want?» a man's voice demanded harshly.

(A. Christie. *The Adventure of the Cheap Flat*).

(7) «**What on earth**, Dolly», said her husband, «do you know about Mr. Curle's underwear?»

(A. Christie. *The Herb of Death*).

Следует заметить, что такой тип эмфазы возможен только в *вопросительных* или *восклицательных* типах высказываний-реплик. Кроме того, эмоциональность при этом имеет грубый, невежливый характер, то есть связана с *раздражением, нетерпением, упреком*.

Не лишены эмоциональности и зависят от контекстоустанавливающей функции такие **усилители**, как *after all, actually, really, certainly* и т. п. Например:

(8) «I needn't make it so very long **after all**», said Sir Henry.

(A. Christie. *The Four Suspects*).

(9) «So you **really** find it difficult, Mrs. Rymer?»

(A. Christie. *The Case of the Rich Women*).

(10) «You **really** think that this plan of yours will do the trick?»

(A. Christie. *The Case of the Discontented Husband*).

Эмоциональность *отрицательным* и *вопросительным* высказываниям-репликам придает выражение ...**at all**, обычно стоящее в конечной позиции:

(11) «We weren't there so very often. No, I noticed **nothing at all**».

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

Однако отметим, что имеются случаи употребления этого эмфатического выражения и в необычной для него позиции. Подобное употребление выражения ...**at all** можно объяснить разговорным стилем диалогической речи:

(12) «The old man wasn't **at all** pleased to see him...»

(A. Christie. *The Adventure of the Egyptian Tomb*).

В фамильярно-разговорном стиле с его эмоциональностью и эмфатичностью сочетаются и многие **бранные слова** или их **эвфемизмы**: *damn, dash, beastly, lousy* и др. Они могут выражать как отрицательные, так и положительные эмоции и оценки: *damned pretty, damned nice, beastly mean, damn decent* и др.:

(13) «Odd, **damn** odd! A death. Fancy her lighting upon that!»

(A. Christie. *Accident*).

(14) «Yes, but this isn't at a price. It's **dirt** cheap. Eighty pounds a year!»

(A. Christie. *The Adventure of the Cheap Flat*).

Спецификой разговорной диалогической речи также является обилие таких грамматически независимых языковых элементов, как:

а) **междометия** и **междометные выражения**. Известно, что они служат для выражения чувств и побуждений, не называя их, не являясь членами предложения: *ah, oh, eh, hallo, why, well, alas, tush, come, goodness gracious, dear me, etc.* Этот лексический пласт языка принадлежит к эмотивной лексике и может выражать различные эмоции (*гнев, радость, печаль, удивление, раздражение и т. д.*). Например:

(15) «**Well**, it's not really a very pleasant story, M. Poirot».

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(16) «**Alas**, no! For my flowers the rain is needed. See, they are all dried up».

(A. Christie. *The Mystery of the Blue Jar*);

б) **обращения (вокативы)**. Эти грамматически независимые языковые элементы представляют слова или словосочетания, привлекающие в процессе коммуникации внимание партнера по диалогу. Вокативом могут служить *имя адресата, его / ее профессия* или *звание, слово, выражающее / обозначающее отношения между говорящими* и др.: «*Alice*», «*Dr. Brown*», «*Doctor*», «*my dear fellow*», «*my darling*», «*you swine*», «*you old rascal*», etc. Например:

(17) «Won't you come back with us and have a quiet cup of tea, **Mr. Evans**?»

(A. Christie. *Accident*).

(18) «...*The humble spirit, my dear sir, is a wash-out in matrimony!*»

(A. Christie. *The Case of the Discontented Husband*).

с) **вводные слова, фразы и предложения.**

Таковыми являются: *probably, indeed, certainly, of course, in a word, firstly, secondly, besides, speaking/ talking of, I wonder, I think, you see, as you know, as a matter of fact, etc.* Например:

(19) «*As a result, my income has diminished...*»

(A. Christie. *Accident*).

(20) «*At any rate, it didn't mean 'Death'.*»

(A. Christie. *The Four Suspects*).

Исследовав основные лексические особенности, присущие английскому диалогу, считаем целесообразным далее рассмотреть грамматические (морфологические и синтаксические) характеристики англоязычного диалога.

Представляет интерес рассмотрение вопроса особенностей английского диалога на двух основных уровнях грамматики: как на *морфологическом*, так и *синтаксическом*. На каждом из этих уровней грамматики представляется выявить специфические им особенности английского диалога, знание которых способствует более адекватному пониманию и интерпретации речи персонажей англоязычного диалогического художественного дискурса.

Диалог представляет собой (*инициирующие и реагирующие*) высказывания-реплики (прямую речь) непосредственно общающихся между собой коммуникантов (непосредственных участников диалога), поэтому в нем используются местоимения первого и второго лица **I** и **you**:

(21) «*Well*», demanded Poirot. «*What do you think about it all?*»

«*What do I think?*» Miss Lemon was startled.

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(22) «*Do you remember the name of the American secretary?*»

«*Harper, I think, but I cannot be sure...*»

(A. Christie. *The Adventure of the Egyptian Tomb*).

Как отмечают исследователи [Арнольд, 2002; Бузаров, 1998; Гальперин, 1981; Купцов, 2017; Кухаренко, 1979; Тюкина, 2020, 2021; Шилова, 2022б; Crystal 2005; Tyukina, 2021], характерная черта устного типа речи – это наличие **сокращений**, которые вызываются условиями общения. Известно, что темп устного типа речи, по сравнению с письменным, значительно ускорен. Ускоренный темп устной речи вызывает слияние отдельных форм слова: *He isn't...*, *You aren't...*,

She hasn't..., *I don't...*, *I shan't...*, *They won't...*, *She can't...*, *You mustn't...*, *We shouldn't...*, *he's...*, *it's...*, *I'll...*, *they've...* и др.:

(23) «*That's just where you're wrong*», said Mrs. Bantry.

(A. Christie. *The Herb of Death*).

(24) «*...I can't help feeling it's only a matter of hours now*».

(A. Christie. *The Kidnapped Prime Minister*).

Поскольку мастера слова в своих произведениях стараются передать звучащую речь персонажей, в диалоге часто встречается **стяженные формы**: **gotta** (= *got to/ have got to*), **dunno** (= *don't know*), **wanna** (= *want to*) и др.:

(25) «*Yeh, that's all I gotta do*».

«*Got back an hour ago. But I dunno if you can see her*».

(A. Christie. *The Witness for the Prosecution*).

Довольно интересным с языковой точки зрения является еще один случай стяжения *what* с неопределенным артиклем, представленный в тексте диалога следующим образом:

(26) «*Whatta fool!*» roared the big Italian...

(A. Christie. *The Adventure of the Cheap Flat*).

Представляется уместным также отметить, что стяжение способствует стилизации разговорной речи.

Характеристикой англоязычной диалогической речи также является использование **аналитической эмфатической** т. н. **do-формы** (*англ. do-form*) в настоящем и прошедшем времени изъявительного и повелительного наклонения:

(27) «*I suppose such things do happen*», M. Poirot», said Miss Lemon without interest.

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(28) «*He did come in at that time?*» said Mr. Mayherne sharply.

(A. Christie. *The Witness for the Prosecution*).

Нормой английской разговорной речи также является использование форм *whom* вместо *who*, *me* вместо *I*, *him* вместо *he* и др. Например:

(29) «*...But me, I deal not only with documents but with human beings...*»

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

Кроме того, разговорной речи свойственно употребление **фразовых глаголов** и **глагольных сочетаний**: *find out* вместо *discover*; *blow up* вместо *explode*; *give in* вместо *surrender*; *have a smoke* вместо *smoke* и др. Например:

(30) «*Get the boy friend out of it somehow? Is that it? What a hope!*»

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(31) «**Look over** the banisters. Are those your friends?»

(A. Christie. *The Adventure of the Cheap Flat*).

Так, можем сделать вывод о том, что диалог, являясь одной из основных форм речи, обладает особыми морфологическими особенностями, отличающими его от других типов текста. Далее продолжим рассмотрение грамматических особенностей английского диалога на синтаксическом уровне.

Синтаксическая специфика диалога состоит в том, что единицей более крупной, чем предложение, в нем является сочетание ряда высказываний-реплик, связанных структурно-семантической взаимообусловленностью. Подобное сочетание высказываний-реплик называют диалогическим единством (ДЕ). В большинстве случаев ДЕ двучленные – *вопросно-ответные, с подхватом, с повтором или синтаксически параллельные*. Эта связь высказываний-реплик является причиной распространенности в диалогах *односоставных предложений*:

1. Вопросно-ответное ДЕ:

(32) «What age?»

«About thirty-seven or eight, I should think...»

(33) «The arrest of Major Rich was to be expected. But what a remarkable case. What a very remarkable case! Do you not think so?»

«I suppose such things do happen, M. Poirot», said Miss Lemon without interest.

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

2. ДЕ, образованное подхватом:

(34) «And you – were in love with him?»

«I think so».

(35) «There seems to be a suggestion that Major Rich and Mrs. Clayton were very close friends... It was a suggestion and not a proved fact».

«That was very correct of you. But it is an inference that leaps to the eye. Is that all you have to say?»

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

3. ДЕ, образованное повтором:

(36) «This **violence** that has come into your life. Is it the first that you've known?»

«**Violence?**» she frowned, then flushed.

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(37) «Well, there's really not much to tell. The Herb of Death – that's what put it into my head, though in my own mind I call it **sage and onions**».

«**Sage and onions?**» asked Dr. Lloyd. (A. Christie. *The Herb of Death*).

4. ДЕ синтаксически параллельных реплик:

(38) «Can you tell me a little about your husband – **what kind of a man he was?**»

She frowned.

«It's difficult. I don't really know **what kind of a man Arnold was**. He was very quiet – very reserved».

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(39) «...I ask you, Madame, why you are sure that Major Rich did not kill him?»

«Because», she paused a moment – «because I **know Major Rich so well**».

«**You know Major Rich so well**», repeated Poirot tonelessly.

He paused and then said sharply:

«How well?»

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

Особенностью диалогической разговорной речи является **вариативность типов предложений по цели высказывания**, то есть предложения в диалоге не строятся по какой-либо определенной модели, они порождаются спонтанно и естественным образом, имеют различную длину и форму. Диалог может начинаться с *утвердительно-вопросительного предложения-высказывания*, за которым может следовать *вопрос* или *утверждение*, которые в свою очередь могут в зависимости от ситуации общения заставить коммуниканта произнести либо *вопрос*, либо *краткий ответ*, или же *восклицательное предложение-высказывание*, выражающее восторг или приказ. Высказанное предложение также может быть прервано репликой партнера по общению и т. д. Например:

(40) «You have read the morning papers, I presume, Miss Lemon?»

«Yes, M. Poirot. The news from Geneva is not very good».

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(41) «And did you handle her affairs for her at her request?»

«I did».

(A. Christie. *The Witness for the Prosecution*).

Характерной синтаксической особенностью устной речи является наличие **эллиптических оборотов**. Опускание отдельных частей высказывания является нормой диалогической речи, так как сама коммуникативно-речевая ситуация не требует упоминания опущенного. Однако заметим, что полные предложения-высказывания в диалогической речи могут иногда рассматриваться как нарушение нормы. Подобные предло-

жения-высказывания могут быть использованы в особых целях, например, для выражения в диалогической речи *раздражения, подчеркнуто-официального тона, вежливого, но настойчивого приказания, скрытой угрозы* и пр.

Наиболее употребительной формой эллипса англоязычной разговорной речи является опущение *подлежащего* (часто вместе с глаголом-связкой), *именной части сказуемого* или *вспомогательного глагола*. Например:

(42) «*She's a little the wife of our bank manager when we lived at Croydon Heath.*

«*Interesting*», said Poirot.

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(43) «*Nice day, isn't it?*» Jack called out cheerily, cursing the unavoidable banality of the observation.

«Yes, indeed, it is lovely».

(A. Christie. *The Mystery of the Blue Jar*).

В английском языке, как видно из приведенных выше примеров, в разговорной речи *местоименное подлежащее* опускается. Однако заметим, что в английском языке некоторые эллиптические обороты уже закреплены общественной практикой и используются в виде *штампов (формул-клише) разговорной речи*: «*Glad to meet you*»; «*Most proper*»; «*O'key!*»; «*Pardon!*».

Иными словами, подобные эллиптические обороты не создаются заново, а повторяются в речи и тем приближаются к фразеологическим единицам.

Совсем иначе обстоит дело с эллиптическими оборотами, которые возникают только в самом диалоге. Например:

(44) «*We are back at Othello. Yes, Othello... you have given me there a little idea*»

«*Have I?...*»

(A. Christie. *The Mystery of the Spanish Chest*).

(45) «*It's a long time ago*», he said rather weakly.

«*Nine years*», said Evans, accurate as ever.

«*Nine years and three months...*»

(A. Christie. *Accident*).

Как справедливо отмечает И. Р. Гальперин, диалогическая речь в связи с указанными выше условиями устного типа речи, характеризуется еще и другим свойством: процесс формирования мысли протекает почти одновременно с процессом непосредственной коммуникации, как бы «на ходу». Синтаксис поэтому получает характер непоследовательности, – следствие непродуманности. Эта непоследовательность, в частности, сказывается и в **нарушении синтаксических норм** [Гальперин, 1981, с. 30].

Так, например, для устной речи в английском языке характерен **вопрос в синтаксической форме утвердительного предложения**:

(46) «*I am at your service, Lady Willard. You wished to consult me?*»

«*You are, I am aware, a detective, but it is not only as a detective that I wish to consult you...*»

(A. Christie. *The Adventure of the Egyptian Tomb*).

(47) «*But I suppose there aren't very many of those?*» said Mrs. Bantry.

«*Aren't there?*»

«*Sir Henry! You don't mean there are?*»

(A. Christie. *The Four Suspects*).

Иногда **вопросительное предложение-высказывание** употребляется в **эллиптической форме**: опускается вспомогательный глагол *do*. Например:

(48) «*You think so?*»

(A. Christie. *Tape-Measure Murder*).

(49) «*You suspect her then?*»

«*Of course*».

(A. Christie. *The Case of the Perfect Maid*).

Такие предложения-высказывания стоят на грани нелитературных, просторечных оборотов, которые употребляются в живой разговорной речи.

В разговорной речи часто употребляются грамматические конструкции **сослагательного наклонения**, указывающие на то, что коммуникант рассматривает действие не как реальный факт, а как предполагаемое или желательное. Отметим, что если в русском языке имеется только одна форма сослагательного наклонения – сочетание формы глагола прошедшего времени с частицей *бы* (*пошел бы, сделал бы* и т. д.), в современном английском языке сослагательное наклонение выражается различными формами:

(50) «*Well, of course there's some more*», said Mrs. Bantry. «*But if I were to tell you, you'd know what it was*».

(A. Christie. *The Herb of Death*).

(51) «*Yes. He mentioned Marsh's test for arsenic. Said you would know all about it – it was in your line – and chuckled. He wouldn't have said that if he'd thought for one moment*»

(A. Christie. *Accident*).

Проведенный анализ фактического материала позволяет говорить о выявленных синтаксических особенностях англоязычного диалогического художественного дискурса, которые, как известно, отражают его специфику, а именно ис-

пользование эллиптических оборотов, нарушение синтаксических норм, употребление вопроса в синтаксической форме утвердительного предложения, частое использование конструкций сослагательного наклонения, просторечных оборотов и разговорных клише и др.

Заключение

Подводя итог сказанному, отметим, что англоязычный диалогический художественный дискурс обладает специфическими лингвопрагматическими особенностями. Говоря о **лексических особенностях диалога**, отметим, что диалоги насыщены именами собственными, сокращенными словами, различными усилителями, бранными словами или их эвфемизмами, междометиями и междометными выражениями, обращениями, вводными словами, фразами и предложениями и др. **Грамматические особенности** диалога представляют особый интерес, так как придают ему такие специфические характеристики, как *разговорность, спонтанность и динамику*. Среди **морфологических особенностей** англоязычного диалогического дискурса прежде всего выделяется частое использование местоимения первого и второго лица **I** и **you**, сокращенный (*I don't..., I shan't...*), стяженных форм (*got-to=got to/ have got to*), аналитических эмпатических т. н. **do-form (do happen)**, фразовых глаголов и глагольных сочетаний (*find out*) и др. **Синтаксические особенности** диалогического художественного дискурса представлены тем, что в нем чаще используются *односоставные предложения*, связанные в ДЕ: *вопросно-ответные, с подхватом, с повтором или синтаксически параллельные*. Характерной синтаксической особенностью устной речи является наличие *эллиптических оборотов*. Для устной речи в английском языке характерно и *употребление вопроса в синтаксической форме утвердительного предложения*. *Вопросительное предложение* может употребляться в *эллиптической форме*. Кроме того, в диалоге часто употребляются грамматические конструкции *сослагательного наклонения*. Приведенные характеристики англоязычного диалогического художественного дискурса и обуславливают его **семантический и прагматический аспекты**, что способствует более адекватному пониманию содержания диалога в целом.

Таким образом, вышеизложенный материал позволяет утверждать, что англоязычный диалогический художественный дискурс характеризуется специфическими, присущими только устной форме речи лексическими, грамматическими (морфоло-

гическими и синтаксическими) и семантическими особенностями, что не свойственно англоязычной литературной письменной речи. Диалог представляет особую форму человеческого общения со специфическими лингвопрагматическими особенностями, знание которых позволяет глубже понять лингвистическую природу исследуемого явления.

Библиографический список

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. Москва : Флинта : Наука, 2002. 383 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Бабаян В. Н. Дискурс как сложный коммуникативный феномен // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2006. № 4. С. 127-129.
4. Бабаян В. Н. О «переключении языкового кода» и смене темы разговора в диалогическом дискурсе терциарной речи // Иностранные языки в высшей школе. 2021. № 2(57). С. 68–78.
5. Бузаров В. В. Основы синтаксиса английской разговорной речи. Москва : Крон-Пресс, 1998. 365 с.
6. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. Москва : Советская энциклопедия, 1991. Т. 1. 863 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 139 с.
8. Григорян А. А. Дискурс и текст // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орел, 26–27 февраля 2005 г. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел : Орловский государственный институт искусств и культуры, 2005. С. 16–22.
9. Денисов К. М. Терминология когнитивной парадигмы англоязычного политического дискурса // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Иваново : Ивановский государственный университет, 2012. С. 9-16.
10. Купцов А. Е. Основные общеинформативные типы предложения с частицами (на материале испанского языка) // Когнитивные исследования языка. 2016. С. 139-142.
11. Купцов А. Е. Усилительные частицы как средство маркирования темы в испанском и русском предложении // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 195–197.
12. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Ленинград : Просвещение, 1979. 326 с.
13. Мельникова К. А. Различные подходы к определению понятий «дискурс» и «медиадискурс» // Казанская наука. 2022. № 1. С. 132–134.
14. Мельникова К. А., Бабаян В. Н. Политкорректный медиадискурс как способ достижения коммуникативной свободы общения // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития : сборник научных статей по материалам II Международной

научно-практической конференции, Пинск, 26 марта 2021 года. Пинск : Полесский государственный университет, 2021. С. 169–175.

15. Орлов Г. А. Современная английская речь. Москва : Высшая школа, 1991. 240 с.

16. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века / науч. ред. Ю. С. Степанов. Москва : Институт Языкознания РАН, 1995. С. 35–73.

17. Тюкина Л. А., Бабаян В. Н. К вопросу о единице диалогического дискурса // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы : сб. науч. трудов по материалам II-й Международной научно-практической конференции, Ярославль, 14–16 мая 2020 года. Ярославль : Ярославский государственный технический университет, 2020. С. 20–23.

18. Тюкина Л. А. Юмористический диалогический дискурс в современном языкознании: определение и основные характеристики // Казанская наука. 2021. № 3. С. 120–124.

19. Фещенко В. В. Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики // Новый филологический вестник. 2021. № 1. С. 16–35.

20. Шилова Н. В. Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе / Н. В. Шилова, А. Е. Купцов // Когнитивные исследования языка. 2022а. № 3(50). С. 269–273.

21. Шилова Н. В. Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект / Н. В. Шилова, А. Е. Купцов // Язык и общество. Диалог культур и традиций. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022б. С. 223–232.

22. Christie A. Selected Detective Stories. Moscow, 2000. 272 p.

23. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 499 p.

24. Tyukina L. A., Melnikova K. A., Babayan V. N. Russian language jokes in humorous dialogical discourse // Russian studies without borders. 2021. Vol. 5. No 1. P. 27–34.

Reference list

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremennyy anglijskij jazyk = Stylistics. The modern English language : uchebnyk dlja vuzov. Moskva : Flinta : Nauka, 2002. 383 s.

2. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.

3. Babajan V. N. Diskurs kak slozhnyj kommunikativnyj fenomen = Discourse as a complex communicative phenomenon // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2006. № 4. S. 127–129.

4. Babajan V. N. O «perekljuchenii jazykovogo koda» i smene temy razgovora v dialogicheskom diskurse terciarnoj rechi = On «linguistic code switching» and the change of the conversation topic in the tertiary dialogic discourse // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2021. № 2(57). S. 68–78.

5. Buzarov V. V. Osnovy sintaksisa anglijskoj razgovornoj rechi = The basic syntax of English colloquial speech. Moskva : Kron-Press, 1998. 365 s.

6. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar' = Large Encyclopedic dictionary / gl. red. A. M. Prohorov. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1991. T. 1. 863 s.

7. Gal'perin I. R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moskva : Nauka, 1981. 139 s.

8. Grigorjan A. A. Diskurs i tekst = Discourse and text // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse. Orel, 26–27 fevralja 2005 g. / otv. red. A. G. Pastuhov. Orel : Orlovskij gosudarstvennyj institut iskusstv i kul'tury, 2005. S. 16–22.

9. Denisov K. M. Terminologija kognitivnoj paradigmy anglojazychnogo politicheskogo diskursa = Terminology of the cognitive paradigm in English political discourse // Teorija i praktika inostrannogo jazyka v vysshej shkole. Ivanovo : Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2012. S. 9–16.

10. Kupcov A. E. Osnovnye obshheinformativnye tipy predlozheniya s chasticami (na materiale ispanskogo jazyka) = Basic informative types of sentences with particles in Spanish // Kognitivnye issledovaniya jazyka. 2016. S. 139–142.

11. Kupcov A. E. Usilitel'nye chasticy kak sredstvo markirovaniya temy v ispanskom i russkom predlozhenii = Intensifying particles as a means of marking the topic in Spanish and Russian sentences // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. S. 195–197.

12. Kuharenko V. A. Interpretacija teksta = Text interpretation. Leningrad : Prosveshhenie, 1979. 326 s.

13. Mel'nikova K. A. Razlichnye podhody k opredeleniju ponjatij «diskurs» i «mediadiskurs» = Different approaches to defining the notions “discourse” and “media discourse” // Kazanskaja nauka. 2022. № 1. S. 132–134.

14. Mel'nikova K. A., Babajan V. N. Politkorrektnyj mediadiskurs kak sposob dostizheniya kommunikativnoj svobody obshheniya = Politically correct media discourse as a way to achieve communicative freedom of conversation // Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija: sovremennye vektory razvitiya : sbornik nauchnyh statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Pinsk, 26 marta 2021 goda. Pinsk : Polesskij gosudarstvennyj universitet, 2021. S. 169–175.

15. Orlov G. A. Sovremennaja anglijskaja rech' = Modern English speech. Moskva : Vysshaja shkola, 1991. 240 s.

16. Stepanov Ju. S. Al'ternativnyj mir, diskurs, fakt i princip prichinnosti = The alternative world, discourse, fact, and the principle of causality // Jazyk i nauka konca

20 veka / nauch. red. Ju. S. Stepanov. Moskva : Institut Jazykoznanija RAN, 1995. S. 35–73.

17. Tjukina L. A., Babajan V. N. K voprosu o edinice dialogicheskogo diskursa = Toward a unit of dialogic discourse // Lingvodidaktika v nejazykovom vuze: tradicionnye i innovacionnye podhody : sb. nauch. trudov po materialam II-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Jaroslavl', 14–16 maja 2020 goda. Jaroslavl' : Jaroslavskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2020. S. 20–23.

18. Tjukina L. A. Jumoristicheskij dialogičeskij diskurs v sovremennom jazykoznanii: opredelenie i osnovnye harakteristiki = Humorous dialogic discourse in modern linguistics: definition and basic characteristics // Kazanskaja nauka. 2021. № 3. S. 120–124.

19. Feshhenko V. V. Hudozhestvennyj diskurs: k opredeleniju termina v perspektive lingvojestetiki = Literary discourse: toward the definition of the term from the perspective of linguistic aesthetics // Novyj filologičeskij vestnik. 2021. № 1. S. 16–35.

20. Shilova N. V. Diskursivy i sintaksicheskie konstrukcii kak sredstva formirovanija pragmatičeskogo

jeffekta akta kommunikacii v anglo- i ispanojazyčnom hudozhestvennom diskurse = Discursive and syntactic structures as means of forming the pragmatic effect of communication in English and Spanish literary discourse / N. V. Shilova, A. E. Kupcov // Kognitivnye issledovanija jazyka. 2022a. № 3(50). S. 269–273.

21. Shilova N. V. Lingvokul'turnye osobennosti kubinskogo varianta ispanskogo jazyka v hudozhestvennom diskurse: leksičeskij aspekt = Linguistic and cultural characteristics of the Cuban Spanish variant in literary discourse: lexical aspects / N. V. Shilova, A. E. Kupcov // Jazyk i obshhestvo. Dialog kul'tur i tradicii. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022b. S. 223–232.

22. Christie A. Selected Detective Stories. Moscow, 2000. 272 p.

23. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 499 p.

24. Tyukina L. A., Melnikova K. A., Babayan V. N. Russian language jokes in humorous dialogical discourse // Russian studies without borders. 2021. Vol. 5. No 1. P. 27–34.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 13.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_152

EDN: DVWGXР

Стратегия номинации как способ социальной категоризации образа мигранта в немецкоязычном медиадискурсе

Анна Викторовна Ленец^{1✉}, Гюльсум Мамед кызы Чопсиева²

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, Университетский пер., д. 93

²Преподаватель кафедры немецкой филологии, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, Университетский пер., д. 93

¹annalenets@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

²chopsieva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4039-2064>

Аннотация. Статья посвящена описанию дискурсивной стратегии номинации как способа социальной категоризации образа мигранта в современном немецкоязычном медиадискурсе. В ходе исследования проанализированы лексические единицы из глоссариев миграционных процессов «Neue Deutsche Medienmacher*innen» (2014–2021) и примеры из газетного корпуса IDS-Korpora (2016–2021), детерминированы ключевые лексемы при создании портрета мигранта в медийном пространстве, подготовлен и проанализирован корпус примеров, а также изучены классификации мигрантов в отечественных и зарубежных исследованиях лингвистов, социологов, культурологов, официальных документах ООН и европейских статистических агентствах. На основе результатов реализации стратегии номинации в новостных медиатекстах и анализе группы ключевых лексем на основе данных глоссариев NdM разработана авторская классификация категорий мигрантов, используемых в немецкоязычном медийном дискурсе. Выявленные языковые единицы демонстрируют ключевые факторы, влияющие на конструирование их образа. Используемая стратегия номинации идентифицирует мигрантов с такими социокультурными факторами как: географические, политические, правовые, экономические, социальные и культурные. Исследование лингвистических средств, используемых для формирования образа мигранта, показало, что категория вынужденных мигрантов формируется в результате факторов, которые зависят или не зависят от воли и действий человека. Установлены четыре группы факторов, влияющих на определение категории мигрантов. Данные группы факторов определяются причинами миграции, происхождением мигранта, его актуальным положением в стране пребывания и трансформацией его статуса. Некоторые из выявленных факторов имеют критический характер для существования мигранта, другие же факторы определяются благоприятными условиями для будущей жизни.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивная практика; стратегия; мигрант; образ; категория; Migrant; Flüchtling

Для цитирования: Ленец А. В., Чопсиева Г. М. Стратегия номинации как способ социальной категоризации образа мигранта в немецкоязычном медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 152–160. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_152. <https://elibrary.ru/DVWGXР>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Nomination strategy as a way to socially categorize the image of a migrant in german media discourse

Anna V. Lenets¹, Gulsum Mamed gizi Chopsieva^{2✉}

¹Doctor of philological sciences, professor, head of the department of german philology, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Universitetsky lane, 93

²Lecturer, department of german philology, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, Universitetsky lane, 93

¹annalnets@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

²chopsieva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4039-2064>

Abstract. The article describes the discursive nomination strategy as a way of social categorization of a migrant's image in modern German media discourse. The research analyzes lexical units from the glossaries of migration processes «Neue Deutsche Medienmacher*innen» (2014–2021) and examples from the newspaper corpus IDS-Korpora (2016–2021), determining the key lexemes in creating a portrait of the migrant in media space. The authors have also prepared and analyzed the corpus of examples and studied migrant classifications in national and foreign linguistic, sociological and cultural studies, in official documents of the UN and European statistics agencies. The authorial classification of migrants' categories has been developed based on the results of realizing the nomination strategy in media texts and the analysis of certain key lexemes in the NdM glossaries, used in German media discourse. The selected linguistic units demonstrate the key factors influencing the construction of their image. The nomination strategy identifies migrants with such socio-cultural factors as: geographical, political, legal, economic, social and cultural. Studying linguistic means used to form the image of a migrant shows that category of forced migrants is formed as a result of the factors that are dependent or not dependent on the will and actions of a person. There are four groups of factors influencing the definition of the category of migrants. These groups of factors are determined by the reasons for migration, the origin of the migrants, their current status in the host country and its transformation. Some of the identified factors are critical for the migrant's existence, while others are determined by favorable conditions for the future life.

Key words: discourse; discursive practice; strategy; migrant; image; category; Migrant; Flüchtling

For citation: Lenets A. V., Chopsieva G. M. Nomination strategy as a way to socially categorize the image of a migrant in german media discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):152–160. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_152. <https://elibrary.ru/DVWGXP>

Введение

Формирование политики толерантности и привлекательности проживания в Европе привело к значительному иммиграционному притоку, что, в свою очередь, обусловило за последние семь – десять лет появление большого количества публикаций в средствах массовой информации Европы, в частности в Германии [Mediendienst]. К факторам, влияющим на формирование притягательности проживания в ней, относятся центральное положение Германии в Европе, исторические события, государственная политика по отношению к мигрантам. Так, исследование Гамбургской медиашколы, которое заключалось в анализе 34000 статей за период с 2009 по 2015 год, выявило резкое увеличение числа корреспонденции о беженцах [Овсиенко, Чопсиева, 2018, с. 57].

Проблемы, связанные с интеграцией мигрантов в немецкое общество, потребовали от немецкоязычного медийного пространства активного включения в процесс формирования позитивного образа мигранта. Под влиянием средств массовой информации в коллективном сознании немецкого общества формируются стереотипы в отношении мигрантов и их портрет в целом [Ленец, Зарипова, 2018, с. 74]. Значимость формирования положительного образа мигранта для современного немецкого общества подтверждается и количеством проводимых в настоящее время исследований (А.В. Ленец, А.Н. Зарипова, 2018;

Г. М. Чопсиева, Т.В. Овсиенко, 2018; М. С. Матышина, О. Н. Прохорова, 2021 и др.). Лингвистические изыскания по формированию образа мигранта проводятся по нескольким направлениям, которые различаются как по теоретическим предпосылкам, так и по исследуемому материалу и методам. Здесь следует отметить такие направления как теория дискурса (Т. ван Дейк, 2008; Л. В. Куликова, 2021, Р. Водак, 2022 и др.), межкультурная прагмалингвистика (Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова, 2015; В. Н. Матвеева, Н. В. Степанова, 2021 и др.). Кроме того, образ мигранта в медийном пространстве становится объектом и междисциплинарных исследований, таких как миграционная лингвистика, в Европе в конце XX начале XXI вв. (Е. Гугенбергер, 2018; Galyga S. 2021 и др.).

Актуальность проводимых исследований обусловлена высокой долей информационных сообщений, затрагивающих тему мигрантов и миграции в немецкоязычном медиадискурсе, возрастающим потоком мигрантов в странах немецкоязычного ареала и необходимостью изучения дискурсивных практик формирования образа мигранта с точки зрения лингвистики. **Цель настоящей статьи** заключается в описании стратегии номинации как способа категоризации образа мигранта в современном немецкоязычном медийном дискурсе. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить содержание понятия стратегии

номинации и дискурсивных практик в лингвистическом конструировании образа мигранта; 2) обосновать классификацию языковых средств категоризации мигрантов в немецкоязычном медийном дискурсе; 3) описать специфику категоризации образа мигранта в немецком языке.

Материал и методы исследования

Материалом исследования являются термины, представленные в глоссариях миграционных процессов «*Neue Deutsche Medienmacher*innen*» (Германия, далее NdM). Ассоциация NdM является неправительственной организацией и общенациональным объединением, одной из задач которой, является поддержка межкультурного диалога и международного взаимопонимания в науке, искусстве, культуре, образовании и особенно в медиаобразовании [Satzung des Neuen ...].

В 2013 году по инициативе журналистов NdM началась разработка глоссариев NdM, тексты которых находятся в открытом доступе за период с 2014 по 2021 гг. В их составлении участвовали представители СМИ, науки, а также управления Федерального ведомства по делам миграции и беженцев. Данные глоссарии предназначены, в первую очередь, для журналистов, главным инструментом работы которых является язык, влияющий на восприятие и понимание информации, и как следствие на формирование социальной реальности, а также для политологов, педагогов, миграционных специалистов [Der Verein ...].

Алгоритм работы с материалом исследования предполагал предварительное знакомство с данными глоссариев (в период с 2014 по 2021 гг.) [Glossar, 2014–2021] и примерами из газетного корпуса IDS-Korpora, формирование и детерминацию ключевых лексем при создании портрета мигранта в медийном пространстве, подготовку корпуса примеров и их последующий анализ. Помимо данных глоссариев исследование также предусматривало ознакомление с классификациями мигрантов в работах отечественных и зарубежных лингвистов, социологов, культурологов, а также в материалах европейских аналитических агентств и официальных данных ООН [Рыбаковский; Baggio; Demographic and social...]. В ходе исследования было проанализировано 112 лексических единиц, обозначающих различные категории мигрантов из 230 контекстов газетного корпуса IDS-Korpora (в период с 2016 по 2021 гг.).

Описанный выше алгоритм исследовательских действий определил **лингвистические методы**. Метод анализа дефиниций обеспечил

определение специфики семантического словообразования, установление трансформаций в содержании лексем о мигрантах в медийном дискурсе. Метод контент-анализа позволил разработать классификацию групп категорий мигрантов в немецкоязычном медиадискурсе и установить имплицитность национально-культурной специфики конструирования образа мигранта, репрезентируемой в медийном дискурсе. Функциональный подход в современной лингвопрагматике способствовал описанию прагматического потенциала языковых средств в категоризации образа мигранта, то есть контекстуально обусловленных и косвенных смыслов высказывания в текстах медийного дискурса.

Обзор литературы

В широком смысле дискурс определяется как коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в конкретном временном, пространственном и пр. контексте. Данное коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. В узком смысле дискурс обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами [van Dijk, 2008, с. 11].

Определяя социальную реальность, дискурс влияет на организацию всех параметров социальной структуры, то есть не только отражает, но и конструирует мир [Fairclough, 1992, с. 64]. В лингвистической науке дискурс связан с общими семантическими и прагматическими условиями, определяющими его оформление, интерпретации в дискурсивных практиках [Galyga, 2021, с. 123].

Под **дискурсивными практиками** понимаются социально-устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве [Куликова, 2015, с. 10]. Дискурсивная практика формируется в процессе различных видов коммуникации, закрепляется в когнитивных моделях представителей определенной лингвокультуры и используется для утверждения власти, для защиты и критики того или иного общественного явления [Матвеева, Степанова, 2021, с. 146]. Современный медийный дискурс является основным ресурсом интерпретации различных фрагментов социальной реальности, так как язык ме-

диадискурса обладает скрытым манипулятивным потенциалом и способностью посредством дискурсивных практик формировать представление о коммуникативно-поведенческих паттернах представителей определенной культуры [Матыцина, 2019, с. 170].

Повышенный интерес зарубежных исследователей в Австрии и Германии, Испании, Албании, Словакии и Турции к вопросу дискурсивных практик репрезентации мигрантов в медиадискурсе [Eberl, Meltzer, Heidenreich, 2018; Soler-Campo, Retamero, 2021; Dhëmbo, 2021; Štefančík, Kiner, 2021; Luleci, Sula, 2021] позволяет сделать вывод не только об актуальности дискурса о мигрантах, но и своеобразии функционирования оппозиции «свой-чужой» в немецкоязычном медиадискурсе, а также специфике коммуникативной стратегии формирования портрета «чужого». **Новизна настоящего исследования** заключается в том, что, *во-первых*, проанализированы категории мигрантов в немецкоязычном медийном пространстве; *во-вторых*, установлен языковой арсенал культурно-социологических признаков мигрантов; *в-третьих*, разработана их классификация.

Результаты исследования

Дискурсивная стратегия предполагает систематический способ использования языка и определяется как более или менее точный и преднамеренный план дискурсивных практик, направленный на достижение определенной социальной, политической или лингвистической цели [Прохорова, Матыцина, 2018, с. 27]. Ключевыми стратегиями в детальном текстовом анализе являются стратегия номинации и предикации, которые нацелены на выявление соотношения между факторами и действиями, их одобрение или неодобрение, а также негативную или позитивную стереотипизацию. В зависимости от темы исследования и специфики социального контекста одни стратегии приобретают большую значимость. Для нашего исследования принципиальной является стратегия номинации, которая представляет собой особый способ обнаружения скрытой информации, заключенной в слове, а также инструментом характеристики предмета или явления [Wodak, 2022, с. 58]. Детальный анализ немецкоязычного медиадискурса позволит выявить лингвистические средства категоризации образа мигранта в немецком языке. При этом стратегия номинации обеспечит дифферен-

циацию социальных факторов при категоризации образа мигранта.

Анализ реализации стратегии номинации в новостных медиатекстах, а также дифференциация группы ключевых лексем на основе данных глоссариев NdM (2014–2021 гг.) позволил разработать авторскую классификацию категорий мигрантов, используемых в немецкоязычном медийном дискурсе. Категоризация окружающего мира, осуществляемая посредством языковых средств, представляет собой основной способ придания миру упорядоченного характера и позволяет систематизировать действительность, установить сходства и различия явлений. Выявленные категории мигрантов демонстрируют ключевые факторы, влияющие на конструирование их образа в немецкоязычном медиадискурсе.

Разработка авторской классификации предполагала предварительный анализ различных классификаций мигрантов в отечественных и зарубежных исследованиях, официальных документов ООН, а также данных статистических агентств. Четких и однозначных критериев в большинстве источников установить не удалось. Следует отметить, что в классификациях мигрантов доминируют два критерия, используемых для их определения: страна рождения и гражданство [Рыбаковский, 2016, с. 10; Baggio, 2021, с. 7]. Так, статистический отдел департамента по экономическим и социальным вопросам ООН в одной из классификаций выделяет три критерия: 1) страна рождения; 2) страна гражданства; 3) год/ период прибытия [Demographic and Social ...]. Миграционная обсерватория при Оксфордском университете вместо определения «период прибытия» применяет критерий продолжительности пребывания мигранта в стране [Who Counts as ...].

Критерий этнической принадлежности в классификациях применяется реже, так как упоминание национальности человека в официальных документах и СМИ не приветствуется в европейском обществе [Glossar, 2021]. Дополнительными критериями характеристики мигранта выступают вопросы о цели пребывания, наличии множественности гражданства, основаниях его приобретения, причинах миграции, стране рождения родителей, а также целевой характер перемещения лица [Scott, 2014, с. 12]. Считаем, что категория вынужденных мигрантов формируется в результате факторов, которые зависят или не зависят от воли и действий человека (или группы лиц). Некоторые из факторов имеют критиче-

ский характер для самого существования, другие же факторы определяются благоприятными условиями будущего существования мигрантов. Данное обстоятельство легло в основу предлагаемой в дальнейшем классификации.

Использование стратегии номинации для анализа лексем-репрезентантов образа мигранта позволила выявить четыре укрупнённые группы категорий мигрантов, в определении которых учитывались следующие факторы:

➤ факторы, не зависящие от действий, воли человека, которые определяются преимущественно *его происхождением*;

➤ факторы, не зависящие от действий, воли человека, которые указывают на его *актуальное положение* в новой стране пребывания;

➤ факторы, зависящие от действий и воли человека, которые, как правило, определяются *причинами* его миграции;

➤ факторы, зависящие от действий и воли человека, которые определяются *актуальным статусом* в новой стране проживания.

В отношении *первой группы факторов*, которые обусловлены происхождением мигрантов и не зависят от их воли и действий, нами выделяются категории мигрантов по следующим признакам:

- *территориальный*, то есть в определении которых присутствует указание бывшего региона, страны или даже континента проживания. Данная категория представляет собой совокупность определённой социально-территориальной группы населения (*Osteuropäischer Herkunft, Latinx, Deutsch-Türken, Türkstämme, Russlanddeutsche/ Afrodeutsche, Asiatische Deutsche u m.ä.*);

Rassismus zeigt sich auch darin, dass die Geschichte der Afrodeutschen totgeschwiegen wird (SDZ, 2020) [IDS-Korpora];

- *экзогенный*, то есть соответствие антропологическому типу внешности или наличие внешних признаков жителей другого региона. Данная категория представлена мигрантами с явно отличной внешностью от принимающей страны. Внешность обусловлена доминантными генами и является самым дифференцирующим признаком, не поддающемуся изменению (*Farbige, People of Color, Schwarze, Südländer*):

Es sei immer noch keine Seltenheit, dass schwarze Menschen auf die Benennung ihrer Hautfarbe angesprochen werden (WZ, 2019) [IDS-Korpora];

- *языковой*, то есть принадлежность к определённой языковой группе и, соответственно, к другой культуре. Именно язык и культура страны происхождения являются сдерживающим фактором в начальной фазе интеграции в новое общество и идентифицирующим признаком при описании мигранта (*Menschen nicht Deutscher Herkunftssprache, mit schlechten Deutschkenntnissen*):

Bildungsforscher sprechen deshalb lieber von «nichtdeutscher Herkunftssprache» als vom Migrationshintergrund. Gemeint sind Menschen, die Deutsch nicht als Muttersprache erlernt haben (DZ, 2021) [IDS-Korpora].

Вторая группа именования мигрантов определяется факторами, которые не зависят от воли и действий мигрантов на момент их прибытия в новую страну миграции, определяющими его актуальный статус и положение в новой стране. Как правило, это номинации, указывающие на его чуждость и инородность (как людей извне) в страну прибытия (*Allochthone, Ausländer, Einwanderer, Fremde, Zuwanderer, Einwanderer und ihre Nachkommen, Menschen aus Einwandererfamilien*);

Auch als Einwanderer, Kind, Enkel oder Urenkel von Einwanderern bleibt man, deutscher Pass hin oder her, in den Augen mancher doch immer Deutscher zweiter Klasse. Man bleibt immer «der Ausländer», «der Fremde», «der Migrant» (DZ, 2020) [IDS-Korpora].

Третья группа факторов, которые зависят от действий и воли человека и определяются *причинами* миграции, включает несколько категорий мигрантов. Основными причинами миграции преимущественно являются политико-правовые, военные, религиозные, демографические, экономические, или природные. Анализ немецких глоссариев позволил определить следующие группы:

- *политико-правовые и военные*, то есть мигранты, вынужденные покинуть свою страну из-за изменений политического строя, противоречащего его гражданской позиции; преследований со стороны государства за политические убеждения. Миграция по военным причинам является наиболее тяжелой для населения, так как главной целью перемещения на новую территорию становится спасение жизни (*Ausgebürgerter, Ausgewiesener, Binnenflüchtlinge, Exilierte, Geschützte Personen, Kontingentflüchtlinge, Verbannter, Vertriebene*):

Seine eigene Familie, sagt er dann, habe die Flucht gekannt, die Vorfahren seien Sudetendeutsche gewesen, **Vertriebene**, die im Krieg übers Gebirge geflohen seien (DS, 2018) [IDS-Korpora];

- *религиозные*, то есть лица, покидающие место проживания по причине несоответствия их религиозных убеждений принятым в стране порядкам, а также из-за угнетения или дискриминации со стороны общества за свои религиозные взгляды (*Asyl wegen religiöser Verfolgung*):

Der Übertritt zu einer anderen Religion ist nicht erlaubt und kann je nach Koran-Auslegung und Land für die Konvertiten **massive Repressionen zur Folge** haben (WZ, 2021) [IDS-Korpora];

- *демографически-экономические*, то есть лица, покинувшие свое государство из-за низкого уровня жизни населения и оплаты труда, отсутствия достаточного количества рабочих мест, перспектив развития и возможностей для улучшения качества жизни. Люди вынуждены уезжать из своей страны в более развитые страны в поисках возможностей для реализации и заработка (*Armutsflüchtling, Armutszuwanderer, Wirtschaftsflüchtling*):

Auch ein **Wirtschaftsflüchtling** verspürt Not, sonst würde er diesen gefährlichen, schweren Weg nicht gehen und die Heimat hinter sich lassen (DZ, 2018) [IDS-Korpora];

- *природные/ экологические*, то есть мигранты, вынужденные покинуть своё постоянное место проживания из-за угрозы жизни и здоровью, вследствие природных катаклизмов, экологических катастроф и техногенных разрушений. Климатические изменения, экстремальные погодные условия вынуждают людей менять место проживания на территории с более благоприятными условиями (*Umweltflüchtling, Klimaflüchtling*):

Das Klima zerstörte sein Geschäft, er wurde zum **Klimaflüchtling** (SDZ, 2019) [IDS-Korpora].

И, наконец, *четвертая группа факторов*, которые зависят от действий и воли мигранта и определяются его *актуальным статусом* в новой стране проживания. При взаимодействии с обществом принимающей страны раскрывается различие культур, которые обусловлены принадлежностью к другой этнической группе или религии. Данные различия могут препятствовать успешной интеграции мигрантов в новой стране, а также стать причиной конфликтов и волнений в обществе.

- *гражданский*, то есть наличие гражданства страны, в которой проживает мигрант. Данный фактор указывает на документальную принадлежность к стране. Тем не менее, несмотря на наличие гражданства, представители иных этнических групп считаются «немцами» только по паспорту или граждане другой страны, проживающие на территории принимающей страны (*Ausländische Mitbürger, Neubürger, Passdeutsche, Drittstaatsangehörige*):

Es wird unterschieden zwischen «richtigen», «echten» **Deutschen** und «Passdeutschen», zwischen «autochthonen» oder «Bio-Deutschen» und solchen, die kein «deutsches Blut» haben (DZ, 2020) [IDS-Korpora];

- *культурный*, то есть уровень взаимодействия мигранта с культурой принимающей страны. Данный аспект подразумевает степень культурной интеграции мигрантов в новое общество. Если изначально культурная интеграция сопровождается противоречиями и конфликтами между представителями различных культур, то с течением времени отмечается сближение этнических общностей. Однако такая межкультурность фиксируется в определении мигранта (*Neue Deutsche, Bindestrich-Deutsche, Diverskulturelle, Menschen mit internationaler Geschichte, Menschen mit Migrationshintergrund*):

Wohl aber wird ein multiethnisches Deutschland unsere Zukunft sein: Gewöhnen wir uns an **Bindestrich-Deutsche: an Turko-Deutsche und Graeco-Deutsche und Italo-Deutsche** (DZ, 2016) [IDS-Korpora];

- *этнический*, то есть лица, чье поведение способствует формированию определённого образа, стереотипов поведения представителями определённой этнической группы. Так, из действий каждого отдельного человека того или иного этноса у принимающего общества складывается либо положительное, либо отрицательное отношение ко всей группе (*Juden, Semiten, Sinti, Roma, Zigeuner*):

Da wurde das Delikt des Trickdiebstahls in Polizeiakten anlasslos mit Begriffen wie «**Roma**», «**Sinti**» oder «**Zigeuner**» verknüpft – für Experten ist das eine Form von Racial Profiling, die zur Folge haben kann, dass Sinti und Roma pauschal mit Kriminalität in Verbindung gebracht werden. (SDZ, 2021) [IDS-Korpora];

- *религиозно-культурный*, то есть мигранты иных религиозных культур, отличных от принятой в принимаемом обществе, что порой

препятствует успешной интеграции. Причастность к определённой религиозной культуре ассоциируется у принимаемого общества с устойчивыми положительными или негативными образами/ стереотипами (*Muslime, Kulturmuslime, liberale Muslime, radikale Muslime, säkulare Muslime, Schiiten, Sunniten, Ultra-Orthodoxe Juden*):

Den vielen muslimischen Bürgern – Toprak nennt sie «Kulturmuslime» –, die sich nicht über ihre Religion definieren lassen wollen, will die Initiative säkularer Islam nun eine organisierte Stimme geben (DW, 2019) [IDS-Korpora];

• *социальный*, то есть мигрант, имеющий определённый разрыв в представлении о социальном бэкграунде нового члена принимающего общества (например, низкий уровень или отсутствие образования) (*Migranten ohne Schulabschluss, ohne Ausbildung; unqualifizierte, arbeitslose Flüchtlinge*):

Doch, wie auch AMS-Vorstand Johannes Kopf in der «ZiB2» am Sonntag bestätigte, sind es vor unqualifizierte und geringqualifizierte Tätigkeiten, in denen die Geflüchteten arbeiten. Es sind oft Jobs in sogenannten Einstiegsbranchen (...) in der rund 20 Prozent aller Syrer, Iraner, Iraker und Afghanen arbeiten (WZ, 2019) [IDS-Korpora].

Проанализированный материал позволяет констатировать оппозицию в конструировании образа мигрантов в медиадискурсе, которая базируется на исходных (то есть происхождение, причины) и актуальных факторах (то есть приобретение положения, статуса). Лексическое описание группы исходных факторов определяется условиями происхождения самого мигранта, причинами его миграции, а с другой стороны, характеристикой актуального положения мигранта в новой стране, трансформации его статуса.

Заключение

Необходимость изучения дискурсивных практик конструирования образа мигранта, актуализируемых в современном немецкоязычном миграционном медиадискурсе несомненна, так как используемая в немецкоязычном медийном дискурсе стратегия номинации способствует соотношению мигрантов с различными социокультурными факторами (географическими, политическими, правовыми, экономическими, социальными и культурными). Всего установлено четыре группы факторов, влияющих на определение категории. Первые две группы факторов определяются как не зависящие от действий и воли че-

ловека. Первая группа включает три категории мигрантов (территориальный, экзогенный, языковой). Вторая группа детерминирована актуальным положением мигранта в стране немецкоязычного ареала. Третья и четвертая группа факторов категоризации мигрантов зависят от действий и воли человека. Третья группа определяется причинами миграции (политико-правовые, военные, религиозные, демографические, экономические и природные). Четвертая группа характеризует трансформацию актуального статуса мигранта в новой стране проживания (гражданский, культурный, этнический, религиозно-культурный, социальный).

Рамки настоящей статьи ограничили сферу исследования периодом с 2016 по 2021. В перспективе исследования предполагается осуществить анализ источников статей 2022 года, обобщить данные и сделать вывод о существовании стереотипных образов мигрантов, формируемых в сознании носителей немецкого языка в различные исторические периоды.

Библиографический список

- Куликова Л. В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации / Л. В. Куликова, С. Б. Белецкий, Н. Г. Бурмакина [и др.]; Сибирский федеральный университет. Красноярск : Сибирский федеральный университет. 2015. С. 6–12.
- Ленец А. В., Заринова А. Н. Лингвокультурный и прагматический аспекты использования терминов-реалий в медийных сообщениях о миграции (на материале медийного дискурса Германии и Австрии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: лингвистика и педагогика. 2018. № 4 (29). С. 73–81.
- Матвеева В. Н., Степанова Н. В. Прагматический анализ миграционного дискурса (на материале выступлений британских политиков) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7. № 5. С. 143–161.
- Матыцина М. С. Дискурсивная репрезентация мигрантов, беженцев и просителей убежища в британских СМИ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 1. С. 168–174.
- Овсиенко Т. В., Чопсиева Г. М. Образ мигранта и способы его формирования в немецком языке (на материале немецких газет и журналов) // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3 (24). С. 57–63.
- Прохорова О. Н., Матыцина М. С. Дискурсивные стратегии портретирования иммигрантов и механизмы их осуществления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. № 2. С. 90–96.

7. Рыбаковский Л. Л. Классификация миграции: основания и таксоны. ИСПИ РАН: Народонаселение. 2016. № 3(73). С. 4–16.
8. Baggio F. Descriptive classifications of migration. P. 1–5.
9. Demographic and Social Statistics. Standards and Methods. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/standards-and-methods/> (дата обращения: 17.02.2022).
10. Der Verein. Neue deutsche Medienmacher*innen. URL: <https://neuemedienmacher.de/der-verein/> (дата обращения: 10.02.2023).
11. Dhembo E., Çaro E «Our migrant» and «the other migrant»: migration discourse in the Albanian media, 2015–2018 (2021) Humanities and Social Sciences Communications 8(1).
12. Eberl J. M., Meltzer C. E., Heidenreich T. The European media discourse on immigration and its effects: A literature review. Annals of the International Communication Association, 42 (3). 2018. P. 207–223.
13. Galyga S., Lind F. 7 Linguistic features of migration coverage in European mass media. Media and Public Attitudes Toward Migration in Europe A Comparative Approach. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/353039801_7_Linguistic_features_of_migration_coverage_in_European_mass_media (дата обращения: 10.02.2023).
14. Glossar der neuen deutschen Medienmacher. Berlin: Bundesamt für Migranten und Flüchtlinge. 2014. 43 s.
15. Glossar der neuen deutschen Medienmacher. 2021. URL: <https://glossar.neuemedienmacher.de/glossar/prefix:a/> (дата обращения: 14.02.2022).
16. IDS-Korpora. Leibniz Institut für deutsche Sprache (IDS) URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/> (дата обращения: 28.01.2023).
17. Luleci C., Erkam I Migration Management in Turkey: Discourse and Practice. Uluslararası İlişkiler 18(72):1–17. 2021
18. Mediendienst. URL: <https://mediendienst-integration.de/integration/medien.html> (дата обращения: 10.02.2023).
19. Satzung des Neuen deutschen Medienmacher*innen. URL: <https://neuemedienmacher.de/satzung> (дата обращения: 10.02.2023).
20. Scott P. The classification of «migrants» as a discursive practice in public health: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. 2014.
21. Štefančík R., Kiner A ‘Sorry, i don’t want them here’. Migration in Slovak Political Discourse. Professional Discourse & Communication 3(2):10–20. 2021.
22. Stuardo-Concha M., Soler-Campo S., Retamero M. R. Contemporary Political and Media Discourses on Immigrants: A Review of Discourse Analytical Research in Spain (2021) Migraciones.
23. van Dijk T. A. Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power / ed. by T. A. van Dijk. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 1–26.
24. Who Counts as a Migrant? Definitions and their Consequences. The Migration Observatory COMPAS: University of Oxford. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/who-counts-as-a-migrant-definitions-and-their-consequences/> (дата обращения: 17.02.2022).
25. Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. Handbook of Pragmatics. 2022. P. 50–70.

Reference list

1. Kulikova L. V. Diskursivnye praktiki sovremennoj institucional'noj kommunikacii = Discursive practices of modern institutional communication / L. V. Kulikova, S. B. Beleckij, N. G. Burmakina [i dr.]; Sibirskij federal'nyj universitet. Krasnojarsk : Sibirskij federal'nyj universitet. 2015. С. 6–12.
2. Lenec A. V., Zaripova A. N. Lingvokul'turnyj i pragmatičeskij aspekty ispol'zovanija terminov-realij v medijnyj soobshhenijah o migracii (na materiale medijnogo diskursa Germanii i Avstrii) = Linguistic, cultural and pragmatic aspects of using terms-realial in media reports on migration (from German and Austrian media discourse) // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: lingvistika i pedagogika. 2018. №4 (29). S. 73–81.
3. Matveeva V. N., Stepanova N. V. Pragmatičeskij analiz migracionnogo diskursa (na materiale vystuplenij britanskix politikov) = Pragmatic stylistic analysis of migration discourse (based on British politicians' speeches) // DISKURS. 2021. T. 7. № 5. S. 143–161.
4. Matycina M. S. Diskursivnaja reprezentacija migrantov, bezhencev i prositelej ubezhishha v britanskix SMI = Discursive representation of migrants, refugees, and asylum seekers in the British media // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. 2019. T. 25. № 1. S. 168–174.
5. Ovsienko T. V., Chopsieva G. M. Obraz migranta i sposoby ego formirovanija v nemeckom jazyke (na materiale nemeckix gazet i zhurnalov) = A migrant's image and how it is formed in the German language (based on German newspapers and magazines) // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2018. T. 7. № 3 (24). S. 57–63.
6. Prohorova O. N., Matycina M. S. Diskursivnye strategii portretirovanija immigrantov i mehanizmy ih osushhestvlenija = Discursive strategies for portraying immigrants and the mechanisms of implementing them // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Jazykoznanie. 2018. T. 17. № 2. S. 90–96.
7. Rybakovskij L. L. Klassifikacija migracii: osnovanija i taksony = The migration classification: bases and taxa. ISPI RAN: Narodonaselenie. 2016. № 3(73). S. 4–16.
8. Baggio F. Descriptive classifications of migration. P. 1–5.
9. Demographic and Social Statistics. Standards and Methods. URL: <https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/standards-and-methods/> (data obrashhenija:

17.02.2022).

10. Der Verein. Neue deutsche Medienmacher*innen. URL: <https://neuemedienmacher.de/der-verein/> (data obrashhenija: 10.02.2023).

11. Dhembo E., Çaro E «Our migrant» and «the other migrant»: migration discourse in the Albanian media, 2015–2018 (2021) Humanities and Social Sciences Communications 8(1).

12. Eberl J. M., Meltzer C. E., Heidenreich T. The European media discourse on immigration and its effects: A literature review. Annals of the International Communication Association, 42 (3). 2018. P. 207–223.

13. Galyga S., Lind F. 7 Linguistic features of migration coverage in European mass media. Media and Public Attitudes Toward Migration in Europe A Comparative Approach. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/353039801_7_Linguistic_features_of_migration_coverage_in_European_mass_media (data obrashhenija: 10.02.2023).

14. Glossar der neuen deutschen Medienmacher. Berlin: Bundesamt für Migranten und Flüchtlinge. 2014. 43 s.

15. Glossar der neuen deutschen Medienmacher. 2021. URL: <https://glossar.neuemedienmacher.de/glossar/prefix:a/> (data obrashhenija: 14.02.2022).

16. IDS-Korpora. Leibniz Institut für deutsche Sprache (IDS) URL: <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/> (data obrashhenija: 28.01.2023).

17. Luleci C., Erkam I Migration Management in Turkey: Discourse and Practice. Uluslararası İlişkiler 18(72):1–17. 2021

18. Mediendienst. URL: <https://mediendienst-integration.de/integration/medien.html> (data obrashhenija: 10.02.2023).

19. Satzung des Neuen deutschen Medienmacher*innen. URL: <https://neuemedienmacher.de/satzung> (data obrashhenija: 10.02.2023).

20. Scott P. The classification of «migrants» as a discursive practice in public health: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung. 2014.

21. Štefánčík R., Kiner A ‘Sorry, i don’t want them here’. Migration in Slovak Political Discourse. Professional Discourse & Communication 3(2):10–20. 2021.

22. Stuardo-Concha M., Soler-Campo S., Retamero M. R. Contemporary Political and Media Discourses on Immigrants: A Review of Discourse Analytical Research in Spain (2021) Migraciones.

23. van Dijk T. A. Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power / ed. by T. A. van Dijk. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008. P. 1–26.

24. Who Counts as a Migrant? Definitions and their Consequences. The Migration Observatory COMPAS: University of Oxford. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/briefings/who-counts-as-a-migrant-definitions-and-their-consequences/> (data obrashhenija: 17.02.2022).

25. Wodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis. Handbook of Pragmatics. 2022. P. 50–70.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2022; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 81'22

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_161

EDN: LZNPCЕ

Сопоставительный анализ межкультурных особенностей хеджирования в англоязычном академическом дискурсе

Наталья Николаевна Николаева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры Л2 «Английский язык для приборостроительных специальностей», Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет). 105005, г. Москва, 2-я Бауманская улица, д. 5, стр. 1
nnn55n73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6104-6577>

Аннотация. Необходимость коммуникации на английском языке в современном международном научном дискурсе побуждает ученых из разных стран следовать нормам англоязычного академического письма, среди которых непрямая коммуникация / хеджирование является одной из ключевых стратегий в осуществлении эффективного научного общения. При этом выбор англоязычных средств хеджирования исследователями из разных стран варьирует и зависит от конвенциональных норм и принципов, характерных для той или иной культуры, а также определяющих типов когнитивного стиля мышления (аналитического и холистического). В данной работе рассматриваются стратегии непрямого общения, используемые учеными из Великобритании, США, Китая, Индии и Турции в материалах международных научных конференций, которые представляют собой хороший базис для изучения универсальности vs культуроспецифичности академического английского языка, и чему, однако, посвящено мало исследований. Целью работы является выявление и сопоставление наиболее характерных средств хеджирования в международном англоязычном академическом дискурсе. Научная новизна исследования заключается в проверке гипотезы о существовании значимых культуроспецифичных различий в использовании средств хеджирования между англосаксонскими авторами и представителями не европейской научной мысли. С помощью контекстуального, статистического, сопоставительного и интерпретационного анализов выявляются частотность и культурная специфичность хеджинов, а также их функционально-прагматические особенности. Теоретической основой проведения исследования послужила классификация средств непрямого речи Е. Хинкеля, позволившая нам выделить и проанализировать тринадцать категорий хеджинов. Результаты продемонстрировали существенные различия в частотности использования средств хеджирования и функционале между указанными группами авторов, что доказывает культурную обусловленность академического дискурса, в том числе на английском языке, и ставит под сомнение идею об универсальности научного дискурса в целом. Результаты работы могут быть использованы отечественными авторами в процессе подготовки и написания научных трудов на английском языке, ориентированных на обширную международную и поликультурную аудиторию.

Ключевые слова: академический дискурс; межкультурная коммуникация; английский язык; коммуникативные стратегии; непрякая речь; хеджирование

Для цитирования: Николаева Н. Н. Сопоставительный анализ межкультурных особенностей хеджирования в англоязычном академическом дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 161–172. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_161. <https://elibrary.ru/LZNPCЕ>

Original article

Comparative analysis of hedging intercultural features in english academic discourse

Natalya N. Nikolaeva

Candidate of philological sciences, associate professor, department L2 «English for machine building specialties», Bauman Moscow state technical university (national research university). 105005, Moscow, 2nd Baumanskaya st., 5, bld. 1
nnn55n73@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6104-6577>

Abstract. Modern international scientific communication encourages scientists from different countries to follow the norms of academic writing in the english language, among which hedging is one of the key strategies. The choice of

hedging tools varies among the researchers. It depends on both the conventional norms and principles characterizing particular cultures and the defining cognitive styles (analytical or holistic). The article considers key hedging strategies used by scientists from the UK, the USA, China, India, and Turkey, who represent different cultural traditions and cognitive styles, while writing their international conference abstracts. These abstracts represent a good basis for examining universality vs. cultural specificity of academic english, which, however, have not been studied much so far. We apply contextual, statistical, comparative, and interpretive analyses to reveal frequency and functionality of hedging, as well as its functional and pragmatic features. E. Hinkel's categorization of indirectness and hedging devices serves as the framework for the analysis, which allows the author to identify and analyze thirteen main categories of hedges. The results demonstrate significant differences in hedging frequency and functionality among culturally specific groups of authors. It proves the cultural dependence of academic discourse, as well as the idea of universality and objectivity of scientific discourse as a whole. The results and conclusions can prove useful for russian scientists to prepare their scientific papers in english, aiming at an extensive international and multicultural audience.

Key words: academic discourse; intercultural communication; the english language; communication strategies; indirect speech; hedging

For citation: Nikolaeva N. N. Comparative analysis of hedging intercultural features in english academic discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):161–172. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_161. <https://elibrary.ru/LZNPCE>

Введение. Интернационализация академического общения на английском языке, ориентация на эффективную коммуникацию, виртуализация и стандартизация научного дискурса, ставят авторов англоязычных научных текстов из разных стран перед необходимостью приспосабливать свой культуроспецифичный риторический стиль изложения научной информации к канонам, принятым в академическом дискурсе носителей английского языка. Поскольку академический дискурс является «продуктом профессионального взаимодействия в академической среде» [Хутиз, 2015, с. 75], «нормативно организованным речевым взаимодействием, обладающим как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, использующим определённую систему профессионально-ориентированных знаков» [Куликова, 2006, с. 75], не вызывает сомнения тот факт, что его участники должны общаться в соответствии с конвенциональными нормами, среди которых непрямая коммуникация и её разновидность хеджирование являются ключевыми стратегиями в осуществлении эффективной научной коммуникации. В этом состоит *актуальность* нашего исследования.

Целью данной работы является выявление и сопоставление наиболее характерных средств непрямой коммуникации / хеджирования в материалах международных научных конференций, написанных авторами из разных стран, у которых английский язык является родным (англичан и американцев) и не родным (китайцев, индийцев, турок). В связи с неустоявшейся терминологической дифференциацией понятий средств «непрямой коммуникации» и «хеджирования» («хеджинов») в отечественной и зарубежной литературе, в данной работе мы используем эти

термины как взаимозаменяемые. *Научная новизна* исследования заключается в проверке гипотезы о существовании значимых культуроспецифичных различий в использовании средств хеджирования между англосаксонскими авторами с определяющим аналитическим когнитивным стилем и представителями не европейской научной мысли с преобладающим холистическим когнитивным стилем мышления, а также в ответе на вопрос, насколько выявленные различия влияют на коммуникативную эффективность письменных академических текстов на английском языке.

Теоретическая значимость исследования заключается в проверке *гипотезы* о том, что наука и, соответственно, научный / академический дискурс культуроспецифичны, так как «наука, являющаяся частью культуры и включающая культуроспецифичное обыденное знание, обладает наряду с инвариантными характеристиками, отражающими ее мировой характер, определенными национальными (культурно обусловленными) особенностями» [Александров, Александрова, 1990, с. 9], что, по нашему мнению, отражается в использовании учеными разных стран определенных риторических языковых средств, характерных для их национальных культур и когнитивных стилей (холистического или аналитического типов ментальности), при создании научных текстов на английском языке. Таким образом, являясь характерной чертой западноевропейской, особенно англосаксонской, речевой культуры, хеджирование может стать серьёзным коммуникативным барьером в международной коммуникации и привести к когнитивным и функционально-прагматическим неудачам, а также повлиять на авторитет автора как ученого

с высоким социальным статусом, способного «участвовать в дискуссиях, построенных по образцу джентельменских социальных норм» [Pergault, 2022, p. 27]. В связи с тем, что в настоящее время российские ученые активно включаются в международную научную дискуссию с представителями разных культур, результаты данного исследования представляют *практическую значимость* и могут быть использованы отечественными авторами в процессе подготовки и написания научных трудов на английском языке, ориентированных на обширную международную аудиторию. Материалом исследования послужили 120 текстов (по 30 штук на представителей вышеуказанных культур; всего 32105 примеров хеджинов) на английском языке, собранных методом сплошной выборки из сборников международных научных конференций по социальным и гуманитарным наукам за период 2020-2022 [Thripp, Sahin, 2020; Thripp, Sahin, 2021; Akerson, Shelley, 2021; Attou, et al, 2022; Noroozi, Sahin, 2022].

Теоретической основой функционального анализа средств хеджирования послужила классификация средств непрямого речи Хинкеля [Hinkel, 2005], который выделил тринадцать типов средств непрямого речи, распределив их на три категории.

1. Риторические приемы (англ. rhetorical devices): (а) риторические и разделительные вопросы (англ. rhetorical questions and tags), например: *How are we to understand the 'state of the nation' which these circumstances suggest? It is possible for us to establish a non-Eurocentric and widely acceptable concept of early modernity, is not it?* (б) разъяснения и опровержения (англ. disclaimers and denials), например: *not mean to / imply / say, x is not y, not even, no way, not + noun / verb / adjective / adverb*, (в) маркеры неопределенности и двусмысленности (англ. vagueness and ambiguity markers), например: *approximately, around, many / much, a lot of, number of, a pieces of, several, aspects of, facets of, and so on, whatever, some, seldom, do(es) usually / often / occasionally / sometimes, who knows*.

2. Лексические и референциальные маркеры (англ. lexical and referential markers): (а) лексические хеджи (англ. lexical hedges), например: *probably, possibly, likely, perhaps, potentially, hopefully, actually, relatively, can, may, seemingly, about, kind of, more or less, most, in case of, in a way, by some / any chance, as is well known, apparently, basically, according to, as people say*, (б) ди-

станцирование (англ. point of view distancing), например: *I think / suppose / believe / consider, I am concerned / I would like to think*, (в) даунтонеры = смягчители (англ. downtoners), например: *nearly, partly, slightly, hardly, mildly, at all, almost, only, somewhat, as good / well as, at least, enough, merely*, (г) диминитивы = уменьшители (англ. diminutives), например: *virtually, a few, a little, a bit*, (д) дискурсивные частицы (англ. discourse particles), например: *anyway, anyhow*, (е) демонстративы (англ. demonstratives), например: *this, that, these*, (ж) неопределенные местоимения (англ. indefinite pronouns), например: *somebody, nobody, everybody, anything*. (з) наречия с семантикой неопределенности (англ. discourse understatement), например: *rather, fairly, not bad, quite*.

3. Синтаксические маркеры (англ. syntactic markers): (а) пассивный залог глагола-сказуемого (англ. passive voice), например: *It can be seen in the following example*; (б) условные придаточные предложения (англ. if-conditionals), например: *If it is possible, we will be happy to present our paper related to ...*.

Распределенные методом контекстуального анализа по категориям и авторам, собранные средства непрямого коммуникации были обработаны с помощью статистических (тест Крускала-Уоллиса и непараметрический статистический тест Манна-Уитни U [см.: Hinkel, 1997]) и сравнительного анализов (сначала между тремя группами авторов – не носителей английского языка, а затем попарно между группой авторов – носителей и группами авторов не носителей английского языка), после чего был проведен качественный функционально-интерпретационный анализ полученных статистических данных.

Основные положения работы и обзор литературы по теме исследования. Непрямая коммуникация – это «содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание высказывания предполагает учет смыслов, отсутствующих в нем и требующих дополнительных интерпретационных усилий со стороны адресата» [Дементьев, 2018, с. 920]. Непрямая коммуникация связана с новой парадигмой постмодернистского мышления, ориентированная на выстраивание непрямого диалога, в котором нечеткость, расплывчатость, не категоричность речи имеет цель речевого отгораживания от прямолинейности и однозначности высказывания позиции автора. В современном мире, перенасыщенном информацией, множественность интерпретаций смысла текстов приобретает особую значимость, так как

успешная коммуникация и взаимопонимание участников общения непосредственно связано с их общим культурно-образовательным фоном, в связи с чем проблема непрямой коммуникации приобретает социально-культурную значимость. Одним из способов непрямой коммуникации является лингвистическое хеджирование, впервые описанное Дж. Лакоффом [Lakoff, 1975] как языковое явление, связанное с определенным смягчением категоричности авторской точки зрения, ограничением ответственности за субъективные высказывания, а также с целью проявления вежливости к читателям и уклонения от возможной критики.

Хеджирование / хеджинг (англ. *hedge, hedging* – to avoid giving a direct answer, русс. «увиливать», «уклоняться» [Cambridge Dictionary, 2023], то есть расплывчатая, осторожная речь) представляет собой прагматическую речевую стратегию и «является универсальным дискурсивным маркером, который характеризует научный текст, его смысловую нагрузку» [Марюхин, 2010, с. 114]. К средствам хеджирования традиционно относят определенные лексические единицы и грамматические структуры со значением вероятности, предположения, возможности, обобщения, оценочности, фактологической точности и т. п. [Руцкая, Звягина, 2018]. Хеджинг реализует коммуникативную стратегию «вежливости дистанцирования», сохранения «лица» собеседника [Brown, Levinson, 1987; Ларина, 2009], снижения безапелляционности высказывания, «страхуя» ответственность говорящего за неверность пропозиции [Lakoff, 1975], ограничивая степень достоверности или действительности суждения, позволяя избежать его абсолютной трактовки [Марюхин, 2010; O’Keeffe, 2019]. Как отмечает К. Хайланд, «использование соответствующей степени непрямолинейности и хеджирования имеет решающее значение для эффективного научного академического письма» [Hyland, 1998, с. 56].

Стиль научного письма традиционно рассматривается как институционально-ориентированный, то есть имеющий целью объективное, точное, универсальное описание «процесса выведения нового знания об окружающем мире, ... обусловленный коммуникативными канонами научного общения, участниками которого являются ученые-исследователи» [Герасимова, 2018, с. 162]. Стиль международных научных текстов не должен быть подвержен влиянию культурных особенностей их авторов; он ориен-

тирован на межкультурный диалог и характеризуется «универсальными нормированными риторическими и прагматическими стратегиями» [Scollon, et al, 2012, с. 54]. Однако в ряде современных исследований по функционированию академического языка в разных странах [Bennett, 2010; Hyland, 2019; Hultgren, 2019; Mu, 2020] доказывается, что научные тексты, написанные в том числе и на английском языке, встроены в социокультурные контексты их авторов. При этом используются различные риторические и прагматические средства, высвечивающие культуроспецифичные концептуальные основы языкового поведения, например, разницу в использовании маркеров кооперативного и субординаторного общения (англ. *coordination vs subordination*) [Толстоногова, 2018; Сапун, Куликова, 2019; Beltran, et al, 2020], в прямолинейности и витиеватости/изысканности стиля (англ. *straightforward vs flowery language style*) [Sa’adeddin 1989; Лобачева, 2017], ориентации на читателя либо на автора текста (англ. *reader versus writer responsibility*) [Luo, Hyland, 2019; Хутиз, 2015], дифференциации стилей аргументирования (англ. *argument structure*) [Uysal, 2012; Дроздова, 2015; Corcoran, 2019; Hanauer, et al, 2019; Емельянова, 2022], средствах текстовой когерентности и когезии (англ. *coherence, cohesive devices*) [Clyne, 1994; Hinkel, 2002].

В разных культуроспецифичных академических дискурсах хеджирование также проявляет себя по-разному [Hinkel, 2002; Lewin, 2005; Hu, Cao, 2011]. Так, изучив исследования по функционированию хеджинга в научных работах отечественных авторов [Руцкая, Звягина, 2018; Михалева, Пушнина, 2022; Сейранян, 2022], мы согласны с мнением И. Б. Балашова и О. Г. Гориной, что «хеджинг, вероятно, не является одним из важнейших элементов в русскоязычной культуре, каким он является для британской (и в целом англоязычной) культуры» [Балашов, Горина, 2022, с. 20]. Более прямолинейный, открытый, напористый стиль аргументации характерен для авторов из индивидуалистских культур с преобладающей аналитической ментальностью (США, Чехия, Северная Европа) [Beltran, et al, 2020]. Ученые из коллективистских культур, преимущественно с холистической ментальностью (Китай, Корея, Япония, Индия), имеют склонность к косвенному стилю аргументации, завуалированности, двусмысленности речи, частым использованием средств хеджирования с целью снижения конфронтации, сохранения ли-

ца, выражения почтительной вежливости и установления гармонии [Hazen, 1986; Hinkel 2002; Mu, 2020].

Ученые, изучающие непрямую коммуникацию в глобальном научном дискурсе, отмечают критическую роль этого фактора для иллюкативной эффективности академических текстов на английском языке и получения признания работы автора международным научным сообществом [Hinkel, 1997; Lewin, 2005; Lillis, 2010; Hyland, 2019; Сейранян, 2022]. По мнению К. Хайланда, хеджирование в английском академическом письме выполняет три важные функции, заключающиеся, во-первых, в необходимости отграничить фактическую информацию от потенциальной и указать на то, что выводы автора основаны на его логических рассуждениях, а не на определенных знаниях; во-вторых, в помощи авторам избежать личной ответственности за высказанные утверждения и снизить возможные репутационные риски в будущем; в-третьих, в развитии доверительных и уважительных отношений между автором и читательской аудиторией, а также в получении одобрения от последней [Hyland, 1998]. Таким образом, обзор литературы показывает, что использование средств непрямой коммуникации играет существенную роль в научном академическом дискурсе. При этом их функционирование культуроспецифично и зависит от конвенциональных норм и принципов, характерных для той или иной культуры и определяющих типов когнитивного стиля (аналитического / холистического).

Межкультурные различия в употреблении хеджинов проявляются и в материалах международных научных конференций, написанных на английском языке авторами из разных стран. Такие тексты, на наш взгляд, представляют собой хороший базис для изучения универсальности vs культуроспецифичности академического английского языка как языка глобального общения в научном дискурсе. Поскольку само участие в научных конференциях связано с рассмотрением и (не)принятием докладов коллегами-рецензентами, как правило, с высоким уровнем владения научным английским языком, то первостепенное значение приобретает фактор убеждения членов академического комитета конференции в профессиональной и научной компетентности автора работы, а также его способности выстроить релевантную коммуникацию с другими участниками конференции. Хеджирование как эффективное средство мягкого убеждения,

по нашему мнению, имеет определяющее значение для получения одобрения статьи от научного сообщества. Однако работ, посвященных рассмотрению хеджирования в материалах международных научных конференций не так много. Чтобы восполнить этот пробел и помочь ученым – не носителям английского языка, прежде всего российским, представлять свои англоязычные работы наиболее эффективным образом, а также понимать особенности глобального поликультурного академического дискурса, было проведено настоящее исследование, в котором сравнивается функционирование хеджинов в статьях индийских, китайских, турецких и англоамериканских ученых.

Методика проведения исследования. Материалом исследования послужили 120 текстов (по 30 штук на представителей вышеуказанных культур; всего 32105 примеров средств непрямой коммуникации) на английском языке, собранных методом сплошной выборки из сборников материалов международных научных конференций по социальным и гуманитарным наукам за период 2020–2022. В частности, основываясь на описанной ранее классификации средств непрямой речи Е. Хинкеля, нами были выбраны и статистически обработаны средства хеджирования, представленные в таблицах 1 и 2. Распределенные по группам методом контекстуального анализа по категориям и национальностям авторов, средства были обработаны с помощью статистического анализа с использованием теста Крускалла-Уоллиса и непараметрического статистического теста Манна-Уитни U (Kruskall-Wallis test и Mann-Whitney U non-parametric statistical test) [Hinkel, 1997]. Общее количество слов и выражений из каждой категории сравнивалось с общим количеством слов в каждом тексте, применяя вкладки «рецензирование» и «статистика» в приложении Microsoft Word, затем рассчитывалось их процентное соотношение с помощью приложения Microsoft Excel. Например, в предложении из 956 слов процентное соотношение четырех риторических вопросов было рассчитано как $4 : 956 \times 100 = 0,42 \%$. Эта формула применялась для расчетов по каждой категории хеджинов во всех 120 текстах. После чего были найдены медианы и диапазоны.

Сравнительный анализ включал в себя сопоставление средств хеджирования с помощью теста Крускалла-Уоллиса между тремя группами авторов разных национальностей (индийских, турецких, китайских) с целью выбора категорий,

в которых диапазон встречаемости данных средств разнится по группам авторов. Поскольку средства не прямой коммуникации представителями разных культур не использовались одинаково ни по частоте, ни по категориям, был применен непараметрический статистический тест Манна-Уитни U для парных сравнений хеджинов в статьях авторов – не носителей английского языка (индийских vs турецких (И-Т), индийских vs китайских (И-К), турецких vs китайских (Т-К)), также в статьях англоязычных (АЯ) и неанглоязычных (НАЯ) авторов попарно.

После статистического анализа был проведен качественный функционально-интерпретационный анализ полученных данных, продемонстрировавший различия в употреблении и прагматическом потенциале средств не прямой коммуникации среди исследователей разных национальностей.

Результаты исследования. Сравнительный анализ с помощью теста Крускала-Уоллиса вы-

явил существенные различия в частоте использования средств хеджирования между индийскими, китайскими и турецкими группами авторов, а именно: риторических вопросов, маркеров разъяснения и опровержения, лексических хеджинов, маркеров дистанцирования, демонстративов и пассивного залога глагола-сказуемого (см. табл. 1). Как видно из таблицы 1, в статьях китайских авторов чаще всего встречаются риторические вопросы, маркеры разъяснения, опровержения, дистанцирования и лексические хеджины. Труды турецких ученых отличаются высокой частотностью употреблений маркеров разъяснения и опровержения, демонстративов и пассивного залога глагола-сказуемого. Наиболее категоричными оказались статьи индийских авторов, так как в них меньше всего использовались средства не прямой коммуникации. В целом, чаще всего ученые используют лексические хеджи и маркеры дистанцирования.

Таблица 1

**Результаты сравнительного анализа использования средств хеджирования
в статьях авторов – не носителей английского языка**

Средства не прямой коммуникации	Группы авторов	χ^2	Среднее значение
Лексические хеджи	И	17,5	31,0
	Т		48,3
	К		57,0
Маркеры дистанцирования	И	16,3	35,8
	Т		43,5
	К		57,2
Демонстративы	И	15,5	29,6
	Т		56,0
	К		53,2
Риторические вопросы	И	13,7	42,8
	Т		40,1
	К		54,2
Маркеры разъяснения и опровержения	И	12,1	34,1
	Т		56,1
	К		48,2
Пассивный залог глагола-сказуемого	И	6,9	35,7
	Т		53,1
	К		49,1

С целью определения статистической значимости культуроспецифичных различий был применен непараметрический статистический тест Манна-Уитни (U-критерий) для каждой пары из группы авторов – не носителей английского языка. Как показывают данные сравнительного анализа между индийской и китайской группами (см. табл. 1), китайские статьи включают большее число риторических вопросов, маркеров разъяснения и опровержения, лексических хеджинов, маркеров дистанцирования, демонстративов и

пассивного залога глагола-сказуемого. В их же статьях таких стратегий косвенной речи, как риторических вопросов и маркеров дистанцирования было выше, чем у турецких ученых. Последние предпочитают маркеры разъяснений и опровержений, лексические хеджины, дискурсивные частицы, указательные местоимения и пассивный залог глагола-сказуемого чаще, чем индийские ученые. Функционирование стратегий хеджирования между носителями и не носителями ан-

глийского языка также имеет существенные различия (см. табл. 2).

Таблица 2

**Результаты сравнительного анализа использования средств хеджирования
в статьях авторов различных национальностей**

Средства не прямой коммуникации	Медиана %				АЯ – И		АЯ – К		АЯ – Т	
	АЯ	И	К	Т	U	Z	U	Z	U	Z
1. Риторические вопросы	0.00	0.00	0.00	0.00	330	-2.54	421	-0.52	300	-3.42
Диапазон	0.02	0.02	0.01	0.00						
2. Маркеры разъяснения и опровержения	0.00	0.00	0.00	0.00	373	-1.27	408	-0.66	327	-1.90
Диапазон	0.03	0.01	0.02	0.04						
3. Маркеры неопределенности и двусмысленности	0.01	0.01	0.01	0.01	384	-0.98	337	-1.68	339	-1.67
Диапазон	0.03	0.02	0.03	0.03						
4. Лексические хеджи	0.01	0.01	0.02	0.01	365	-1.26	156	-4.35	239	-3.14
Диапазон	0.02	0.02	0.04	0.04						
5. Маркеры дистанцирования	0.00	0.00	0.00	0.00	420	-1.43	210	-4.56	360	-2.56
Диапазон	0.00	0.00	0.01	0.01						
6. Даунтонеры	0.00	0.00	0.00	0.00	288	-3.16	299	-3.01	372	-1.86
Диапазон	0.00	0.01	0.01	0.01						
7. Диминитивы	0.00	0.00	0.00	0.00	449	-0.04	440	-0.27	447	-0.10
Диапазон	0.00	0.01	0.01	0.01						
8. Дискурсивные частицы	0.00	0.00	0.00	0.00	422	-0.71	438	-0.32	405	-1.76
Диапазон	0.00	0.01	0.00	0.00						
9. Демонстративы	0.00	0.01	0.01	0.02	367	-1.25	175	-4.09	143	-4.57
Диапазон	0.03	0.04	0.04	0.03						
10. Неопределенные местоимения	0.00	0.01	0.01	0.00	385	-0.99	353	-1.48	431	-0.30
Диапазон	0.02	0.02	0.02	0.02						
11. Наречия с семантикой неопределенности	0.00	0.00	0.00	0.00	433	-0.52	435	-0.40	434	-0.49
Диапазон	0.01	0.00	0.01	0.00						
12. Пассивный залог глагола-сказуемого	0.01	0.01	0.01	0.01	278	-2.55	395	-0.85	431	-0.29
Диапазон	0.03	0.02	0.03	0.04						
13. Условные придаточные предложения	0.00	0.00	0.00	0.00	442	-0.20	403	-1.45	439	-0.29
Диапазон	0.01	0.00	0.00	0.01						

Таблица 2 показывает, что носители английского языка предпочитают использовать в своих статьях риторические вопросы и пассивный залог глагола-сказуемого, при этом значительно чаще, чем индийские, турецкие и китайские ученые. Статьи англосаксонских авторов почти не

содержат маркеры дистанцирования, даунтонеры, диминитивы, а также значительно меньше лексических хеджинов и демонстративов, чем статьи китайских и турецких авторов, что делает их статьи более прямолинейными и открытыми. Турки гораздо чаще, чем англосаксы, использу-

ют лексические хеджины, маркеры дистанцирования, даунтонеры, диминитивы, демонстративы и пассивный залог глагола-сказуемого, указывающие на намеренную лимитацию категоричности авторского мнения, направленность на благосклонность читателей и соглашение с позицией автора. Риторические вопросы, разъяснения и опровержения, маркеры неопределенности, двусмысленности и дистанцирования, демонстративы и пассивный залог глагола-сказуемого являются наиболее характерными хеджинами у китайцев. Как видим, англосаксы гораздо реже, чем китайцы и турки, предпочитают включать средства непрямой коммуникации в свои работы, предназначенные для сборников научных конференций, что ориентирует читателя на большую убедительность их доказательств и выводов. Работы индийских ученых с наименьшим количеством средств хеджирования по сравнению с работами турецких и китайских коллег выглядят также более уверенными и определенными. Статьи китайских авторов с самыми высокими показателями частоты встречаемости хеджинов демонстрируют вежливость тона, смягчение резкости утверждений, приглашение к дискуссии, указание на существование различных подходов к интерпретации их исследований.

Обсуждение результатов. Результаты продемонстрировали определенные различия в частотности использования хеджинов и их функционале между всеми культуроспецифичными группами авторов. Так, было установлено, что англосаксонские и индийские авторы используют значительно меньшее количество маркеров хеджирования, чем их китайские и турецкие коллеги, предпочитая четко и прямо представлять результаты своих исследований в письменной академической речи. Например, в их статьях предложения с активным глаголом сказуемым, а также с местоимениями я / мы (англ. *I / we*) при указании на авторство работы, фигурируют чаще по сравнению с китайскими и турецкими учеными; последние в этом случае ставят глагола-сказуемое в пассивный залог и используют демонстративы. Например: (1) «*Performing close analyses of several episodes, I lay a foundation for seeing the white characters in Good Times as a new type of representation prefiguring representations of whiteness...*» (Angela M. Nelson, Bowling Green State University, USA) [Noroozi, 2022, с. 111–116]. (2) «... **this research aims** to develop a guideline for indie musicians who attempt entrepreneurship in the future. To meet the research objectives, **this research will conduct** case study on Sunset Rollercoaster. ... In-depth

interview with band members will be conducted to collect data ...» (Hsiao-Han Wang, National Cheng Kung University, Taiwan) [Noroozi, 2022, с. 152–162].

У англосаксов и реже у индийцев глагол-сказуемое в пассивном залоге употребляется во введении статьи, а также при описании материалов, методов и процедур исследований. На наш взгляд, это доказывает не столько приверженность к хеджированию, сколько индивидуализм авторской позиции англосаксов, уважение к авторству как таковому и признание заслуг других ученых, что укладывается в рамки англосаксонского академического когнитивного стиля. Риторические вопросы, наиболее часто встречаемые в заглавиях статей, во введении и разделе «Обсуждение результатов», выполняют у носителей английского языка и у индийцев функции мягкого привлечения внимания к теме исследования с целью вызвать интерес у читателей, а также для создания дискуссионного пространства, представления гипотезы и авторских аргументов. Например: (3) «*First, since students complete these activities in sequential courses, do responses differ through course maturity? Additionally, is there a difference in technical and soft skill development through hand on building by gender?*» (Andrew R. Kline, Stacy A. Kolegraff, Joseph P. Cleary, California Polytechnic State University, USA) [Akerson, 2021, с. 9].

У китайцев и турок пассивный залог глагола-сказуемого, который используется во всех разделах статьи, и риторические вопросы (в заглавиях и во введении) имеют несколько другие функции, а именно: функции дистанцирования, обобщения и универсальности аргументов (пассивный залог), функции привлечения внимания читателей к теме работы, мягкого приглашения к дискуссии, косвенного определения ниши исследования, аккуратного выражения авторского мнения и формулирования утверждений (риторические вопросы), что создает чувство нерешительности, неопределенности и завуалированности авторской позиции. Например: (4) «*Considering that the concept of art is constantly developing and changing, it is possible to say that formal pursuits emerge with experimental applications. In this context, all kinds of materials and techniques were used in the artistic creation process and the first examples of the works that can be evaluated in the context of the plasticity of hybridity, which is the subject of the research ...*» (Oğuz Yurtadur, Selçuk University, Turkey) [Akerson, 2021, с. 98]. (5) «... *this proposal focuses on twin goals of awareness*

and implementation of age-appropriate materials for target educators (priority population) working with school-aged children in the 5–7 age range. **Readers may ask: Why so young? Why not begin this complex instruction when children are older?»** (Kelli Ling, et al, Boston University, USA) [Thripp, et al, 2021, с. 43].

Отметим, что из трех групп авторов – не носителей английского языка индийцы проявляют себя как наиболее категоричные и прямолинейные, предпочитающие прямой стиль аргументации не прямой речи с хеджированием, что не согласуется с мнением Ю. Карчу [Kachru, 1988], который утверждает, что носители индийского языка организуют свои научные тексты нелинейным образом, часто применяя косвенные речевые стратегии. Напротив, китайские и турецкие ученые активно используют средства хеджирования, особенно лексические хеджи, которые не только элиминируют категоричность утверждений, но и вызывают у читателя чувство неуверенности автора в своих выводах. Например, следующий отрывок отличается переизбытком модальных глаголов и обезличенными конструкциями: (6) *«In order for the advantages of MOOCs, which are considered as the learning opportunity of the future, to be recognized and effective, it may be beneficial to have various language translations of the MOOC contents It could be better to make the assessment system efficient, ... Making informative posts about MOOCs can create awareness about them so that more people can produce content or take courses. Various incentives can be designed to enrich the course content further. ..., necessary improvements can be made to optimize the technological opportunities. Methods such as group work, feedback, student opinions ... can be developed to increase the effect of MOOCs. It can be ensured that different sectors* (Yasemin Bertiz, et al, Kireli University, Turkey) [Akerson, 2021 с. 158].

О широком использовании средств хеджирования азиатскими авторами в разных дискурсах с целью сохранения лица, выражения групповой гармонии, смягчения прагматической силы утверждений писали многие ученые (см. [Hu, Cao, 2011]). Наше исследование также доказывает эту культурную особенность китайских ученых, их холистичный когнитивный стиль, который характерен и для турецких авторов, отмеченный в работах других ученых [Doğan, 2009]. Что же касается работ англосаксонских исследователей, то результаты нашего исследования подтверждают «конвенциональную косвенность» стратегии вежливости дистанцирования [Михалева, Пушнина, 2022, с. 117], тради-

ционную для англосаксонских принципов речевой сдержанности, клишированности и деперсонализации письменного академического дискурса. На наш взгляд, это согласуется с гипотезой аналитичности когнитивного стиля мышления англосаксов, их приверженности четкости, конкретности, фактуальности, логичности и клишированности изложения материала. Хеджирование в данном случае выполняет роль «сдерживающего» фактора чрезмерной прямолинейности и жесткости их академического стиля письма.

Заключение. В целом, значительные межкультурные различия в функционировании маркеров хеджирования в жанре материалов научных конференций доказывают культурную обусловленность академического дискурса, в том числе на английском языке, что ставит под сомнение идею об универсальности и объективности научного дискурса. Несмотря на то, что наука а-приоре характеризуется фактической, объективной и универсальной природой, научные данные описываются с помощью определенных, выбранных автором, риторических приемов, отражающих его мнение, интенции, ценности и конвенциональные нормы, в большой степени базирующиеся на культуроспецифичных и когнитивных стилях мышления. Таким образом, глобальный англоязычный академический дискурс может вызвать проблемы для ученых из разных стран и культурных традиций, не являющихся носителями академического английского языка, так как их научные тексты могут быть неправильно восприняты и истолкованы. Это следует учитывать не англоязычным авторам, в том числе русскоязычным ученым, принимающим участие в международных конференциях и публикуящим свои научные труды в международных журналах. Именно поэтому в российских вузах необходимо внедрять изучение стратегий хеджирования в рамках курсов по академическому и профессионально-ориентированному английскому языку, учитывая особенности многонационального и поликультурного научного дискурса.

Библиографический список

1. Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. Москва : Изд-во Института психологии РАН, 2009. 320 с.
2. Балашов И. Б., Горина О. Г. Проблематика хеджирования в межкультурном контексте международного общения // Язык и культура в глобальном мире. Санкт-Петербург : СПбГУ, 2022. С. 16–23.
3. Герасимова С. А. Вступительная речь как жанр

академического дискурса: французская энциклопедия XVIII века // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия : монография. Москва : URSS, 2018. С. 161–179.

4. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 919–944.

5. Дроздова Д. Р. Основные манипулятивные тактики в академическом дискурсе // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1 (10). С. 28–30.

6. Емельянова О. П. Основные стратегии аргументации в структуре текста академического дискурса // Казанская наука. 2022. № 3. С. 119–121.

7. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме : монография. Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2006. 329 с.

8. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

9. Лобачева Н. А. Риторические приемы академического дискурса // Гуманитарные науки. 2017. № 1 (37). С. 50–55.

10. Марюхин А. П. Явление «hedging» в научном дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2010. № 5(1). С. 113–117.

11. Михалева Е. И., Пушнина И. В. Прагматические особенности хеджирования в академическом дискурсе // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2022. 45 (1). С. 113–124.

12. Руцкая Е. А., Звягина В. В. Некатегоричность в научных статьях технической тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12(90). Ч. 2. С. 371–375.

13. Сапун Т. В., Куликова Л. В. Дискурсивная репрезентация авторитарности в академической коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 2 (17). С. 57–66.

14. Сейранян М. Ю. Дискурсивные маркеры речевого отгораживания как отражение национально-культурной специфики речевого общения // Преподаватель XXI век. 2022. № 3. Часть 2. С. 380–386.

15. Толстоногова И. В. Модели ролевого взаимодействия участников устного академического дискурса // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2018. № 3. С. 59–70.

16. Хутыз И. П. Особенности конструирования академического дискурса: ориентация на читателя / автора // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2015. № 1. С. 77–82.

17. Akerson V., Shelley M. Proceedings of International Conference on Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2021. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

18. Attou A. B., Ciddi, M. L., Unal M. Proceedings of International Conference on Studies in Education and Social

Sciences ISTES Organization, 2022. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

19. Beltran L., Salo-Lee L., Maestro J. European peripheries in interaction: The Nordic countries and the Iberian Peninsula. Madrid: Universidad de Alcala Publications, 2020. 354 p.

20. Bennett K. Academic discourse in Portugal: A whole different ballgame? // Journal of English for Academic Purposes. 2010. Vol. 9. P. 21–32.

21. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. 2nd ed. Cambridge : Cambridge Univer. Press, 1987. 360 p.

22. Cambridge Dictionary : site. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/hedge?q=hedging> (accessed 12.03.2023).

23. Clyne M. Intercultural communication at work: Cultural values in discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 192 p.

24. Corcoran J. N. Addressing the «bias gap»: A research-driven argument for critical support of plurilingual scientists' research writing // Written Communication. 2019. Vol. 36. No. 4. P. 538–577.

25. Doyuran Z. Conciliation of knowledge through hedging in Turkish scientific articles // Hacettepe University Journal of Faculty of Letters. 2009. Vol 26(1). P. 85–99.

26. Hanauer D. I., Sheridan C., Englander K. Linguistic injustice in the writing of research articles in English as a second language: Data from Taiwanese and Mexican researchers // Written Communication. 2019. Vol. 36. No. 1. P. 136–154.

27. Hazen M. D. The universality of logic processes in Japanese argument / F. Van Eemeren, R. Grootendorst, A. Blair, Ch. Willard (Eds.) Argumentation: Analysis and practices. Dordrecht-Holland : Foris Publications, 1986. P. 225–237.

28. Hinkel E. Second language writers text: Linguistic and rhetorical features. Mahwah. New Jerzy : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. 189 p.

29. Hinkel E. Hedging, inflating, and persuading in L2 academic writing // Applied Language Learning. 2005. № 15. P. 29–53.

30. Hinkel E. Indirectness in L1 and L2 academic writing // Journal of Pragmatics. 1997. Vol. 27. P. 361–386.

31. Hu G., Cao F. Hedging and Boosting in Abstracts of Applied Linguistics Articles: A Comparative Study of English- and Chinese-Medium Journals // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. Iss. 11. P. 2795–2809.

32. Hultgren A. K. English as the language of academic publication: On equity, disadvantage, and «non-nativeness» as a red herring // Publications. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 1–13.

33. Hyland K. Hedging in Scientific Research Articles. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1998. 307 p.

34. Hyland K., Jiang K. Academic discourse and global publishing. London : Routledge, 2019. 263 p.

35. Kachru Y. Writers in Hindi and English / A. Purves (Ed.) Writing across languages and cultures: Issues in contrastive rhetoric. London : Routledge, 1988. P. 109–137.

36. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Contemporary Research in

Philosophical Logic and Linguistic Semantics. London : Routledge, 1975. P. 221–271.

37. Lewin B. A. Hedging: An exploratory study of authors' and readers' identification of 'toning down' in scientific texts // Journal of English for Academic Purposes. 2005. Vol. 4. P. 163–178.

38. Lillis T., Curry M. J. Academic writing in a global context: The politics and practices of publishing in English. London : Routledge, 2010. 318 p.

39. Luo N., Hyland K. 'I won't publish in Chinese now': Publishing, translation and the non-English speaking academic // Journal of English for Academic Purposes. 2019. Vol. 39. P. 37–47.

40. Mu C. Understanding Chinese multilingual scholars' experiences of writing and publishing in English: A social-cognitive perspective. Stuttgart : Springer, 2020. 207 p.

41. Noroozi O., Sahin I. Proceedings of International Conference on Humanities, Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2022. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

42. O'Keeffe A. Clancy B. Politeness / Introducing Pragmatics in Use. New York : Routledge, 2019. P. 98–123.

43. Perrault S. T. The evolution of author functions in scientific communication / C. Hanganu-Bresch, M. J. Zerbe, G. Cutrufello, S. M. Maci (Eds) The Routledge handbook of scientific communication. London, NY : Routledge, 2022. P. 26–57.

44. Sa'adeddin M. A. Text development and Arabic-English negative interference // Applied Linguistics. 1989. Vol. 10(1). P. 36–51.

45. Scollon, R., Scollon, S. W., Jones R. H. Intercultural Communication: A Discourse Approach Somerset. United States : John Wiley & Sons, Incorporated, 2012. 286 p.

46. Thrupp R., Sahin I. Proceedings of International Conference on Humanities, Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2020. Vol. 1. 103 p. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

47. Thrupp R., Sahin I. Proceedings of International Conference on Humanities, Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2021. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

Reference list

1. Aleksandrov Ju. I., Aleksandrova N. L. Sub#ektivnyj opyt, kul'tura i social'nye predstavlenija = Subjective experience, culture, and social beliefs. Moskva : Izd-vo Instituta psihologii RAN, 2009. 320 s.

2. Balashov I. B., Gorina O. G. Problematika hedzhirovaniya v mezhkul'turnom kontekste mezhdunarodnogo obshheniya = Hedging problems in intercultural context of international communication // Jazyk i kul'tura v global'nom mire. Sankt-Peterburg : SPbGU, 2022. S. 16–23.

3. Gerasimova S. A. Vstupitel'naja rech' kak zhanr akademicheskogo diskursa: francuzskaja jenciklopedija XVIII veka = Opening speech as a genre of academic discourse: XVIII century French encyclopedia // Diskurs kak universal'naja matrica verbal'nogo vzaimodejstvija : monografija. Moskva : URSS, 2018. S. 161–179.

4. Dement'ev V. V. Neprjamaja kommunikacija v ruskoj nacional'no-rechevoj kul'ture = Indirect communication in

Russian national speech culture // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2018. T. 22. № 4. S. 919–944.

5. Drozdova D. R. Osnovnye manipulativnye taktiki v akademicheskom diskurse = Basic manipulative tactics in academic discourse // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2015. № 1 (10). S. 28–30.

6. Emel'janova O. P. Osnovnye strategii argumentacii v strukture teksta akademicheskogo diskursa = Basic argumentation strategies in the text structure of academic discourse // Kazanskaja nauka. 2022. № 3. S. 119–121.

7. Kulikova L. V. Kommunikativnyj stil' v mezhkul'turnoj paradigme = Communicative style in the intercultural paradigm : monografija. Krasnojarsk : KGPU im. V. P. Astaf'eva, 2006. 329 s.

8. Larina T. V. Kategorija vezhlivosti i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskikh i russkikh lingvokul'turnyh tradicij = The category of politeness and communication style: Comparing English and Russian linguocultural traditions. Moskva : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 512 s.

9. Lobacheva N. A. Ritoricheskie priemy akademicheskogo diskursa = Rhetorical techniques in academic discourse // Gumanitarnye nauki. 2017. № 1 (37). S. 50–55.

10. Marjuhin A. P. Javlenie «hedging» v nauchnom diskurse = The «hedging» phenomenon in scientific discourse // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie». 2010. № 5(1). S. 113–117.

11. Mihaleva E. I., Pushinina I. V. Pragmaticheskie osobennosti hedzhirovaniya v akademicheskom diskurse = Pragmatic characteristics of hedging in academic discourse // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie». 2022. 45 (1). S. 113–124.

12. Ruckaja E. A., Zvjagina V. V. Nekategorichnost' v nauchnyh stat'jah tehničeskoy tematiki = Non-categorical nature of scientific articles on technical topics // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2018. № 12(90). Ch. 2. C. 371–375.

13. Sapun T. V., Kulikova L. V. Diskursivnaja reprezentacija avtoritarnosti v akademicheskoy komunikacii = Discursive representation of authoritarianism in academic communication // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2019. № 2 (17). S. 57–66.

14. Sejranyan M. Ju. Diskursivnye markery rechevogo otgorazhivaniya kak otrazhenie nacional'no-kul'turnoj specifičiki rechevogo obshheniya = Discursive markers of speech detachment as a reflection of national and cultural specificity of speech communication // Prepodavatel' XXI vek. 2022. № 3. Chast' 2. S. 380–386.

15. Tolstonogova I. V. Modeli rolevogo vzaimodejstvija uchastnikov ustnogo akademicheskogo diskursa = Role interaction models for participants in oral academic discourse // Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2018. № 3. S. 59–70.

16. Hutyž I. P. Osobennosti konstruirovaniya akademicheskogo diskursa: orientacija na čitatelja / avtora = Specifics of constructing academic discourse: focus on the reader / author // Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo

tehnologicheskogo universiteta. 2015. № 1. S. 77–82.

17. Akerson V., Shelley M. Proceedings of International Conference on Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2021. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

18. Attou A. B., Ciddi, M. L., Unal M. Proceedings of International Conference on Studies in Education and Social Sciences ISTES Organization, 2022. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

19. Beltran L., Salo-Lee L., Maestro J. European peripheries in interaction: The Nordic countries and the Iberian Peninsula. Madrid: Universidad de Alcala Publications, 2020. 354 p.

20. Bennett K. Academic discourse in Portugal: A whole different ballgame? // Journal of English for Academic Purposes. 2010. Vol. 9. P. 21–32.

21. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. 2nd ed. Cambridge : Cambridge Univer. Press, 1987. 360 p.

22. Cambridge Dictionary : site. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/hedge?q=hedging> (accessed 12.03.2023).

23. Clyne M. Intercultural communication at work: Cultural values in discourse. Cambridge : Cambridge University Press, 1994. 192 p.

24. Corcoran J. N. Addressing the «bias gap»: A research-driven argument for critical support of plurilingual scientists' research writing // Written Communication. 2019. Vol. 36. No. 4. P. 538–577.

25. Doyuran Z. Conciliation of knowledge through hedging in Turkish scientific articles // Hacettepe University Journal of Faculty of Letters. 2009. Vol 26(1). P. 85–99.

26. Hanauer D. I., Sheridan C., Englander K. Linguistic injustice in the writing of research articles in English as a second language: Data from Taiwanese and Mexican researchers // Written Communication. 2019. Vol. 36. No. 1. P. 136–154.

27. Hazen M. D. The universality of logic processes in Japanese argument / F. Van Eemeren, R. Grootendorst, A. Blair, Ch. Willard (Eds.) Argumentation: Analysis and practices. Dordrecht-Holland : Foris Publications, 1986. P. 225–237.

28. Hinkel E. Second language writers text: Linguistic and rhetorical features. Mahwah. New Jerzy : Lawrence Erlbaum Associates, 2002. 189 p.

29. Hinkel E. Hedging, inflating, and persuading in L2 academic writing // Applied Language Learning. 2005. № 15. R. 29–53.

30. Hinkel E. Indirectness in L1 and L2 academic writing // Journal of Pragmatics. 1997. Vol. 27. P. 361–386.

31. Hu G., Cao F. Hedging and Boosting in Abstracts of Applied Linguistics Articles: A Comparative Study of English- and Chinese-Medium Journals // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. Iss. 11. P. 2795–2809.

32. Hultgren A. K. English as the language of academic publication: On equity, disadvantage, and «non-nativeness» as a red herring // Publications. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 1–13.

33. Hyland K. Hedging in Scientific Research Articles. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1998. 307 p.

34. Hyland K., Jiang K. Academic discourse and global publishing. London : Routledge, 2019. 263 p.

35. Kachru Y. Writers in Hindi and English / A. Purves (Ed.) Writing across languages and cultures: Issues in contrastive rhetoric. London : Routledge, 1988. P. 109–137.

36. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Contemporary Research in Philosophical Logic and Linguistic Semantics. London : Routledge, 1975. P. 221–271.

37. Lewin B. A. Hedging: An exploratory study of authors' and readers' identification of 'toning down' in scientific texts // Journal of English for Academic Purposes. 2005. Vol. 4. P. 163–178.

38. Lillis T., Curry M. J. Academic writing in a global context: The politics and practices of publishing in English. London : Routledge, 2010. 318 p.

39. Luo N., Hyland K. 'I won't publish in Chinese now': Publishing, translation and the non-English speaking academic // Journal of English for Academic Purposes. 2019. Vol. 39. P. 37–47.

40. Mu C. Understanding Chinese multilingual scholars' experiences of writing and publishing in English: A social-cognitive perspective. Stuttgart : Springer, 2020. 207 p.

41. Noroozi O., Sahin I. Proceedings of International Conference on Humanities, Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2022. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

42. O'Keeffe A. Clancy B. Politeness / Introducing Pragmatics in Use. New York : Routledge, 2019. P. 98–123.

43. Perrault S. T. The evolution of author functions in scientific communication / C. Hanganu-Bresch, M. J. Zerbe, G. Cutrufello, S. M. Maci (Eds) The Routledge handbook of scientific communication. London, NY : Routledge, 2022. P. 26–57.

44. Sa'adeddin M. A. Text development and Arabic-English negative interference // Applied Linguistics. 1989. Vol. 10(1). P. 36–51.

45. Scollon, R., Scollon, S. W., Jones R. H. Intercultural Communication: A Discourse Approach Somerset. United States : John Wiley & Sons, Incorporated, 2012. 286 p.

46. Thripp R., Sahin I. Proceedings of International Conference on Humanities, Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2020. Vol. 1. 103 p. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

47. Thripp R., Sahin I. Proceedings of International Conference on Humanities, Social and Education Sciences. ISTES Organization, 2021. URL: <https://www.istes.org/> (accessed 12.03.2023).

Статья поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 18.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 81'374.3

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_173

EDN: MYLJLN

Английская сленговая лексикография: формирование, развитие, современное состояние

Екатерина Михайловна Григорьева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

grigoryeva.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>

Аннотация. В настоящее время проблемы английской специальной лексикографии интересуют большое количество исследователей. Отдельное место принадлежит английской сленговой лексикографии, истоки зарождения которой наблюдаются в XVI веке.

В статье рассматриваются различные определения термина «сленг», которые даются как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Кроме того, целью настоящего исследования является проследить историю возникновения, развития и современного состояния английской сленговой лексикографии. В рамках исследования рассматриваются различные справочники сленга, среди которых «A New Dictionary of Terms, Ancient and Modern, of the Canting Crew» Б. Е. Джентельмана, «A Dictionary of Slang and Unconventional English» Э. Парtridge, «The Oxford Dictionary of Slang» Дж. Эйто, «Aussie Slang Dictionary» Л. Стюарт, «Urban Dictionary», «Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed» Дж. Томаса, «Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English» Дж. Пиларда и А. Стивенсон и некоторые другие издания.

Значительное внимание в данной работе уделено рассмотрению особенностей мега-, макро- и микроструктуры основных справочников сленга, опубликованных в различные временные периоды с целью проследить особенности регистрации сленговой лексики в данных словарных изданиях. Проанализированные справочники представлены как в печатном, так и в онлайн-форматах. В конце исследования резюмируются полученные в ходе работы данные.

Ключевые слова: сленг; сленговая лексикография; толковый словарь; мега- макро и микроструктура словаря

Для цитирования: Григорьева Е. М. Английская сленговая лексикография: формирование, развитие, современное состояние // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 173–180. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_173. <https://elibrary.ru/MYLJLN>

Original article

English slang lexicography: formation, development, current state

Ekaterina M. Grigorieva

Candidate of philological sciences, associate professor, department of foreign philology, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39

grigoryeva.ekaterina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9682-9021>

Abstract. Nowadays, a large number of researchers are interested in the problems of english specialist lexicography. A special place belongs to the english slang lexicography, the origins of which date back to the XVI century.

The article considers various definitions of the term «slang», which are given by both russian and foreign linguists. In addition, the purpose of this study is to trace the origin, development, and current state of English slang lexicography. As part of the research, the author analyses slang dictionaries among which there are the following: «A New Dictionary of Terms, Ancient and Modern, of the Canting Crew» by B. E. Gentleman, «A Dictionary of Slang and Unconventional English» by E. Partridge, «The Oxford Dictionary of Slang» by J. Ayto, «Aussie Slang Dictionary» by L. Stewart, «Urban Dictionary», «Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed» by J. Thomas, «Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English» by G. Pilard and A. Stevenson, etc.

Considerable attention in the article is paid to the features of the mega-, macro- and microstructure of the main slang reference books published in different time periods in order to trace the peculiarities of slang vocabulary registering in

these dictionaries. The dictionaries under study are presented both in print and online formats. At the end of the research the data obtained are summarized.

Key words: slang; slang lexicography; explanatory dictionary; dictionary mega-, macro- and microstructure

For citation: Grigoryeva E. M. English slang lexicography: formation, development, current state. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):173–180. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_173. <https://elibrary.ru/MYLJLN>

Введение

Лексикография или наука о составлении и изучении словарей, несомненно, является важной частью современного языкознания. Особое место по праву принадлежит специальным словарным изданиям, в которых зафиксирована лексика отдельных предметных областей, таких как экономика, психология, юриспруденция, искусство, наука и техника и др. Отдельную группу справочников составляют издания, в которых регистрируются различные слои лексики, различающиеся по ряду критериев: по смысловым отношениям (синонимы и антонимы), с точки зрения истории языка (архаизмы и неологизмы), по употреблению (общеупотребительная и ограниченная в употреблении (профессиональная, диалектная, жаргонная)).

Сленг всегда привлекал и продолжает привлекать исследователей, поскольку именно в сленговой лексике отражаются изменения, происходящие в обществе и в словарном составе языка. В связи с этим нельзя не отметить необходимость справочников, в которых зафиксирована подобная лексика.

В данной работе рассматриваются особенности становления и развития английской сленговой лексикографии на материале ряда словарных изданий, опубликованных в различные временные периоды. Также проводится лексикографический анализ представленных словарей.

Методы исследования

При проведении исследования были использованы следующие **методы**: теоретико-лингвистический анализ литературы, суть которого состоит в обзоре основных теоретических работ по сленгу, общим и частным проблемам лексикографии; метод лексикографического анализа словарей, включающий подробную характеристику мега-, макро- и микроструктуры рассматриваемых справочников; метод сплошной выборки, использованный при отборе лексических единиц для проведения лексикографического анализа.

Результаты исследования

Несомненно, сленг привлекал и привлекает

исследователей. Однако до сих пор не существует единого определения данного термина. Рассмотрим некоторые из них, представленные отечественными и зарубежными исследователями. Прежде обратимся к исконным значениям термина «сленг».

Понятие «сленг» приобрело значение, в котором употребляется сейчас, во времена правления короля Великобритании и Ирландии Георга III (середина XVIII – начало XIX вв.). В XVI в. под сленгом подразумевался особый тип пушки, а начиная с 1610 г. лексема «сленг» использовалась для обозначения полосы земли [Décharné, 2017, p. 5].

Согласно В. А. Хомякову, сленг – относительно устойчивый для какого-то периода, широкоупотребительный, стилистически маркированный лексический пласт. Он является компонентом экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык. Кроме того, он довольно неоднородный по своим истокам и степени приближения к литературному стандарту [Хомяков, 2009, с. 43–44].

По мнению О. С. Ахмановой, сленг представляет собой разговорный вариант профессиональной речи, а также элементы разговорного варианта профессиональной или социальной группы, которые во время процесса проникновения в литературный язык или вообще в речь людей, приобретают в этих разновидностях языка особую эмоционально-экспрессивную окраску (особую лингвостилистическую функцию) [Ахманова, 2004, с. 419].

По справедливому утверждению С. В. Венедиктова и Е. Е. Иванова, сленг – это динамичное, быстроразвивающееся и пополняющееся новыми лексическими единицами явление [Венедиктов, Иванов, 2021, с. 18].

Согласно Э. Партриджу, известному специалисту в области сленга, этот слой лексики представляет собой относительно устойчивый для определенного периода, а также широкоупотребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, который неоднороден по истокам и степени приближения к литературному стандарту [Partridge, 2015].

Несомненно, на развитие сленга влияют средства массовой информации: радио, интернет и телевидение. Как правило, сленг в СМИ представляет собой укороченные слова и сокращения, что свидетельствует о стремлении к тому, чтобы ускорить темп жизни [Готовчикова, 2018, с. 36].

Сленговая лексика выполняет различные функции в процессе коммуникации, в том числе демонстрирует лояльность говорящего к определенному направлению, принадлежность к коллективу, объединенному конкретной профессией, способствует установлению контакта и усиливает эффект коммуникации [Горелова, Круглова, 2022, с. 221].

Первые словари английского сленга появились еще в XVI в. Первый глоссарий воровского сленга (*cant*) был опубликован в 1566 г. и с тех пор сленговая лексикография активно развивается.

В 1566 г. Т. Харман опубликовал памфлет под названием «A Caveat or Warening for Commen Cursetors», к которому отдельно прикрепил список сленговых выражений (около 100 наименований). Читателям был очень интересен так называемый *cant*, с примерами которого они познакомились благодаря труду Т. Хармана. Впоследствии данный список слов был также опубликован в других изданиях. Традиция составления списков канта закончилась в 1725 г. [Adams, 2020, p. 75–76].

Далее рассмотрим основные справочники английского сленга, опубликованные начиная с конца XVII в. вплоть до настоящего времени.

В 1699 г. появился словарь «A New Dictionary of Terms, Ancient and Modern, of the Canting Crew» (автор Б. Е. Джентельман). Впоследствии словарь был переиздан под названием «The First English Dictionary of Slang». Данный справочник является важным изданием, в котором регистрацию получают именно сленговые выражения.

Следующим интересным объектом для исследования, опубликованным в 1859 г., становится справочник «The Slang Dictionary; or, The Vulgar Words, Street Phrases, and 'Fast' Expressions of High and Low Society: Many with Their Etymology, and a Few with Their History Traced», составленный издателем и лексикографом Джоном Кэмденом Хоттенем. Исходя из достаточно подробного и детального названия работы, мы видим, что автор поставил перед собой задачу не просто зарегистрировать сленговую лексику в одном издании, но также предоставить этимологическую справку о зафиксированных входных единицах и информацию об истории появления и

развития того или иного сленгового выражения. Данный словарь включает несколько групп сленга: криминальный, оборотный сленг (*back-slang*), рифмованный и другие виды сленга. Входные единицы представлены как отдельными лексемами, так и словосочетаниями. Входная единица выделена курсивом, что свидетельствует о зарождении первых попыток к формированию такого важного впоследствии раздела лексикографии как полиграфическая семиотика.

Такое явление как теория полиграфической семиотики, возникло в английской лексикографии в середине XX в. Ее достижения применяются активно и в новом тысячелетии не только при составлении печатных, но и электронных словарей и для создания дружелюбного интерфейса справочников английского языка нового поколения [Карпова, 2021, с. 210].

Макроструктура рассматриваемого словаря включает не только словарные статьи, но и главы, посвященные истории сленга и его различным группам.

Микроструктура словаря включает слово, дефиницию, а в отдельных случаях – информацию о происхождении и о том, когда лексема вошла в обиход:

ALMIGHTY DOLLAR, an American expression for the «power of money», first introduced by Washington Irving in 1837 [Hotten, 1864, p. 67].

В XX в. появляется большое количество сленговых выражений, в связи с чем возникает потребность в регистрации данных единиц в справочных изданиях. Особое место в английской сленговой лексикографии принадлежит словарю Э. Партриджа «A Dictionary of Slang and Unconventional English», который был впервые издан в 1937 г. и с тех пор претерпел несколько переизданий. При составлении справочника автор опирался на различные труды, в том числе на свои личные наблюдения за общим и специальным сленгом.

Мегаструктура данного словаря включает вводную часть, словник и приложение.

Макроструктура организована в алфавитном порядке от А до Z. Далее рассмотрим пример словарной статьи к лексеме *all-overish*.

all-overish. Having an indefinite feeling of general indisposition or uncase: from ca. 1840: coll. Perhaps ex U.S., where it is recorded as early as 1833 (Thornton) [Partridge, 2006, p. 16].

Как видно из примера, словарная статья включает входную единицу, дефиницию, стилистическую помету, а также информацию о том,

когда лексема вошла в обиход.

Характерной чертой второй половины XX в. является то, что публикуются специальные словари, посвященные сленгу. Позже, в связи с развитием средств массовой информации и процессом глобализации, сленг становится общедоступным, начинает проникать в литературный язык и оказывать на него влияние.

Одним из значимых словарей конца XX в. является справочник Дж. Грина «Cassell's Dictionary of Slang», опубликованный в 1998 г. Это словарь, предоставляющий подробную информацию об истории английского сленга. В нем зарегистрированы не только сленговые слова, используемые в настоящее время, но и лексемы, которые вышли из употребления [Green, 1998].

Интерес представляет еще один справочник, опубликованный в 1993 г. Это «Dictionary of Sexual Slang: Words, Phrases, and Idioms from AC/DC to Zig-zig» Алана Рихтера. Данный справочник включает более 2000 слов и фраз, дефиниции, а также информацию об этимологии. Словарь содержит лексемы со времен Шекспира до наших дней, включая иллюстративные примеры из разнообразных источников начиная от Чосера и заканчивая Мадонной [Richter, 1993].

Другими примерами словарей, опубликованными в конце XX в., становятся «The Standard Dictionary of English Slang» В. Т. Уенга (1977 г.), а также «Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English» Дж. Пиларда и А. Стивенсона (1998 г.), который представляет собой карманное издание французского и английского сленга и включает около 11 тысяч входных единиц [Pilard, Stevenson, 1998].

Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. сленг постепенно приобретает более широкое распространение в мире и привлекает значительное внимание со стороны лексикографов. Появляется большое количество словарей различных типов. Особое внимание уделяется специальным справочникам, в частности, словарям сленга [Авербух, Карпова, 2009, с. 99].

Далее рассмотрим справочники сленга, опубликованные в XXI в. Важной работой этого временного рубежа является словарь известного английского лексикографа Дж. Эйто «The Oxford Dictionary of Slang», имеющий несколько переизданий. Это один из наиболее известных и авторитетных справочников сленга.

Мегаструктура справочника включает вступление и словник. Макроструктура издания организована в алфавитном порядке.

Микроструктура издания состоит из входной единицы, дефиниции, грамматической пометы, иллюстративных примеров, чаще всего взятых из книг или статей с указанием автора, книги и года издания:

agricultural adjective Of a cricket stroke: ungraceful, clumsy. 1937–, TIMES... took an agricultural swing at Wardle and was bowled (1955) [From the unsophisticated stroke play associated with village cricket], [Ayto, 2010, p. 3].

Обратимся к еще одному объекту исследования, автором которого является М. Джоши. Это «Dictionary of Slang Words: Vocabulary Building», изданный в 2020 г. Макроструктура издания организована в тематическом порядке и включает сленговые выражения, принадлежащие к следующим группам: рифмованный сленг (Adam and Eve, air and graces), Интернет-сленг (abt, ATB, ATM), идиомы (cut a rug, cop it) и др.

Микроструктура включает входную единицу, краткую дефиницию, некоторые пометы (грамматическую, стилистическую, региональную и другие):

choice [n.] *British slang* something bad [Joshi, 2020, p. 15].

Кроме того, в настоящее время также появляются справочники сленга, которые содержат задания на проверку усвоения лексического материала. Этот факт свидетельствует об учебном характере подобных изданий. Одним из примеров такого словарного издания становится «Aussie Slang Dictionary+ other Aussie Words and Phrases» Л. Стюарт [Григорьева, 2017, с. 222].

Вышеуказанный словарь также становится ярким образцом отражения еще одной тенденции современного этапа английской сленговой лексикографии. Это появление словарей сленга конкретного определенного варианта английского языка, например австралийского. «Aussie Slang Dictionary» впервые был опубликован в 2002 г. В 2017 г. данный справочник был переиздан.

«Aussie Slang Dictionary» предназначен для широкого круга пользователей и представляет собой незаменимое руководство с точки зрения изучения сленга в живой речи жителей Австралии. Микроструктура включает входную единицу, дефиницию, иллюстративные примеры, которые позволяют понять функционирование лексемы в речи:

aggro: aggressive. *He got aggro with me. Also used as a noun: she was really givin' me the aggro* [Stewart, 2017, p. 6].

Еще одним примером издания, посвященного

сленгу конкретного варианта английского языка, становится опубликованный в 2003 г. словарь новозеландского сленга Д. Макгилла «The Reed Dictionary of New Zealand Slang». Справочник включает более трех тысяч сленговых выражений и высказываний, используемых жителями Новой Зеландии [McGill, 2003].

Следующим справочником сленга, носящим учебный характер, становится издание Дж. Болен «American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners» (2021). Это издание знакомит пользователя со списком сленговых выражений, используемых в США и Канаде, на телевидении, кино и в других сферах и предоставляет пользователю возможность посмотреть, как то или иное сленговое выражение используется в повседневной речи на примере работы с диалогами [Bolen, 2021].

В 2017 г. был опубликован словарь британского сленга, автором которого стал Дж. Томас. Это «Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed». Словарь представляет интерес как для лингвистов, так и для обычных пользователей. Мегаструктура издания включает предисловие, список входных единиц, организованных в алфавитном порядке, а также приложения. Макроструктура издания включает сленгизмы следующих тематических групп: британские оскорбления, лондонский сленг, кокни, сленг, используемый на телевидении, австралийский сленг и др. [Thomas, 2017].

В XXI в. также публикуются словари, посвященные отдельным тематическим группам сленга. Среди них справочник Г. Барретта «The Oxford Dictionary of American Political Slang», который включает более 600 сленговых выражений предметной области политика. Словарная статья в издании содержит входную единицу, грамматическую помету, дефиницию, иллюстративный пример с указанием автора, даты и источника:

friendly *n.* a political supporter (of a particular candidate).

1984 WINS Radio News (Sept. 3).

...He wants to kick off his reelection bid with an audience of known friendlies [Barrett, 2006, p. 111].

Словарь «Dictionary of Contemporary Slang» Т. Торна включает около 7 тысяч сленговых выражений таких тематических групп, как спорт, современное общество, политика и др. Справочник основан на данных, собранных создателем словаря Т. Торном. Автор провел собственное исследование среди пользователей сленга, гуляя по улицам и кафе с целью зафиксировать сленго-

вые выражения, употребляемые обычными пользователями. Словарная статья издания выглядит следующим образом:

addy *n.* an Internet address. The abbreviation used in Internet communication and text messaging [Thorne, 2014, p. 3].

Современный период английской сленговой лексикографии характеризуется появлением интернет-словарей. Одним из них становится «Urban Dictionary». «Urban Dictionary» – это краудсорсинговый веб-сайт, на котором появляются новые слова и их значения. Данный словарь появился в 1999 г. и с тех пор стал важным ресурсом в интернете [The Anatomy of the Urban Dictionary]. Особенностью этого онлайн-словаря становится тот факт, что обычные пользователи могут добавлять в него лексемы. С одной стороны, данный факт свидетельствует о том, что информация в словаре постоянно обновляется, но, с другой стороны, у этого явления есть определенные минусы. Основной недостаток состоит в том, что часто добавляемый в словарь материал является непроверенным профессиональными специалистами в области лексикографии.

Макроструктура словаря представляет собой поисковую строку, где пользователи могут набрать необходимую входную единицу и получить словарную статью. Интерфейс онлайн-словаря удобен и прост для понимания.

Микроструктура включает входную единицу, выделенную жирным шрифтом, дефиницию, иллюстративный пример, а также автора данной словарной статьи и дату ее публикации в словаре. Поскольку словарные статьи созданы не профессиональными лексикографами, а обычными пользователями, в них отсутствуют какие-либо пометы:

Tikbait

Something used as a clickbait in a video on the popular social platform TikTok. Popular “tickbait” imagery includes expensive things, food, the female body, and numerous others.

1. *Did you see that Denice's TikTok video got a million views?*

2. *Yeah, that...next to that lambo was great tikbait.*

by Young Floot Boy. January 14, 2021 [Urban Dictionary].

Другими словарями, опубликованными в XXI в., становятся следующие: Spears R. «NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions» (2002), Ayers R. «Berkeley High School Slang Dictionary» (2003), Peckham A. «Mo' Urban

Dictionary: Ridonkulous Street Slang Defined» (2009) и другие.

Таким образом, в XXI в. наблюдается ряд характерных черт в области английской сленговой лексикографии. Прежде всего, это тенденция к публикации справочников, посвященных сленгу отдельных вариантов английского языка (например, «Aussie Slang Dictionary»). Помимо этого, появляются словари, которые носят учебный характер и кроме фиксации сленговой лексики включают диалоги и упражнения на отработку словарного материала («American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners»). Публикуются словари сленга отдельных тематических областей («The Oxford Dictionary of American Political Slang»). Кроме того, наблюдается влияние современных информационно-коммуникационных технологий и современного темпа жизни на лексикографию в целом и лексикографию сленга в частности. В свет выходят интернет-словари сленга (например, «Urban Dictionary»), что обеспечивает доступ пользователей к таким изданиям и возможность отслеживать языковые изменения, появляющиеся в языке, в данном случае – на материале сленга.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило проследить историю формирования и развития английской сленговой лексикографии.

XVI–XVII вв. становятся периодом, когда только зарождается интерес к регистрации сленговой лексики в словарях. Словарные издания, опубликованные в это время, в основном включают сленговую лексику криминального языка. Однако уже в этот период составители справочников стремятся подробно и детально отразить основную характеристику лексемы, добавляя в микроструктуру дефиницию, а также время возникновения слова.

Постепенно сленговая лексика начинает активнее проникать в речь пользователей, что не может не привлекать внимание как лексикологов, так и лексикографов, заинтересованных в регистрации широко употребляемой лексики в словарных изданиях. Происходит расширение микроструктуры словарей сленговой лексики, которая включает входную единицу, дефиницию, иллюстративные примеры, а также различные пометы: грамматическую, этимологическую, стилистическую и др.

Для современного состояния английской

сленговой лексикографии характерны такие черты, как учебный характер словарей, что проявляется во включении в справочник упражнений на проверку усвоения материала, диалогов и идиом. Кроме того, особый интерес представляют словари, в которых регистрируется сленг определенного варианта английского языка (например, канадского, австралийского и т. д.). Также публикуются справочники, в которых отражение находит сленг отдельной предметной области, например, политический сленг. Важно отметить, что современный мир цифровых технологий не мог не отразиться на лексикографии сленга, что привело к появлению интернет-словарей сленговой лексики.

Библиографический список

1. Авербух К. Я., Карпова О. М. Лексические и фразеологические аспекты перевода. Москва : Издательский центр «Академия», 2009. 176 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 569 с.
3. Венедиктов С. В., Иванов Е. Е. Лексикографическое описание сленга: практико-ориентированный подход в правоохранительной системе // Thesaurus: сборник научных трудов. 2021. Вып. IX. С. 14–21.
4. Горелова О. В., Круглова У. Р. Компьютерный сленг в современной Интернет-коммуникации // Современное педагогическое образование. 2022. № 1. С. 220–223.
5. Готовчикова А. Н. Молодежный сленг и способы его перевода на русский язык // Мир языков: ракурс и перспективы: сборник материалов IX Международной науч.-практ. конференции, Минск, 26 апреля 2018 г. 2018. Ч. 1. С. 29–37.
6. Григорьева Е. М. Словари австралийского сленга: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 217–223.
7. Карпова О. М. Английская лексикография в цифровую эпоху // Современная германистика и западноевропейская литература: коллективная монография. Вып. 3. Москва : ФЛИНТА, 2021. С. 208–229.
8. Хомяков В. А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. 102 с.
9. Adams M. English Slang Dictionaries // The Cambridge Companion to English Dictionaries/ ed. by S. Ogilvie. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 75–86.
10. Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford : Oxford University Press, 2010. 418 p.
11. Barrett G. The Oxford Dictionary of American Political Slang. Oxford : Oxford University Press, 2006. 302 p.

12. Bolen J. American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners. Seattle: Amazon, 2021. 64 p.
13. Décharné M. Vulgar Tongues: An Alternative History of English Slang. New York : Pegasus Books, 2017. 352 p.
14. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. London : Cassell & Co, 1998. 1565 p.
15. Hotten J. C. The Slang Dictionary; or, The Vulgar Words, Street Phrases, and 'Fast' Expressions of High and Low Society: Many with Their Etymology, and a Few with Their History Traced. London : Piccadilly, 1864. 349 p. URL: <https://archive.org/details/TheSlangDictionaryOrTheVulgarWords/page/n9/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 30.06.2022).
16. Joshi M. Dictionary of Slang Words: Vocabulary Building. Amazon : Amazon Digital Services LLC – KDP Print US, 2020. 78 p.
17. McGill D. The Reed Dictionary of New Zealand Slang. Auckland : Reed, 2003. 239 p.
18. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. London; New York : Routledge, 2006. 975 p.
19. Partridge E. Slang Today and Yesterday. New York : Taylor & Francis, 2015. 488 p.
20. Pilard G., Stevenson A. Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English. London : Harrap, 1998. 252 p.
21. Richter A. Dictionary of Sexual Slang: Words, Phrases, and Idioms from AC/DC to Zig-zig. New York : Wiley, 1993. 272 p.
22. Stewart L. Aussie Slang Dictionary. Melbourne : Brolga Publishing, 2017. 184 p.
23. The Anatomy of the Urban Dictionary. URL: <https://www.technologyreview.com/2018/01/03/146467/the-anatomy-of-the-urban-dictionary/> (дата обращения: 11.06.2022).
24. Thomas J. Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed. Scotts Valley: Createspace Independent Publishing Platform, 2017. 212 p.
25. Thorne T. Dictionary of Contemporary Slang. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2014. 512 p.
4. Gorelova O. V., Kruglova U. R. Komp'yuternyj sleng v sovremennoj Internet-kommunikacii = Computer slang in modern Internet communication // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2022. № 1. S. 220–223.
5. Gotovchikova A. N. Molodezhnyj sleng i sposoby ego perevoda na russkij jazyk = Youth slang and how to translate it into Russian // Mir jazykov: rakurs i perspektivy: sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii, Minsk, 26 aprelja 2018 g. 2018. Ch. 1. S. 29–37.
6. Grigor'eva E. M. Slovarei avstralijskogo slenga: istorija i sovremennost' = Dictionaries of Australian slang: history and modernity // Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 4 (34). S. 217–223.
7. Karpova O. M. Anglijskaja leksikografija v cifrovuju jepohu = English lexicography in the digital age // Sovremennaja germanistika i zapadnoevropejskaja literatura: kollektivnaja monografija. Vyp. 3. Moskva : FLINTA, 2021. S. 208–229.
8. Homjakov V. A. Vvedenie v izuchenie slenga – osnovnogo komponenta anglijskogo prostorechija = An introduction to slang studies, the basic component of English common speech. Moskva : LIBROKOM, 2009. 102 s.
9. Adams M. English Slang Dictionaries // The Cambridge Companion to English Dictionaries/ ed. by S. Ogilvie. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 75–86.
10. Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford : Oxford University Press, 2010. 418 p.
11. Barrett G. The Oxford Dictionary of American Political Slang. Oxford : Oxford University Press, 2006. 302 p.
12. Bolen J. American English Slang: Dialogues, Phrases, Words and Expressions for English Learners. Seattle: Amazon, 2021. 64 p.
13. Décharné M. Vulgar Tongues: An Alternative History of English Slang. New York: Pegasus Books, 2017. 352 p.
14. Green J. Cassell's Dictionary of Slang. London : Cassell & Co, 1998. 1565 p.
15. Hotten J. C. The Slang Dictionary; or, The Vulgar Words, Street Phrases, and 'Fast' Expressions of High and Low Society: Many with Their Etymology, and a Few with Their History Traced. London : Piccadilly, 1864. 349 p. URL: <https://archive.org/details/TheSlangDictionaryOrTheVulgarWords/page/n9/mode/2up?view=theater> (data obrashhenija: 30.06.2022).
16. Joshi M. Dictionary of Slang Words: Vocabulary Building. Amazon : Amazon Digital Services LLC – KDP Print US, 2020. 78 p.
17. McGill D. The Reed Dictionary of New Zealand Slang. Auckland : Reed, 2003. 239 p.
18. Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. London; New York : Routledge, 2006. 975 p.
19. Partridge E. Slang Today and Yesterday. New York : Taylor & Francis, 2015. 488 p.

Reference List

1. Averbuh K. Ja., Karpova O. M. Leksicheskie i frazeologicheskie aspekty perevoda = Lexical and phraseological aspects of translation. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2009. 176 s.
2. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov = The dictionary of linguistic terms. Moskva : Editorial URSS, 2004. 569 s.
3. Venediktov S. V., Ivanov E. E. Leksikograficheskoe opisanie slenga: praktiko-orientirovannyj podhod v pravoohranitel'noj sisteme = Slang lexicographic description: a practice-oriented approach in legal system // Thesaurus: sbornik nauchnyh trudov. 2021. Vyp. IX. S. 14–21.

20. Pilard G., Stevenson A. Pardon My French! Pocket Slang Dictionary: English-French/French-English. London : Harrap, 1998. 252 p.
21. Richter A. Dictionary of Sexual Slang: Words, Phrases, and Idioms from AC/DC to Zig-zig. New York : Wiley, 1993. 272 p.
22. Stewart L. Aussie Slang Dictionary. Melbourne : Brolga Publishing, 2017. 184 p.
23. The Anatomy of the Urban Dictionary. URL: <https://www.technologyreview.com/2018/01/03/146467/the-anatomy-of-the-urban-dictionary/> (data obrashhenija: 11.06.2022).
24. Thomas J. Anglotopia's Dictionary of British English British Slang from A to Zed. Scotts Valley: Createspace Independent Publishing Platform, 2017. 212 p.
25. Thorne T. Dictionary of Contemporary Slang. London : Bloomsbury Publishing Plc, 2014. 512 p.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 811.134.3

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_181

EDN: MWIYEG

Морское путешествие как метафора поэзии Софии де Мелло

Варвара Александровна Махортова

Аспирант, старший преподаватель кафедры португальского языка переводческого факультета, Московский государственный лингвистический университет. 119992, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38

varvara2504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7944-1161>

Аннотация. Статья посвящена изучению творчества португальской поэтессы Софии де Мелло Брейнер Андресен. Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть специфику авторского видения поэзии на основе лингвокогнитивного моделирования метафоры «искусство поэзии – это путешествие по морю (морское плавание)». Методика исследования выстроена на базе теории концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье, которая соответствует одному из ведущих направлений современного языкознания – когнитивной лингвистике – и обладает высоким потенциалом для изучения языка в целом и языка художественной литературы в частности. Материалом исследования служат стихотворения, вошедшие в собрание поэтических сочинений «Obra poética» (2015).

С точки зрения теории концептуальной интеграции анализируемая метафора может быть рассмотрена как результат взаимодействия четырех ментальных пространств: общего; двух исходных, первое из которых передает авторское видение поэзии, а второе – авторскую концептуализацию морского плавания; и интегрированного (результатирующего). Данная модель отражает концептуальный механизм формирования метафоры и позволяет проанализировать ее структурно-содержательные особенности.

Структурообразующими элементами обоих исходных пространств являются: «субъект»; «объект»; «деятельность»; «цель»; «результат»; «закрепление результата в знаковой форме». Наличие этих элементов, которые в своей совокупности могут быть представлены в виде общего пространства, служит базой для объединения исходных пространств. В смысловом плане исходные пространства совпадают по таким признакам, как: «связь с реальностью»; «преимущественно гносеологический характер»; «наличие элемента непредзаданности»; «процессуальность и динамичность». Метафора «искусство поэзии – это морское плавание», соответствующая результирующему пространству, акцентирует каждый из перечисленных признаков, тем самым передавая специфику авторского понимания поэтического искусства.

Ключевые слова: метафора; когнитивная лингвистика; когнитивная поэтика; теория концептуальной интеграции; София де Мелло Брейнер Андресен; португальский язык; португальская литература

Для цитирования: Махортова В. А. Морское путешествие как метафора поэзии Софии де Мелло // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 181–188. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_181. <https://elibrary.ru/MWIYEG>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

The sea voyage as a metaphor of Sofia de Mello's poetry

Varvara A. Makhortova

Postgraduate student, senior lecturer, the portuguese language department, faculty of translation, Moscow state linguistic university. 119992, Moscow, Ostozhenka st., 38

varvara2504@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7944-1161>

Abstract. The article aims to study the poetry of the portuguese poet Sophia de Mello Breyner Andresen. The purpose of the study is to reveal the specifics of the authorial vision of poetry on the basis of linguistic-cognitive modeling of the metaphor «the art of poetry is a sea voyage». The research methodology bases on the conceptual blending theory, developed by M. Turner and G. Fauconnier, which is consistent with cognitive linguistics and has high

potential for studying language in general and literary language in particular. The material for this study is the poems from the collection of poetry «Obra poética» (2015).

From the point of view of the conceptual blending theory, the metaphor under analysis can be seen as the result of the four mental spaces interaction: generic space, two input spaces, the first of which conveys the author's vision of poetry, and the second – the author's conceptualization of sea voyage; and integrated (blended) space. This model reflects the conceptual mechanism of metaphor formation and helps to analyze its structural and content features.

The structure-forming elements of both input spaces are: «subject»; «object»; «activity»; «aim»; «result»; «consolidating the result in a sign form». These elements, which in their totality can be represented as the generic space, serve as the basis for integration of the input spaces. In terms of content, both the input spaces are characterized by «connection with reality»; «mainly epistemological character»; «element of unpredictability»; «dynamics». The metaphor «the art of poetry is a sea voyage», corresponding to the blended space, emphasizes each of these features, thereby transmitting the specifics of the authorial vision of poetic art.

Key words: metaphor; cognitive linguistics; cognitive poetics; conceptual blending theory; Sophia de Mello Breyner Andresen; the portuguese language; the portuguese literature

For citation: Makhortova V. A. The sea voyage as a metaphor of Sofia de Mello's poetry. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):181–188. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_181. <https://elibrary.ru/MWIYEG>

Цель, методика и материал исследования

София де Мелло Брейнер Андресен (1919 – 2004) (далее – *София де Мелло*) по праву считается классиком португальской литературы XX века. Ее поэтическое наследие, составляющее 14 авторских сборников, изданных с 1944 по 1994 год, отличается внутренней целостностью. Практически все созданные ею стихотворения могут быть рассмотрены как единый текст или авторский «гипертекст» (термин В. П. Руднева [Руднев, 1997, с. 69]), то есть корпус текстов, объединенных общими темами и языковыми образами (1), что неоднократно отмечалось исследователями (см., например: [Sena, 1958]; [Seia, 1996]). Объединяющим началом творчества Софии де Мелло является и особое видение искусства поэзии. Анализируя авторскую концепцию поэзии, российские и зарубежные ученые и критики обращаются к метафоре «искусство поэзии – это морское плавание». Катарина Нунеш де Алмейда всю поэзию Софии де Мелло определяет как «поэзию плаваний и открытий» [Nunes de Almeida, 2014, p. 60]. Силвина Родригеш Лопеш усматривает в творчестве поэтессы «гомологию между движением к открытию новых земель и написанием стихотворения» [Lopes, 1990, p. 24]. Е. В. Огнева подчеркивает, что для Софии де Мелло «поэтическая стихия (...) родственна стихии морской» [Андресен, 2019, с. 19], а поэт подобен первооткрывателю, который стремится познать мир и «назвать до него не названное» [Андресен, 2019, с. 19]. Соглашаясь с этими исследователями, мы полагаем, что их обращение к одной и той же метафоре неслучайно, поскольку ее смысловая основа заложена в творчестве Софии де Мелло.

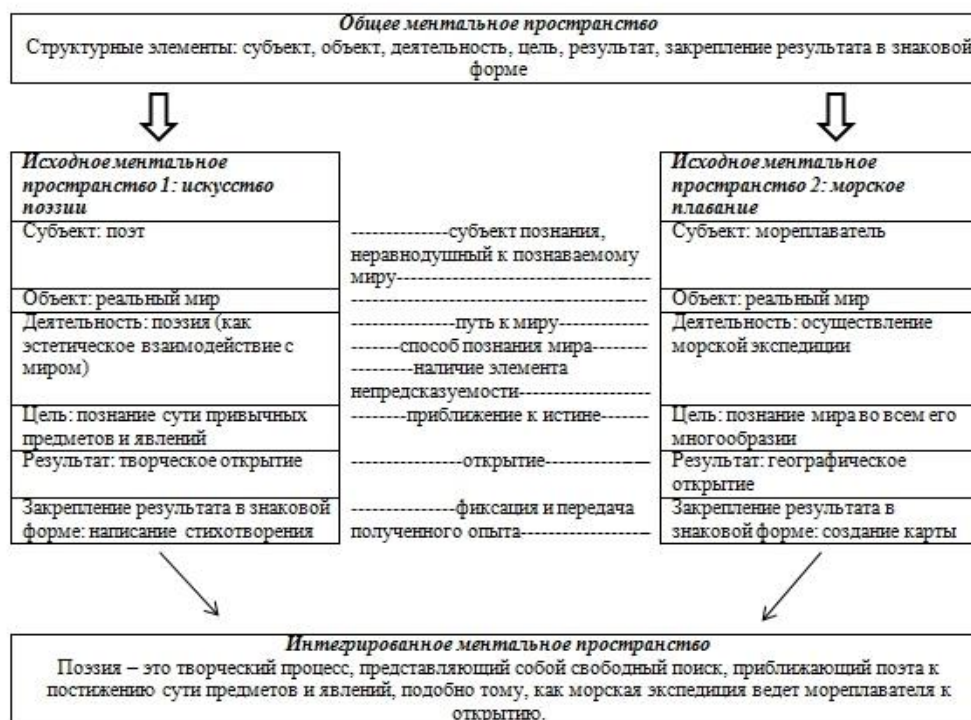
Наше исследование нацелено на то, чтобы выявить, в чем именно заключается специфика авторского видения поэзии, в образной форме выраженная метафорой «искусство поэзии – это морское плавание». Для достижения поставленной цели мы прибегаем к созданию лингвокогнитивной модели исследуемой метафоры. Это позволяет нам раскрыть когнитивные основания параллелизма, наблюдаемого между авторской интерпретацией поэзии, с одной стороны, и мореплавания – с другой, и, следовательно, выявить релевантные для Софии де Мелло характеристики искусства поэзии, которые акцентируются за счет его метафорического уподобления путешествию по морю. Материалом исследования служат стихотворения об искусстве поэзии и о мореплавании, вошедшие в «Собрание поэтических сочинений» Софии де Мелло («Obra poética» [Andresen, 2015]), а также эссе и комментарии поэтессы, посвященные этим темам. В качестве теоретической и методологической базы нами выбрана теория концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконы [Fausconier, Turner, 1994]; [Fausconier, Turner, 2006], применение которой, по мнению современных исследователей ([Лозинская, 2007]; [Тарасова, 2020]; [Stockwell, 2002]), перспективно для изучения художественного текста.

Поэзия и морское плавание: точки пересечения

Предлагаемая нами модель, сконструированная на основе положений теории концептуальной интеграции, дает возможность рассмотреть метафору «искусство поэзии – это морское плавание» как взаимодействие четырех ментальных пространств (Схема 1). Общее ментальное про-

странство включает в себя параметры, структурирующие каждое из исходных ментальных пространств и служащие базой для их дальнейшей интеграции. К ним относятся: «субъект», «объект», «деятельность», «цель», «результат», «закрепление результата в знаковой форме». Исходные пространства, в которых данные параметры получают конкретное смысловое наполнение (субъект – поэт / мореплаватель; объект – реальный мир; деятельность – искусство поэзии и

морская экспедиция и т. д.), соответствуют авторской интерпретации искусства поэзии (исходное ментальное пространство 1) и морского плавания (исходное ментальное пространство 2). В то время как интегрированное, или результирующее, пространство отражает результат их объединения.

Обнаруживая структурный изоморфизм, наглядно представленный на схеме, ментальные пространства «искусство поэзии» и «морское плавание» сближаются по ряду общих для них когнитивных признаков. Точками пересечения между ними являются: 1) связь с реальным миром; 2) гносеологическая направленность; 3) наличие элемента непредсказуемости; 4) процессуально-динамический характер. Далее рассмотрим подробнее каждый из этих признаков, которые София де Мелло неоднократно актуализирует в поэзии и метапоэтической прозе.

1. Искусство поэзии и морское плавание как путь навстречу миру

Первый когнитивный признак, включенный в состав обоих исходных ментальных пространств, заключается в нераздельной связи поэта и мореплавателя с реальным миром. Развивая традиционную для португальской литературы тему мор-

ских плаваний, София де Мелло обращается преимущественно к историческому контексту, а именно к первым экспедициям португальцев на Восток (в Индию, в Японию) и в Южную Америку (в Бразилию). Авторская художественная репрезентация этого контекста представлена в цикле «Navegações» («Плавания») (2) и многочисленных отдельных стихотворениях разных лет. Анализ этого материала позволяет установить, что, концептуализируя морское плавание, поэтесса делает акцент на том, что первооткрыватели движутся навстречу неведомому миру, чтобы увидеть «*O rosto real de todas as figuras*» (*Navegações, As Ilhas, III*) / «Истинный лик всех вещей» (*Плавания, Острова, III*) (3). А та действительность, которая открывается их взглядам, превосходит самые смелые мечты: «*E aquilo que nem sequer ousáramos sonhar / Era o verdadeiro*» (*Navegações, As Ilhas, V*) / «И то, о чем мы даже

не смели мечтать, / Было настоящим» (Плавания, Острова, V).

Искусство поэзии, в свою очередь, также интерпретируется как «встреча» с миром, о чем поэтесса пишет во втором эссе из цикла «Искусство поэзии»: «поэзия – это мое понимание мироздания, мое соседство с вещами, мое участие в реальности, моя встреча с голосами и картинами. Поэтому стихи говорят не о жизни идеальной, но о жизни настоящей» (пер. М. Тютюнникова) [Андресен, 2019, с. 252]. С точки зрения Софии де Мелло, поэт не уходит от действительности в мир иллюзий, но стремится к абсолютному единству с миром реальным, а также к постижению единых начал, скрытых за многообразием предметов и явлений. Эти мысли, ключевые для творчества португальской поэтессы, выражены в заключительных строках одного из ее программных стихотворений: «*E através de todas as presenças / Caminho para a única unidade» (O jardim e a casa) / «И сквозь все явления / Я иду к единому, иду к единству» (Сад и дом).*

К общему для морского плавания и искусства поэзии концепту пути София де Мелло обращается и в стихотворении «*Ir beber-te...*» / «Упиваться тобой...». В этом тексте лирическое «я», чья позиция, как и во многих других стихотворениях, сближается с авторской, непосредственным образом уподобляется мореплавателю: «*Ir beber-te num navio de altos mastros / No mar alto / Ó grande noite (...) // Pois trazes nos teus dedos (...) / A perfeição a pureza e a harmonia» / «Упиваться тобой, странствуя на корабле с высокими мачтами / По открытому морю. / О, великая ночь (...) // Лишь в твоих руках (...) / Совершенство, чистота и гармония».* Итак, именно реальный мир, воспринимаемый как единое и гармонично устроенное целое, находится в центре внимания и мореплавателя, и художника слова, чье творчество, по мнению Софии де Мелло, неотделимо от «прожитой действительности» [Андресен, 2019, с. 255].

2. Искусство поэзии и морское плавание как способы познания действительности

Вторая релевантная для португальской поэтессы характеристика, общая для морского плавания и поэзии, состоит в их гносеологической направленности. И мореплаватель, и поэт в ее стихах представлены, прежде всего, как субъекты познания. Не что иное, как жажда знаний подталкивает мореплавателя отправиться в открытое море: «*Desejo de conhecimento / As tempestades deram-nos passagem» (Caminho da Índia) / «Перед нашей жаждой знаний / Рассту-*

пались бури» (Путь в Индию). И это внутреннее побуждение согласуется с приказом, который португальские капитаны получают от Генриха Мореплавателя, главного вдохновителя морских экспедиций: «*Aos homens ordenou que navegassem / Sempre mais longe (...) / E no desconhecido cada dia entrassem» (O Infante) / «Он приказал им идти / Все дальше (...) / И каждый день познавать неведомое» (Инфант).*

Рассматривая весь мир как объект эмпирического познания, мореплаватель стремится постичь истину, которую София де Мелло интерпретирует как *алетейю*, то есть истину, обнаруживающую или раскрывающую себя исследователю-наблюдателю. Такая трактовка истины представлена в авторском комментарии к циклу «Плавания»: «В «Плаваниях» я стремилась не только и не столько рассказать о подвигах и великих деяниях, сколько передать первый взгляд на все новое, чувство соприкосновения с истинной, которую древние греки называли *алетейя* (от греч. «несокрытое», прим. – В. М.)» [Андресен 2019, с. 271]. А также в одном из составляющих этот цикл стихотворений, в котором географическое открытие изображено как момент, когда прежде неведомый мир предстает перед взглядом мореплавателя, и тайное становится явным: «*Ali vimos a veemência do visível / O aparecer total exposto inteiro» (Navegações, As Ilhas, V) / «Там мы видели все богатство зримого, / Которое раскрылось нам во всей полноте» (Плавания, Острова, V).*

Современный поэт живет в мире, где большинство географических объектов уже исследовано и нанесено на карты. Так, используя реминисценцию из одной из поэм (4) Фернандо Пессоа (1888–1935), о самом поэте София де Мелло пишет: «*Nasceste depois (...) / O caminho da Índia já fora descoberto» (Cíclades) / «Ты родился позднее (...) / Путь в Индию уже был открыт» (Киклады).* Вместе с тем и в наше время дело настоящего художника слова заключается в том, чтобы «видеть и называть вещи своими именами» [Letras e Artes, 1963, р. 10]. Причем «видеть» здесь означает не только и не столько «воспринимать зрительно», но «познавать», что соответствует глубинной когнитивной метафоре: «понимание – это видение» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 136]. Проявляя предельное внимание к миру, в творчестве Софии де Мелло не противопоставленное вдохновению, но теснейшим образом связанное с ним (5), поэт способен из своей каждодневной жизни «извлечь ризу Господню» [Андресен, 2019, с. 252]. Иначе говоря, он может

отделить существенное от несущественного, глубинное от поверхностного, совершая тем самым творческое открытие. А значит, стоящая перед ним гносеологическая задача оказывается не менее значимой, чем та, что стоит перед мореплавателем. Последний, выходя в море, смотрит вдаль, желая увидеть новые земли, и, изучая их, вносит свой вклад в расширение знаний о мире. Поэт же направляет свой взгляд вглубь предметов и явлений, стремится постичь их тайный смысл, обнаружить «*a substância de tudo*» (*Regressarei*) / «самую суть вещей» (*Я вернусь*). И хотя задачи мореплавателя и поэта различны, их общая и всегда требующая продолжения пути цель одна – приближение к истине.

Как и в рамках ментального пространства «морское плавание», в ментальном пространстве «искусство поэзии» истина осмысливается как *алетейя*. Наиболее явно об этом свидетельствует отрывок из эссе «Искусство поэзии III», где София де Мелло проводит параллель между взглядом поэта и взглядом ребенка, вспоминая эпизод из собственного детства: «Мое самое раннее воспоминание – комната с видом на море и яблоко, лежащее на столе, огромное и красное. От сияния моря и красного яблока исходит счастье неоспоримое, естественное и всеохватное. Это была не сказка и не фантазия: это и было присутствие сущего, открывающееся мне» (пер. М. Тютюнникова) [Андресен 2019, с. 254]. И далее: «Позднее (...) у Гомера я узнала (...) это же великолепие присутствия предметов. Еще я узнала его – сильное, безотказное и яркое, – в живописи Амадеу де Соуза-Кардозу» (6) [Андресен 2019, с. 254]. Не менее показательно стихотворение «Landgrave» / «Ландграв», посвященное одноименной картине португальско-французской художницы Марии Элены Визейры да Силва (1908-1992): «*O olhar que busca o aparecer do mundo, o surgir do mundo, o emergir do visível e da visão*» / «Взгляд, что ищет явление мира, возникновение мира, пробуждение зримого и зрения». Свойственная художнику (в широком смысле этого слова) пронизательность взгляда делает его зеркалом мира (7): «*O teu olhar tornou-se liso como o vidro. Sirvo para que as coisas se vejam*» (*As Grutas*) / «Мой взгляд стал прозрачен, словно стекло. Я нужна для того, чтобы вещи узрели себя» (*Гроты*). И в этом его роль опять же сближается с ролью мореплавателя, фигура которого во многих стихотворениях обозначена через лексемы с семантикой визуального восприятия. Например: «*Vi as águas os cabos vi as ilhas / E o longo baloiçar dos coqueirais / Vi lagunas azuis como safiras / Rápidas aves furtivos animais*

(*Navegações, Deriva, VIII*) / «Я видел воды, мысы, острова, / Покачивание пальм вдалеке, / Видел лагуны синие, как сапфиры, / Стремительных птиц и юрких зверей» (*Плавания, Дрейф, VIII*). См. также: «*Os olhos viram verdadeiramente / O doce azul de oriente e de safiras*» (*Navegações, As Ilhas, IV*) / «И на самом деле глаза увидели / Нежную синеву Востока и сапфира» (*Плавания, Острова, IV*); «*Olhos abertos do navegador*» (*Navegações, Deriva, XI*) / «Широко открытые глаза мореплавателя» (*Плавания, Дрейф, XI*) и др.

Отличая и мореплавателя, и поэта, сфокусированность на внешнем мире дополняется характеризующим обоих безразличием к познаваемой действительности. В стихотворениях Софии де Мелло не мореплаватель покоряет мир, но мир покоряет мореплавателя своим богатством и великолепием. Особенно красноречиво неподдельное изумление первооткрывателя перед миром передано авторской метафорой остановившегося времени: «*Então surgiram as ilhas luminosas / De um azul tão puro e tão violento / Que excedia o fulgor do firmamento / Navegado por graças milagrosas / E extinguiram-se em nós memória e tempo*» (*Navegações, As Ilhas, I*) / «И тогда перед нами появились сияющие острова, / Синевы которых была настолько чистой и яркой, / Что превосходила сияние неба, / Где пролетали дивные цапли, / И в нас исчезли память и время» (*Плавания, Острова, I*). Изумление мореплавателей настолько сильно, что вытесняет все прочие чувства (в том числе ощущение времени) и даже воспоминания. См. также: «*O múltiplo nos enebria / O espanto nos guia*» (*Os Navegadores*) / «Нас пьянит многообразие, / Нас влечет изумление» (*Мореплаватели*). При этом поражает их не только соприкосновение с экзотической природой, но и первая встреча с представителями других культур. Будь то индейцы, еще не утратившие единства с природным миром: «*Eu vos direi a grande praia branca / E os homens nus e negros que dançavam / P'ra sustentar o céu com suas lanças*» (*Navegações, Deriva, VI*) / «Я расскажу вам о протяженном белом побережье / И о людях, нагих и смуглых, которые плясали, / Поддерживая небо своими копьями» (*Плавания, Дрейф, VI*). Или японцы, чьи обычаи, традиции и быт видятся столь необычными португальцам, которые первыми из европейцев посетили эту страну: «*Pasmo de povos de repente / Frente a frente (...) // Laca e leque / Kimono camélia / Perfeição esmero / E o sabor do tempero*» (*Os biombos nambam*) / «Изумление двух народов, / Вдруг встретившихся лицом к лицу (...) // Лако-

вые миниатюры и веера, / Кимоно, камелии, / Совершенство и утонченность, / Пряный вкус специй» (Ширмы намбан) (6).

Для поэта поиск истины также сопряжен с поиском прекрасного и возвышенного: «красота не существует сама по себе, но она лишь лик, форма, след истины, от которой она не может быть отделена» [Андресен, 2019, с. 250]. А приближение к гносеологическому и эстетическому идеалу неизменно вызывает у него чувство предельного восхищения, что на текстовом уровне передано лексемами со значением экстатического восторга или благоговейного трепета: «*Eu regressarei ao poeta (...) / Para buscar obstinada a substância de tudo / E gritar de paixão sob mil luzes acesas*» (Regressarei) / «Я вернусь к стихотворению (...) / Чтобы неустанно искать самую суть вещей / И в крике выразить свой восторг под светом тысячи огней» (Я вернусь); «*terror de penetrar na habitação secreta da beleza*» (As Grutas) / «ужас проникновения в тайную обитель красоты» (Гроты). А также метафорой окрыленности, которая по своему глубинному смыслу, на наш взгляд, сближается с рассмотренной выше метафорой остановившегося времени: «*Ao virar da esquina de súbito avistamos / Irizado o Tejo: / Então se tornam / Leve o nosso corpo e a alma alada*» (Tejo) / «Завернув за угол, мы вдруг замечаем / Сияющую реку Тежу, / И тело становится легким, а душа – крылатой» (Тежу).

Изумляясь «сиянием мира», поэт не может закрыть глаза на его «страдание» [Андресен, 2019, с. 254]. Не принимая «неизбежности зла» [Андресен, 2019, с. 254] и отказываясь смириться с мировым «страданием», поэт предстает в качестве борца за справедливость, что особо значимо для социальной лирики Софии де Мелло. См., например: «*Esta gente*» / «Эти люди», «*Catarina Eufémia*» / «Памяти Катарины Эуфемии» (9), «*A forma justa*» / «Совершенная форма» и др. Таким образом, в отличие от морского плавания, искусство поэзии сочетает в себе не только гносеологический и эстетический элементы, но и этический. Однако, это, как мы полагаем, не противоречит общему смыслу метафоры «искусство поэзии – это морское плавание», а, напротив, подтверждает характерный для метафорической интеграции принцип избирательного задействования концептуальных признаков, а также возможность их смыслового развития.

3. Элемент непредзаданности искусства поэзии и морского плавания

Третьей характеристикой, сближающей морское плавание и поэзию в их авторской интерпретации, является наличие элемента непредска-

зуемости (непредзаданности). Мореплаватели-первооткрыватели не следуют известным маршрутам, но прокладывают новые: «*Navegavam sem o mapa que faziam*» (Navegações, As ilhas, IV) / «Шли без карт, но карты создавали» (Плавания, Острова, IV). А поэт не имеет проработанного плана, но полагается на интуицию и вдохновение: «*O poeta é / A liberdade / Um poeta não se programa*» (Liberdade) / «Каждая поэма – / Знак свободы. / У поэмы не бывает планов» (Свобода). Последнее в многочисленных метапоэтических стихотворениях Софии де Мелло («Musa» (1962; 1972), / «Муза» (1962; 1972), «Harpa» / «Арфа» и др.) представлено персонификацией – образом музы, которая, являясь наставницей поэта, позволяет ему в наиболее полной мере ощутить свое единство с реальным миром и благодаря этому прочувствовать каждый элемент действительности. «*Musa ensina-me o canto / Onde o mar respira (...) / Musa ensina-me o canto / Da janela quadrada / E do quarto branco*» (Musa, 1962) / «Муза, научи меня песне, / В которой дышит море (...) / Муза, научи меня песне / О квадратном окне / И комнате с белыми стенами» (Муза, 1962). Поэзия для Софии де Мелло – это море, ветер, дом, все самые простые и необходимые вещи вокруг. А муза (вдохновение) – то, что ведет к этим вещам. Подробнее эта особенность поэтического искусства Софии де Мелло рассмотрена в работах: [Mourão, 2011]; [Nahas, 2017]; [Lessa, 2019]; а также: [Нечаева, Махортова, 2021].

4. Процессуально-динамический характер искусства поэзии и морского плавания

Наконец, четвертый общий для морского плавания и искусства поэзии концептуальный признак состоит в их процессуально-динамическом характере. Авторское видение динамики мореплавания совпадает с общепринятыми представлениями и заключается в том, что всякая морская экспедиция требует перемещения по водному пространству от пункта отправления к пункту назначения (известному или предполагаемому). В поэтическом тексте движение мореплавателей передано соответствующими глаголами. Основными среди них являются глаголы широкой семантики: *ir* (идти), *vir* (приходить, прибывать). Используются и глагольные единицы с более узким значением: *navegar* (плыть – о корабле), *atravessar* (пересекать), *partir* (отправляться), *regressar* (возвращаться), *contornar* (обходить), *dobrar* (огинать), *deslizar* (скользить), *divagar* (блуждать / странствовать) и др. Точки прокладываемого маршрута, в свою очередь, обо-

значены существительными лексической группы «географические объекты»: *costa* (берег), *sabo* (мыс), *ilha* (остров) и др. Или топонимами: *Lisboa* (Лиссабон), *Brasil* (Бразилия), *Índia* (Индия), *Atlântico* (Атлантика) и др.

Динамика искусства поэзии в его авторской трактовке более специфична. Она не сводится к тому, что создание поэтического текста представляет собой процесс, развивающийся во времени, но имеет иной смысл, позволяя противопоставить искусство поэзии написанному стихотворению. Разграничительную линию между поэзией и стихотворением София де Мелло проводит в эссе «*Poesia e realidade*» («Поэзия и Реальность»), в котором дает определение трем категориям: *Поэзии* с большой буквы, *поэзии* со строчной буквы и *стихотворению*. Первую поэтику определяет как «подлинное бытие вещей, принадлежащих реальному миру, независимо от наблюдателя» [Andresen, 1960, p. 53]. Под второй понимает взаимодействие поэта и мира. А стихотворение рассматривает как форму передачи эстетически переосмысленного опыта, полученного в результате этого взаимодействия. Схожую мысль, но уже в метафорической форме София де Мелло высказывает в эссе «Искусство поэзии», делая акцент на разграничении последних двух категорий (поэзии и стихотворения): «Поэзия (10) всегда была для меня погоней за сущим. А стихотворение – всегда кругом, очерчивающим предмет, кругом, в который поймана птица сущего» (пер. М. Тютюнникова) [Андресен, 2019, с. 254]. Различие между ними становится очевидным и если провести параллель между парами поэзия / стихотворение и морское плавание / карта. Созданные первооткрывателями карты в знаковой форме закрепляют результаты открытий, совершенных ими во время экспедиций. А кроме того, как подчеркивает поэтесса в комментарии к «Плаваниям», «передают восторг первооткрывателя; изумление перед всем, что отличается от привычного» [Андресен, 2019, с. 270]. Аналогичным образом стихотворение фиксирует опыт взаимодействия поэта и мира, а также отражает его чувства по отношению к действительности: «*Preservar da decadência morte e ruína / O instante real de aparição e de surpresa / Guardar num mundo claro / O gesto claro da mão tocando a mesa*» (No poeta) / «Сохранить от угасания, смерти и разрушения / Миг, когда реальность раскрывает себя, миг восторга. / Сохранить в чистом мире стиха / Легкий жест руки, касающейся стола» (В стихотворении).

Объединение исходных ментальных пространств «искусство поэзии» и «морское плава-

ние» акцентирует каждый из четырех рассмотренных нами концептуальных признаков. А значит, полученная в результате этой интеграции метафора «поэзия – это морское плавание» позволяет представить поэзию (в ее авторском осмыслении) как искусство, не существующее вне связи с миром, отличающееся явной гносеологической доминантой, не подчиненное заранее разработанному плану, а также динамичное по своей природе.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что авторская концептуализация морского плавания, с одной стороны, и авторская концептуализация искусства поэзии, с другой стороны, обнаруживают значительное сходство. Соответствующие ментальные пространства выстраиваются из аналогичных структурных элементов, которые служат базой для их последующего объединения. К таким элементам относятся: субъект (мореплаватель / поэт); объект (реальный мир); деятельность (познание, дополняемое поиском красоты в случае морского плавания и поиском красоты и справедливости в случае поэзии); цель (приближение к истине); результат (географическое открытие / творческое открытие); закрепление результата в знаковой форме (создание карты / написание стихотворения). Характеризуясь структурным изоморфизмом, в содержательном плане ментальные пространства «морское плавание» и «поэзия» совпадают по ряду признаков, включая: «связь с реальностью»; «преимущественно гносеологический характер»; «наличие элемента непредзаданности»; «процессуальность и динамичность». Реализация бленда: «искусство поэзии – это морское плавание» ведет к акцентированию каждого из перечисленных признаков, тем самым передавая особенности авторской интерпретации поэтического искусства. Следовательно, образованная в результате данной интеграции метафора может рассматриваться как лаконичная формула творчества Софии де Мелло.

Библиографический список

1. Андресен С. де М. Б. Единое начало всех вещей: избранные стихотворения. Москва : Центр книги Рудомино, 2019. 288 с.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
3. Лозинская Е. В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-исслед. Отдел литературоведения. Москва, 2007. 160 с.

4. Нечаева К. К., Махортова В. А. Поэтическая картина мира Софии де Мелло: когнитивная стратегия и организующие принципы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21. № 1. С. 14–19.
5. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. Москва : Агаф, 1997. 381 с.
6. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. Москва : Инфра-М, 2019. 166 с.
7. Andresen S. de M. B. Poesia e Realidade // Colóquio – Revista de Artes e Letras. 1960. № 8. P. 53–54.
8. Andresen S. de M. B. Obra poética. Porto: Assírio & Alvim, 2015. 980 p.
9. Ceia C. Iniciação aos Mistérios da Poesia de Sophia de Mello Breyner Andresen. Lisboa : Vega, 1996. 172 p.
10. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces: technical report N 9401. San Diego, Univ. of California, 1994.
11. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. Berlin : Walter de Gruyter, 2006. P. 303–371.
12. Gusmão M. Da evidência poética: justeza e justiça na poesia de Sophia // Tatuagem e palimpsesto. Lisboa : Assírio & Alvim, 2010. P. 37–48.
13. Letras e Artes [jornal]. 1963, 24.01.1963. P. 1–10.
14. Lessa M. S. P. «Atenta como uma antena»: a invocação à Musa e a poética da escuta de Sophia // Revista Desassossego. 2019. № 11 (21). P. 10–22.
15. Lopes S. R. Sophia de Mello Breyner Andresen: uma poética da navegação // Aprendizagem do Incerto, Litoral, 1990. P. 21–26.
16. Morão P. «Nunca nada é inventado»: Ruben A. E Sophia de Mello Breyner Andresen // Colóquio/ Letras. 2011. № 176. P. 67–83.
17. Nahas N. No espaço do poema: a presença do real – Uma relação entre o poema e a fotografia na poesia de Sophia de Mello Breyner Andresen // Desassossego. 2017. № 18. P. 101–115.
18. Nunes de Almeida, C. O Feito, a Gesta, o Olhar: o Oriente nas Navegações de Sophia de Mello Breyner Andresen // Elyra. 2014. № 4. P. 57–78.
19. Sena J. Alguns poetas de 1958 // Colóquio-Revista de Artes e Letras. 1959. № 1. P. 53–56.
20. Stockwell P. Cognitive poetics: An introduction. London – New York : Routledge, 2002. 193 p.
3. Lozinskaja E. V. Literatura kak myshlenie: kognitivnoe literaturovedenie na rubezhe XX–XXI vekov = Literature as a mindset: cognitive literary criticism at the turn of XX–XXI centuries / RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-issled. Otdel literaturovedenija. Moskva, 2007. 160 s.
4. Nechaeva K. K., Mahortova V. A. Pojeticheskaja kartina mira Sofii de Mello: kognitivnaja strategija i organizujushhie principy = Sofia de Mello's poetic world picture: cognitive strategy and organizing principles // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2021. T. 21. № 1. S. 14–19.
5. Rudnev V. P. Slovar' kul'tury XX veka. Ključevye ponjatija i teksty = XX century culture dictionary. Key concepts and texts. Moskva : Agaf, 1997. 381 s.
6. Tarasova I. A. Kognitivnaja pojetika: predmet, terminologija, metody = Cognitive poetics: subjects, terminology, methods : monografija. Moskva : Infra-M, 2019. 166 s.
7. Andresen S. de M. B. Poesia e Realidade // Colóquio – Revista de Artes e Letras. 1960. № 8. P. 53–54.
8. Andresen S. de M. B. Obra poética. Porto: Assírio & Alvim, 2015. 980 p.
9. Ceia C. Iniciação aos Mistérios da Poesia de Sophia de Mello Breyner Andresen. Lisboa : Vega, 1996. 172 p.
10. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Projection and Middle Spaces: technical report N 9401. San Diego, Univ. of California, 1994.
11. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / ed. by D. Geeraerts. Berlin : Walter de Gruyter, 2006. P. 303–371.
12. Gusmão M. Da evidência poética: justeza e justiça na poesia de Sophia // Tatuagem e palimpsesto. Lisboa : Assírio & Alvim, 2010. P. 37–48.
13. Letras e Artes [jornal]. 1963, 24.01.1963. P. 1–10.
14. Lessa M. S. P. «Atenta como uma antena»: a invocação à Musa e a poética da escuta de Sophia // Revista Desassossego. 2019. № 11 (21). P. 10–22.
15. Lopes S. R. Sophia de Mello Breyner Andresen: uma poética da navegação // Aprendizagem do Incerto, Litoral, 1990. P. 21–26.
16. Morão P. «Nunca nada é inventado»: Ruben A. E Sophia de Mello Breyner Andresen // Colóquio/ Letras. 2011. № 176. P. 67–83.
17. Nahas N. No espaço do poema: a presença do real – Uma relação entre o poema e a fotografia na poesia de Sophia de Mello Breyner Andresen // Desassossego. 2017. № 18. P. 101–115.
18. Nunes de Almeida, C. O Feito, a Gesta, o Olhar: o Oriente nas Navegações de Sophia de Mello Breyner Andresen // Elyra. 2014. № 4. R. 57–78.
19. Sena J. Alguns poetas de 1958 // Colóquio-Revista de Artes e Letras. 1959. № 1. P. 53–56.
20. Stockwell P. Cognitive poetics: An introduction. London – New York : Routledge, 2002. 193 p.

Reference list

1. Andresen S. de M. B. Edinoe nachalo vseh veshhej: izbrannye stihotvorenija = One origin of everything: selected poems. Moskva : Centr knigi Rudomino, 2019. 288 s.
2. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by. Moskva : Editorial URSS, 2004. 256 s.

Статья поступила в редакцию 21.02.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 21.02.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 8; 811.133.1

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_189

EDN: NUOZHХ

Языковая специфика антипословиц во французском языке

Светлана Игоревна Соловьева¹✉, Христина Геннадьевна Косогорова²

¹Кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹madam.sv-solovieva@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8467-152X>

²christina_kos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8719-5047>

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям функционирования антипословиц в современном французском языке и описывает лингвистическое явление антипаремии. Целью исследования в рамках данной темы был анализ особенностей трансформации пословиц в антипословицы в современном французском языке. Достижение данной цели потребовало решения следующих задач: определение терминов «пословица» и «антипословица», анализ причин возникновения антипословиц в языке; анализ трансформаций, в результате которых пословицы превращаются в антипословицы; функции антипословиц в современном французском языке. Автором было доказано, что формирование антипословиц в различных языках, в том числе и во французском языке, имеет место на разных уровнях языка: на лексическом, фонетическом, семантическом и синтаксическом. Кроме того, было определено, что основными целями формирования антипословиц являются следующие: привлечение внимания собеседника, выражение личного отношения к ситуации, создание стилистического и юмористического эффектов, повышение экспрессивности и эмоциональности речи. Также было выявлено, что в процессе преобразования пословиц в антипословицы используются, такие трансформации, как: расширение или добавление, замена, перестановка, удаление, а также формирование фразеологически насыщенного контекста. В качестве общего вывода исследования было сделано заключение о том, что антипословицы возникают в результате трансформации традиционных пословиц, представляют собой антипод пословиц, используемый для того, чтобы отразить изменения, протекающие в обществе в настоящее время, нивелируют привычные ментальные клише, опровергают устоявшиеся стереотипы. Стимулом для возникновения большого количества антипословиц в различных языках является разноплановая сфера человеческой жизни, они применимы к разным жизненным ситуациям и отражают ироническое отношение человека к новым явлениям.

Также было отмечено, что преобразование пословиц в антипословицы является объективным и неизбежным следствием развития языка и поскольку антипословицы являются относительно новым языковым явлением, существует множество дальнейших направлений исследования данного лингвистического феномена.

Ключевые слова: пословица; антипословица; французский язык; трансформация; коннотация; эффект; оценка; лексическая единица

Для цитирования: Соловьева С. И., Косогорова Х. Г. Языковая специфика антипословиц во французском языке // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 189–196. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_189. <https://elibrary.ru/NUOZHХ>

Original article

Linguistic specificity of anti-proverbs in the french language

Svetlana I. Solovieva¹, Khristina G. Kosogorova²✉

¹Candidate of pedagogical sciences, associate professor, the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹madam.sv-solovieva@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8467-152X>

²christina_kos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8719-5047>

Abstract. This article examines characteristics of the anti-proverbs functioning in modern French and describes the linguistic phenomenon of anti-paroemy. The purpose of the research within the framework of this topic is to analyze the peculiarities of transforming proverbs into anti-proverbs in modern French. To achieve this goal, the following tasks have to be solved: defining the terms «proverb» and «anti-proverb», analyzing the reasons for the emergence of anti-proverbs in the language; analyzing transformations that turn proverbs into anti-proverbs; studying the functions of anti-proverbs in modern French. The author has proved that the formation of anti-proverbs in different languages, including French, takes place at different levels of language: lexical, phonetic, semantic and syntactic. In addition, it has been determined that the main goals of forming anti-proverbs are the following: attracting attention, expressing a personal attitude to the situation, creating stylistic and humorous effects, making the speech more expressive and emotional. The study also shows that in the process of turning proverbs into anti-proverbs, the following transformations are used: extension or addition, substitution, permutation, deletion, as well as the formation of rich phraseology in the context. The author draws a general conclusion that the anti-proverbs arise as a result of transforming traditional proverbs, represent the antipode of proverbs, used to reflect changes currently taking place in society, level the usual mentality clichés and refute the established stereotypes. The stimulus for the growing number of anti-proverbs in different languages is the diverse spheres of human life where they are applicable and reflect people's ironic attitudes to new situations. It is worth mentioning that transformation of proverbs into anti-proverbs is an objective and inevitable consequence of language development and, since anti-paroemia is a relatively new linguistic phenomenon, there are many further directions for its studying.

Key words: proverb; anti-proverb; the french language; transformation; connotation; effect; evaluation; lexical unit

For citation: Solovieva S. I., Kosogorova Kh. G. Linguistic specificity of anti-proverbs in the french language. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(2):189–196. (In Russ.). https://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_189. <https://elibrary.ru/NUOZH>

Введение

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что антипословицы, будучи относительно новой темой с точки зрения изучения в рамках языкознания и иных смежных дисциплин, к настоящему времени изучены недостаточно. С точки зрения лингвистики термин «антипословица» (антипаремия) является производным от терминов «анти» и «пословица» (паремия). Паремия, в свою очередь, представляет собой устойчивое выражение, которому присуще дидактическое содержание. Пословицы обладают не только поучительностью, недоказательностью и неоспоримостью, но и представляют собой нравственный, эстетический и художественный опыт многочисленных поколений определенного народа, представленный в форме мудрых изречений и образных выражений [Пермяков, 1988, с. 90]. Кроме того, паремию можно охарактеризовать как своеобразный тезис житейской практической философии, целью которого является, в первую очередь, отображение сложностей и противоречий, характерных для бытовой, социальной, политической и др. жизни отдельно взятого народа [Савенкова, 1997, с. 37]. В силу вышесказанного паремиологическое развитие языка находится в прямой взаимосвязи с изменениями, происходящими в рамках бытовой, социальной, нравственной, политической и т. д. жизни каждого поколения.

Исследование пословиц проводится на протяжении длительного времени, причём как отече-

ственными исследователями такими как В. А. Аврорин [Аврорин, 1975], И. Е. Аничков [Аничков, 1997], Г. Л. Пермяков [Пермяков, 1988], так и зарубежными: Anscombe J. C. [Anscombe, 2000], Fitoussi J. P. и Savidan P. [Fitoussi, Savidan, 2003], Hrisztalina H. G. и Melita A. V. [Hrisztalina, Melita, 2014], Milica I. [Milica, 2011], Shapira C. [Shapira, 2018], Zouogbo J.P. [Zouogbo, 2009] и др.

Данное исследование было выполнено на материале таких источников, как словари: «Larousse. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes» [Maloux, 2014] и «The Dictionary of Modern Proverbs» [Doyle, Mieder, Shapiro, 2012].

Пословица и антипословица

Антипословица представляет собой очень интересное явление языка. В настоящий период времени многочисленные пословицы подвергаются определенным трансформациям, разрушающим либо видоизменяющим их контекст, который был унаследован от старших поколений, в целях противопоставления разумным советам и наставлениям в разных жизненных ситуациях, новую философию, которая отвечает вызовам современности. В таких антипословицах получает своё отражение как недалёкое прошлое, так и современные реалии. Соответственно, происходит актуализация старой мудрости в соответствии с новыми условиями.

Итак, в процессе разнообразных изменений, движущей силой которых выступают эстра- и внутрилингвистические факторы, происходит

адаптация пословицы к новым задачам и условиям существования того или иного народа [Сидоркова, 1999, с. 101]. Подвергая оценке различные ситуации, человек соотносит их с теми, которые уже получили закрепление в пословицах, действуя по образцу, который уже был задан. Однако, в рамках живой разговорной речи пословицы могут меняться, следуя за изменениями окружающей действительности. Нужно принимать во внимание, что изменения, которым подвергаются пословицы, только кажутся случайными, поскольку в каждом случае таких изменений они направлены на выполнение своеобразного «социального заказа», отражая изменившиеся реалии, получившие закрепление в том языке, в котором была создана эта пословица. Соответственно, формирование антипословиц может быть рассмотрено как переложение уже закрепившихся в языке «старых» пословиц к новым ситуациям.

Исследователи в области паремииологии полагают, что феномен трансформации пословиц представляет собой явление, появившееся достаточно давно. Однако, именно в последние десятилетия этот феномен достиг такого масштаба, что антипословицы в отдельных языках распространились больше, чем канонические формы пословиц, от которых они происходят [Раадраниана, 2019, с. 11].

Тем не менее, необходимо отметить, что первые издания, в которых были собраны антипословицы, были опубликованы только в 1980 г. В. Мидер, широко известный исследователь в области немецкой паремииологии, был одним из первых исследователей трансформированных пословиц. Именно им был введён термин «антипословица», который представляет собой кальку с немецкого языка *antispruchworter* [Вальтер, 2005, с. 8]. Введение данного термина потребовалось для того, чтобы описать лингвистический феномен антипословицы. Под антипословицей В. Мидер понимает «языковую единицу широкого круга, которая представляет собой смысловой антипод традиционной паремии» [Mieder, 1999, с. 39].

В русском языке у этого термина имеются такие синонимы, как: антифраза, трансформированная пословица, антиафоризм, псевдопословица, антипаремия.

В соответствии с определением О. Н. Антоновой, под антипословицей следует понимать «речевое образование широкого круга, которое было подвергнуто трансформациям на лексическом,

морфологическом и синтаксическом уровнях» [Антонова, 2008, с. 45].

Лингвистический энциклопедический словарь даёт следующее определение антипословице – это «шутливая переделка пословицы, превращающая её в смысловой антипод исходной пословицы и используемая в качестве одного из средств языковой игры» [Ярцева, 2009, с. 39].

В качестве ещё одного определения антипословиц можно привести то, которое имеется в англоязычном «Словаре современных пословиц», и которое звучит следующим образом: антипословица – это «иносказание, пародия, искажение или же неправильное употребление уже существующей в языке пословицы, используемое, как правило, с целью создания юмористического или сатирического эффекта, достижение которого возможно только в том случае, когда изменению подвергается та пословица, которая является хорошо известной носителям определённого языка» [Doyle, Mieder, Shapiro, 2012, с. 11].

Итак, можно говорить о том, что под антипословицей (антипаремией) необходимо понимать игру слов, которая выстраивается в качестве смыслового антипода изначального значения конкретной пословицы. Так, к примеру, если пословица обладает поучительным смыслом, то антипословица несёт в себе посыл высмеивания или разрушения языковых и/или моральных норм [Вальтер, 2004, с. 100].

А. Т. Ливоткиной и В. Мидером отмечается, что пословицы никогда не представляли собой «неприкосновенный» пласт языка; наоборот, нередко они применялись для того, чтобы юмористически или сатирически прокомментировать определённую ситуацию или же выразить своё отношение к ней [Litovkina, Mieder, 2006, с. 128]. Также необходимо обратить внимание на тот факт, что пословицы трансформируются столь стремительно, что в последние годы количество антипословиц выросло беспрецедентно, в силу чего можно отметить большую частотность их употребления, чем употребление оригинальных пословиц.

Б. Ю. Норман полагает, что «пословицы и поговорки в большинстве своём являются достаточно архаичными. Иными словами, в них отражается не современное, а достаточно устаревшее состояние духа народа» [Норман, 2006, с. 7]. Это можно объяснить тем, что в силу воздействия множества разнообразных факторов жизнь народа стремительно меняется, что, в свою очередь, ведёт к изменению взглядов, идеологий, норм

морали, а также представлений о тех или иных событиях и явлениях. Все вышеперечисленное естественным образом отражается в пословицах.

В настоящее время имеет место активное воспроизведение пословиц, их новая обработка, переосмысление и употребление в современной речи в видоизмененном состоянии. Исследование такого рода трансформаций представляет собой актуальное направление современной паремиологии, в силу чего специалисты в области языкознания всё чаще в качестве предмета своего исследования выбирают реальную паремиологию современного им поколения.

Необходимо отметить, что с точки зрения лингвокультурологии изучение пословиц и антипословиц даёт возможность глубже понять культуру и менталитет народа, в среде которого они функционируют [Маслова, 2004, с. 59].

Особенности функционирования антипословиц

В силу того, что намеренное искажение и трансформация известных пословиц имеет место практически в любом языке для достижения чётко определенных целей, и французский язык в данном случае не является исключением, представляется целесообразным проанализировать особенности функционирования антипословиц во французском языке.

В первую очередь представляется целесообразным охарактеризовать причины возникновения и функции антипословиц.

Исследователи феномена антипословиц полагают, что их возникновение в разных языках обусловлено общими причинами [Раадранириана, 2017, с. 976]. В первую очередь нужно обратить внимание на то, что возникновение пословиц и дальнейшее использование их в речи обусловлено тем, что в рамках своей повседневной жизнедеятельности человек постоянно сталкивается с необходимостью разрешения множества ситуаций и проблем, причём как хорошо ему известных, так и новых. Мир меняется стремительно, и именно этот факт ведёт к необходимости пересмотра и замены старых стереотипов на новые, осмысление которых имеет место посредством антипословиц.

Во-вторых, формирование антипословиц обусловлено необходимостью реализации экспрессивности. Стремление к расцвечиванию монотонности повседневной рутины является причиной того, чтобы разнообразить её посредством юмора. Смех представляет собой активную фор-

му отношения к повседневному бытию. В философии смех имеет прямую взаимосвязь с понятием комического, которое, в свою очередь, основывается на создании смеховых, комических эффектов; при этом антипословица в ряду других средств репрезентации комического выступает в качестве одного из инструментов формирования комического эффекта, предоставляя человеку возможность посмеяться, что, в свою очередь, даёт возможность говорить об антипословице как об одном из типов пародии. Однако, если пародия нередко представляет собой подражание тексту, который хорошо известен носителям определенной лингвокультуры, то антипословица может быть охарактеризована как мини-пародия, в качестве основной цели которой выступает шутовское или ироничное рассмотрение и/или описание отдельно взятых ситуаций [Вальтер, 2004, с. 155].

В-третьих, возникновение антипословиц вытекает из стремления человека к творческой игре (в данном случае – языковой), то есть из проявления его творческого подхода к миру и к тем ситуациям, которые происходят в действительности.

Целями антипословиц можно назвать следующие:

- привлечение внимания. С точки зрения данной функции использование абсурдных антипословиц достигает своей цели, поскольку ведёт к появлению смехового эффекта, что подчеркивает и Е. К. Николаева на следующих примерах: Не зная броду, иди на фиг; Что с возу упало, того не вырубешь топором; Курить я буду, но пить не брошу [Николаева, 2020, с. 160];
- выражение собственного отношения и оценки к определенной ситуации;
- создание стилистического эффекта, который состоит либо в увеличении экспрессивности и эмоциональности, либо в формировании индивидуального авторского стиля текста / высказывания;
- создание юмористического эффекта.

Соответственно, можно говорить о том, что в качестве основных функций антипословиц могут быть названы такие, как: негативно-коммуникативная (ирония, смех, пародия), социальная (в силу того, что антипословицы находят своё широкое применение в рекламе, новостном контенте и даже в области политического дискурса), лингвистическая (в силу того, что трансформационные процессы, приводящие к формированию антипословиц имеют место в речи и

языке) и экспрессивная (формирующая экспрессивный текст / высказывание).

Превращение пословиц в антипословицы имеет место в рамках соответствия отдельно взятой ситуации ближайшим паремиологическим формулам. В разных языках преобразование пословиц в антипословицы происходит, как уже было сказано выше, общими способами.

А. Т. Ливоткина полагает, что трансформация пословиц в антипословицы происходит в соответствии с одним из нижеприведённых путей:

- замещение одной лексической единицы;
- замещение двух и более лексических единиц;
- трансформация второй части пословицы;
- дополнение пословицы дополнительной концовкой;
- дополнение пословицы буквальным её толкованием (в отличие от иносказательного, которое присуще пословицам);
- игра слов;
- повторение лексических единиц;
- объединение двух пословиц в одну;
- изменение порядка слов [Litovkina, Mieder, 2006, с. 332–333].

А. М. М. Раадранириана, давая характеристику трансформации пословиц в антипословицы, выделяет такие способы трансформации, как:

- расширение пословицы, то есть добавление в неё новых составляющих. В этом случае усиливается иронический эффект. Зачастую подобная трансформация сопровождается изменением синтаксической структуры исходной пословицы;
- замена одной или нескольких составляющих пословицы, что даёт возможность выражения народной мудрости применительно к новым ситуациям, характерным для современной действительности;
- исключение одной из составляющих пословицы. В этом случае часть пословицы утрачивается для того, чтобы можно было интерпретировать её в более простом ключе;
- формирование контекста, обладающего фразеологической насыщенностью, что возможно посредством смешения двух и более пословиц, представляющих собой смысловые синонимы. В рамках применения данного механизма трансформации имеет место как добавление, так и исключение элементов пословицы, то есть вторая часть одной из пословиц отсекается, а на её место становится часть второй пословицы, что зависит от контекста. Этот механизм используется для формирования необходимого эмоцио-

нального эффекта, принимая во внимание конкретную ситуацию;

- изменение порядка слов, что используется для достижения комической, иронической или же уничижительной оценки ситуации. Кроме того, в отдельных случаях антипословицы, сформированные в соответствии с данным механизмом, в большей степени, чем оригинальная пословица, отражают ситуацию [Раадранириана, 2017, с. 977–980].

Во французском языке если пословица используется для обобщения ситуации, высказывания совета или рекомендации в рамках реальной ситуации [Dumistrache l, 2016, с.57], то паремиологическую трансформацию можно рассматривать в качестве непрямого действия, которое, с одной стороны, даёт возможность избегания отрицательных коннотаций, которые могли бы привести к враждебности со стороны слушающего по отношению к говорящему, а с другой – ведёт к усилению юмористического эффекта изречения [Shapira, 2018, с. 92], что можно продемонстрировать следующим примером:

Пословица: Le fou promet et le sage espère. – Сумасшедший обещает, а мудрый надеется.

Антипословица: Le sage promet et le perdant espère. – Мудрый обещает, а неудачник надеется.

Трансформация подобного типа, которая выражается в лексических заменах (fou (сумасшедший), на sage (мудрый) и sage (мудрый) на (perdant (неудачник)) ведёт к повышению экспрессивности высказывания для того, чтобы избежать негативной коннотации.

Следующий пример:

Пословица: Le monde appartient à ceux qui se lèvent tot. – Мир принадлежит тому, кто рано встает.

Антипословица: Le monde appartient à ceux qui ont des employés qui se lèvent tôt. – Мир принадлежит тому, у кого есть работники, которые рано встают.

В данном примере посредством добавления qui ont des employés антипословица, являющаяся в данном случае мини-пародией, направлена на создание иронического эффекта, который является прямым следствием изменений, происходящих в обществе.

Следующий пример:

Пословица: L'argent ne fait pas le bonheur. – Деньги не дают счастья.

Антипословица: La pauvreté ne fait pas le bonheur. – Бедность не даёт счастья.

В такого рода случаях имеет место замена лексической единицы на более подходящую в конкретной ситуации с целью пояснения ситуации. В данном случае роль антипословицы может быть названа поучительной. Иными словами, замена *argent* на *paupreté* придаёт конкретной ситуации большую наглядность.

Следующий пример:

Пословица: *C'est le propre de l'homme de se tromper.* – Ошибаться это нормально для человека.

Антипословица: *C'est le propre de l'homme de croire qu'il a toujours raison.* – Верить в то, что он всегда прав это нормально для человека.

В данном преобразовании инфинитивная форма *se tromper* заменяется сложносочиненным предложением *croire qu'il a toujours raison*. Это синтаксическая замена, которая обладает большой частотностью в современном французском языке. В данном случае она не только способствует формированию противопоставления смыслу исходной пословицы, но и актуализирует её, придавая ей также и эффект эмоциональной окраски.

Перестановка состоит в том, что несколько компонентов пословицы перемещаются на несвойственные им места для достижения комического, иронического, игрового или уничижительного эффекта, что продемонстрировано на примере ниже:

Пословица: *Mieux vaut être riche et en bonne santé que pauvre et malade.* – Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Антипословица: *Mieux vaut être pauvre et en santé que riche et malade.* – Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным.

Здесь можно чётко проследить игнорирование трудности быть здоровым для бедного человека.

В данном случае антипословица представляет собой более логичный вариант, поскольку если анализировать данную ситуацию, то действительно становится понятно, что богатым и здоровым быть значительно проще, чем бедным и больным. В ином случае пословица кажется пустой, сообщения в ней не содержится. Необходимо также отметить, что вышеприведённая пословица – яркий пример игровой диверсии.

Отдельные антипословицы приобретают комический эффект в силу того, что безобидный смысл пословицы, которая подвергается трансформации, контрастирует с использованием в антипословице неприличных слов (сюда можно отнести просторечия, табу и т. д.), которые зачас-

тую имеют сексуальный подтекст [Mac Coinnigh, 2020, с. 120].

Необходимо также отметить, что вне зависимости от механизма трансформации пословицы, понимание антипословиц сопряжено с рядом трудностей, поскольку в полной мере понять конкретную антипословицу сможет только человек, который, во-первых, хорошо знает основной корпус пословиц определённого языка, вкуче с особенностями их использования в определённых ситуациях, а во-вторых, прекрасно осведомлён о множественности значений лексических единиц, используемых в каждой конкретной антипословице.

Заключение

Подводя итог исследованию, проведённому в рамках заявленной темы, можно сделать ряд выводов относительно антипословиц в современном французском языке, а именно:

1. Феномен антипословицы представляет собой универсальное явление несмотря на тот факт, что в разных языках можно наблюдать различную частотность употребления антипословиц.

2. Антипословицу можно определить как единицу языка, которая выступает в качестве смыслового антипода традиционной пословицы.

3. Образование антипословиц в разных языках, в том числе и во французском языке может идти на различных уровнях языка, а именно: на лексическом, фонетическом, семантическом и синтаксическом.

4. В процессе преобразования пословиц в антипословицы используются, главным образом, следующие трансформации: расширение или добавление, замена, перестановка, удаление, а также формирование контекста, обладающего фразеологической насыщенностью. Эти способы являются универсальными для всех языков, в том числе и для французского. Применение всех этих способов ведёт к изменению оригинального значения пословицы, причём это изменение будет находиться в прямой зависимости от ситуации её употребления.

5. В силу того, что зачастую трансформация пословиц французского языка в антипословицы производится с юмористической целью, её ритм и рифма в процессе фонетического преобразования представляет собой распространённое явление в современном французском языке.

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что антипословицы французского языка представляют собой новый предмет лингви-

стических исследований, в силу чего необходима более планомерная и глубокая работа по их изучению, например, в сравнительно-сопоставительной аспекте с антипословицами других языков.

Библиографический список

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Ленинград : Наука, 1975. 275 с.
2. Аничков И. Е. Труды по языкознанию. Санкт-Петербург : Наука, 1997. 512 с.
3. Антонова О. Н. Антипословицы: история возникновения и развития. Тула : изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2008. С. 43-49.
4. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). Москва : Олма Медиа Групп, 2004. 381 с.
5. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. Санкт-Петербург : Нева, 2005. 573 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для вузов. Москва : Академия, 2004. 202 с.
7. Николаева Е. К. Трансформированные пословицы как элемент современной смеховой культуры // Slowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Szczecin-Greifswald, 2020. С. 158–164.
8. Норман Ю. Б. Лингвистические задачи : учебное пособие. Москва : Флинта: Наука, 2006. 272 с.
9. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии. Москва : Наука, 1988. 235 с.
10. Раадранириана А. М. М. Представление феномена антипаремии в русском, французском и малагасийском языках // Вестник РУДН. 2017. № 4. С. 975–984.
11. Раадранириана А. М. М. Лингвокультурологический анализ паремий тематической группы «множество людей» в русском, французском и малагасийском языках: специальность 10.02.19 «Теория языка». Москва, 2019. 20 с.
12. Савенкова Л. Б. Пословица, поговорка и паремия как термины филологии // Филологический Вестник Ростовского гос.ун-та. 1997. № 1. С. 36–43.
13. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар, 1999. 249 с.
14. Ярцева Н. В. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва : Советская энциклопедия, 2009. 685 с.
15. Anscombe J. C. Proverbes et formes proverbiales: valeur evidentielle et argumentative. 2000. Vol. 102. № 1. P. 95–107.
16. Doyle C. C., Mieder W., Shapiro F. The Dictionary of Modern Proverbs. New Haven : Yale University Press, 2012. 294 p.
17. Dumistrachel S. Discursul repetat in textul jurnalistic – Iasi. Paris: Maison d'Edition de l'Université «Alexandru Ioan Cuza», 2016. 339 p.
18. Fitoussi J. P., Savidan P. Comprendre les inégalités. Paris: Presses Universitaires de France, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/44833504_Comprendre_les_Inegalites (дата обращения: 25.01.2023).
19. Hrisztalina H. G., Melita A. V. Introduction to Parremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. Berlin: De Gruyter Open Ltd, 2014. 382 p.
20. Litovkina A. T., Mieder W. Old proverbs never die, they just diversify: A collection of anti-proverbs. Burlington : The University of Vermont, 2006. 396 p.
21. Mac Coinnigh M. Structural Aspects of Proverbs. Warsaw : De Gruyter Open, 2020. P. 112–132.
22. Maloux M. Larousse. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Larousse. French and European Publications Inc. 2014. 656 p.
23. Mieder W. Twist Wisdom, Modern Anti-proverbs. Burlington, Vt.: Proverbium in corp. with the Intern. studies progr., The Univ. of Vermont, 1999. 254 p.
24. Milica I. Proverbes et anti-proverbes. Paris, 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/292748603_Proverbes_et_anti-proverbes (дата обращения: 25.01.2023).
25. Shapira C. Proverbe, proverbialisation et déproverbi-alisation // Languages. 2018. Vol. 34. № 139. P. 81–97.
26. Zouogbo J. P. Le proverbe entre langue et culture. Bern : Peter Lang SA, 2009. 361 p.

Reference list

1. Avrorin V. A. Problemy izuchenija funkcional'noj storony jazyka = Studying the functional side of language. Leningrad : Nauka, 1975. 275 s.
2. Anichkov I. E. Trudy po jazykoznaniju = Works on Linguistics. Sankt-Peterburg : Nauka, 1997. 512 s.
3. Antonova O. N. Antiposlovicy: istorija vzniknovenija i razvitiya = Anti-proverbs: origin and evolution. Tu-la : izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo, 2008. S. 43-49.
4. Val'ter H., Mokienko V. M. Prikol'nyj slovar' (antiposlovicy i antiaforizmy) = Funny Dictionary (anti-proverbs and anti-aphorisms). Moskva : Olma Media Grupp, 2004. 381 s.
5. Val'ter H., Mokienko V. M. Antiposlovicy russkogo naroda = Anti-proverbs of Russian people. Sankt-Peterburg : Neva, 2005. 573 s.
6. Maslova V. A. Lingvokul'turologija = Linguistic cultural studies : uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Akademija, 2004. 202 s.
7. Nikolaeva E. K. Transformirovannye poslovicy kak jelement sovremennoj smehovoj kul'tury = Transformed proverbs as an element of modern comic culture // Slowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Szczecin-Greifswald, 2020. S. 158–164.
8. Norman Ju. B. Lingvisticheskie zadachi = Linguistic tasks : uchebnoe posobie. Moskva : Flinta: Nauka, 2006. 272 s.
9. Permjakov G. L. Osnovy strukturnoj paremiologii = The basis of structural paroemiology. Moskva : Nauka, 1988. 235 s.
10. Raadraniriana A. M. M. Predstavlenie fenomena antipareмии v russkom, francuzskom i malagasijskom jazykah = Representation of the anti-paroemy phenome-

non in Russian, French, and Malagasy // Vestnik RUDN. 2017. № 4. S. 975–984.

11. Raadraniriana A. M. M. Lingvokul'turologicheskij analiz paremij tematiceskoy gruppy «mnozhestvo ljudej» v russskom, francuzskom i malagasijskom jazykah = Linguocultural analysis of the proverbs from the thematic group «a lot of people» in the Russian, French and Malagasy languages. Moskva, 2019. 20 s.

12. Savenkova L. B. Poslovica, pogovorka i paremija kak terminy filologii = Proverb, saying and paroemia as philological terms // Filologicheskij Vestnik Rostovskogo gos.un-ta. 1997. № 1. S. 36–43.

13. Sidorkova G. D. Pragmatika paremij: poslovice i pogovorki kak rechevye dejstvija = The pragmatics of paroemia: proverbs and sayings as speech actions. Krasnodar, 1999. 249 s.

14. Jarceva N. V. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 2009. 685 s.

15. Anscombe J. C. Proverbes et formes proverbiales: valeur evidentielle et argumentative. 2000. Vol. 102. № 1. P. 95–107.

16. Doyle C. C., Mieder W., Shapiro F. The Dictionary of Modern Proverbs. New Haven : Yale University Press, 2012. 294 p.

17. Dumistrachel S. Discursul repetat in textul jurnalistic – lasi. Paris: Maison d'Edition de l'Université «Alexandru Ioan Cuza», 2016. 339 p.

18. Fitoussi J. P., Savidan P. Comprendre les inégalités. Paris: Presses Universitaires de France, 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/44833504_Comprendre_les_Inegalites (data obrashhenija: 25.01.2023).

19. Hrisztalina H. G., Melita A. V. Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies. Berlin: De Gruyter Open Ltd, 2014. 382 p.

20. Litovkina A. T., Mieder W. Old proverbs never die, they just diversify: A collection of anti-proverbs. Burlington : The University of Vermont, 2006. 396 r.

21. Mac Coinnigh M. Structural Aspects of Proverbs. Warsaw : De Gruyter Open, 2020. P. 112–132.

22. Maloux M. Larousse. Dictionnaire des proverbs, sentences et maximes. Larousse. French and European Publications Inc. 2014. 656 p.

23. Mieder W. Twist Wisdom, Modern Anti-proverbs. Burlington, Vt.: Proverbium in corp. with the Intern. studies progr., The Univ. of Vermont, 1999. 254 p.

24. Milica I. Proverbes et anti-proverbes. Paris, 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/292748603_Proverbes_et_anti-proverbes (data obrashhenija: 25.01.2023).

25. Shapira C. Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation // Languages. 2018. Vol. 34. № 139. R. 81–97.

26. Zouogbo J. P. Le proverbe entre langue et culture. Bern : Peter Lang SA, 2009. 361 p.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 14.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 7.035.93

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_197

EDN: NKKXCM

Стиль модерн в искусстве Италии: происхождение, определение и развитие

Елена Васильевна Охотникова

Кандидат культурологии, преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

eplico@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0376-627X>

Аннотация. Интерес к эпохе рубежа XIX–XX веков в современной нам культуре заметно возрос. Последние годы отмечены десятком международных выставок, сотнями научных публикаций и монографий в разных странах мира и на разных языках.

Теперь, более чем столетие спустя, рассматривая и анализируя богатейшее наследие модерна во всех областях искусства, сложно представить, что в течение многих десятилетий модерн был предан забвению.

Более того, в истории стиля до сих пор остается значительное количество «белых пятен», одним из которых является итальянская версия стиля модерн – стиль Либерти. На русском языке до сих пор существует весьма ограниченное количество работ на эту тему (большая часть которых относится к написанному автором данной статьи).

Традиционно, стиль модерн продолжает восприниматься культурологами и искусствоведами как явление для итальянской культуры промежуточное и малозначимое. Но именно в эпоху, отведенную историей стилю модерн в Италии, происходит кардинальная трансформация на всех уровнях культуры и общества, существует огромное визуальное и архитектурное наследие этой эпохи. Именно внутри стиля модерн, отталкиваясь от общеевропейских образцов постепенно формируется индивидуальный образный и художественный язык, который – в той или иной степени – кондиционирует путь итальянской культуры на весь двадцатый век.

В настоящей статье будет рассмотрен стиль модерн в искусстве и культуре Италии рубежа веков. В фокусе внимания – социокультурные предпосылки формирования, национальная специфика стиля, региональные художественные особенности модерна в Италии. Отдельное внимание уделено специфике названия стиля модерн в итальянской культуре.

Ключевые слова: стиль модерн; стиль Либерти; итальянское искусство; стиль Флореаль; культурная рецепция; региональная специфика; Италия; европейское искусство

Для цитирования: Охотникова Е. В. Стиль модерн в искусстве Италии: происхождение, определение и развитие // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 197–203. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_197. <https://elibrary.ru/NKKXCM>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

The Art Nouveau style in Italian art: origin, definition and development

Elena V. Okhotnikova

Candidate of of culturology, lecturer, National research university «Higher school of economics». 101000, Moscow, Myasnitskaya st., 20

eplico@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-0376-627X>

Abstract. Interest in the Art Nouveau style in contemporary culture has increased. The last three decades have given the scientific world dozens of international exhibitions, hundreds of scientific publications and monographs in different countries of the world and in different languages.

Now, more than a century later, it is difficult to imagine that for many decades Art Nouveau rich heritage in all fields of art was forgotten. Despite research and publications, there are still a significant number of «white spots» in the history of style, one of which is the Italian version of the Art Nouveau style – the Liberty style. There is still a very limited number of works on this topic in Russian, most of which belong to the author of this article.

Traditionally, the Art Nouveau style continues to be perceived by specialists in cultural studies and art history as an intermediate and unimportant phenomenon in Italian culture. At the same time, it is in the era allotted by history to the Art Nouveau style in Italy that a radical transformation takes place at all levels of culture and society and there is a huge visual and architectural heritage of this era. It is within the Art Nouveau style, basing on common European models, that a sharply individual figurative language is gradually being formed, which, to one degree or another, conditions the path of Italian culture for the entire twentieth century.

This article considers the Art Nouveau style in the art and culture of Italy at the turn of XIX–XX centuries. The focus is on the socio-cultural prerequisites for the formation, the national specificity of style, and regional artistic features. Special attention is paid to the specifics of naming the Art Nouveau style in Italian culture.

Key words: Art Nouveau; Liberty style; Italian art; Floreal style; cultural reception; regional specifics; Italy; European art

For citation: Okhotnikova E. V. The Art Nouveau style in Italian art: origin, definition and development. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):197–203. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_197. <https://elibrary.ru/NKKXCM>

Введение

Италия для истории культуры – это практически синоним искусства как такового. Тем более интересно исследователю наблюдать ситуацию, когда главенствующим становится искусство инородное, привнесенное, каким и был модерн, или, как его называли в Италии, *стиль Либерти*.

В стиле модерн итальянская культура приняла искусство, принципиально противоречащее классическим кодам, заложенным в ней еще со времен античности. До этого (и после этого, впрочем, тоже) – позиция итальянской культуры – это позиция манифеста. Многие века именно Италия диктовала всему миру эстетические каноны. Модерн же предлагал подчинение уже сложившейся системе, с четкими принципами и формами.

Чтобы понять это явление культуры во всей полноте необходимо проанализировать причины, исторические и политические условия, послужившие появлению этого стиля в Италии на рубеже веков. Отдельного комментария достойны и специфика определения стиля (в итальянском искусстве – в отличие от других стран, где был стиль модерн, – у этого стиля не одно, а сразу несколько имен), и его региональные особенности.

1. Социокультурный контекст и предпосылки формирования стиля модерн в Италии

Политическая карта Италии в течение многих веков состояла из независимых городов-государств, поэтому до сих пор региональность

является одной из ключевых особенностей этой культуры: итальянцы до сих пор мыслят «малой родиной», то есть родиной считается не Италия вообще, а та конкретная местность, городок, где человек родился.

Но чтобы конкурировать с сильными европейскими державами, Италии было необходимо объединение. Фактически Италия стала Италией в 1861 году, поэтому к интересующему нас периоду *Либерти* перед нами совсем юное государство.

Социально-экономическая ситуация в Италии на рубеже веков была одной из самых сложных в Европе. Региональное разделение, ослабленная военная позиция; к тому же Италия была одной из наименее индустриально развитых стран тогдашней Европы.

В 1882 году Тройственный союз направил в Италию немецкое и австрийское финансирование, которые тут же были инвестированы в развитие промышленности и в жилищное строительство, что значительно преобразило облик итальянских городов. Европейский архитектурный опыт – с господствующей тогда тенденцией модерна и символизма – стал своеобразным инструментом включения нации в единый европейский художественный процесс.

Стиль Либерти, а именно это название закрепило как ключевое за модерном в итальянском контексте, по существу становится *первым стилем нового государства*. Именно программа Либерти станет первым этапом формирования

облика новой Италии, Италии, которой теперь необходимо не только преодолеть свое периферийное положение на политической карте, но и изменить сложившийся за века статус культурной резервации и просто музея под открытым небом.

Программа стиля модерн обладала сразу несколькими принципиальными для новой Италии характеристиками. В первую очередь, это был самый «современный» стиль тогдашней Европы [Мазини, 1976, с. 28].

Во-вторых, модерн работал как универсальный – понятный и читаемый в любых декорациях и географии. И наконец, это был стиль с четкой эстетической программой, по тотальности своей граничащей с идеологией.

Своеобразен и выбор образцов-ориентиров для итальянской версии стиля. Для Италии визуальным примером становится не французская или бельгийская линии, как это частично было, например, в России, а венский *Сецессион* и английский вариант модерна.

Об «английском уклоне» итальянского модерна говорит в первую очередь само название. Наряду с определением «флореаль» появляется и постепенно занимает ведущие позиции определение стиля как *Либерти*.

2. «Стиль модерн», «стиль Либерти», «стиль флореаль» – к вопросу о специфике терминологии

Датой рождения стиля традиционно принято считать 1895 год [Боссалья, 1997, с. 21]. Год, в котором начинается публикация программных статей в журнале «Эмпориум» (пожалуй, главным журнале в истории итальянского Либерти). Также там публикуют фотографии мебели производства фабрик «*Либерти*». Там же впервые употребляется имя Либерти как объединяющий синоним всех новых школ.

Еще одно название, используемое для определения стиля, – *arte nouva* (*арте нова*) – новое искусство, как буквальный подстрочник с английского *modern style*, новый, современный стиль. В 1901 году Лука Бельтрами предложит еще одно название – «стиль нового века», что, безусловно, еще раз подчеркивает все те глобальные ожидания, которые возлагаются на модерн.

Существует менее популярный итальянский вариант – *флореаль* (то есть цветущий, цветочный).

К 1900-м году название стиля как *Либерти* прочно закрепляется за итальянской версией

стиля модерн как в общеевропейском сознании, так и в сознании самих итальянцев. Как пишет Итало Кремона: «итальянцы, несомненно, прекрасно понимали двойное значение этого имени» [Кремона, 1964, с. 19]. В действительности такое созвучие даже в итальянском языке со словом свобода (*libertà*) было неслучайно.

Название стилю было дано по имени сэра Артура Лесенби Либерти (Arthur Lasenby Liberty) [Байрати, 1973, с. 19]. В самой истории фамилии сэра Либерти есть символическое для итальянского контекста обстоятельство. Его родовая фамилия была Балиони (Baglioni). Его предок жил на острове Корсика и сражался против испанцев за освобождение родного города Кальви, за что ему было дано прозвище *Libertà*. С этим именем его потомки переселились сначала во Францию, где обрели дворянский статус, а затем в Англию, где их фамилия приобрела более английское звучание [Брозио, 1967, с. 14].

Торговый дом Liberty был основан 1875 году сэром Артуром. Основной продукцией в его торговом доме были предметы дальневосточного происхождения. Восточные предметы, а также ткани, стилизованные под Восток, получают такое признание в Европе и Америке, что дом Либерти становится одним из главных поставщиков искусства конца века. Уже на пороге двадцатого века в круг интересов компании Либерти попадает Art Nouveau, и в Италию основная масса предметов нового стиля экспортируется именно домом Либерти.

Англоязычное название стиля приживается лучше и используется чаще по ряду причин. Брозио выделяет две основные [Брозио, 1967, с. 30]. Во-первых, уже отмеченная двуликость и двойность этого имени. Несмотря на то, что итальянцы знали, что Либерти означает *свобода*, далеко не все итальянцы знали о существовании компании Либерти, а иностранное слово подчеркивало экзотичность нового стиля.

Во-вторых, давая стилю иностранное имя, его как бы отдаляли от общего антиклассицизма и антиисторизма, с той целью, по мнению Брозио, что если бы «стиль быстро бы пришел в упадок, то траур по нему был бы недолгим. Как по дальнему родственнику, рожденному в чужой стране» [Брозио, 1967, с. 14].

3. Региональная специфика проявления стиля модерн в Италии

К уже упоминавшейся региональности итальянской культуры на рубеже веков добавляется и еще один фактор, а именно, проблема столицы.

Новое государство востребовало новый образ главного города не просто как точки на карте, но как символа новой государственности, и в эту метафорическую гонку за первенство включилось три основных претендента – Турин (индустриальная и промышленная столица), Милан (политическая и дипломатическая) и Рим (историческая столица). Проблема «образа новой столицы» во многом стимулировала архитектурные и художественные процессы, одновременно определяя самые выразительные «очаги» стиля на карте страны.

Так, первым центром нового стиля становится Турин, который в тот момент буквально олицетворяет новую Италию – промышленную, открытую к диалогу с другими странами. Этому способствовали и географическое расположение, и исторический опыт Турина как центра, который всегда находился в контакте с европейскими странами по ту сторону Альп, занимая космополитическую позицию.

Международная выставка 1902 года в Турине – знаковый этап для всего итальянского модерна. 1902 год показывает, что в Италии Либерти существует как национальный стиль, что это не просто прихоть или вкус, но программное проектирование на уровне государства. Турин – самый индустриальный город Италии и в этом отношении самый репрезентативный. Интересно, что наследие Либерти активно используется до сих пор, например, таким знаковым автомобильным концерном как FIAT, поскольку весь, пользуясь современными терминами, бренд компании FIAT от здания до дизайна логотипа полностью является *проектом в стиле Либерти*.

Среди создателей нового языка архитектурного искусства выделяется Раймодо Д'Аронко, которые проектировал павильоны для международной выставки. Его павильон, предназначенный под выставку автомобилей, являл собой монолитное здание в духе венского Сецессиона, в котором тенденции модерна проявлялись в большей степени в декоре, нежели в конструкции.

Для Д'Аронко как мастера был характерен синтетический подход, сочетавший, с одной стороны, приметные черты венского Сецессиона, которые подчеркивали вовлеченность Италии в общий художественный и процесс, а с другой –

сочетание эклектических элементов, которые были его визитной карточкой в прежних работах. Так здание выставочного павильона украшено декором, в котором доминируют две графические темы – линия (больше напоминающая натянутые провода, чем традиционный для европейского модерна «сигаретный дым») и колесо. Колеса появляются как буквально, то есть в виде изображений автомобиля и автомобилистов, так и в декоративном иносказании – многочисленные сочетания металлических кругов, вызывающие в памяти зрителя различные виды транспорта, начиная от велосипеда. Само здание одновременно напоминает и заводские помещения завода FIAT, и ипподром, и конюшни. Что вполне соответствует цели – ведь архитектор создает «конюшню», но уже для железных коней.

Отдельно стоит подчеркнуть диаметральные полюса стиля Либерти в Италии, на которых творчество Д'Аронко и его коллег базировалось весь недолгий век итальянского модерна.

Либерти на одном полюсе – это архитектура «термальных курортов», как часто называют ее в итальянской литературе, с ее подчеркнутой темой релаксации и отдыха, а на другом полюсе – мемориальная скульптура и архитектура. И в этой биполярности, конечно, чудесная ирония: на одном полюсе – самое «про жизнь», что только можно было бы себе вообразить, на другом – смерть, облаченная в мрамор.

Эта антиномия Либерти особенно чувствуется в Турине, где при огромном количестве жилых и социальных архитектурных проектов Либерти находится уникальное городское кладбище, представляющее собой под открытым небом музей скульптуры и архитектуры данного периода.

Среди других значимых имен туринской линии итальянского Либерти можно назвать Пьетро Феньоло, работавшего в большей степени в области жилищного строительства – его авторству принадлежат несколько новых кварталов Турина.

Туринская линия Либерти – самая интернациональная и наиболее известная остальной Европе. «Туринский» Либерти отличался самой устойчивой визуальной и эстетической программой, именно туринские мастера более, чем другие, распространяли стиль. Резюмируя роль Турина в процессе распространения нового стиля, можно сказать, что Турин мог в полной мере считаться синонимом индустриального Либерти, той крайностью, которая упивалась движением и прогрессом, промышленным бумом и идеями

объединения. Плюс ко всему Турин начала века по праву можно было бы назвать визитной карточкой новой Италии; очевидно, именно поэтому он и становится городом первой международной выставки.

Второй город, крупный центр итальянского Либерти, – это Милан.

Если Турин считался индустриальным центром Италии, то Милан по праву был центром дипломатическим. Самым значительным визуальным образцом миланского Либерти и итальянского Либерти в принципе можно назвать Палаццо Кастильоне (1903) в Милане.

Этот пример вошел во все книги о модерне как репрезентация рецепции стиля на итальянской территории. Анализируя этот архитектурный пример, особенно если ставить его в визуальный ряд с другими европейскими образцами, довольно скоро можно прийти к выводу, что – при всем богатстве декора – он кажется немного нелепым. И если судить только по нему о Либерти в Италии, рассуждение о периферийности этого явления становится понятным.

Но палаццо Кастильоне – это как раз тот случай, когда произведение искусства стоит оценивать и интерпретировать не столько в пределах области искусствоведческого анализа, сколько как культурный феномен, показательный для ситуации рубежа веков.

Внешне это огромное здание, вписанное в один из центральных кварталов Милана, представляет собой достаточно монструозный симбиоз эклектических элементов в новом стиле, наложенных на тип традиционного миланского городского палаццо с его четкой структурой. Атрибутировать это здание как принадлежащее *стилю Либерти* можно только рассматривая его детали. Этот принцип травестики традиционных для архитектуры форм в одежде нового стиля – показательный пример того, как Италия обходилась с новыми веяниями.

«Переодевание» фасада и игра с новыми материалами не поменяли суть городского пространства и городского вкуса. К тому же миланская линия Либерти носит более классицистический характер и склоняется к историзму: для Милана, города герцогского и старинной аристократии, архитектурные элементы продолжают оставаться частью национальной идентичности.

Выразительный пример переходной стадии между модерном и новым классицизмом (с вектором в сторону фашистской архитектуры) – это железнодорожный вокзал города Милана, в ко-

тором масштабность, сочетаемая с архитектурными и скульптурными элементами, создает репрезентативный и немного угрожающий образ новых ворот нового города.

Третий «эпицентр» развития стиля и главный – столичный центр, это Рим. И здесь происходит самое примечательное. В «тексте» Рима Либерти как будто совсем не читается, учитывая насыщенность архитектурного текста предыдущих эпох на улицах города. Но это происходит не от того, что модерна в Риме мало, а от того, что город классического искусства и барокко по своему понял модерн. Понял и только поэтому признал. Для Рима и в контексте Рима Либерти – это своеобразная *реинкарнация барокко*.

Рим Belle Époque – это целый *город, существующий как модель культуры* Либерти, модель, полностью визуализирующая ее законы и соответствующая им [Алессандрини, 2013, с. 48].

Рим рубежа веков – это своеобразная культурная дилемма: он одновременно религиозен и порочен, он древний и современный, он политический и стоящий вне политики. Интересно, что идея единого государства не только не разрушила обособленность римлян, но и, напротив, ее укрепила.

Одной из проблем для Рима остается то, какой должна быть новая столица. Требуется умелое сочетание исторического прошлого и нового индустриального. Рим становится – предвещающая футуризм – футуристическим. Многочисленные журналы публикуют графические портреты возможного будущего города, в котором присутствуют метрополитен, заводы, фабрики и прочее.

Параллельно с этим реальным Римом существует Рим-миф [Янноттони, 1986, с. 29].

Главным творцом этого мифа, безусловно, стал Габриэле Д'Аннунцио. Когда в 1889 году выходит его первый и программный для итальянской культуры модерна роман *«Наслаждение»*, помимо литературных персонажей одним из его героев становится сам город: отчасти ирреальный, отчасти более чем реальный субстрат, внутри которого и могут происходить действия столь утонченной и столь утомленной жизни *«dolce far niente»*.

Жить в декорациях этого города – означает уже принимать участие в спектакле под названием Belle Époque. Если всмотреться внимательно в этот текст, выступает на поверхность не только его программа как произведения, но и некая общая программа «жизни в Риме».

Градостроительные декорации Рима – это, прежде всего, программный жилой квартал Джино Коппеде, в котором Либерти выражается в сочетании эклектических элементов и тосканского средневековья.

Жилой квартал, организованный как единый ансамбль из домов-вилл. Архитектурный жанр городской виллы, рассчитанной на две-три семьи, представляет особый феномен городской культуры Рима этой эпохи. Синтез дома-замка и одновременно репрезентативная функция стиля хорошо отображают новые тенденции бытового поведения внутри города. Оазис для новой буржуазии в непосредственном соседстве и с античным наследием, и с раннехристианскими катакомбами.

Еще одной своеобразной чертой римской версии Либерти можно считать увлечение антиэстетическими «странностями» в декоре, как то активное использование всевозможных лягушек, ужей, морских обитателей в качестве декоративных элементов (например, центральный фонтан квартала Коппеде). Это своеобразный ответ классицистической доминанте, ирония над историей и реакция на историзм, господствовавший в архитектуре.

Впрочем, распространение модерна одними столицами не ограничивалось, строительство шло по всей Италии и итальянский модерн был вездесущ.

Значительно стиль проявляет себя в регионе Эмилия-Романья, в частности, в его столице – в Болонье. В этом регионе явственнее всего выступают итальянские ориентиры модерна – английская традиция, то есть мануфактура, общество искусств и ремесел, обращение к национальному (не римскому, а скорее к эпохе до Рафаэля). Большое распространение стиль получает в южных регионах страны и в принципе в тех областях где развита, условно говоря, «курортная культура» [Дамиджелла, 1981, с. 12]; в определенном смысле модерн для Италии – это стиль «терм» и курортов, – вся индустрия отдыха по стране отстроена в этом стиле и – что характерно – благодаря сохранности этого наследия до сих пор продолжает кондиционировать декорации жизни соответствующих городов, таким образом, делая *стиль Либерти* не архивным источником, а живым соучастником уже актуальной нам повседневности.

Заключение

Стиль модерн в культуре Италии сложное и противоречивое явление, обладающее рядом специфических особенностей в сопоставлении с европейскими образцами. Одной из ключевых особенностей стиля модерн в итальянском контексте является то, что Италия относится к группе стран-восприемников стиля, то есть тех, куда модерн пришел уже вместе со сложившимися эстетическими канонами и принципами. Специфика рецепции стиля итальянской культурой определяется в первую очередь тем, что стиль модерн для Италии является своего рода политической программой, призванной преодолеть разобщение художественных практик. *Стиль Либерти* обнажает сложную социокультурную ситуацию, в которой находится Италия в начале XX века.

В статье преодолевается господствовавший в европейской научной (по большей части не-итальянской) литературе подход к Либерти как к посредственному явлению, не повлиявшему на облик итальянской культуры в целом.

Исследование стиля модерн в национальных контекстах в дальнейшем, развивая идею диалога культур, представляется перспективной сферой исследования для культурологии.

Библиографический список

1. Вейдле В. Умирание искусства / сост. и авт. послесл. В. М. Толмачев. Москва : Республика. 2001. 287 с.
2. Охотникова Е. В. Архитектура нового государства: стиль Либерти между искусством и политикой в Италии рубежа XIX–XX веков // Государственная служба. Научно-политический журнал. 2013. № 6. С. 80–82.
3. Пиллюк (Охотникова) Е. В. Культурная рецепция стиля Либерти в Италии: от забвения к ностальгии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. № 3. С. 98–102.
4. Сарабьянов Д. В. Стиль модерн. Истоки, история, проблемы. Изд. 2-е. Москва : Искусство, 2001. 578 с.
5. Фар-Беккер Г. Искусство модерна. Кёльн : Konemann, 2000. 785 с.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. 2-е изд., испр. Москва : Весь мир, 2008. 342 с.
7. Яйленко Е. Миф Италии в русском искусстве первой половины XIX века. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. 344 с.
8. Alessandrini Diana, Cesaretti Carla. Roma Liberty. Itinerari tra eclettismo e modernismo (1870–1925). Roma : Palombi editori. 2013. 329 p.

9. Album del Liberty. Giovanna Massobrio, Paolo Portoghesi. Bari : Editori Laterza. 1975. 342 p.
10. Bairati E., Bossaglia R. Italia Liberty. Milano : Gorlich Editore. 1973. 342 p.
11. Bossaglia Rossana. Liberty in Italia. Milano : Edizione Charta. 1997. 347 p.
12. Bossaglia R. Il Liberty a Milano. Milano : Skira. 2003. 234 p.
13. Bossaglia Rossana. Il liberty: storia e fortuna del liberty italiano. Firenze : Sansoni, 1974. 129 p.
14. Brosio V. Lo stile Liberty in Italia. Milano : Editore Umbra SAS. 1967. 149 p.
15. Cremona I. Il tempo dell'Art Nouveau. Firenze: Editore Valecchi. 1964. 458 p.
16. Damigella A. M. Il Liberty a Catania e a Caltagirone. Firenze, 1980. 135 p.
17. Damigella A. M. Il Liberty nella Sicilia orientale. Palermo, 1981. 234 p.
18. Fontebuoni L. Due momenti del Liberty a Pesaro. Pesaro : Belli, 1978. 345 p.
19. Jannottoni L. Roma belle époque. Roma: Multigrafica Editrice, 1986. 121 p.
20. Masini Lara-Vinca. Art nouveau. Un'avventura artistica internazionale tra rivoluzione e reazione, tra cosmopolitismo e provincia, tra costante ed effimero, tra «sublime» e stravagante. Firenze : Giunti editore s.p.a., 1976. 429 p.
21. Sanguenti E. Il Liberty e crepuscolarismo: mito e realta. Milano : Mursia. 1960. 92 p.
4. Sarab'janov D. V. Stil' modern. Istoki, istorija, problem = Art Nouveau style. Origins, history, problems. Izd. 2-e. Moskva : Iskustvo, 2001. 578 s.
5. Far-Bekker G. Iskustvo moderna = Art Nouveau. Kjol'n : Konemann, 2000. 785 s.
6. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne. Dvenadcat' lekcij = Philosophical discourse on modernity. Twelve lectures / per. s nem. 2-e izd., ispr. Moskva : Ves' mir, 2008. 342 c.
7. Jajlenko E. Mif Italii v russkom iskusstve pervoj poloviny XIX veka = Italian myth in Russian art of the first half of XIX century. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 344 s.
8. Alessandrini Diana, Cesaretti Carla. Roma Liberty. Itinerari tra eclettismo e modernismo (1870–1925). Roma : Palombi editori. 2013. 329 p.
9. Album del Liberty. Giovanna Massobrio, Paolo Portoghesi. Bari : Editori Laterza. 1975. 342 p.
10. Bairati E., Bossaglia R. Italia Liberty. Milano : Gorlich Editore. 1973. 342 r.
11. Bossaglia Rossana. Liberty in Italia. Milano : Edizione Charta. 1997. 347 r.
12. Bossaglia R. Il Liberty a Milano. Milano : Skira. 2003. 234 p.
13. Bossaglia Rossana. Il liberty: storia e fortuna del liberty italiano. Firenze : Sansoni, 1974. 129 p.
14. Brosio V. Lo stile Liberty in Italia. Milano : Editore Umbra SAS. 1967. 149 p.
15. Cremona I. Il tempo dell'Art Nouveau. Firenze : Editore Valecchi. 1964. 458 r.
16. Damigella A. M. Il Liberty a Catania e a Caltagirone. Firenze, 1980. 135 p.
17. Damigella A. M. Il Liberty nella Sicilia orientale. Palermo, 1981. 234 p.
18. Fontebuoni L. Due momenti del Liberty a Pesaro. Pesaro : Belli, 1978. 345 p.
19. Jannottoni L. Roma belle époque. Roma: Multigrafica Editrice, 1986. 121 r.
20. Masini Lara-Vinca. Art nouveau. Un'avventura artistica internazionale tra rivoluzione e reazione, tra cosmopolitismo e provincia, tra costante ed effimero, tra «sublime» e stravagante. Firenze : Giunti editore s.p.a., 1976. 429 p.
21. Sanguenti E. Il Liberty e crepuscolarismo: mito e realta. Milano : Mursia. 1960. 92 p.

Reference list

1. Vejdl V. Umiranje iskusstva = The dying art / sost. i avt. poslesl. V. M. Tolmachev. Moskva : Respublika. 2001. 287 c.
2. Ohotnikova E. V. Arhitektura novogo gosudarstva: stil' Liberti mezdu iskusstvom i politikoj v Italii rubezha XIX–XX vekov = Architecture of the new state: the Liberty style between art and politics in Italy at the turn of XIX–XX centuries // Gosudarstvennaja sluzhba. Nauchno-politicheskij zhurnal. 2013. № 6. S. 80–82.
3. Piljuk (Ohotnikova) E. V. Kul'turnaja recepcija stilja Liberti v Italii: ot zabvenija k nostalgii = Cultural reception of the Liberty style in Italy: from oblivion to nostalgia // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2010. № 3. S. 98–102.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 26.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 16.02.2023; approved after reviewing 26.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 130;82

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_204

EDN: OEPRXD

Проблема адресата и вопросы образования в волшебных сказках госпожи д'Онуа

Виолетта Стиговна Трофимова

Кандидат филологических наук, докторант института философии, Санкт-Петербургский государственный университет. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9

violet_trofimova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1080-7073>

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о читательской аудитории волшебных сказок госпожи д'Онуа – одной из зачинательниц этого литературного жанра во Франции наряду с Шарлем Перро – и о наличии в этих сказках проблем воспитания и обучения юношества. Эти вопросы рассмотрены в полемическом ключе в рамках заочной дискуссии с редактором современного русского издания сказок д'Онуа М. Гистер. Сделан обзор новейших работ, посвященных французской писательнице конца XVII века, и отмечена ее популярность среди литературоведов, а также среди художников и театральных деятелей как во Франции, так и за ее пределами. В процессе анализа привлекаются фронтисписы из первых изданий сказок для уяснения издательских интенций. Эти гравюры показывают, что издатели адресовали сказки д'Онуа в том числе и детской аудитории. С помощью метода медленного чтения (close reading) устанавливается корпус сказок, в которых присутствуют дети-персонажи и поднимаются проблемы воспитания и образования. Делается вывод о критическом отношении писательницы к увлеченности тогдашним высшим обществом вундеркиндами, об особом внимании, которое она уделяла воспитанию девочек, о ее уважении к фигуре наставника в духе популярного в то время романа Ф. де Фенелона «Приключения Телемака» и о важной, по ее мнению, роли самовоспитания. Проведенный двойной анализ позволяет по-новому взглянуть на госпожу д'Онуа как на оригинального автора своего времени, которая, вместе с тем, разделяла интересы тогдашнего образованного общества к вопросам воспитания и образования.

Ключевые слова: французская литературная сказка; д'Онуа; воспитание; образование; детская аудитория; фронтиспис; иллюстрация

Для цитирования: Трофимова В. С. Проблема адресата и вопросы образования в волшебных сказках госпожи д'Онуа // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 204–212. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_204. <https://elibrary.ru/OEPRXD>

Original article

The addressee problem and educational issues in Madame d'Aulnoy's fairy tales

Violetta S. Trofimova

Candidate of philological sciences, doctoral student at the institute of philosophy, St. Petersburg state university. 199034, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 7/9

violet_trofimova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1080-7073>

Abstract. The article examines the reading audience of the fairy tales by Madame d'Aulnoy, one of the founders of this literary genre in France together with Charles Perrault, and the problems of bringing up and educating youth in these tales. These issues are considered in a polemical way in the framework of a correspondence discussion with M. Gister, the editor of the modern Russian edition of d'Aulnoy's tales. The author reviews the recent works dedicated to this French writer of the late 17th century, and notes her popularity among literary critics, as well as among artists and theater figures both in France and abroad. In the course of the analysis, frontispieces from the first editions of the fairy tales are used to clarify intentions for publishing. These engravings show that the publishers addressed d'Aulnoy's tales to the children's audience as well. Using the method of close reading, the author establishes a corpus of fairy tales with child characters and addresses issues of upbringing and education. The conclusion is made about the critical attitude of the writer to the aristocracy's enthusiasm for child prodigies, about the special attention she paid to nurturing girls, about her respect for the figure of a mentor in the fashion of a popular novel by F. de Fenelon «The Adventures of Telemachus», and about the importance, according to her, of self-education. The double analysis allows to take a fresh

look at Madame d'Aulnoy as an original author of her time, who, at the same time, shared the interests of the contemporary learned society in matters of upbringing and education.

Key words: French literary tale; d'Aulnoy; upbringing; education; children's audience; frontispiece; illustration

For citation: Trofimova V. S. The addressee problem and educational issues in Madame d'Aulnoy's fairy tales. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):204–212. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_204. <https://elibrary.ru/OEPRXD>

Введение

О французской культуре последнего десятилетия XVII века можно сказать то же, что В. Б. Зусева-Озкан сказала о культуре русского модерна: «Культура этого времени отмечена рядом примечательных... особенностей. Это появление огромного – по сравнению с предшествующим периодом – числа женщин-авторов... Это распространившийся мотив андрогинности... Это и мена гендерными ролями, проявляющаяся, в частности, в „женских” речевых масках писателей-мужчин и „мужских” масках писательниц» [Зусева-Озкан, 2022, с. 13]. Действительно, в это время во Франции появляется множество писательниц, которые работают в различных жанрах прозы и поэзии, участвуют в литературных конкурсах, держат литературные салоны. По сути дела, происходит феминизация художественной культуры, о которой мы уже говорили в связи с современностью [Трофимова, 2019, с. 208]. В произведениях того времени ставится «вопрос о воплощении женского начала – должно ли оно следовать социокультурным стереотипам или противостоять им» [Климовская, 2022, с. 160]. Если обратиться собственно к литературе, то 1690-е годы во Франции – это период зарождения нового литературного жанра – волшебной сказки. Французская литературная сказка выросла из устной традиции. Она была ориентирована на беседу, на слушателя [Панюта, 2021, с. 156]. В это время выходит в свет несколько сборников волшебных сказок, самым известным из которых стали «Сказки Матушки Гусыни» Шарля Перро (1696). Этот сборник включал такие хрестоматийные произведения, как «Спящая красавица», «Красная шапочка», «Синяя борода», «Кот в сапогах», «Золушка» и «Мальчик с пальчик». Между тем, основательницей жанра французской волшебной сказки можно считать Мари-Катрин д'Онуа, которая еще в 1690 году опубликовала роман «История Ипполита, графа Дугласа». В этом романе присутствовала вставная сказка «Остров Отрады», действие которой происходило в России. Именно это произведение и его переводы привлекают внимание российских исследователей и в отдельных случаях зарубежных [Люстров, 2020; Курышева, 2022; Goodwin,

2022]. В 1680-е годы посетители салонов использовали сказочные сюжеты в популярной тогда игре «le gage touché» (выбранный объект). Это было соревнование на лучший рассказ на заданную тему [Stedman, 2005, p. 36]. Но это не выходило за рамки салонной игры, и до графини д'Онуа никто не воспринимал волшебную сказку всерьез. После д'Онуа сказки стали публиковать, и они стали частью литературы. К 1697 году во Франции было опубликовано уже двадцать шесть сказок, одиннадцать из которых принадлежали Шарлю Перро, а десять – госпоже д'Онуа. Остальные написали такие сказочницы, как Мари-Жанна Леритье де Вилландон и Катрин Бернар.

В последние годы наблюдается подъем интереса к первым французским литературным сказкам. В прошлом году Национальная библиотека Франции издала каталог с библиографией работ по Ш. Перро и д'Онуа [Agrégation, 2022]. Моник Калинон в своем блоге на сайте Галлика отмечает, что именно д'Онуа дала название жанру «волшебной сказки», рассказывает об изданиях ее сказок и приводит иллюстрации [Calinon, 2021]. Фолькер Шредер анализирует немецкие переводы сказок д'Онуа [Schröder, 2022]. Рори Блум обращает особое внимание на декоративный аспект в сказках д'Онуа и уделяет особое внимание описаниям в них [Bloom, 2022, p. 2, 4]. Наиболее ярким проявлением интереса к д'Онуа стала постановка в прошлом году в сентябре месяце спектакля по двум самым известным ее сказкам – «Златовласка» и «Белая кошка» – во «Дворце женщины» (Palais de la Femme) в Париже и в муниципальном театре (Théâtre municipal Berthelot-Jean Guerrin) в Монрее под руководством Авроры Эвен с музыкой женщин-композиторов XVII и начала XVIII веков – Антони Бембо, Барбары Строцци, Элизабет Жаке де ла Герр и других [Contes, 2022]. В России сказки д'Онуа упоминаются музыковедами в связи с балетом «Спящая красавица» П. И. Чайковского и циклом фортепианных пьес М. Равеля [Лесовиченко, 2022, с. 96–97].

Ко времени выхода в свет первой своей сказки – «Остров Отрады» – Мари-Катрин Д'Онуа (1651–1705) уже прославилась как автор «мемуаров». Широкую известность получили ее «Вос-

поминания об испанском дворе» (1690). На титульных листах многих ее книг значилось впоследствии «Г-жи д'..., автора «Воспоминаний об испанском дворе»». Ее жизнь была похожа на авантюрный роман с тюремным заключением, расставанием с супругом и путешествиями по Европе, но после возвращения на родину в 1685 году она открыла литературный салон, занималась публикацией своих сочинений и была принята в Академию Риковрати в Падуе под именем «Красноречивой». Госпожа д'Онуа дружила с такими писательницами, как графиня де Мюра и Леритье де Вилландон. Де Мюра оставила о ней лестные воспоминания: «С нею никогда не бывало скучно, ее живая и веселая беседа была лучше ее книг, да она и не превращала сочинительство в науку, она писала, как это делаю и я, фантазируя, в шумном и людном месте; она сосредотачивалась... на своих сочинениях ровно постольку, поскольку это ее развлекало» [Онуа, 2015, с. 836]. Более того, графиня де Мюра читала «Историю Ипполита», находясь в изгнании в 1708–1709 годах [Clermidy-Patard, 2020, pp. 427, 431]. Госпожа д'Онуа умерла в Париже в 1705 году.

В 1698 году выходят в свет четыре тома «Сказок фей» госпожи д'Онуа и затем еще четыре тома продолжения – «Новые сказки, или Модные феи». Начиная с первого же издания, эти книги были богато иллюстрированы известными граверами того времени. Впоследствии, уже в конце XVIII, XIX и начале XX века появились высокохудожественные издания «Сказок» д'Онуа на французском языке и в английском переводе с великолепными иллюстрациями – настоящими произведениями искусства. Это, среди прочих, иллюстрации Клемана-Пьера Марилье к изданию 1785 года, Жюль-Мари Дезандре к изданию 1868 года, Джона Гилберта к английскому изданию 1855 года и Уолтера Крейна к английскому изданию 1909 года. «Сказки» д'Онуа до сих пор привлекают художников-иллюстраторов. Так, современная художница Натали Франк призналась, что они привлекли ее феминистской направленностью и тем, что писательница проверяет границы дозволенного женщинам [Frank, 2021, р. XXI]. Среди иллюстраций к русским переводам сказок д'Онуа можно выделить полную лубочную версию сказки «Остров Отрады», относящуюся к XVIII веку. Что касается русских переводов ее сказок, то они появляются в русской печати с 1770-х годов: сказки «Белая кошка» и «Апельсиновое дерево и пчела» («Басня о Белой

кошке» и «Сказочка о померанцевом дереве и пчеле», обе 1779 года). Однако широкую известность госпожа д'Онуа в России не получила, ее сказки обычно оказывались в тени сказок Шарля Перро, и лишь в 2015 году вышло в свет полное собрание ее сказок на русском языке. Между тем, на английском языке подобное полное критическое издание сказок д'Онуа до сих пор отсутствует, что ставит русских читателей и исследователей в привилегированное положение [Seifert, 2022, р. 658]. Среди всех женских произведений западноевропейской литературы конца XVII века «сказки графини д'Онуа наиболее доступны российскому читателю, так как в 2015 году в серии «Литературные памятники» вышло их полное собрание на русском языке» [Трофимова, 2022, с. 126]. Однако их не всегда используют при анализе даже гендерной проблематики в произведениях этого жанра. Так, В. А. Смирнова при исследовании гендерных стереотипов во французских литературных сказках ограничивается сказками Шарля Перро [Смирнова, 2020]. Между тем, Карин Абивен в своей работе анализирует как раз язык сказок д'Онуа, ее неологизмы, связь ее сказок с пословицами [Abiven, 2021]. В целом в подходе к гендерному аспекту в сказках в современном российском литературоведении наблюдается двойственность: одни исследователи не уделяют ему особого внимания, хотя и рассматривают женских персонажей, а другие специально останавливаются на переосмыслении женщинами сказочных сюжетов, выделяя этот аспект [Ерохина, 2022; Разина, 2022].

Цели и задачи исследования

Широко распространено мнение, согласно которому французские волшебные сказки рубежа XVII–XVIII веков не предназначались для детской аудитории. Относительно сказок госпожи д'Онуа М. А. Гистер высказалась весьма категорично: «Обилие „детских“ деталей у мадам д'Онуа отнюдь не означает, что ее тексты обращены к читателю-ребенку или предназначены для чтения детям. Полагать так было бы неверно, хотя бы потому, что ни в одной из этих сказок дети не являются главными героями. Все предисловия и посвящения в сказочных сборниках м-м д'Онуа также лишены размышлений о воспитании детей; сказки ни в каком смысле не обращены к детской аудитории» [Онуа, 2015, с. 852]. В этой статье мы ставим целью опровергнуть это суждение исследовательницы, рассмотрев про-

блему адресата сказок графини д'Онуа и вопросы воспитания в них, обратившись к фронтисписам к первым изданиям ее произведений. Мы произведем анализ гравюр, предпосланных сборникам ее сказок, с точки зрения персонажей и их действий. Кроме того, используя метод «медленного чтения» – «close reading» – мы уясним проблематику сказок д'Онуа и выявим в них воспитательную и образовательную проблематику. Мы будем ориентироваться на зарубежных исследователей, которые уже рассматривали тексты сказок д'Онуа вместе с иллюстрациями к ним [Schröder, 2022; Frank, 2021]. Такого рода анализ еще не проводился в российском литературоведении, а в зарубежном больше внимания уделяется гендерной проблематике произведений французской писательницы. Мы будем использовать русский перевод сказок д'Онуа, сверив его с французским оригиналом.

Читательская аудитория первых томов сказок графини д'Онуа

В первый том «Сказок фей» входили такие произведения, как «Прелестница и Персинет», «Златовласка», «Синяя птица» и «Принц-Дух». Все эти сказки отмечены явным морализаторством и лишены фривольности и эротических элементов, которыми будут отмечены некоторые французские литературные сказки XVIII века. «Прелестница и Персинет» рассказывает о зависти и о благодарности, «Златовласка» прославляет помощь ближнему и благодарность, «Принц-Дух» говорит о добрых делах. Вопросы воспитания детей занимают весьма скромное место в этих сказках. Относительно Прелестницы сказано, что она «все утро проводила с учеными, наставлявшими ее в разных науках, а после обеда занималась рукоделием подле королевы» [Онуа, 2015, с. 11]. Иных подробностей воспитания принцессы д'Онуа не приводит. В сказке «Принц-Дух» уродливого карлика Фурибонда воспитывает благородный принц, «но ребенок был непослушный, и сколько его ни стегали [в оригинале: сто раз], все без пользы» [Онуа, 2015, с. 69]. Но самый большой интерес представляет «Синяя птица». Это произведение читает герой другой сказки госпожи д'Онуа – принц Констанцию из «Голубя и голубки»: «Если б мог я, голубь, изъясняться столь же красиво, как Синяя птица, сказку о которой я любил с детства...» [Онуа, 2015, с. 630]. Таким образом, сказка «Синяя птица», по указанию самого автора, предназначалась для детей. Если обратиться к фронтис-

пису из первого тома «Сказок» 1698 года (он был напечатан знаменитым французским издателем того времени Клодом Барбеном), мы увидим пожилую даму с палочкой, которая показывает трем девочкам указкой некое изображение в книге. Эта дама похожа на учительницу или гувернантку. Таким образом, издатель подчеркивает воспитательное значение этих сказок.

Во второй и третий тома вошли такие сказки, как «Принцесса Веснянка», «Принцесса Розетта», «Золотая ветвь», «Апельсиновое дерево и пчела», «Мышка-добрушка», «Барашек», «Вострушка-Золянка» и «Фортуната». Отметим, что «Вострушка-Золянка» и «Барашек» были недавно напечатаны в английском переводе с иллюстрациями уже упомянутой Натали Франк. Здесь также мало говорится о воспитании. Лишь в «Принцессе Веснянке» героиня в детстве «с легкостью постигала самые сложные науки» [Онуа, 2015, с. 101]. Однако на фронтисписе к третьему тому мы видим прекрасную молодую женщину, окруженную детьми разного возраста. Гравером являлся Антуан Клузье – он же создавал гравюры и для книг Шарля Перро. Кроме того, Клузье – автор гравюры, которая служила иллюстрацией к сказке «Желтый карлик» из книги без титульного листа, находящейся в собрании РНБ и отнесенной библиографом к 1700 году [Аулю, 1700, р. 231]. Особенностью этого издания является отсутствие вставных новелл. Таким образом, издатель снова подчеркивал дидактическую направленность этих сказок.

Воспитание девочек и фигура наставника в сказках д'Онуа

В сказке «Побрякушка» из четвертого тома проблема воспитания «особенного» «ребенка» и увлеченности тогдашним высшим обществом разнообразными диковинками и чудесами встает со всей остротой. Главная героиня – маленькая обезьянка – страдает от того, что окружающим постоянно демонстрируют ее ученость и ее способности: «Приходилось, подобно сивилле, отвечать на сотню ученых вопросов, иной раз оказывавшихся ей не по зубам» [Онуа, 2015, с. 312]. Побрякушка получает хорошее для своего времени образование: «Королева пригласила к ней разных учителей, придавших ее живому уму настоящий блеск; она прекрасно играла на клавишине... вот ведь диво-то дивное! ... слава ее разнеслась по всем концам земли: ведь никто еще не встречал говорящей обезьянки» [Онуа, 2015, с. 313]. Побрякушка признается матери,

что ей «наняли учителей, обучивших» ее «многим языкам и игре на разных инструментах» [Онуа, 2015, с. 322]. Между тем, ученость не приносит ей удовлетворения, так как она переживает из-за своей внешности и лишь после обретения красоты достигает счастья.

В первый том «Новых сказок фей» вошли три сказки: «Принцесса Карпийон», «Лягушка-благодетельница» и «Лесная лань». В этих произведениях есть дети-персонажи и поднимается тема воспитания. В «Принцессе Карпийон» фея Амазонка просит старика Верховника стать воспитателем маленького принца: «Научите его пренебрегать мирским величием и достойно принимать удары судьбы, ибо, хотя он и рожден блистать, я все же полагаю, что счастье его скорее в мудрости, нежели в могуществе. Не в одном лишь внешнем величии заключается радость жизни человеческой, – ведь, дабы стать счастливым, следует быть мудрым, а обрести мудрость можно, лишь познав самого себя, научившись смирять желания, будучи довольным и в умеренности, и в изобилии, и при этом искать уважения людей достойных, не презирая ближних, и всегда быть готовым без сожаления расстаться с благами сей бременной жизни» [Онуа, 2015, с. 413]. Верховник говорит супруге: «Впредь мы должны относиться к нему как к родному сыну и воспитать его так [в оригинале: дать ему такое образование], чтобы он стал счастливым» [Онуа, 2015, с. 413]. На что супруга отвечает: «Хоть я и не смогу дать ему столько мудрых наставлений [в оригинале: великих уроков], сколько Вы... но буду воспитывать его, пока он маленький, и любить [в оригинале: лелеять], как свое дорогое дитя» [Онуа, 2015, с. 414]. В отличие от Фурибонда, труды Верховника и его супруги не пропали даром: «Мальчик оказался послушным и смывленным; он схватывал самые сложные вещи с такой легкостью, что немало удивлял пастухов, и за короткое время так поумнел, что лишь Верховнику стало под силу продолжить его обучение» [Онуа, 2015, с. 414]. Итак, наставником принца является «великий философ», король некогда процветающей страны, и он замечает в ученике «наклонности столь благородные, что никак не мог считать его ребенком простолюдинов. Ему нравилось, что мальчик почти всегда повелевает своими товарищами, внушая им почтение» [Онуа, 2015, с. 415]. В морали сказки прямо говорится, что для достижения счастья нужен хороший наставник: «Принцу, чей портрет я написала, / Судьба благая ниспослала / То-

го, кто мог его достойно направлять. / Он в добродетелях умел его наставить» [в оригинале: принцу... не надо было бояться никаких ловушек, когда его судьбу направлял Король Пастух] [Онуа, 2015, с. 443]. Сказка «Принцесса Карпийон» перекликается со знаменитым романом «Приключения Телемака» Ф. Фенелона, опубликованном в 1699 году и считающимся одним из первых примеров «романа воспитания».

В сказке «Лягушка-благодетельница» юная Муфетта, которую рассказчица называет «чудом наших дней», отличается, с одной стороны, добрым нравом и умением смягчать сердца, а с другой стороны, замечательной ловкостью. Она музицирует, «чудесно управляясь с инструментами, на которых научилась играть всего за несколько месяцев» [Онуа, 2015, с. 457]. В знаменитой сказке «Белая кошка» из второго тома «Новых сказок» феи растят главную героиню «окружив заботой, большей даже, чем они обещали королеве» [Онуа, 2015, с. 541]. «Меня учили всему, что положено знать особе моего возраста и происхождения. Я не доставляла феям хлопот – я усваивала все с неопишуемой легкостью», – признается принцесса [Онуа, 2015, с. 541]. Сам процесс обучения юных принцесс, однако, в этих сказках не описан.

В сказке «Лесная лань» особое внимание уделяется обучению маленькой принцессы Желанной (Дезире) истории. На гобеленах в ее покоях изображены «геройские деяния самого великого короля в мире»: «Такое средство придумали эти мудрые феи, дабы наглядней поведать юной принцессе о разных событиях в жизни героев и прочих великих людей» [Онуа, 2015, с. 467]. Помимо истории, принцессу учат и другим предметам: «Все учителя, необходимые ей, чтобы стать совершенством, были доставлены сюда» [Онуа, 2015, с. 467]. Девочка очень способна к обучению: «Наделенная живым умом и замечательной сообразительностью, она почти всегда заранее знала то, чему они еще только собирались ее научить, – это восхищало их так, что они не успевали удивляться – ведь она была в том возрасте, когда другие еще всего-то и могут что кликнуть кормилицу; и то сказать, не напрасно же феи своих любимцев одаривают: незнайкой и неумехою после этого не останешься» [Онуа, 2015, с. 467]. Девочка, чьим воспитанием занимаются феи, получает в сказках д'Онуа прекрасное образование. В свете этого не кажется удивительным, что в издании Теодора Жирара мы видим пожилую женщину, читающую книгу

двум детям. Эта гравюра выполнена Жаном Раймоном (та же гравюра – в третьем томе издания «Новых сказок» 1711 года).

Расширение и углубление проблем воспитания и образования в «Новых сказках» графини д'Онуа

«История принцессы Ясной Звездочки и принца Милона» из третьего тома «Новых сказок» – это сказка о четырех детях и о правильном воспитании. Корсар, спасший принцессу, двух ее братьев и кузена, «принялся обучать их, развивая способности, коими щедро одарили их небеса, и уж не сомневаясь, что их происхождение окутано большой тайной»; «в благодарность за сей дар богов» он «решил научить их всем наукам и, надлежащим образом обустроив свой дом, пригласил достойных учителей. Дети обучались с легкостью, удивлявшей сих почтенных господ» [Онуа, 2015, с. 654]. Принцессе Звездочке привозят книги, и именно из книги она узнает о природе своего чувства к Милону. Ее брат Солнышко благодарит Корсара и Корсарину от имени их всех: «Вы дали нам прекрасное воспитание, вы заботились о нас с беспримерной добротой...» [в оригинале: благородное образование] [Онуа, 2015, с. 658]. Принц Счастливец вторит ему: «Вы соизволили дать нам ценные назидания; надеюсь, что нам удастся им следовать» [Онуа, 2015, с. 659]. Непосредственно перед моралью сказки сказано: «Послали и за корсаром, и его женой, дабы отблагодарить их за то великолепное воспитание, какое они дали прекрасным детям» [в оригинале: благородное образование] [Онуа, 2015, с. 688]. На фронтисписе к третьему тому изображена молодая женщина с мотком пряжи в окружении маленьких детей разного возраста. Гравюра принадлежит Жану Раймону.

В четвертом томе «Новых сказок» содержится очень любопытная сказка «Принц-Вепрь», целиком посвященная проблемам воспитания и становления человеческой личности. Это произведение имеет в основе распространенный сюжет и восходит к итальянской сказке «Король-свинья» Страпаролы. Помимо графини д'Онуа, к этой сказке Страпаролы обращалась и ее подруга, тоже сказочница графиня де Мюра, которая практически в одно время с ней опубликовала собственную сказку «Король-свинья». Между тем, сказка графини д'Онуа значительно отличается и от источника, и от произведения де Мюра. Принца, который родился вепренком, мать королева решает оставить в живых и умоляет

мужа смилостивиться над ним: «Посему дамы, воспитывавшие вепренка, до сих пор считавшие его жалким отверженным существом, пригодным разве что на корм рыбам, теперь стали лучше заботиться о нем. А надо сказать, что, несмотря на внешнее уродство, глаза его с самого рождения светились небывалым умом» [Онуа, 2015, с. 709–710]. Ни о каких выдающихся способностях свиньи в сказке Страпаролы не говорится. Ничего не сказано в ней и о процессе воспитания свиньи. Госпожа де Мюра также не уделяет этим вопросам большого внимания. Между тем, д'Онуа останавливается на этом отдельно: «От природы достались ему блистательный ум и беспримерная отвага [в оригинале: он родился с выдающимся умом...]. За эти качества король полюбил вепренка. Он пригласил лучших учителей, чтобы те преподавали ему всевозможные науки. Ему плохо удавались танцевальные фигуры, зато пас-пье и менуэт, где нужны были легкость шага и быстрота движений, кабан танцевал чудесно. Из музыкальных инструментов предпочитал гитару и мило справлялся с флейтой, но избегал играть на лютне и теорбе. Овладел он и верховой ездой, грациозно и легко управляя лошадей. На охоту выезжал ежедневно, причем вступал в схватку с самыми опасными и кровожадными хищниками, бесстрашно вгрызаясь в них острыми клыками. Учителя дивились живости его ума, так как с любой наукой он справлялся играючи» [Онуа, 2015, с. 711]. В нравственном отношении, однако, Вепрь вначале обладает множеством изъянов. Он упрям и самодоволен: «Готов признать... что не блещу красотой, однако я слышал, будто все мужчины в каком-то смысле похожи на зверей. Вот я, к примеру, вылитый кабан, выходит, я такой же зверь. При этом я вовсе не лишен привлекательности, достоин любви...» [Онуа, 2015, с. 717]. Его первый брак с Исменой заканчивается трагедией – юная супруга и ее возлюбленный кончают с собой. Вепрь убит горем, пишет стихи в честь возлюбленной и сочиняет эпитафию. Однако он вскоре увлекается сестрой Исмены Зелонидой и решает жениться на ней. Мать отговаривает его, и на это он заявляет напыщенно: «Вы одна находите дурные свойства в моем характере. Отовсюду в свой адрес я слышу только похвалы, и мне дают понять, что я обладаю сотнями достоинств, и это отличает меня от всех» [Онуа, 2015, с. 721]. Мать обвиняет его в себялюбии и любви к лести, на что он говорит: «Я сознаю, что внешне нескладен, и сам чувствую свои изъяны так остро, как

никто иной. Но не в моих силах изменить себя, стать выше ростом, ходить прямо, избавиться от кабаньего рыла и превратиться в кудрявого красавчика наподобие Купидона. Я признаю, что иногда достоин порицания за капризный нрав, непостоянство, скупость, но эти качества легко исправить. Согласитесь же, что вид мой вызывает скорее жалость, нежели осуждение» [Онуа, 2015, с. 722]. Его затея снова терпит фиаско – на сей раз, невеста решает его убить, и в результате он убивает ее. Вепрь решает бежать в лес и жить там среди себе подобных. В результате он осознает ценность свободы и понимает всю порочность брака по принуждению. И все равно Вепрь еще выказывает следы былого самодовольства в разговоре с прекрасной Мартезией, младшей сестрой Исмены и Зелониды: «Я слишком нежного воспитания, чтобы принять всерьез чувства такого рода» [Онуа, 2015, с. 730]. Мартезия справедливо говорит ему: «Вы позаимствовали у тех и у других самое худшее: душа у вас человеческая, а лицо как у дикого зверя. Выберите что-нибудь одно...» [Онуа, 2015, с. 731]. Однако ей удастся полюбить его в облике Вепря, и тогда принц превращается, наконец, в писаного красавца и проявляет свои лучшие качества.

Гаагское издание первого тома «Сказок фей» д'Онуа также имело фронтиспис, на котором была изображена элегантно одетая дама, рассказывающая истории девочкам и мальчику. Тот же фронтиспис повторяется и в первом томе амстердамского издания «Сказок фей» 1708 года, и в зеркальном отображении на амстердамском издании 1726 года [Aulnoy, 1726]. Таким образом, издатель – Мейндерт Уитверт – считал книгу д'Онуа вполне подходящей детям.

Однако не всегда издатели адресовали «Сказки» госпожи д'Онуа детской аудитории. Тот же Мейндерт Уитверт – голландский издатель «Сказок фей» – в гаагское издание «Новых сказок фей» 1700 года включает фронтиспис с изображением женщины, похожей на Минерву, которая рассказывает истории галантным дамам и кавалерам. Гравюру изготовил Ян ван Вианен. В это издание входили произведения из третьего и четвертого томов собственно «Сказок фей» д'Онуа. По каким причинам голландский издатель решил адресовать третий и четвертый тома «Сказок фей» – а именно они вошли в это издание – взрослой аудитории, неизвестно.

Заключение

Фронтисписы к изданиям «Сказок фей» госпожи д'Онуа раскрывают нам, какой представляли издатели читательскую аудиторию этих книг. На большинстве фронтисписов к ранним изданиям ее «Сказок» присутствует фигура рассказчицы или учительницы, которая окружена детьми. Волшебная сказка в представлении издателей конца XVII – начала XVIII веков была «женским» жанром, сказки рассказывали именно дамы, и среди французских писателей того времени было несколько сказочниц. Главной среди этих сказочниц была Мари-Катрин д'Онуа, и ее книги изначально были адресованы детской аудитории. Это не означает, что сборники ее сказок не читали взрослые, однако ее произведения считались вполне подходящими для детей, несмотря на чуждые детской литературе, в представлении современного читателя, элементы, например, вставные новеллы.

Проблемы воспитания, как показало внимательное прочтение сказок д'Онуа, поднимаются в сказках «Побрякушка», «Принцесса Карпийон», «Лесная лань», «История принцессы Ясной Звездочки и принца Милона» и «Принц Вепрь». В них затрагивается вопрос о воспитании «особенного ребенка» и увлеченности высшим обществом диковинками, подчеркивается особая роль наставника. Сказка «Принц Вепрь» разворачивается как история преодоления человеком животной природы, и это происходит не только путем воспитания, но также через страдания и самовоспитание.

Графиня д'Онуа, при всей необычности и оригинальности ее произведений, во многом поднимала типичные для образованного общества своего времени проблемы. Она интересовалась вопросами воспитания детей, уделяла большое внимание обучению девочек, критически относилась к превращению вундеркиндов в маленьких обезьянок, и высоко ставила фигуру учителя и наставника.

Библиографический список

1. Ерохина Ю. Е. Жанровое своеобразие сказок народов Великобритании и Северной Ирландии // Педагогический дискурс в литературе. Материалы шестнадцатой всероссийской научно-методической конференции. Выпуск 16. Санкт-Петербург : ООО «Издательство ЛЕМА», 2022. С. 7–10.
2. Зусева-Озкан В. Б. Введение // Женщина модерна: Гендер в русской культуре 1890–1930-х годов : коллективная монография. Москва : НЛЮ, 2022. С. 9–23.

3. Климовская А. Я. «Женский портрет» Г. Джеймса в рецепции А. Брукнер // Мотив, фабула, сюжет в литературе и искусстве: материалы Всерос. науч. конф., 23 апреля 2022 г. Вып. 25. Санкт-Петербург : «Лема», 2022. С. 159–163.

4. Курышева Л. А. Сказочная фантастика в русской рукописной беллетристике конца XVII – первой трети XVIII века // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 34–44.

5. Лесовиченко А. М., Сафонова А. А. Музыкальные тропинки героев Шарля Перро (к 325-летию первой публикации сборника «Сказки моей матушки Гусыни») // Музыка в системе культуры. 2022. № 2. С. 92–104.

6. Люстров М. Лапландско-мальтийская война и королевская игра «копием». Текстуальные трансформации в русских переводных повестях XVII–XVIII веков // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 1–2. С. 11–18.

7. Онуа М. д'. Кабинет фей. Москва : Ладомир, Наука, 2015. 1000 с.

8. Панюта С. Аббат Вуазенон как автор сказок // *Tigris philologiae*: сборник статей о французской литературе [и не только] к юбилею Натальи Пахсарьян. Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. С. 155–165.

9. Разина И. С. Женские образы в цикле произведений Корнелии Функе «Reckless» // Педагогический дискурс в литературе. Материалы шестнадцатой всероссийской научно-методической конференции. Выпуск 16. Санкт-Петербург : ООО «Издательство ЛЕМА», 2022. С. 50–54.

10. Смирнова В. А. Образ женщины как гендерный стереотип во французских паремиях и литературных сказках. Хабаровск : Издательство ТОГУ, 2020. 115 с.

11. Трофимова В. С. Образы выдающихся женщин XVII века в современной английской драматургии // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 207–216.

12. Трофимова В. С. Преодоление гендерных стереотипов в преподавании западноевропейской литературы XVII века с помощью имеющихся переводов женских произведений на русский язык // Литература в контексте современности: сборник материалов XIV Всероссийской научно-методической конференции с международным участием (Челябинск, 9 декабря 2022 г.). Челябинск : ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2022. С. 122–127.

13. [Aulnoy d'] Nouveaux contes des fées. S/p : s/p, [1700]. 394 p.

14. Abiven K. «Faire du grabuge» dans le conte de fées : lexique et phraséologie burlesque chez D'Aulnoy // *L'Information grammaticale*. 2021. N 171. P. 3–12.

15. Agrégation de Lettres modernes 2022. Charles Perrault les Contes en prose Marie-Catherine D'Aulnoy Contes de fées. Bibliographie sélective. Août 2021.

16. Aulnoy d'. Les contes des fées. Tome 1. Amsterdam : M. Charles le Cene, 1726. 423 p.

17. Bloom R. Making the Marvelous: Marie-Catherine d'Aulnoy, Henriette-Julie de Murat, and the Literary Repre-

sentation of the Decorative Arts. Lincoln : University of Nebraska Press, 2022. 250 p.

18. Calinon M. « Il était une fois Marie-Catherine d'Aulnoy » // Blog Gallica, 23 juin 2021. URL: <https://gallica.bnf.fr/blog/23062021/il-etait-une-fois-mariecatherine-daulnoy-1651-1705> (дата обращения 30.01.2023)

19. Clermidy-Patard G. La circulation des écrit en situation d'exil : le rôle de Mme de Murat dans le champ littéraire en France à la fin du règne de Louis XIV // «À qui lira» Littérature, livre et librairie en France au XVIIe siècle. Tübingen Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2020. P. 423–433.

20. Contes des fées, de Marie-Catherine d'Aulnoy Paris et Montreuil, les 17 et 24 septembre 2022 URL: <http://siefar.org/contes-des-fees-de-marie-catherine-daulnoy-2/> (дата обращения 30.01.2023)

21. Frank N. Drawing Mme d'Aulnoy // Aulnoy M. d'. The Island of Happiness: tales of Madame d'Aulnoy. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2021. P. XXI–XXVI.

22. Goodwin M. The curious history of the first French literary fairy tale: d'Aulnoy's feminist «utopia» in *L'Histoire d'Hypolite, comte de Douglas* (1690) // Monash University. Conference contribution. 2022. URL: https://bridges.monash.edu/articles/conference_contribution/The_curious_history_of_the_first_French_literary_fairy_tale_d_Aulnoy_s_feminist_utopia_in_L_Histoire_d_Hypolite_comte_de_Douglas_1690/21555348 (дата обращения 30.01.2023)

23. Schröder V. The first German translation of *Les Contes des fées* // Hal. 2022. URL: <https://shs.hal.science/halshs-03599168/document> (дата обращения 30.01.2023)

24. Seifert L. C. Review of *The Island of Happiness: Tales of Madame d'Aulnoy* ed. by Natalie Frank // *French Studies: A Quarterly Review*. 2022. Vol. 76. No. 4. P. 658.

25. Stedman A. D'Aulnoy's *Histoire d'Hypolite, comte de Douglas* (1690): A Fairy-Tale Manifesto // *Marvels & Tales. Journal of Fairy-Tale Studies*. 2005. Vol. 19. No 1. P. 32–53.

Reference list

1. Erohina Ju. E. Zhanrovoe svoeobrazie skazok narodov Velikobritanii i Severnoj Irlandii = Genre specificity of fairy tales of peoples in Great Britain and Northern Ireland // *Pedagogicheskij diskurs v literature. Materialy shestnadcatoy vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii*. Vypusk 16. Sankt-Peterburg : ООО «Izdatel'stvo LEMA», 2022. S. 7–10.

2. Zuseva-Ozkan V. B. Vvedenie = Introduction // *Zhenshina moderna: Gender v russkoj kul'ture 1890–1930-h godov : kollektivnaja monografija*. Moskva : NLO, 2022. S. 9–23.

3. Klimovskaja A. Ja. «Zhenskij portret» G. Dzhejmsa v recepcii A. Bruckner = H. James's *The Portrait of a Lady* as viewed by A. Bruckner // Мотив, фабула, сюжет в литературе и искусстве: материалы Всерос. науч. конф., 23 апреля 2022 г. Вып. 25. Санкт-Петербург : «Лема», 2022. С. 159–163.

4. Kuryshcheva L. A. Skazoch'naja fantastika v russkoj rukopisnoj belletristike konca XVII – pervoj treti XVIII veka = Fairy tale fiction in Russian manuscript literature of the late XVII – the beginning of the XVIII century // Sibirskij filologičeskij zhurnal. 2022. № 3. S. 34–44.
5. Lesovichenko A. M., Safonova A. A.. Muzykal'nye tropinki geroev Sharlja Perro (k 325-letiju pervoj publikacii sbornika «Skazki moej matushki Gusyni») = Musical paths of Charles Perrault's characters (325th anniversary of the first publication of My Mother Goose's Tales) // Muzyka v sisteme kul'tury. 2022. № 2. S. 92–104.
6. Ljustrov M. Laplandsko-mal'tijskaja vojna i korolevskaja igra «kopiem». Tekstual'nye transformacii v russkij perevodnyh povestjah XVII–XVIII vekov = The Lapland-Maltese war and the royal game «spear». Textual transformations in Russian translated novels of XVII-XVIII centuries // Letnjaja shkola po russkoj literature. 2020. T. 16. № 1–2. S. 11–18.
7. Onua M. d'. Kabinet fej = House of Fairies. Moskva : Ladomir, Nauka, 2015. 1000 s.
8. Panjuta S. Abbat Vuazenon kak avtor skazok = Abbot Voisinon as the author of fairy tales // Tigris philologiae: sbornik statej o francuzskoj literature [i ne tol'ko] k jubileju Natal'i Pahsar'jan. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2021. S. 155–165.
9. Razina I. S. Zhenskije obrazy v cikle proizvedenij Kornelii Funke «Reckless» = Female characters in Cornelia Funke's Reckless series // Pedagogičeskij diskurs v literature. Materialy shestnadcatoj vserossijskoj nauchno-metodičeskoj konferencii. Vypusk 16. Sankt-Peterburg : OOO «Izdatel'stvo LEMA», 2022. C. 50–54.
10. Smirnova V. A. Obraz zhenshhiny kak gendernyj stereotip vo francuzskih paremiyah i literaturnyh skazkah = The female image as a gender stereotype in French proverbs and literary tales. Habarovsk : Izdatel'stvo TOGU, 2020. 115 s.
11. Trofimova V. S. Obrazy vydajushhihsja zhenshhin XVII veka v sovremennoj anglijskoj dramaturgii = Images of prominent XVII century women in modern English drama // Verhnevolskij filologičeskij vestnik. 2019. № 3 (18). S. 207–216.
12. Trofimova V. S. Preodolenie gendernyh stereotipov v prepodavanii zapadnoevropejskoj literatury XVII veka s pomoshh'ju imejushhihsja perevodov zhenskij proizvedenij na russkij jazyk = Overcoming gender stereotypes in teaching XVII century Western European literature through available translations of women's works into Russian // Literatura v kontekste sovremennosti: sbornik materialov XIV Vserossijskoj nauchno-metodičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Cheljabinsk, 9 dekabrja 2022 g.). Cheljabinsk : ZAO «Biblioteka A. Milera», 2022. S. 122–127.
13. [Aulnoy d'] Nouveaux contes des fées. S/p : s/p, [1700]. 394 p.
14. Abiven K. «Faire du grabuge» dans le conte de fées : lexique et phraséologie burlesque chez D'Aulnoy // L'Information grammaticale. 2021. N 171. P. 3–12.
15. Agrégation de Lettres modernes 2022. Charles Perrault les Contes en prose Marie-Catherine D'Aulnoy Contes de fées. Bibliographie sélective. Août 2021.
16. Aulnoy d'. Les contes des fées. Tome 1. Amsterdam : M. Charles le Cene, 1726. 423 p.
17. Bloom R. Making the Marvelous: Marie-Catherine d'Aulnoy, Henriette-Julie de Murat, and the Literary Representation of the Decorative Arts. Lincoln : University of Nebraska Press, 2022. 250 p.
18. Calinon M. « Il était une fois Marie-Catherine d'Aulnoy » // Blog Gallica, 23 juin 2021. URL: <https://gallica.bnf.fr/blog/23062021/il-etait-une-fois-mariecatherine-daulnoy-1651-1705> (data obrashhenija 30.01.2023)
19. Clermidy-Patard G. La circulation des écrits en situation d'exil : le rôle de Mme de Murat dans le champ littéraire en France à la fin du règne de Louis XIV // «À qui lira» Littérature, livre et librairie en France au XVIIIe siècle. Tübingen Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2020. P. 423–433.
20. Contes des fées, de Marie-Catherine d'Aulnoy Paris et Montreuil, les 17 et 24 septembre 2022 URL: <http://siefar.org/contes-des-fees-de-marie-catherine-daulnoy-2/> (data obrashhenija 30.01.2023)
21. Frank N. Drawing Mme d'Aulnoy // Aulnoy M. d'. The Island of Happiness: tales of Madame d'Aulnoy. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2021. P. XXI–XXVI.
22. Goodwin M. The curious history of the first French literary fairy tale: d'Aulnoy's feminist «utopia» in L'Histoire d'Hypolite, comte de Douglas (1690) // Monash University. Conference contribution. 2022. URL: https://bridges.monash.edu/articles/conference_contribution/The_curious_history_of_the_first_French_literary_fairy_tale_d_Aulnoy_s_feminist_utopia_in_L_Histoire_d_Hypolite_comte_de_Douglas_1690/21555348 (data obrashhenija 30.01.2023)
23. Schröder V. The first German translation of Les Contes des fées // Hal. 2022. URL: <https://shs.hal.science/halshs-03599168/document> (data obrashhenija 30.01.2023)
24. Seifert L. C. Review of The Island of Happiness: Tales of Madame d'Aulnoy ed. by Natalie Frank // French Studies: A Quarterly Review. 2022. Vol. 76. No. 4. P. 658.
25. Stedman A. D'Aulnoy's Histoire d'Hypolite, comte de Douglas (1690): A Fairy-Tale Manifesto // Marvels & Tales. Journal of Fairy-Tale Studies. 2005. Vol. 19. No 1. P. 32–53.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 11.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 17.02.2023; approved after reviewing 11.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья
УДК 7.036; 82.02
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_213
EDN: OQQGYL

Городской текст поэзии русской рок-культуры

Наталья Николаевна Летина

Доктор культурологии, доцент кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Аннотация. В статье предлагается развитие культурологического дискурса городского текста русской культуры на материале поэзии русского музыкального рока с позиций культурно-антропологического, культурфилософского, семиотического, герменевтического, структурно-функционального подходов. Основная задача – осмысление ключевых составляющих городского текста, складывающегося в художественной рефлексии авторов и исполнителей русского рока конца XX века – начала XXI века. Эмпирический материал исследования составил обширный корпус текстов музыкальных композиций репрезентативных авторов и исполнителей, а именно групп «Аквариум», «Алиса», «Ария», «Браво», «Ва-Банк», «ДДТ», «Кафе», «Король и шут», «Крематорий», «Монгол Шуудан», «Несчастный случай», «Ночные снайперы», «Сурганова и Оркестр», «Танцы-минус», исполнителей В. Бутусова, А. Иванова, П. Кашина и др. Научная значимость статьи реализована методологически, через предложенный культурологический интегративный алгоритм анализа городской образности поэзии русского рока. Научная значимость представлена также целенаправленным выявлением основных структурных уровней и изучением составляющих городского текста поэзии русского рока. Представлены результаты культурологического, семиотического, структурно-функционального анализа городского текста поэзии русского рока. Выявлены буквальный, личностный, историко-культурный, социокультурный, духовно-нравственный, символический уровни его организации. Зафиксирована трансформация дихотомии «Москва – Петербург» через ее преодоление. Определены алгоритмы эстетического освоения и развития городского текста русской культуры авторами и исполнителями русского музыкального рока: актуализация, интерпретация, игра, интертекст, ирония, постирония. Городской текст поэзии русской рок-культуры осмыслен как интегративная, постоянно развивающаяся и трансформирующаяся система знаков и кодов города, обладающая признаками интертекста и метатекста.

Ключевые слова: город; русский рок; поэзия русского рока; городской текст; универсум; метатекст

Для цитирования: Летина Н. Н. Городской текст поэзии русской рок-культуры // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 213–220. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_213. <https://elibrary.ru/OQQGYL>

Original article

Urban text of russian rock-culture poetry

Natalia N. Letina

Doctor of of culturology, associate professor, department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
liotina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1884-7827>

Abstract. The article shows the development of cultural discourse in russian urban text based on the russian rock lyrics from the perspective of cultural anthropological, cultural-philosophical, semiotic, hermeneutic, structural-functional approaches. The main task is to understand the key components of the urban text, formed in the artistic reflection of the russian rock authors and performers of the late XX – early XXI centuries. The empirical material for this study includes an extensive corpus of lyrics by such popular musicians and groups as Aquarium, Alice, Aria, Bravo, Va-Bank, DDT, Cafe, King and Jester, Crematorium, Mongol Shuudan, The Misadventure, Night Snipers, Sarganova and Orchestra, Dances Minus, and such performers as V. Butusov, A. Ivanova, P. Kashina, and others. The scientific significance of the article is realized methodologically, through the proposed cultural integrative algorithm for analyzing the urban imagery of russian rock poetry. The author also focuses on identifying the main structural levels and studies urban text components of russian rock. The following levels are identified: literal, personal, historical, cultural,

sociocultural, spiritual, moral, and symbolic. The transformation is recorded of «Moscow – Petersburg» dichotomy through its overcoming. The following are algorithms of aesthetic understanding and development of the russian urban text by russian rock musicians described in the article: actualization, interpretation, play, inter-text, irony, post-irony. The urban text in the poetry of russian rock culture is seen as an integrative, constantly developing and transforming system of city signs and codes with features of inter-text and meta-text.

Key words: city; russian rock; russian rock poetry; urban text; universe; meta-text

For citation: Letina N. N. Urban text of Russian rock-culture poetry. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2023;(2):213–220. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_213. <https://elibrary.ru/OQQGYL>

Введение

Город – «место рождения» отечественной музыкальной рок-культуры, независимо от продолжающихся дискуссий в отношении нескольких претендентов на статус родины русского рока. Город – непосредственная социокультурная среда бытования отечественной музыкальной рок-культуры, актуальная несмотря на растущую экспансию нивелирующего географические и пространственные границы сетевого формата. Город – непрестанно актуализируемый топос, образ и самостоятельный персонаж комплекса текстов отечественных рок-исполнителей и авторов. Обратимся к осмыслению городского текста в творческой рефлексии репрезентативных отечественных поэтов (и исполнителей) русского рока конца XX века.

Методы исследования: культурологическая интеграция семиотического и культурно-антропологического подходов, структурно-функционального и семантического анализа, герменевтики, текстологического анализа комплекса текстов авторов и исполнителей отечественной рок-музыки в различных его версиях.

Результаты исследования

В поэзии отечественных рок-исполнителей и авторов городская образность складывается в городской текст – систему знаков, «осмысленных высказываний, ... объединенных общей темой» [Энциклопедия...], имеющую структуру, смысловую цельность и функционал.

Сразу отметим: указанная система является открытой, допускает индивидуальные ее вариации в персональном опыте и конкретных произведениях и развивается за счет них. Развитие городского текста русского рока происходило и происходит в соответствии с алгоритмом динамики художественных текстов, установленной М. Ю. Лотманом, которая «с одной стороны, направлена на повышение их целостности и имманентной замкнутости, а с другой, на увеличение внутренней семиотической неоднородности, противоречивости произведения, развития в нем структурно-контрастных подтекстов» [Лотман,

1992, с. 130].

Признавая бесспорную значимость для музыкальной культуры, в том числе для отечественной рок-музыки, музыкальной и исполнительской составляющей («исполнение – это и есть текст» [Кандаурова]), в данной статье мы сосредоточимся на закреплённой в слове вербальной эмпирике непосредственных текстов русского рока. Предлагаемый методологический ракурс допускает, что «рок-поэзия может восприниматься и рассматриваться как просто поэзия» [Доманский, 2023, с. 7]. При этом интегративный культурологический подход, привлекающий комплекс теоретико-методологический интенций, является сообразным тому взаимодействию городского текста русского рока с контекстом, который, подобно спектру актуальных для отечественной культур-философской рефлексии «кентавр-проблем» [Тощенко], «порождает множество неожиданных конфигураций, которые поражают необычностью по сравнению с традиционными культурными ценностями» [Злотникова, Киященко, 2015, с. 213].

На уровне макроструктуры городской текст поэзии русского рока во многом определяется дихотомией мыслимого и реального его измерений.

Состав упоминаемых реальных городов в городском тексте русского рока включает преимущественно Москву, Петербург, Вавилон, Иерусалим, эпизодически – Свердловск, Владивосток («Мумий Тролль»), Магадан («Ночные снайперы»), Новосибирск («Коридор»), Одессу (И. Ганькевич, «Чиж»), Тамбов («Аквариум»), Амстердам (А. Иванов, «Крематорий»), Париж («ДДТ», «Чайф»), Мадрид («Краденое солнце»), Гамбург (В. Бутусов, «Кино») [Русский рок...; Тексты песен русских...].

Помимо очевидного деления на российские и зарубежные города, они являются столицами или политическими, культурными, духовными центрами российской и европейской цивилизаций и эпох. Ряд городов исполнители и авторы рок-композиций знали и посещали, но часть известных городов прошлого (Вавилон, Иерусалим) носит исключительно эвентуальный характер. Данное качество бытования города в сознании,

воображении, памяти укоренено в отечественном городском тексте, что неоднократно отмечали исследователи [Веселова; Кондаков].

Отметим возможность сгруппировать города на столичные (Москва, Амстердам, Мадрид, Париж) и другие – «вторые столицы» (Санкт-Петербург, Гамбург) и более (Новосибирск и др.) или менее крупные (Одесса и др.) региональные центры.

Мы также выделяем среди реальных городов три ключевые группы: центры рок-культуры России; города, которые выступали местами гастролей, творческих мероприятий, социокультурных акций; города, связанные с значимыми событиями жизни или оставившие глубокое впечатление от пребывания в них конкретных авторов и исполнителей.

Так, состав городского текста русского рока структурируется на основе геополитических, социокультурных, историко-культурных, личностных факторов.

Отметим обстоятельство, отличающее индивидуальность позиций авторов и исполнителей русского рока в отношении значимой для городского текста русской культуры дихотомии «Москва – Петербург». Московский и петербургский текст и код являлись предметом многочисленных художественных и интеллектуальных (Д. Мережковский, А. Белый, Г. С. Кнабе, В. Н. Топоров) рефлексий, в ходе которых выявлен историко-культурный, социо-культурный, метафизический, мифологический, мифотворческий характер дихотомии. Московско-петербургский текст внутри городского текста оказался экстраполирован или бессознательно отражен и в семантике других городов.

Русский рок интегрирован в петербургский / московский текст русской литературы [Крылова, 1999; Логачева, 1997] и культуры, в том числе – в драматическом противостоянии петербургского и московского рока, и в горячих дискуссиях 1980-х о родине русского рока, но прежде всего – в непрестанной художественной рефлексии.

Художественная рефлексия Петербурга в русском роке многогранна и вариативна. Она может решаться, в частности, в натуралистском психофизиологическом ключе. В тексте песни С. Сургановой [здесь и далее тексты песен С. Сургановой, группы «С. Сурганова и оркестр» цитируется по: Тексты песен группы «Сурганова...»] «Весна» («Процент сумасшедших в нашей квартире...», премьера студийной песни 2005 г.) явный маркер Петербурга – уже ставшая стереотипной метафора «город дождей», неявный –

биографическая ситуация автора. Формально время года – весна, – выступает триггером и основанием формирования определенной атмосферы, в которой явственно торжествуют несколько составляющих – сжатие пространства («город дождей» – садик – дом – коммунальная квартира), нарастание градуса сумасшествия («процент сумасшедших в нашей квартире увеличится, если ты не придешь»), духота (соседи «курят, курят»), оглушающий шум («кошки рожают, дети орут, и посудой гремят соседские монстры»), эротическая составляющая (личная ситуация лирической героини и состояние социума: соседи «счастье куют»).

В этой атмосфере весеннего петербургского угара искаженно, но узнается блоковское «и правит окриками пьяными весенний и тлетворный дух». Важно отметить: в топике «Незнакомки» А. Блока место действия – не город, не пригород, но маргинальная пограничная зона, почти призрачная в символической метафизике, одновременно и воспринимаемая органами чувств лирического героя, и улавливаемая его чутким символистским даром («горячий воздух», но «дик и глух»). Органы чувств лирической героини «Весны» С. Сургановой также настроены чутко, но она скорее сапфически-чувственно разделяет всеобщее томление, ждет прихода подруги.

Психофизиологическая модальность петербургской весны закрепляется апелляцией к библейскому городскому коду, определяющему суть событийного и, возможно, бытийного состояния Петербурга в ситуации весны: «В коммунальной квартире – Содом и Гоморра». Безусловно, библейский смысл двух городов – символов средоточия человеческих пороков, вызвавших гнев Божий – в тексте «Весны» С. Сургановой отсутствует.

Семантическое опрошение постигает и классический советский гимн весне М. Вольпина (песня из фильма «Весна» 1947, композитор И. Дунаевский), строчка из которого «весна идет, весне дорогу» стала рефреном. Возвышающее и воскресающее состояние природы и человека, пробуждение к жизни в тексте трактовано достаточно прямолинейно в физиологическом аспекте продолжения жизни через биологическое и сексуальное. Так, библейский, античный, советский, рок-культурный коды, преломляясь в синергичном авторском сознании (возможно, и бессознательном), формируют особое видение и звучание Петербурга.

Иначе решается семантика Петербурга в альбоме «Игра в классики» (2014) группы «Сурга-

нова и Оркестр». С названия альбома, с первой строки первой песни начинается игра с классиками – романом Х. Кортасара, бессмертным мандельштамовским «Я еще не хочу умирать» («Питер! Я умирать хочу под этот звук»), ахматовскими интонациями, цитатами и аллюзиями на И. Бродского. Это осознанная игра как на уровне вербального текста, так и музыкального решения: «Внимательный слушатель найдет здесь много отсылок и аллюзий, которые можно расшифровывать и читать, как анаграммы или шарады...» [Алексеев]. В «Городскую сюиту» в составе альбома входит пять композиций («В этом городе фонарей», «Питер», «Мне с тобой», «Здание», «Доброволец»). И если, как полагает исследователь, «к произведению старого искусства правомерно подходить как к предмету дешифровки» [Успенский, 1991, с. 221], то, экстраполировать данную методологическую позицию на современную интерпретацию классического, «старого» литературного текста тем более продуктивно.

Модальность лирического присвоения окрашивает образ Петербурга в песне «Питер» (текст и музыка С. Голубевой). Изначальное обращение «Питер» и апеллирует к традиции, и противостоит ей: отказываясь от использования слов «Петербург», «Петроград», «Ленинград», лирическая героиня дружески обращается к «Питеру» как равному. Снимающее дистанцию и нивелирующее иерархию обращение «Питер» характерно для ряда исполнителей русского рока (и молодежного сленга 1990-х). Полагаем, так выражается потребность в присвоении и освоении Петербурга, снятии дистанции между имперским городом, великим градом Петра и все еще маленьким, но не униженным, как в русской литературе XIX века, а наделенным индивидуальностью частным человеком. Анимизм, антропоморфизм, гуманизация города доходит в тексте до его отождествления с персонажем – партнером. Петербург становится в тексте даже не городом – собеседником, а «милым», просящим помощи («облегчить всю боль свою меня просил»). Дальнейшее сокращение дистанции идет в тексте через взаимное слияние лирической героини и ставшего живым существом, организмом города («Дождь вошел до основания в твоё тело. / Кровь терять – лихое дело. Разрывы берегов сшиваются мостами, / Серые каналы заматают кровь хвостами») – пространственное, эмоциональное, физическое («А потом усну в твоих асфальтовых руках»). Но если физическую оболочку лирическая героиня планирует успокоить

в асфальтовых руках «Питера», то психоэмоционально она декларирует его внутреннее присвоение «ты – только мой».

Развитие городского текста в отечественной рок-культуре связано и с непосредственным обращением к классике, которое в целом характерно для поэзии русского рока [Козицкая, 1998]. Применительно к раскрытию дихотомии Петербург / Москва репрезентативную актуализацию классических текстов русской литературы реализуют композиции «Ленинград» группы «Сурганова и оркестр» (на слова стихотворения О. Мандельштама («Ленинград», 1930) и «Москва» группы «Монгол Шуудан») на слова стихотворения С. Есенина («Да! Теперь решено. Без возврата», 1922). Интерпретация С. Сургановой перекодирует смыслы текста О. Мандельштама в трех аспектах – гендерном, историко-культурном и биографическом. Феминная лирическая героиня заменяет маскулинного лирического героя и в исполнении С. Сургановой интонационное решение форсирует градус экспрессии. Неотвратимый тоталитарный историко-культурный контекст 1930-х в стихотворении О. Мандельштама нивелирован, хронотоп нового исполнения группой «Сурганова и оркестр» переносит слушателя в Петербург 2010-х (альбом «Проверено временем» 2008, «Чужие как свои», 2009). Обращение «Ленинград» остается неизменным, но если в 1930-м г. это его фактическое название, то в 2008 г. и позднее – уже прошлое. Ленинград становится пространством памяти о советском. Но, возможно, еще в большей степени, он становится городом О. Мандельштама и всех причастных творцов, городом – литературным и культурным палимпсестом и интертекстом. Биографически ситуация пограничности, прежде всего – между жизнью и смертью, – сближает автора и исполнителя. Отличает характер обстоятельств – эпический, исторически обусловленный у лирического героя О. Мандельштама, и личный, но социально значимый, вдохновляющий пример возможности победы над серьезным недугом.

Текст С. Есенина в исполнении группы «Монгол Шуудан» [Тексты песен русских рок-групп...] звучит весьма по-есенински – хулигански провокационно, щемяще безнадежно, балансируя между русской тоской и психоэмоциональным надрывом. В 1922 г. Москва (с 1918 г.) уже имела статус столицы СССР, но в цикле стихотворений С. Есенина «Москва кабацкая» она предстает не в столичном статусе, а в качестве нового пристанища простившегося с

деревней поэта, также других, в основном, маргинальных и асоциальных элементов. Драматический мотив перехода от деревенского к столичному московскому быту и бытию в композиции группы «Монгол Шуудан» утрачен, что биографически оправдано: автор музыки В. Скородед москвич. Лидер группы «Монгол Шуудан» создает композицию в конце 1980-х, когда Москва – столица СССР, как и в стихотворении С. Есенина. Историко-культурный контекст рефлексии о Москве различен: начальная стадия становления советской культуры и пограничный период советской культуры между застоєм и перестройкой отличаются и по масштабу свершений, и по пафосу устремлений. Однако именно период 1920-х гг. привлекает группу «Монгол Шуудан», музыку которой участники коллектива определяют как анархо-рок с привлечением народного творчества, и здесь обращение к текстам имажениста С. Есенина с его народными проявлениями эстетически оправдано (в текстах группы еще дважды встречается апелляция к стихотворениям поэта: композиции «Слушай поганое сердце...», «Финский нож»). Впрочем, не стоит игнорировать и элемент randomness, связанный с включением композиции в актуальный исполнительский опыт группы [История песни...]. Так, в культурном коде Москвы в исполнительской версии «Монгол Шуудан» актуализируется полная внутренних противоречий и контрастов «вязевая» есенинская Москва, где смешиваются маркеры ориентализма, возможно, варварства («дремотная Азия») и православия (золото куполов), маркеры городской периферии (изогнутые улочки, переулок, кабак) и природы (месяц, заря), маркеры деревни (родимый край, листва крылатая, низкий дом) и города (город вязевый), социальные маркеры маргиналов («бандюги») и творческой элиты («я»). И над всем этим синергитическим комплексом доминирует метафизический маркер губительной эсхатологии («Я такой же, как вы, пропащий, / Мне теперь не уйти назад»).

Характерным для текстов современного русского рока становится разрешение противостояния Петербурга и Москвы через определенную ситуацию. Нередко в качестве таковой выступает история любви, в которой акцентируется ожидание («Песня о Москве» группы «Несчастный случай», «Простуженный город») или непосредственно сама встреча («Московская Одиссея» П. Кашина). История любви может развиваться как в человеческом, межличностном решении (П. Кашин), так и в установлении особой связи

между лирическим героем и городом (А. Иванов). Так, в «Песне о Москве» лирический герой томится в ожидании электропоезда («До электрички на Москву остался ровно час, / И этот час я проживу так далеко от Вас») на вокзале, скорее всего, Санкт-Петербурга, который солист группы А. Кортнев достаточно часто посещает с концертами. Адресация через личные местоимения в тексте двойственная: «Вы», подразумевающее неопределенную лирическую героиню сочетается с «ты», обращенным к Москве («И, значит, еще нас хранит Твоя любовь, Москва»). В качестве медиатора может выступать и сцена личностного или творческого взаимодействия («Невский проспект» А. Иванова), например, танца лирических героев («Ленинградский рок-н-рол» группы «Браво»). Показательным и знаковым для городского текста русского рока местом встречи Петербурга и Москвой становится внутренний мир лирического героя, заставляющий стремиться к объединению московского и петербургского начал («Москва-Питер-Москва» (Д. Арбенина), «Трасса Е-95» (К. Кинчев, группа «Алиса»), «Москва – Нева» (автор Р. Луговых, исполнение В. Сюткина и Ромарио), «От Питера до Москвы» (М. Леонидов, группа «Секрет»).

В целом оппозиция Москвы и Петербурга в текстах русского рока развивает традиционную семантику Петербурга как символа культуры и Москвы как символа цивилизации. В данной парадигме мы усматриваем развитие христианской дихотомии Града Божьего и Града Земного. И здесь обнаруживаем и фиксируем корреляцию реального и мыслимого уровней городского текста.

Генетически городской текст христианской культуры в целом, с которой, несомненно, соотносится городской текст русской культуры после принятия христианства и до наших дней, имеет богословское и культурфилософское обоснование в трактате Августина «О Граде Божьем», посвященном раскрытию мистической логики истории. Всемирная священная история у Августина предстает как противоборство двух противоположных сообществ, символически названных Градом Земным и Градом Божьим. Люди распределены по Градам в соответствии с характером любви. «Итак, два Града созданы двумя видами любви, а именно: земной – любовью к себе, доведенной до презрения к Богу, Небесный – любовью к Богу, доведенной до презрения к себе» [Блаженный Августин, 1994, с. 63]. Августинские «два Града» это не политические образования, а духовные общности, «эсхатологические духовные сообщества». Символ Града зем-

ного – Вавилон или «второй Вавилон» – Римская империя. Символ Града Небесного – патриархальный Иерусалим или земная Церковь.

С учетом указанного контекста мы предлагаем рассматривать актуализацию рок-версий града Божьего – Иерусалима и града земного Вавилона в составе городского текста мировой культуры. Репрезентация данной дихотомии может носить и непосредственный характер, как в композиции «Город золотой» («Под небом голубым...», группа «Аквариум», Б. Гребенщиков), текст которой – стихотворение А. Волохонского с недвусмысленным и символическим названием «Рай». Град Земной – город Вавилон, представлен в текстах и группы «Аквариум» («Вавилон», «Пошел вон. Вавилон», «Огонь Вавилона»), и других известных рок-исполнителей – «Агата Кристи», «Гражданская оборона», «Сектор газа», «Сурганова и оркестр».

Город в городском тексте русской культуры в целом наделен символической нагрузкой, он – символ цивилизации и культуры, что детерминировано в числе прочего тем обстоятельством, что феномен города включает в себя проявления как цивилизации, так и культуры, и мыслится пространством противоборства и взаимодействия цивилизации и культуры, а также конкретной историко-культурной зоны в хронотопе конкретного произведения. Город в поэзии русского рока также отчасти кодируется в символической парадигме, что неоднократно замечено исследователями [Авдеенко, 1, с. 43; Русская рок-поэзия...] с опосредованным влиянием неоромантических интенций. Полагаем, что реальные города, актуализированные в текстах русского рока, являются в большей мере эстетическими версиями социокультурных центров и характерной для них атмосферы, и лишь в творчестве отдельных авторов обладают и метафизической укорененностью («Алиса», «Ария», «ДДТ», П. Кашин).

Ставшие классическими символы и символические детали «город золотой», «город... на песке» «безумно дивный чудный город» (П. Кашин), Вавилон («Ария», П. Кашин, «Сурганова и оркестр»,), дым («дым высоких труб» «Танцы-минус», «дым из трубы», «дым на небе, дым на земле» «Крематорий», «мой город» / «город мой» («Ва-Банк», «Ария», Г. Сукачев, С. Сурганова) формируют метафизический текст города – идеального или идеализированного, негативного, персонализированного, сложного и многогранного.

Город обростает в поэзии русского рока кон-

кретными деталями и характеристиками. В реальном измерении упоминаются конкретные элементы городского пространства – мосты («пляшут мосты», «нарисованы мосты» – группа «Браво», «мосты развели» – группа «Кафе»), река Нева («Москва-Нева», исполняет В. Сюткин) улицы: Тверская-Ямская, Щелковская («Московская осень», А. Иванов), Пушкинская, Лиговская («Девушка по городу» В. Бутусов), Арбат («Улицы московские» «Ва-Банк»); бульвары, скверы, сады («Браво», В. Бутусов, «Ва-банк», Г. Сукачев), Чистые пруды (И. Тальков, Д. Арбенина). В формировании городского текста в мыслимом измерении художественная деталь также играет важную роль. Актуализация христианского по происхождению символа реализована в «городе золотом», ветхозаветного библейского символа – в Вавилоне. Активно задействована в формировании и развитии городского текста узнаваемая метафора: «безумно дивный чудный город» (П. Кашин), «мертвый город» (Ю. Шевчук), «город мертвецов» («Король и шут»). Широкий спектр ассоциаций позволяет узнать в белых ночах, дожде, фонаре, вздыбленных конях – неназванный, но мыслимый Петербург, в золоте завитка или куполов – Москву.

Заключение

В результате проведенного нами на интегративной культурологической и семиотической основе исследование определено, что в общем художественном универсуме поэзии русского рока значительное место занимает городская проблематика. Ее структурное, функциональное, эстетическое и смысловое наполнение позволяет осмыслить всю многообразную совокупность проявлений как городского текста русского рока – целостного в своей обобщенности, синергического в своей динамике, вариантивного в уровнях реализации и версиях индивидуальных трактовок.

Мы определяем реальное и мыслимое измерение городского текста поэзии русского рока в качестве фундаментального метапринципа его бытования и структуризации. При этом мыслимое, воображаемое измерение городского текста не имеет отчетливой границы от реального, но может быть верифицировано в своих показательных чертах, как и реальное. Так, в поэзии русского рока городской текст выступает в качестве синергической метавселенной, интертекста и метатекста.

Имманентным функционально и структурообразующим началом городского текста мы

определяем его уровневую организацию, в которой выделяем в качестве основных историко-культурный, социокультурный, эстетический, персональный (биографический и лирический), аксиологический уровни.

Аксиологический уровень городского текста русского рока предъявлен через духовно-нравственно, мировоззренчески значимые дихотомии «идеальный / реальный», «Иерусалим / Вавилон», «идеальное духовное сообщество / падшее бездуховное сообщество». С ним соотносится также характерная для русской культуры символизация города как самостоятельного живого организма, которая выражается в городском тексте русского рока через маркировку города как умирающего или мертвого организма.

Социокультурный уровень городского текста представлен в противопоставлении столицы и провинции, мегаполиса и городка; Москвы как торжества цивилизации и Санкт-Петербурга как территории культуры.

Историко-культурный уровень задействован в актуализации культурного наследия и достояния (памятники искусства и культуры, выдающиеся деятели); формировании и выражении городской атмосферы; упоминании в текстах элементов городской среды конкретных городов.

Городской текст русского рока высоко интегрирован, город функционирует как пространство внутреннего мира автора, исполнителя, слушателя. Город выступает как лирический камертон; топос действия, жизни, творчества, а также пространственного перемещения; пространство памяти; источник вдохновения; повод и предмет рефлексии.

Библиографический список

1. Авдеенко И. А. Символ и образ города в русской рок-поэзии // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2021. № 21. С. 43–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvol-i-obraz-goroda-v-russkoy-rok-poezii> (дата обращения: 20.04.2023).
2. Алексеев А. Светлана Сурганова представила новый альбом «Игра в классики» // Российская газета – Федеральный выпуск: №88(6659) URL: <https://rg.ru/2015/04/24/surganova.html> (дата обращения 16.04.2023)
3. Блаженный Августин. О граде Божием : в 4 т. Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 3. 283 с.
4. Веселова С. Б. Город как образ сознания и образы города в сознании // Acta Eruditorum. 2013. № 13. С. 63–68. URL: <https://rhga.ru/upload/iblock/fd3/fd31f801740bb6612f3da4a2c0535b77.pdf> (дата обращения: 12.05.2023).
5. Доманский Ю. Рок-поэтика : монография. Москва : Эдитус, 2023. 206 с. URL: https://vk.com/doc-203770230_662322600?hash=1tH0fbfE0oztLq0prpoZEyJ10pgQZunGH4LNLKofdiPT&dl=Nk0uXdsiPPPoJHnTKZz4SZtbPPOQKGlczzJm01R9rno (дата обращения: 12.05.2023).
6. Злотникова Т. С., Киященко Л. П. Диалог о методологии социокультурного исследования массовой культуры в России // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 211–219.
7. История песни «Москва» (Да! Теперь решено. Без возврата...) / Монгол Шуудан. URL: <https://song-story.ru/moskva-esenin-mongol-shuudan/> (дата обращения: 11.05.2023).
8. Кандаурова Л. Как слушать музыку. Москва : Альпина Пабли., 2020. 248 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2018089> (дата обращения: 22.05.2023)
9. Козицкая Е. А. «Чужое» слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Тверь : Твер. гос. ун-т, 1998. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhoe-slovo-v-poetike-russkogo-roka/viewer> (дата обращения 12.04.2023)
10. Кондаков И. В. Феноменология города в русской культуре // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. Москва : «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1999. С. 188–203.
11. Крылова Н. В. Литературные реминисценции в «петербургских» текстах Юрия Шевчука / Н. В. Крылова, В. А. Михайлова // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Тверь, 1999. Вып. 2. С. 120–127.
12. Логачева Т. Е. Русская рок-поэзия 1970-х – 1990-х гг. в социокультурном контексте. Москва : МГУ им М. В. Ломоносова, 1997. 25 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000098496> (дата обращения: 10.04.2023).
13. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. : т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн : «Александра», 1992. 478 с.
14. Русская рок-поэзия: текст и контекст. URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=categories&id=187&Itemid=218 (дата обращения: 10.04.2023)
15. Русский рок. Тексты песен. URL: <https://txt-pesen.ru/russkij-rok.html> (дата обращения: 10.04.2023)
16. Текст // Энциклопедия культурологии. Словарь культуры XX века. В. П. Руднёв. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/906 (дата обращения: 02.05.2023).
17. Тексты песен группы «Сурганова и оркестр». URL: <https://reproduktor.net/surganova-i-orkestr/pesni/> (дата обращения: 11.05.2023)
18. Тексты песен русских рок-групп. URL: <https://rockk.ru/> (дата обращения: 11.05.2023)

19. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема как воплощение парадоксального развития российского общества // Вестник РГГУ. 2010. Серия Социология. Вып. 2. URL: <http://toschenko.ru/publication/3/> (дата обращения 20.04.2023)

20. Успенский Б. А. Семиотика искусства. Москва : Школа «Языки русской культуры» 1995. 360 с.

Reference list

1. Avdeenko I. A. Simvol i obraz goroda v russkoj rok-poezii = The city symbol and image in Russian rock poetry // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst. 2021. № 21. S. 43–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvol-i-obraz-goroda-v-russkoj-rok-poezii> (data obrashhenija: 20.04.2023).

2. Alekseev A. Svetlana Sarganova predstavila novyj al'bom «Igra v klassiki» = Svetlana Sarganova presented the new album “Playing hopscotch” // Rossijskaja gazeta – Federal'nyj vypusk: №88(6659) URL: <https://rg.ru/2015/04/24/sarganova.html> (data obrashhenija 16.04.2023)

3. Blazhennyj Avgustin. O grade Bozhie = The City of God : v 4 t. Moskva : Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja, 1994. T. 3. 283 s.

4. Veselova S. B. Gorod kak obraz soznaniya i obrazy goroda v soznanii = City as a mind image and city images in the mind // Acta Eruditorum. 2013. № 13. S. 63–68. URL: <https://rhga.ru/upload/iblock/fd3/fd31f801740bb6612f3da4a2c0535b77.pdf> (data obrashhenija: 12.05.2023).

5. Domanskij Ju. Rok-pojetika = Rock-poetics : monografija. Moskva : Jeditus, 2023. 206 s. URL: https://vk.com/doc-203770230_662322600?hash=1tH0fbfE0oZtLq0prpZEyJ10pgQZunGH4LNKofdIPT&dl=Nk0uXdsiPPPoJHnTKZz4SZtbPPOQKGlcczJm01R9rmo (data obrashhenija: 12.05.2023).

6. Zlotnikova T. S., Kijashhenko L. P. Dialog o metodologii sociokul'turnogo issledovaniya massovoj kul'tury v Rossii = A dialogue on sociocultural methodology of mass culture research in Russia // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 3. S. 211–219.

7. Istorija pesni «Moskva» (Da! Teper' resheno. Bez vozvrata...) = The history of the song Moscow (Yes! It's settled now. No coming back... / Mongol Shuudan. URL: <https://song-story.ru/moskva-esenin-mongol-shuudan/> (data obrashhenija: 11.05.2023).

8. Kandaurova L. Kak slushat' muzyku. = How to listen to music. Moskva : Al'pina Publ., 2020. 248 s. URL: <https://znanium.com/catalog/product/2018089> (data obrashhenija: 22.05.2023)

9. Kozickaja E. A. «Chuzhoe» slovo v pojetike russkogo roka = “Alien” words in Russian rock poetics // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst: sb. nauch. tr.

Tver': Tver. gos. un-t, 1998. Vyp. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chuzhoe-slovo-v-poetike-russkogo-roka/viewer> (data obrashhenija 12.04.2023)

10. Kondakov I. V. Fenomenologija goroda v russkoj kul'ture = City phenomenology in Russian culture // Urbanizacija v formirovanii sociokul'turnogo prostranstva. Moskva : «Akademicheskij nauchno-izdatel'skij, proizvodstvenno-poligraficheskij i knigoraspromislitel'skij centr «Nauka», 1999. S. 188–203.

11. Krylova N. V. Literaturnye reminiscencii v «peterburgskih» tekstah Jurija Shevchuka = Literary reminiscences in Yuri Shevchuk's “Petersburg” texts / N. V. Krylova, V. A. Mihajlova // Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst. Tver', 1999. Vyp. 2. S. 120–127.

12. Logacheva T. E. Russkaja rok-poezija 1970-h – 1990-h gg. v sociokul'turnom kontekste. = 1970s-1990s Russian rock poetry in sociocultural context. Moskva : MGU im M. V. Lomonosova, 1997. 25 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000098496> (data obrashhenija: 10.04.2023).

13. Lotman Ju. M. Semiotika kul'tury i ponjatie teksta = Culture semiotics and the concept of text // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i: v 3 t. : t. 1. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury. Tallinn : «Aleksandra», 1992. 478 s.

14. Russkaja rok-poezija: tekst i kontekst. = Russian rock poetry: text and context. URL: http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=categories&id=187&Itemid=218 (data obrashhenija: 10.04.2023)

15. Russkij rok. Teksty pesen. = Russian rock. Song lyrics. URL: <https://txt-pesen.ru/russkij-rok.html> (data obrashhenija: 10.04.2023)

16. Tekst = Text // Jenciklopedija kul'turologii. Slovar' kul'tury XX veka. V. P. Rudnjov. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/906 (data obrashhenija: 02.05.2023).

17. Teksty pesen gruppy «Sarganova i orkestr». = The group Sarganova and Orchestra. Song lyrics. URL: <https://reproduktor.net/sarganova-i-orkestr/pesni/> (data obrashhenija: 11.05.2023)

18. Teksty pesen russkih rok-grupp. = Russian rock groups' song lyrics. URL: <https://rockk.ru/> (data obrashhenija: 11.05.2023)

19. Toshhenko Zh. T. Kentavr-problema kak voploshhenie paradoksal'nogo razvitiya rossijskogo obshchestva = The centaur-problem as embodiment of the Russian society's paradoxical development // Vestnik RGGU. 2010. Serija Sociologija. Vyp. 2. URL: <http://toschenko.ru/publication/3/> (data obrashhenija 20.04.2023)

20. Uspenskij B. A. Semiotika iskusstva. = Semiotics of the arts. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury» 1995. 360 s.

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена после рецензирования 11.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 12.02.2023; approved after reviewing 11.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_221

EDN: PKWEFE

Трансформация функций запретов в сетевой культуре

Нина Вячеславовна Крестиненко

Аспирант кафедры теории истории культуры, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26
krestinenko@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6611-1149>

Аннотация. В настоящей статье поднимается проблема становления сетевой культуры как нового исторического типа культуры, пришедшей на смену традиционной и креативной культурам. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий ведет к изменению общественных отношений. Культура не является исключением: этикет, правила и нормы поведения в сети в настоящее время обретают в сети вторую, новую жизнь. Мы сами создаем сетевую культуру, а она, выходя из виртуального пространства в реальную жизнь, изменит нас. Однако и отделять сетевую культуру от «обычных» вряд ли будет правильным. Большинство действий в сети дублируют наши действия в жизни. Правила этикета не являются всеобщими и жестко установленными – в разных сообществах они могут значительно различаться. Основная цель этикета состоит в том, чтобы не затруднять общение в сообществе, правила могут устанавливаться исходя из целей сообщества, принятого стиля общения, технических ограничений и т. д. Некоторые правила записаны, и даже оформляются в виде формального устава, а иногда, и просто в виде списка, другие правила нигде не записаны, но известны большинству членов сообщества и соблюдаются ими. Цель моего исследования – выявление особенностей роли запрета в сетевой культуре, влияющего на формирование сознания человека как субъекта того или иного типа культуры, а также – изменения функции таких запретов, которые постепенно переходят от строгого табу, направленного на охрану жизни и защиту от внешней среды, к предупреждениям, носящим более диспозитивный характер. Научная новизна заключается в изучении культуры запретов, формирующихся в рамках сетевой культуры, и сопоставление их роли с видами запретов в других типах культуры. В результате доказано, что в рамках сетевой культуры формируется иная функциональная роль запретов.

Ключевые слова: культура; традиционная культура; креативная культура; сетевая культура; функции запретов

Для цитирования: Крестиненко Н. В. Трансформация функций запретов в сетевой культуре // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 221–228. http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_221. <https://elibrary.ru/PKWEFE>

Original article

Transformation of prohibition functions in Network culture

Nina V. Krestinenko

Postgraduate student, department of the theory and history of culture, Herzen state pedagogical university of Russia. 197046, St. Petersburg, Malaya Posadskaya st., 26
krestinenko@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6611-1149>

Abstract. This article raises the problem of forming Network culture as a new historical type of culture that has replaced traditional and creative ones. The development of modern information and communication technologies leads to a change in public relations. Culture is no exception: etiquette, rules and norms of online behavior are currently gaining a second, new life in the network. We create our own Network culture, and it will change us as it goes from virtual space to real life. However, it would hardly be right to separate Network culture from «ordinary» ones. Most online actions copy our actions in life. Etiquette rules are not universal and strictly fixed – they may vary considerably from community to community. The main purpose of etiquette is not to complicate communication in the community; rules can be set based on the goals of the community, the adopted style of communication, technical limitations, etc. Some rules are written down, and even formalized as a formal charter, and sometimes just in the form of a list; other rules are not written down anywhere, but are known to most members of the community and are respected by them. The

purpose of the research is to analyze the role of prohibition in Network culture, which affects the formation of one's identity as a subject of a particular type of culture, as well as changes in the function of such prohibitions, which are gradually shifting from strict taboos aimed at safeguarding life and protecting against the external environment to warnings of a more dispositive nature. The scientific novelty of the research lies in studying the culture of prohibitions formed within the framework of Network culture, and in comparing their role with the types of prohibitions in other cultures. As a result, the author proves that a different functional role of prohibitions is being formed within the Network culture.

Key words: culture; traditional culture; creative culture; Network culture; functions of prohibitions

For citation: Krestinenko N. V. Transformation of prohibition functions in Network culture. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2023;(2):221–228. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_221. <https://elibrary.ru/PKWEFE>

Введение

Человечество как биологический вид прошло как минимум четыре вида коммуникативных революций. Так, в процессе долгого «мычания», использования мимики и жестов люди всё-таки выработали устную речь, договорились о привязке звуков к смыслам – объектам реального мира. Так родилась устная культура. Потом долго изобретался способ и формы фиксации устной речи, появилась письменность. Естественный язык стал основным средством общения и передачи информации. Родилась письменная культура. Буквально не так давно один из лучших представителей нашего вида изобрёл печатный станок, и не единицы, но уже огромные человеческие массы совершили переход к письменной культуре. А совсем недавно изобрели телефон, телеграф, телевидение, компьютер, интернет, что стало началом эпохи цифровой культуры. Сейчас в рамках цифровой культуры с невероятной скоростью формируется новый тип культуры – сетевая культура [Апресян, Гусейнов, 2001, с. 103]. В связи с этим встает проблема установления возникающих характеристик новой культуры, которые нуждаются в детальном изучении для того, чтобы определить место сетевой культуры в системе эволюции культурных типов.

Для достижения научной цели автором были поставлены следующие задачи:

- определить роль современных технологий и интернета в формировании запретов и иных аспектов сетевой культуры;
- исследовать роль запретов в традиционной, креативной и сетевой культурах, а также провести их сравнительный анализ.

Для изучения процесса становления и развития функции запретов в сетевой культуре автором были использованы следующие методы исследования: эволюционный метод, сравнительный метод, метод контент-анализа, исторический метод, метод синтеза, метод дедукции.

Теоретической базой исследования послужили труды И. И. Докучаева, Л. Ю. Егле, Н. В. Коломийца, А. В. Костиной и А. Я. Флиера, М. Капельса, Э. С. Маркаряна, Г. Риккерта и Г. В. Скотниковой.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенное в настоящей статье решение вопроса о роли запретов в сетевой культуре может применяться культурологами и психологами для выявления особенностей современного мышления с целью дальнейшего прогнозирования поведенческих паттернов в различных сферах сущего (например, в общественных отношениях).

Предыстория становления сетевой культуры

Согласно Э. С. Маркаryanу, культура представляет собой совокупный способ и продукт человеческой деятельности [Маркарян, 1969, с. 129]. И. И. Докучаев дополняет данное определение, опираясь на метод аксиологического моделирования и типологизации культур; он отмечает, что ценность лежит в основе дальнейшего формирования культуры, человека и общества на той или иной стадии их развития [Докучаев, 2009, с. 9]. Но, помимо ценностей, на развитие культуры влияет ещё ряд факторов, среди которых основным оказывается материально-технический прогресс, то есть изобретения человечества. В результате резкого научно-технического скачка, совершенного человечеством за последние 10–20 лет, произошёл значительный сдвиг не только в каком-то одном слое системы ценностей, но переход культуры к новому типу, сопоставимому по своим характеристикам с хорошо известными [Кульгин, 2019].

Наступлению эпохи сетевой культуры, согласно И. И. Докучаеву, предшествовали традиционный и креативный исторические типы культуры. История первого заключалась в развитии видов хозяйствования с постепенным переходом от присваивающего к производящему, предпола-

гая параллельное существование таких подтипов, как торгово-ремесленная, скотоводческая и земледельческая культуры [Докучаев, 2012, с. 32]. Переоценка ценностей на данном этапе происходила достаточно медленно, как и сам материально-технический прогресс – модернизированные изобретения, появлявшиеся в одном государстве или его части, могли дойти до другого лишь через несколько десятилетий или не дойти вовсе, поэтому развитие шло крайне медленно и неравномерно [Лукинова, 2020, с. 119].

Коренной переворот культура, как и все другие составные части сущего, претерпела во времена эпохи Возрождения, поскольку именно тогда произошёл переход от традиционного исторического типа культуры к креативному историческому типу культуры [Каган, 1997, с. 156]. Тогда же были пересмотрены ценности – в центр экзистенциального бытия был поставлен человек, как социально значимая личность.

В креативной культуре решающее значение приобретает не почитание традиций, а создание чего-либо нового. Идеология, использующая науку, подменяет собой религию и становится основным способом существования ценностей. Теперь развитие происходит значительно быстрее; и эпохи Возрождения, Барокко, Просвещения, Романтизма и Позитивизма сменяют друг друга с поразительной скоростью, если сравнивать ее с изменениями в период Средневековья [Докучаев, 2009, с. 51].

Основные черты сетевой культуры

Модернизм и постмодернизм, характеризующиеся борьбой массовой и элитарной культур, а также непрерывными кризисами и глобализацией культуры, были преодолены современностью, свойства которой говорят о том, что на смену креативной культуре уже пришёл новый тип – сетевая культура. И. И. Докучаевым выделяются следующие ее признаки:

- депрофессионализация, самодеятельность и дилетантизм творческой деятельности;
- субъектом культуры является не личность, а социальная сеть авторов, каждый из которых есть только осколок или маска реального индивида;
- общество как социальная сеть – то есть виртуальное коммуникативное объединение авторов;
- безответственность участника социальной сети;

- глобальный перформанс как вовлеченная безучастность участника социальной сети;
- интернет как важнейший научно-технический фактор глобального становления сетевой культуры [Докучаев, 2009, с. 51].

Роль интернета в формировании запретов сетевой культуры

Глобальный сдвиг в сознании людей, произошедший в последние двадцать лет двадцать первого века, прежде всего, обуславливается возможностью выхода в интернет, доступ к которому сегодня есть практически у каждого второго человека на Земле. [Мамина, Елькина, 2019, с. 24]. Всего интернетом пользуются 4,66 млрд человек, почти 90 % из которых (4,20 млрд) зарегистрированы и являются активными участниками социальных сетей [Костина, Флиер 2009, с. 34]. Доступностью интернета при этом охватываются около 60 % населения мира. Интернет как всемирная система объединенных компьютерных сетей имеет, в основном, две функции: первая – информационная (передача содержания посредством различных технических устройств, имеющих выход в интернет), вторая – коммуникативная (создание условий общения людей с помощью социальных сетей).

Такие структуры, как социальные сети, изначально задумывались в качестве различных платформ, онлайн-сервисов, веб-сайтов, предназначенных для отражения и организации социальных взаимоотношений современного типа, субъекты которых представляют собой совокупности больших общностей, малых социальных групп и конкретных индивидов [Кенцл, 2020, с. 118]. Практически ни один современный человек не может уже жить без такой важной составной части своего бытия, как социальные сети, его зависимость от них постоянно растет [Коломиец, 2012, с. 12].

Наиболее популярными социальными сетями сегодня можно назвать Facebook и Instagram (в мире), ВКонтакте и Одноклассники (в России). Сегодня уже нельзя говорить о том, что социальная сеть – это исключительно платформа для общения с другими людьми, поскольку она имеет и другие значительные характеристики [Риккерт, 1998, с. 167]. Это, например, свобода выражения мнения, возможность высказать свою точку зрения, выдвинуть какое-либо суждение, дать свою оценку происходящим событиям, прокомментировать ситуацию, развивать свой бизнес, делиться своим творчеством, находить лю-

дей, имеющих схожие интересы и т. д. Более того, общение в социальных сетях уже практически не ограничивается ни пространством, ни временем, поскольку оно происходит онлайн и между людьми из самых разных стран и континентов [Кастельс, 2004, с. 125].

Но в то же время общение в интернете имеет ряд существенных недостатков, среди которых невозможность личного контактного общения, глядя друг другу в глаза, из-за чего телесное восприятие и ощущение присутствия человека уходят на второй план; возможность выдать себя за другого человека или украсть чью-либо личность, скрыть свою личность под маской анонима; утрата ценности живого разговора и языка в целом, поскольку он заменяется на графемы и смайлики, голосовой набор сообщения или аудио-сообщение; теряется такая форма культуры, как глубинное общение с близкими людьми и друзьями в ходе длительной личной встречи и посиделок, поскольку все можно обсудить в социальных сетях и мессенджерах, не затрачивая много времени, так как темп жизни ускоряется с каждым годом и зачастую люди жертвуют именно личным общением, освобождая время для работы, спорта и решения иных проблем сегодняшнего дня [Мак, Вест, 2019, с. 344].

При применении виртуальных способов общения действуют правила, отличные от тех, что применяются в ходе реальной личной коммуникации. Это объясняется тем, что общение в интернете происходит фактически на равных [Орлов, 2020, с. 627]. Основным поводом для такого общения могут служить общие интересы в той или иной сфере, поэтому они могут объединять людей различных социальных слоев, возрастов, полов, национальностей, которые в реальной жизни не смогли бы инициировать и вступить в общение друг с другом по ряду причин. В интернете личность общающихся фактически обезличена, можно выдать себя за любое лицо. В связи с этим виртуальное общение носит более свободный и раскрепощённый характер [Скотникова, 2015, с. 214]. Для того, чтобы оно не выходило за рамки дозволенного, была опытным путём разработана система правил такого общения, содержащая ряд рекомендаций и запретов.

Вместе с развитием сетевой культуры и информационных технологий развивается и особая отдельная система этикета, базирующаяся на современных методах коммуникации. Обществом уже неоднократно производились попытки разработки единого свода правил, которым люди

пользовались бы по аналогии с различными кодексами этики (например, адвокатской или судейской) для того, чтобы общаться в интернете. Так, в 1990 г. была издана книга «Netiquette», получившая своё название от сочетания двух слов – net (от англ. – сеть) и etiquette (от англ. – этикет). Именно в ней на любительском уровне были собраны основные правила, которых, по мнению автора, должны придерживаться все пользователи глобальной сети. Они были разработаны как следствие поведения, уже сложившегося в сети, то есть не навязывались автором обществу, а представляли собой констатацию уже свершившегося факта и служили образцом для тех, кто только собирался присоединиться к «Всемирной паутине». В 1995 г. открытой общественной организацией Общество Интернета был разработан консолидированный свод правил, получивший название Руководство по общению в Интернете (RFC 1855) [Костина, Флиер, 2009, с. 23].

Так, сложились правила, в соответствии с которыми общение в интернете не должно сопровождаться следующими типами действий: оскорбление; переходом на личности; грубостью; плагиатом; злонамеренным уклонением от ответа или отходом от темы; клеветой; преднамеренным распространением ложных сведений или вводящей в заблуждение информации.

Особенностью распространения такого вида запретов в интернете является то, что они оказались достаточно гибкими и не строгими. За нарушение таких правил не следует специального наказания. В особых случаях тяжкого характера, конечно, за оскорбление, клевету или плагиат может быть понесено наказание уголовного или административного характера, но это уже будет происходить в рамках правовой сферы реального мира, а не в рамках самого интернет-сообщества.

Более того, эти запреты могут варьироваться в зависимости от целей того или иного интернет-сообщества, технических особенностей коммуникации или принятого стиля общения. Для этого на различных сайтах, форумах или комьюнити, как правило, создаётся специальная веб-страница с указанием предписаний и запретов поведения на данном ресурсе. Некоторые правила приобретают формальный характер в силу молчаливого согласия пользователей сообщества, хотя не имеют письменного закрепления.

Рассмотрим данное явление более конкретно на примере общения посредством электронной

почты, что сейчас является одним из наиболее популярных способов общения. В зависимости от того, в каких отношениях состоят корреспонденты, переписка может носить частный или деловой характер. Правила деловой переписки настолько часто используются различными предприятиями, что для неё был сформирован обширный перечень формальностей, которые должны соблюдаться контрагентами для того, чтобы письма были приравнены к официальным документам, представляющим собой оферту и акцепт. Вот несколько правил и запретов, которые необходимо соблюдать в сетевой культуре общения по электронной почте:

- электронная почта предназначена, прежде всего, для связи между знакомыми людьми и режим работы с ней приравнивается к обычному телефонному разговору, только «заочному». По электронной почте можно обращаться к незнакомым людям, но при условии, что адрес был опубликован его владельцем;

- отправка незатребованной корреспонденции является нарушением правил сетевого этикета и называется электронным спамом. В зависимости от грубости нарушения спамер может быть наказан. Сервер поставщика услуг Интернета, через которого в сеть поступило сообщение, устанавливается очень просто, а через него легко устанавливается и конкретный нарушитель;

- следует заполнять поле «Тема». Из-за опасения получить в письме вирус или спам, многие пользователи удаляют сообщения без темы или с подозрительной темой, даже не читая их;

- необходимо подписывать свои послания;

- к незнакомым людям можно обращаться с просьбами о консультации, с вежливыми предложениями и пожеланиями, не претендуя на получение ответа. Как правило, обращения, относящиеся к сфере профессиональных или личных интересов корреспондента, вызывают доброжелательный отклик. Неполучение ответа следует рассматривать как нежелательность или невозможность установления контакта и повторять обращение не следует.

Если письмо носит личный характер, то особых требований к нему не предъявляется. В таком случае стиль, манера и способы общения будут зависеть от того, в каких отношениях состоят корреспонденты. Например, если коммуникация происходит между учителем и учеником в рамках обсуждения домашнего задания или если переписка ведётся между двумя друзьями,

то стиль и форма этих сообщений будут кардинально различаться [Скотникова, 2015, с. 216].

Таким образом, современные средства коммуникации играют непосредственную роль в формировании нового типа культуры и возникновении новых запретов, как его составной части.

Сравнение роли запретов в сетевой культуре с иными типами культур

Характеристика того или иного исторического типа культуры представляется неполной без описания запретов, существовавших в ней. Запреты являются неотъемлемой частью культуры, поскольку начали формироваться ещё на самой ранней стадии зарождения человечества и первоначально выражались в таких первобытных формах, как табу и т. д., но со временем развились в такие ключевые сферы культуры, как право, мораль, система безопасности и многое другое. Именно в них накоплен жизненный опыт человечества, понятия о добре и зле, справедливости и пользе, характерные для менталитета того или иного народа, поэтому значение запретов в культуре невозможно переоценить [Ослон, 2020, с. 103].

Запрет в традиционной культуре начал формироваться как нравственная норма общества, первый закон, что отразилось в различных обрядах и верованиях. Для этого времени характерно появление различных запретов, которые ныне являются общими для многих национальных культур и носят, в основном, характер примет – например, нельзя смотреться в разбитое зеркало, нельзя возвращаться, когда отправился в дорогу и т. д. Сейчас с научной точки зрения такие запреты и требования кажутся скорее нелепыми, чем подкреплёнными какими-либо логическими аргументами, но, тем не менее, соблюдаются многими людьми и даже целыми народами. Запреты традиционной культуры, в целом, можно классифицировать, используя идейно-функциональный критерий:

- запреты, основанные на мифологии;
- запреты, основанные на религии;
- запреты, связанные с защитой природы;
- запреты, связанные с хозяйством и бытом;
- запреты, связанные с моралью;
- запреты, связанные с правом.

Таким образом, запреты на этом этапе затрагивают все сферы жизни общества, а потому в основном носят функцию табу и ограничений, направленных, прежде всего, на сохранение и

воспроизводство жизни в первобытном обществе и на защиту от чужих племен [Егле, 2014, с. 44].

В креативной культуре запрет носит уже не такую категоричную форму, поскольку пропорционально уменьшается роль и значимость обрядов и религиозных верований. В связи с этим функция запретов смещается с табу до предупреждений. В целом данный период характеризуется либерализацией нравов, отмиранием устаревших и «диких» обычаев, а также постепенным появлением более мягких и гибких запретов, не характерных для предыдущего исторического типа культуры.

В то же время в ответ на многочисленные нарушения религиозных предписаний появляются новые, некоторые из которых носят откровенно устрашающий характер с целью предотвратить другие случаи неповиновения. Запреты обретают более формализованную структуру и постепенно облекаются в правовую форму.

В эпоху сетевой культуры запреты приобрели иное содержание и функцию. За счёт распространения интернета запреты стали иметь более глобальный характер и переориентировались на абсолютно новые сферы, которые ранее не были урегулированы [Мамина, 2012, с. 179]. Например, сегодня большое внимание уделяется проблемам экологии, правам меньшинств, кибербезопасности, поскольку эти темы носят достаточно острый социальный характер. Однако пока что данные запреты не имеют универсального и облигаторного характера, поскольку каждый сам для себя решает, в какой степени ему стоит соблюдать данные предписания.

Таким образом, императивность запретов снизилась ещё в большей степени, чем в креативной культуре, хотя последняя еще продолжает существовать на фоне становящейся сетевой культуры и сохраняет свои свойства и запреты. В современном обществе, без сомнения, главным типом запретов являются законы и право. Нельзя не отметить, что правовое государство становится сегодня высшей социально-культурной ценностью, что закрепляется законами, как на государственном, так и на международном уровне. Все больше внимания уделяется детализации запретов и закреплению их не в форме общего правила, как например «не убий» в Библии. Убийство, как преступление, предусматривающее уголовное наказание, дифференцируется на виды и подвиды, в зависимости от наличия или отсутствия умысла и иных характеристик [Риккерт, 1998, с. 214].

Различаются и подходы к наказанию за нарушение, которые также разнятся в зависимости от преднамеренности его совершения, а также учитываются обстоятельства, при которых такое нарушение было совершено. В связи с этим возрастает роль как гражданского общества, так и судебной системы, которые помогают избежать чрезмерного наказания, а также учесть жизненную ситуацию нарушителя, избрав индивидуальный подход [Риккерт, 1998, с. 487].

Интернет, как уже было сказано выше, способствует подмене и сокрытию личности, из-за чего нарушать запреты становится проще, несмотря на существующую профилактику правонарушений в сфере кибербезопасности. На этом фоне архаичные, непрактичные и алогичные запреты постепенно отмирают.

Заключение

Этика сетевого общения – это правила поведения, взаимодействия в сети, традиции и культура интернет-сообщества, которых придерживается большинство. Правила этикета не являются всеобщими и жестко установленными, каждое сетевое сообщество формирует свои нормы.

В сетевой культуре наблюдается усиление роли индивидуальности, получившей благодаря коммуникации право на почти ничем не фильтруемое самовыражение. Запреты больше не носят всеобщий характер, а адресуются отдельным лицам, которые самостоятельно формируют свое отношение к ним. Определено, что существенную роль в формировании таких запретов играет интернет и развитие новейших технологий.

Можно с уверенностью предположить, что зависимость человека от общения в интернете и с помощью различных гаджетов будет только возрастать, поскольку человек уже настолько привык к виртуальному миру, который во многом дополняет реальный, что, возможно, вскоре он и вовсе предпочтет первый второму. Действительно, во многом благодаря использованию интернета образ жизни человечества намного упростился, и отказываться от этого не только не стоит, но уже и не представляется возможным, поскольку многие сферы жизни общества (например, торговля, финансы, образование и т. д.) находятся в нерасторжимой зависимости от цифровых технологий.

Запреты постепенно лишаются такого существенного признака, как императивность. Таким образом, их роль снижается в сравнении с предыдущими типами культур, поскольку их со-

блюдение все чаще основывается на добровольных началах. Появляются и новые запреты, связанные с развитием нового способа коммуникации – электронного общения, которое характеризуется особыми признаками, непривычными для стандартного личного общения. Функция запретов сместилась от роли табу, которое обеспечивало сохранение жизни, к перечню предписаний, которые в наибольшей степени отвечают за сохранение имиджа и доброго имени.

Перспективы дальнейшего исследования предмета статьи автор видит в изучении эволюции роли запретов в обществе Сетевой культуры.

Библиографический список

1. Апресян Р. Г. Этикет: энциклопедический словарь. Этика / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. Москва : Гардарики, 2001. 159 с.
2. Докучаев И. И. Аксиологические основания культурно-исторических типов // Вопросы культурологии, 2009. № 3. С. 4–11.
3. Докучаев И. И. Сетевая культура как исторический тип // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, 2012. № 4-2 (12). С. 27–33.
4. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Санкт-Петербург : Наука, 2009. 595 с.
5. Егле Л. Ю. Традиционная культура: основные подходы к исследованию // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2014. № 29-2. С. 43–50.
6. Каган М. С. Философская теория ценности. Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. 216 с.
7. Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.
8. Кенцл Т. Форматы файлов Internet. Санкт-Петербург : Питер, 2020. 320 с.
9. Коломиец Н. В. Современный концепт типологии культуры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки, 2012. № 4. С. 7–12.
10. Костина А. В., Флиер А. Я. Три типа культуры – три функциональные стратегии жизнедеятельности // Вестник культуры и искусств, 2009. № 2 (18). С. 23–36.
11. Кульгин М. Технологии корпоративных сетей. Санкт-Петербург : Питер, 2019. 704 с.
12. Лукинова О. Как не бесить друг друга в Интернете. Москва : Эксмо, 2020. 240 с.
13. Мак Т, Вест Р. Dreamweaver. Шаг за шагом : практическое пособие. Москва : Эком, 2019. 560 с.
14. Мамина Р. И. Деловой этикет в системе имиджа: философско-культурологический анализ. Санкт-Петербург : Петрополис, 2012. 314 с.
15. Мамина Р. И., Елькина Е. Е. Сетевое общество и его реалии: цифровой этикет. Дискурс. 2019; 5(2):24–34.
16. Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван : Изд-во Ереванского ун-та, 1969. 144 с.
17. Орлов А. А. Полная энциклопедия Интернета. Москва : АСТ, 2020. 896 с.
18. Ослон А. А. Россия сетевая. Атлас Интернета. Москва : Европа, 2020. 192 с.
19. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Москва : Республика, 1998. 232 с.
20. Риккерт Г. Философия жизни. Киев : Ника-Центр, 1998. 512 с.
21. Скотникова Г. В. Тип культуры: к вопросу о культурологических координатах // Проблемы современной науки и образования, 2015. №7 (37). С. 215–218.

Reference list

1. Apresjan R. G. Jetiket: jenciklopedicheskiy slovar'. Jetika = Etiquette: Encyclopedic dictionary. Ethics / pod red. R. G. Apresjana, A. A. Gusejnova. Moskva : Gardariki, 2001. 159 s.
2. Dokuchaev I. I. Aksiologicheskie osnovanija kul'turno-istoricheskikh tipov = Axiological bases of cultural-historical types // Voprosy kul'turologii, 2009. № 3. S. 4–11.
3. Dokuchaev I. I. Setevaja kul'tura kak istoricheskij tip = Network culture as a historical type // Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta, 2012. № 4-2 (12). S. 27–33.
4. Dokuchaev I. I. Cennost' i jekzistencija = Value and existence. Sankt-Peterburg : Nauka, 2009. 595 s.
5. Egle L. Ju. Tradicionnaja kul'tura: osnovnye podhody k issledovaniju = Traditional culture: basic approaches to research // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2014. № 29-2. S. 43–50.
6. Kagan M. S. Filososfskaja teorija cennosti = Philosophical theory of value. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1997. 216 s.
7. Kastel's M. Galaktika Internet = Galaxy Internet. Ekaterinburg : U-Faktorija, 2004. 328 s.
8. Kencl T. Formaty fajlov Internet = Internet file formats. Sankt-Peterburg : Piter, 2020. 320 s.
9. Kolomiec N. V. Sovremennij koncept tipologii kul'tury = The modern concept of cultural typology // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski, 2012. № 4. S. 7–12.
10. Kostina A. V., Flier A. Ja. Tri tipa kul'tury – tri funkcional'nye strategii zhiznedateljnosti = Three types of culture – three functional life strategies // Vestnik kul'tury i iskusstv, 2009. № 2 (18). S. 23–36.
11. Kul'gin M. Tehnologii korporativnyh setej = Corporate networking technologies. Sankt-Peterburg : Piter, 2019. 704 s.
12. Lukinova O. Kak ne besit' drug druga v Internet = How not to annoy each other on the Internet. Moskva : Jeksmo, 2020. 240 s.
13. Mak T., Vest R. Dreamweaver. Shag za shagom = Dreamweaver. Step by step : praktičeskoe posobie. Moskva : Jekom, 2019. 560 c.

14. Mamina R. I. Delovoj jetiket v sisteme imidzha: filosofsko-kul'turologicheskij analiz = Business etiquette in the image system: philosophic-cultural analysis. Sankt-Peterburg : Petropolis, 2012. 314 s.
15. Mamina R. I., El'kina E. E. Setevoe obshhestvo i ego realii: cifrovoj jetiket. Diskurs = Network society and its realia: digital etiquette. Discourse. 2019; 5(2):24–34.
16. Markarjan Je. S. Ocherki teorii kul'tury = Essays on the theory of culture. Erevan : Izd-vo Erevanskogo un-ta, 1969. 144 s.
17. Orlov A. A. Polnaja jenciklopedija Interneta = The complete Internet encyclopedia. Moskva : AST, 2020. 896 c.
18. Oslon A. A. Rossiya setevaja. Atlas Interneta = Network Russia. The Internet atlas. Moskva : Evropa, 2020. 192 c.
19. Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o kul'ture = Natural sciences and cultural sciences. Moskva : Respublika, 1998. 232 s.
20. Rikkert G. Filosofija zhizni = Philosophy of life. Kiev : Nika-Centr, 1998. 512 s.
21. Skotnikova G. V. Tip kul'tury: k voprosu o kul'turologicheskikh koordinatah = A type of culture: on culturological coordinates // Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya, 2015. №7 (37). S. 215–218.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 23.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 13.02.2023; approved after reviewing 23.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

Научная статья

УДК 792.09

DOI: 10.20323/2499_9679_2023_2_33_229

EDN: PMETBH

Вишнёвый сад как сценографический персонаж в театре XX века

Алёна Игоревна Смоленская

Аспирант кафедры культурологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
hexe_1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9568-3833>

Аннотация. При написании данной статьи мы поставили перед собой следующую цель: проанализировать сценографическое решение отечественных и зарубежных постановок пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад», в которых пространство вишнёвого сада выступает в качестве сценографического персонажа спектакля в театре XX века. Достижение данной цели потребовало решения нескольких задач: 1) дать определение понятию «сценографический персонаж»; 2) раскрыть особенности существования сценографического персонажа спектакля, как следствия новой системы оформления спектакля XX века – действенной сценографии, основываясь на исследованиях искусствоведов и театроведов; 3) подробно проанализировать изображение художниками пространства вишнёвого сада, как сценографического персонажа спектакля на примерах трёх значимых отечественных и зарубежных постановок пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» в XX веке.

Театр – искусство синтетическое, и сценография, как и любой другой аспект, требует тщательного изучения и анализа. Театроведы, и особенно театральные критики, в своих статьях зачастую упоминают о сценографическом решении спектакля вскользь, не подвергая его анализу. Актуальность данного исследования состоит в том, что оно направлено на детальное изучение художественного оформления постановок и выявление его смыслового значения в контексте спектакля, как целостного произведения.

Для того, чтобы разобраться в особенностях сценографии, мы обратились к трудам авторитетных искусствоведов, таких как В. И. Берёзкин, Йозеф Свобода, А. А. Михайлова. В. И. Березкин в своих исследованиях раскрывает понятие «действенной сценографии» и выделяет создание визуальных персонажей действия, как один из её значимых аспектов. Основываясь на опыте исследователей, мы дали определение понятию «сценографический персонаж». Затем мы проанализировали художественное решение пространства вишнёвого сада, как сценографического персонажа спектакля, в отечественных и зарубежных постановках пьесы А. П. Чехова в XX веке. Материалом данного исследования послужили спектакли «Вишнёвый сад» в постановках Дж. Стрелера, Л. Е. Хейфеца и П. Брука – это те знаковые постановки, которые входят в круг интересов данного исследования и как нельзя лучше иллюстрируют создание художниками пространства вишнёвого сада, как сценографического персонажа спектакля.

Ключевые слова: спектакль; вишнёвый сад; пространство; действенная сценография; герой; персонаж; сценографический персонаж; действующее лицо; режиссёр; художник

Для цитирования: Смоленская А. И. Вишнёвый сад как сценографический персонаж в театре XX века // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 229–239.
https://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_229. <https://elibrary.ru/PMETBH>

Original article

A cherry orchard as a scenography character in the XX century theater

Alyona I. Smolenskaya

Postgraduate student, department of of culturology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
hexe_1990@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9568-3833>

Abstract. This article aims to analyze the scenographic approach in russian and foreign productions of the Chekhov's play «The Cherry orchard», where the space of the cherry orchard acts as the play's scenography character in the XX century theater. The author deals with several tasks: 1) to define the concept of «scenography character»; 2) to reveal the peculiarities of the scenography character's existence as a consequence of the new design of the performance –

action scenography, based on the art and theater critics' researches; 3) to thoroughly analyze the artists' portrayal of the cherry orchard space as the play's scenography character, using the examples of three significant Russian and foreign productions of the Chekhov's play «The Cherry orchard» in the XX century.

Theater is a synthetic art, and scenography, like any other aspect, requires careful study and analysis. Theater experts and theater critics in particular, often mention the scenography of the performance in their articles, without analyzing it. The relevance of this study lies in the fact that it focuses on a detailed study of designing performances and revealing its semantic meaning in the context of the performance as a holistic work.

In order to understand the specifics of scenography, the author turned to the works of reputable art historians, such as V. I. Beryozkin, Josef Svoboda, A. A. Mikhailova. In his research, V. I. Berezkin reveals the concept of «action scenography» and highlights the creation of visual characters of the action as a significant aspect. On the basis of the researches, the author defines the concept of «scenography character» and analyzes the artistic approach to the cherry orchard space as a scenography character in the XX century Russian and foreign productions of the Chekhov's play. The material for this study is The Cherry orchard performances, staged by J. Strehler, L. E. Heifetz, and P. Brooke. They are the iconic productions that fall within the scope of this study and illustrate the artists' understanding the cherry orchard space as a scenography character of the play in the best possible way.

Key words: performance, cherry orchard, space, action scenography, hero, character, scenography character, director, artist

For citation: Smolenskaya A. I. A cherry orchard as a scenography character in the XX century theater. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(2):229–239. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_2_33_229. <https://elibrary.ru/PMETBH>

Введение

XX век требует от театра новых идей: новой драматургии, новых режиссерских концепций и новых сценографических решений. Именно тогда формируется новая система оформления спектаклей – действенная сценография. Этот термин был введен искусствоведом В. И. Березкиным, который внес значительный вклад в развитие вопросов сценографии.

Он описывает три системы искусства оформления спектакля:

1. Игровая сценография, которая характерна для древних цивилизаций, восточной культуры, фольклора всех народов, европейского средневековья, итальянской комедии дель арте, наконец, театра Шекспира и Лопе де Вега. Это первая собственно театральная система оформления спектакля. Она родилась вместе с рождением самого театра. Её определяет игровая функция – участие элементов оформления: маски, костюмы, вещественные аксессуары в игре актёра.

2. Декорационное искусство – искусство оформления спектакля в европейском театре Нового времени. Её главная функция – изображение места действия. Эта система набрала свою силу в результате развития стилей, принципов, форм, приёмов и средств выразительности декорационно-изобразительного творчества.

3. Действенная сценография, которая складывается на протяжении XX века и во второй его половине становится ведущей в практике мирового театра. Теперь главной задачей искусства художника в спектакле становится воплощение и

раскрытие сценического действия. Эта система вобрала в себя богатейший опыт изображения мест действия декорационным искусством, и принципы игровой сценографии – всё это используется художниками XX века для сотворения визуального образа сценического действия, для создания его пространственных условий и материально-вещественного обеспечения. [Березкин, 1997, с. 12–13, с. 196–197].

Каждый из этих типов определял предшествующие системы: «сначала персонажную сценографию ритуально-обрядовых действий, затем игровую сценографию доренессансных и фольклорных форм сценического творчества, наконец, декорационную систему театра Нового и Новейшего времени» [Березкин, 2001, с. 21]. И в каждой из этих систем доминировал только один тип оформления сценического действия. Сценография же XX века представляет собой систему, которая включает в себе все эти типы. Она не отдаёт предпочтение одному из них, только в совокупности они могут составить сценографию спектаклей прошлого века [Березкин, 2001, с. 21–23].

Актуальность исследования состоит в том, что оно направлено на изучение художественного оформления постановок и выявление его смыслового значения в контексте спектакля как целостного произведения, что позволило отметить новаторство и преемственность в концептуальном подходе к оформлению театрального пространства.

При написании данной статьи мы поставили перед собой следующую цель: проанализировать сценографическое решение зарубежных поста-

новок пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад», в которых пространство вишнёвого сада выступает в качестве сценографического персонажа спектакля в театре XX века. Достижение данной цели потребовало решения нескольких задач: 1) дать определение понятию «сценографический персонаж»; 2) раскрыть особенности существования сценографического персонажа спектакля, как следствия новой системы оформления спектакля XX века – действенной сценографии, основываясь на исследованиях искусствоведов и театроведов; 3) подробно проанализировать изображение художниками пространства вишнёвого сада, как сценографического персонажа спектакля на примерах двух значимых зарубежных постановок пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» в XX веке.

Материалом анализа данного исследования стали спектакли Джорджо Стрелера и Питера Брука, которые входят в круг наших интересов и как нельзя лучше иллюстрируют принципы действенной сценографии, и в которых пространство вишнёвого сада представлено в качестве сценографического персонажа.

Методы исследования

Теоретико-методологической базой исследования стали историко-театральный, театрально-критический, историко-искусствоведческий методы применительно к осмыслению сценографии.

Историко-театральная проблематика исследования представлена в работах Н. П. Акимова [Акимов, 1978], А. В. Бартошевича [Бартошевич], П. Брука [Брук, 1976], А. Л. Бобылевой [Бобылева, 2000], Э. Г. Крэга [Крэг, 1988], У. Хассе (Ulrike Haß) [Хасс (Haß), 2014], А. Б. Ульяновой [Ульянова, 2001]. К этой же группе относятся исследователи театра А. П. Чехова: Г. Ю. Бродская [Бродская, 2000], Б. И. Зингерман [Зингерман, 1988], И. Н. Сухих [Сухих, 1987], Т. К. Шах-Азизова [Шах-Азизова, 2011].

Театрально-критическая проблематика исследования раскрыта в работах Ж. Баню [Баню, 2000], В. Гульченко [Гульченко, 2001], М. М. Рощина [Рощин, 2000], М. Скорняковой [Скорнякова, 2004].

Историко-искусствоведческие работы, посвященные изучению вариантов сценического воплощения спектаклей по пьесам А. П. Чехова, представлены исследованиями Т. И. Бачелис [Бачелис, 1978; 1983], В. И. Берёзкина [Березкин, 1997; 2001; 2012], М. В. Давыдовой [Давыдова,

1999], Е. М. Костиной [Костина, 2002], А. А. Михайловой [Михайлова, 1979; 1986; 1990], Й. Свободы [Свобода, 2005], М. А. Френкель [Френкель, 1980].

Результаты исследования

Во второй половине XX века в результате долгих творческих исканий были открыты новые возможности художника в театре. Одна из таких возможностей – это обретение сценографией или её отдельными элементами значения самостоятельных, равнозначных с актёрами визуальных персонажей спектакля [Березкин, 1997, с. 522; Березкин, 2001, с. 21]. Таких сценографических образов, которые участвуют в действии актёров не только в качестве его вещественных объектов, но и как вполне самостоятельные визуальные персонажи действия [Березкин, 2012, с. 262]. Таким образом, «вещь, привнесённая на сцену прямо из окружающей действительности, из человеческого быта или сочинённая, созданная фантазией художника, выполненная специально для спектакля и предстающая в различном облике, приобретает обобщённое, метафорическое смысловое значение и в этом качестве становится персонажем спектакля» [Художник и сцена, 1988, с. 273]. Основы этих исканий можно обнаружить ещё в конце XIX – начале XX века. Швейцарский художник и теоретик театра Адольф Аппиа стремился разработать структуру визуального оформления, как искусства пространственного и временного [Haß, 2014, с. 361–363]. Аппиа делает попытку «обдумать роль различных планов и важность их значения перед тем, как их применить» [Ульянова, 2011, с. 33]. Для музыкальных драм Р. Вагнера он создал серию эскизов «Ритмическое пространство», в которых появились «архитектурные формы человеческого происхождения: площади, мощёные ровными прямоугольными каменными плитами, торжественный ритм ступеней, разновысокие площадки, кубообразные пилоны» [Березкин, 1997, с. 387–390]. Эскизные проекты Аппиа оказали существенное влияние на сценические искания XX века.

Английский режиссер и художник Эдвард Гордон Крэг, продолжая идеи Аппиа, считал, что движение должно охватывать не только актёров, но и сценографию, и быть не только физическим, но и духовным. Он говорит о том, что декорационное оформление – один из главных компонентов в создании спектакля. При этом декорации должны не развлекать, а создавать на сцене об-

становку, гармонирующую с замыслом автора [Крэг, 1988, с. 197]. Сценическое пространство в замыслах Крэга подчинено принципу «трагической геометрии». Он возводит четкие, простые объемы на сцене и «заставляет прямоугольную архитектуру функционировать в трагедийном пространстве». Затем Крэг приводит эти объемы в движение, что в сочетании с динамикой света преобразует пространство [Бачелис, 1983, с. 119]. Так рождается идея «крэговских ширм» – геометрических архитектурных строений, которые двигаясь по сцене, меняют рисунок действия. Крэг отказывается от изображения – реалии подчеркнуты незначительно, значимо то пространство, которое невидимо, но ясно осмысливается. Пространство, движение, свет и цвет становятся основными средствами создания художественного образа спектакля. Идея реформы сценического пространства привела Крэга к осознанию необходимости объединения роли художника и режиссера театра – единству режиссуры и сценографии [Бачелис, 1983].

Чехословацкий сценограф Йозеф Свобода утверждает, что сценография не должна сводиться к «сумме эффектов», она должна иметь точную функцию, соответствовать первоначальной идее и конечному результату спектакля, как целостного произведения. При этом сценография «должна развиваться в течение драматического времени, должна меняться, эволюционируя по ходу сценического действия, чтобы охватить все ситуации, предусмотренные текстом и режиссурой [Свобода, 2005, с. 18–19, 22].

А. Михайлова отмечает, что театр невозможен без художника, так как именно он является выразителем культуры своей страны и своего времени, он – «хозяин визуальной стороны постановки». Художники средствами сценографии способны создать «целостный мир спектакля, содержащего в себе систему образных обобщений высокого порядка, поэтически-философского мира, требующего правдивой и сложной жизни человеческого духа от актёров, вовлекающих зрителя в процесс глубоких размышлений и чувствований». Для сценографии второй половины XX века характерно «мирообъемлющее» мышление художника. В одном спектакле решался целый комплекс сложных и актуальных мировоззренческих, философских проблем, проблем бытия, через одну пьесу выражалось понимание творчества классика в целом, выражалось отношение к мировой культуре и современности. Таким образом, сценография

становится не только необходимым, но и весьма влиятельным со-интерпретатором драматургии [Михайлова, 1990, с. 9, 75, 334–335].

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что пространство или отдельные его элементы могут выступать в спектакле в качестве героев, способных самостоятельно действовать, независимо от других персонажей, меняясь по ходу сценического действия. Такие элементы спектакля мы будем называть сценографическими персонажами. В научной литературе чаще встречается понятие «сценографический образ» или «художественный образ», однако они имеют достаточно широкое значение и складываются из множества составляющих. В данном исследовании, опираясь на термин В. И. Берёзкина «визуальный персонаж спектакля / действия», мы несколько сузили понятие, придав ему конкретное значение.

Что же касается сочинения пространства вишнёвого сада, как сценографического персонажа спектакля, то такое решение может быть продиктовано как самой пьесой, так и временным и историческим контекстом, сознанием людей, а также художественным и режиссерским решением, понятным современному зрителю. Э. А. Полоцкая считает, что в жизни многих театров, независимо или независимо от процесса замены старого новым, наступает момент острой необходимости в постановке «Вишнёвого сада». Причём, эта потребность может появиться, как в критический для труппы период, так и в минуты подъёма его деятельности [Полоцкая, 2003, с. 221–222]. Особенно пронзительно подобные настроения чувствуются во второй половине XX века.

Наиболее репрезентативно тенденция изображения пространства вишнёвого сада как сценографического персонажа во второй половине XX века представлена в спектаклях Джорджо Стрелера и Питера Брука.

Итальянский режиссёр Джорджо Стрелер считает вишнёвый сад главным действующим лицом пьесы. Он говорит, что не показывать сад, а просто подразумевать его – это ошибка, но показывать и давать почувствовать – другая ошибка: «Сад должен быть, и он должен быть чем-то таким, что можно увидеть и ощутить, но он не может быть просто садом, он обязан быть всем сразу». «Сад – это фильтр, прозрачный экран, который, не искажая, пропускает сквозь себя всё, что мы видим на сцене» [Стрелер, 1984, с. 214–

215]. А потому пространству вишнёвого сада необходима действенная природа.

«Вишнёвый сад» Стрелер ставит в 1974 году на сцене «Пикколо театро». Для создания образа вишнёвого сада художник Лучано Доминиани выбирает полупрозрачную белую ткань, усыпанную то ли опавшими листьями, то ли сорванными цветами, которая накрывает, как единая крыша, сцену и зал. Огромное полотно то плескается, то успокаивается, то словно передаёт в зал внутреннее состояние хрупких персонажей [Баню, 2000, с. 28]. Лёгкий шёлковый купол из белой ткани служит в спектакле и небом, и потолком, и садом, и саваном, и самим Богом. Вишнёвый сад приветствует вернувшуюся хозяйку, опускаясь к ее поднятым вверх рукам, но, не касаясь их. Тканевое полотно с волнением плещется, словно получив глоток воздуха от долгожданной встречи, вздрагивает и замирает, трепещет и радуется. Движения рук и всего тела Раневской плавные, она колышется в такт вишнёвому саду, сейчас они одно целое.

Образ постановки Стрелера – белое на белом – это взаимопоглощение мира и людей. Здесь приглушено, если не вовсе уничтожено разделение на сцену и зал. Актёры и зрители принадлежат к одному миру, и зрителям запрещено быть судьями. Они не по другую сторону, и та сторона, где находятся персонажи, не вишневая сторона [Баню, 2000, с. 33–34, 77].

Постановщики взяли за основу сценического решения пьесы мотив детства, материализацию этого мотива. Тем самым они хотят заострить конфликт, взорвать кольцевой цикл. Детская для Стрелера и Доминиани – модуль мироздания. В детской они видят всё образное начало среды [Стрелер, 1984, с. 114]. Детская здесь – это часть вишнёвого сада, его олицетворение на земле. Этот мотив детства наталкивает на ещё одно выражение сценографического облика этого высокопарящего, недостижимого, лёгкого и воздушного пространства вишнёвого сада как персонажа спектакля, скрываемого в себе крохотные частицы чего-то важного, нужного, дорогого – это те духовные ценности, традиции, нормы и установки, которые были заложены в сознание Раневской и Гаева их родителями, это те начала, которые и отличают Человека. Таким образом, вишнёвый сад для хозяев не представляет материальной ценности, но имеет огромное духовное значение. Он живой, его нельзя продать, купить, использовать, он – духовный мир, маленькая вселенная, беспощадно уходящее время.

Всё пространство вишнёвого сада и дома вступает в диалог с героями: из случайно откывшегося шкафа с грохотом на пол падают детские игрушки, черная коляска едет, словно катафалк, под ногами героев проезжает детский поезд. Игрушки покидают свой дом – то же ждёт Раневскую и Гаева. В спектакле Раневская пытается удержать детство, а значит и вишнёвый сад, стремится сохранить своё душевное равновесие. Детство, чистота, беззаботность, тепло, счастье и безгрешность – вот что олицетворяет собой здесь вишнёвый сад. Любовь Андреевна с порывом обнимает коляску, ласкает её, как драгоценность, и аккуратно ставит. Игрушки здесь становятся, словно материальным воплощением образа вишнёвого сада, который так высоко, словно сам Бог, до него не достать, его нельзя коснуться рукой, приласкать, обнять, а игрушки можно. Вся комната же представляется чем-то, вроде кладбища времени, ушедшего безвозвратно, но оставившего в душах героев неизгладимый след, который будет с ними во всю их жизнь.

Во втором действии декорация представляет собой пологий помост, наклонённый в сторону зрителя, он устлан белой легкой тканью и усыпан листьями. Здесь более всего вишнёвый сад приближен к другим героям, будто часть его опустилась на землю, ожидая окончательного воссоединения со своими хозяевами. И Любовь Андреевна, достав из сумочки письмо из Парижа, поднимает его вверх, показывает вишнёвому саду и демонстративно рвёт, тем самым давая понять Саду, что она остаётся с ним. Глаза Раневской часто обращены вверх, к вишнёвому саду, она словно пытается понять, одобряет ли Сад её решения, она любит им или напоминает. Но предчувствие скорой гибели вишнёвого сада даёт о себе знать, и слова Раневской: «Я всё жду чего-то, как будто над нами должен обвалиться дом». Здесь Любовь Андреевна говорит о том самом Доме, который сливается в её сознании с вишнёвым садом. Сад – это Дом, а Дом – это Сад. Одно без другого не существует. Недаром постановщики располагают вишнёвый сад под потолком. Дом должен обвалиться «над нами», а над ними у Стрелера – вишнёвый сад.

Звук лопнувшей струны здесь глухой и непродолжительный – это звук, исходящий от пространства вишнёвого сада, похожий на звук поваленного дерева. Раневскую он сильно пугает, она крестится, не желая оставаться в бездуховном мире, даже, когда придёт «несчастье» – воля. Воля сама по себе подразумевает свободу от ду-

ховных начал, от ценностных ориентиров, от опоры в виде божественных основ, неприкаянность – вот, что ждёт героев после потери вишнёвого сада. Об этом, словно пророк из будущего, говорит пьяный, оборванный русский прохожий, обращаясь к героям, описывая им все ужасы их будущего существования, оторванного от корней: «О, брат мой, страдающий брат. Выть на Волгу, чуй, стон раздаётся над великою русскою рекой. Это смерть чудовищным крылом мою Россию окрылила: саван, погост, кресты, могилы, ветер, нищие кругом...».

Шёлковый купол пытается накрыть собою героев, тем самым защитить их от враждебного мира, как нечто божественное, вишнёвый сад хочет проникнуть в души персонажей, открыть их сердца для духовности.

Во втором акте герои словно находятся в зале ожидания: кто-то сидит, кто-то стоит, пока Шарлотта показывает свои фокусы. Несмотря на веселье, все находится в напряжении, всех мучает вопрос – продан ли вишнёвый сад. Происходит какое-то мнимое веселье, последний бал перед смертью, поминки вишнёвого сада. Сам же вишнёвый сад – лишь наблюдатель происходящего, он ждет своей участи вместе с другими героями. Воплощением же его на земле здесь являются стулья. Стрелер говорит: «Стул никогда не означает просто „место, чтобы сидеть“». А несколько пустых стульев – это тревога, неуверенность, тайна: кто на них будет сидеть? И сядет ли на них кто-нибудь? Чего ждут эти кресла? Кого? Пустые, они могут означать одиночество, занятые – это беседа, собрание, общество, в общем – люди. Люди, которые на стульях могут делать всё: на стульях можно любить, и умирать на них можно тоже» [Стрелер, 1984, с. 216]. После объявления о покупке вишнёвого сада, Лопахин, уходя со сцены, намеренно опрокидывает стулья один за одним. Это желание разрушать. Он делает это намеренно. Поэтому понятна его обдуманная стратегия в финале, когда Лопахин приказывает рубить вишнёвый сад [Баню, 2000, с. 120]. Вишнёвый сад для него не пространство, не мир, а всего лишь старые, ветхие, дряхлые деревья, непригодные ни на что, потому что они не в силах приносить реальную пользу или прибыль.

В последней картине вишнёвый сад колышется прямо над головами героев, он прощается с ними. И Раневская в последний раз возносит глаза к небу, к своему вишнёвому саду, расставаясь с ним навсегда, как с последним пристанищем, которое у неё отняли. Жизни героев, их мечты и

надежды разбиты, а сами они, как осколки, разлетятся по разным местам и больше никогда не встретятся. Они навсегда потеряли не только пространство вишнёвого сада, не только себя, но и друг друга. Они набрасывают на себя белые плащи, подобные крыльям птиц. Сейчас все они навсегда покинут этот Дом. Они отправятся в новую жизнь, как птицы отправляются в полет. А над ними в последний раз вскидывается вишнёвый сад. Он тоже навсегда прощается со своими хозяевами, он благословляет их на новую жизнь, жизнь без него. Раневская говорит с садом, вскинув к нему глаза и сложив руки для молитвы, она словно просит у него прощения за свою беспомощность. Она собирает в узелок несколько детских игрушек, желая унести с собой частичку вишнёвого сада. Оставшись одна на сцене, Раневская с жадностью берет горсть родной земли и крепко прижимает ее к своему сердцу. Она хочет увезти отсюда все свои воспоминания о Доме, о пространстве вишнёвого сада, о детстве, о своей чистоте [Смоленская, 2020, с. 220].

Забывший Фирс – душа вишнёвого сада. Бедняжке некуда идти. Его жизнь заканчивается вместе с жизнью вишнёвого сада. Если для Раневской пространство вишнёвого сада было детством, чистотой, Домом, Богом, то для Фирса сад был Жизнью. Каждый удар топора по вишнёвому саду по капле забирает жизненные силы Фирса. Смерть сада – это смерть Фирса. Срубленный сад, словно саваном, накрывает собой умершего слугу.

Жанр Стрелеровского спектакля – драма. Но не просто бытовая драма, а нечто более высокое, близкое, может быть, к трагедии – ведь здесь речь идёт не просто о предмете материального мира, но о высшем, духовном смысле, о нравственных ценностях, о божественной сущности.

В 1981 году на сцене парижского театра «Буфф дю Нор» «Вишнёвый сад» ставит Питер Брук. Художник – Хлоэ Оболенски. Нужно отметить, что «Буфф дю Нор» – всеми забытый парижский театр, построенный в середине XIX века. Впечатление от театра было шоковым, в том числе и для критиков, употреблявших в своих рецензиях на поставленные там спектакли такие определения, как «разрушенный театр» или «театр в руинах». Причем, в них отражается не столько состояние самого театра, сколько восприятие публикой заброшенного театрального помещения.

В постановке Брука театр представляет собой голую, безжизненную землю. К тому же Брук отказывается от театральной машинерии. У него рождаются два образа сценического пространства: земля – «пространство трагедии», и ковёр, создающий впечатление домашнего пространства. «Буфф дю Нор» позволил Бруку реализовать новые пространственные решения, которые помогали ему найти новые взаимоотношения с публикой. Зрительный зал здесь не отгорожен от актёров «четвёртой стеной», напротив, зритель становится соучастником действия, он оказывается вовлечённым в действие.

Г. Г. Аксёнова справедливо замечает, что в художники Брук берёт само время, написавшее декорации на стенах театра. Здание «Буфф дю Нора» не ремонтировалось с 1925 года, что позволяет режиссёру выражать сценографическое решение спектакля стенами, расписанными властной рукой реальной истории [Аксёнова, 1992, с. 122]. «Голые», разрушенные, с потрескавшейся штукатуркой стены театра – само пространство вишнёвого сада – становятся у Брука образом старой, разорённой, уже безжизненной усадьбы, которую не спасти. Она дорога хозяевам, как музейный экспонат – вроде бы и не нужна, но оставить, а тем более отдать кому-то жалко.

Брук предлагает исключить вишнёвые деревья из сценографии, чтобы Сад мог свободно цвести, не будучи ограничен его изобразительными возможностями. Здесь едва ли не уничтожено разделение на сцену и зал. Актёров и зрителей объединяет пространство, превращенное в старый дом-театр. Так пространство вишнёвого сада захватывает не только персонажей спектакля, но и зрителей. Здесь каждый говорит о родстве, а не о разделённости, об общности [Баню, 2000, с. 34].

Само пространство «Буфф дю Нор», как и сценографическое решение пространства вишнёвого сада, предстающего здесь в качестве сценографического персонажа, представляет собой полуразрушенный дом, ещё помнящий весёлую, яркую и счастливую жизнь. Пространство пустое, изжившее себя: несколько стульев, кресло и цветной ковёр. Всё пространство вишнёвого сада и Дома взаимодействует с героями. Здесь свёрнутый ковёр превращается в мостик через ручей, нутро театра оказывается интерьером дома, потрескавшиеся стены кажутся виднеющимися вдалеке цветущими вишнёвыми деревьями. Если нет стула, можно сесть на пол, если надо войти в

дом – можно пересечь зрительный зал. Действие спектакля происходит и в фойе, и в партере и на ярусах. А зритель не просто подсматривает жизнь героев сквозь замочную скважину, он сам словно становится непосредственным свидетелем и чувствует себя участником действия, сопричастным судьбе вишнёвого сада [Смоленская, 2020, с. 222].

Здесь пространство вишнёвого сада накладывается на пространство дома. Потеря сада означает для героев потерю последнего пристанища, места, в которое можно вернуться со всеми своими грехами. Бедный, старый, осиротелый дом, в котором уже ничего не осталось, ни былой роскоши, ни теплых радостных воспоминаний, вишнёвый сад, который представляется теперь чем-то вроде иллюзии. Из этого ветхого дома словно ушло само время, оставляя его за пределами мироздания. Словно вишнёвый сад и дом давно уже умерли, остались лишь воспоминания о них, лишь то душевное тепло, которое исходит от полуразрушенных стен, и, которое ощущают в себе Раневская и Гаев [Смоленская, 2020, с. 222]. Вишнёвый сад здесь хранит всех персонажей, согревает их в своем пространстве, защищает от враждебного мира. У Брука, как и у Стрелера, сад является сразу всем – и домом, и нравственным ориентиром, и духовными ценностями, и божественной сущностью.

Раневская приезжает в своё имение, как в родное гнездо, она приезжает к себе домой. Здесь всё и все ей близки и дороги. Она, как ребёнок, радуется возвращению и долгожданной встрече со своим вишнёвым садом, который выражается для неё всем, что её здесь окружает. Пространство Сада и Дома встречает хозяйку со свойственной ему теплотой, заботой, уютом, не смотря на внешнее обветшание. Он скромно, с тихой радостью и полным принятием наслаждается её детским восторгом. И Раневская чувствует это. Лопахин же оказывается чуждым в этой атмосфере всеобщей радости и тихого созерцания. Его проект Гаеву и Раневской кажется смешным – ведь он предлагает продать то, что продать нельзя: честь, чистоту, духовность, родство поколений, покой и безмятежность, теплые воспоминания, которые дарит им вишнёвый сад одним своим существованием.

Раневская, разговаривая с другими персонажами, обращается в первую очередь не к себе-седнику, а к вишнёвому саду, пристально вглядываясь в старые стены, будто только он один способен понять её чувства. Сад же словно дает

ей безмолвный ответ – после этого немного диалога настроение Раневской меняется, точно в этой тишине она услышала слова поддержки, которые дают ей силы жить дальше.

Звук лопнувшей струны здесь ясный, отчётливый, продолжительный, он не пугает, но обескураживает героев. Он словно означает конец праздной, беззаботной жизни персонажей, которую мог бы защитить их вишнёвый сад, укрыв их в своих объятиях. Но вишнёвый сад продадут, Дом их заберут, героям самим придётся решать свою судьбу, искать свой путь в новой жизни без вишнёвого сада. Теперь по жизни их будет вести их собственная воля, а не родовые понятия о долге, чести и справедливости, воспитанные в них в стенах отчего Дома и под раскидистыми ветвями вишнёвого сада. Лопахин же и в этом пространстве среди всеобщей гармонии оказывается лишним, словно вишнёвый сад не принимает его, отдаляя и от других персонажей, чувствуя исходящую от него опасность для собственной жизни.

Слова полубезумного Прохожего: «О, брат мой, страдающий брат» обращены к пространству вишнёвого сада. Как все люди, страдающие психическим расстройством, он наиболее эмоционален и восприимчив к настроениям и переживаниям других. Он произносит свои слова, как молитву, упав на колени и прижавшись лбом к холодной земле. Он, будто чувствует немое волнение, невидимыми импульсами исходящее от вишнёвого сада, его безмолвные переживания.

Петю тяготит пространство вишнёвого сада, он хочет вырваться из него, оно его угнетает и душит. Свои монологи он произносит, глядя в небо, сквозь Сад.

Третья картина ломает вид гармонии. Бал в разрушающемся доме, среди облезлых стен и ветхого вишнёвого сада – это прощальный маскарад, утроенный для вишнёвого сада. Мнимое веселье таит в себе напряжение, которое не может не проявиться. Мейерхольд писал о третьем акте: «На фоне глупого топання незаметно для людей входит Ужас». У Брука вместе с Ужасом входит Лопахин [Аксёнова, 1992, с. 126].

Аксёнова считает, что вишнёвый сад нужен Лопахину не только для того, чтобы пустить дачников и разбогатеть, ему нужен и сам Сад. Вместе с ним он обретёт другое прошлое, которое защитит его от комплекса безродности. Бруковский Лопахин хочет заполучить Дом, вишнёвый сад же – всего лишь приложение, в его сознании они не объединяются в единое простран-

ство, как в сознании Раневской и Гаева. Но Лопахин чувствует в себе недостаток родовой принадлежности и обнаруживает неосознанное желание владеть им.

Пространство вишнёвого сада не принимает нового хозяина. Восторженный от покупки сада Лопахин, чувствует себя полноценным обладателем всего пространства. Он в эйфории мечется по дому, но натывается на словно ниоткуда возникшие стены, ударяясь о них. Уходя со сцены после объявления о покупке вишнёвого сада, Лопахин спиной наталкивается на ширмы, отчего те падают, увлекая за собой нового хозяина. Бруковский вишнёвый сад в широком смысле никогда не будет принадлежать Лопахину. Душа Сада отказывается подчиняться обстоятельствам. И здесь он отчетливо проявляет себя в качестве сценографического персонажа спектакля. И победа Лопахина воспринимается как переходящая, спектакль демонстрирует нам его будущее падение. Разрушая, сегодняшний победитель разрушает самого себя, его триумф будет недолгим [Баню, 2000, с. 120]. Лопахин проиграл так же, как и бывшие хозяева, своё будущее, свою любовь.

Когда все будет кончено, дом заколочен, Фирс забыт, раздастся гул вишнёвого сада. Он подтвердит происшедшее – крах, о чём уже известно зрителям, к которым он и обращён. Стенания земли, треск обрушившегося царства превращают зрителей в свидетелей исчезновения пространства вишнёвого сада. Словно земля разверзлась и поглотила его. Брук предлагает это осознать, когда зрители оказываются запертыми вместе с Фирсом в пространстве вишнёвого сада, в театре-доме, в то время как «треск вишнёвого сада» раздаётся извне, за пределами зрительного зала, в котором все вместе закрыты [Смоленская, 2020, с. 222]. Можно только догадываться о том, что чувствовали зрители, оказавшись в закрытом замкнутом пространстве вишнёвого сада, откуда ушла сама жизнь. Как герои спектакля забыли Фирса, так люди забывают и добрый старый век. Наступает новый век – век людей, оторванных от корней, людей-странников.

Заключение

Проанализировав сценографическое решение спектаклей «Вишнёвый сад», можно сделать вывод о том, что вишнёвый сад в постановке Джорджо Стрелера предстаёт как самостоятельное действующее лицо, как сценографический персонаж спектакля – духовный наставник, нрав-

ственный ориентир, некая божественная сущность. Его действия с одной стороны независимы, а с другой – органично вписаны в канву спектакля. Он искренне любит своих хозяев, переживает за них, хочет спасти от неминуемой гибели, остаться в памяти, чтобы в трудную минуту их жизни, напомнив о себе, прийти на помощь. Вишнёвый сад существует в спектакле самостоятельно, независимо от других персонажей, взаимодействует с ними и пытается воздействовать на них, раскрывает глубокий драматизм собственного существования, своей зависимости от героев. Стрелер и Домиани не только создали интересный образ вишнёвого сада, но и вдохнули в него целую жизнь, наделив его функциями полноправного персонажа спектакля. Именно поэтому спектакль Стрелера занимает одно из почётных мест в зарубежных постановках пьесы «Вишнёвый сад».

Пространство вишнёвого сада в спектакле Брука проявляет себя как действующее лицо, как сценографический персонаж, создавая сложные, витиеватые взаимоотношения с героями, взаимодействуя с ними и воздействуя на них. Вишнёвый сад способен проявлять свои чувства, сопереживать героям, успокаивать их. Под его покровом они защищены от враждебного внешнего мира. Пространство действует независимо от других персонажей, руководствуясь собственными внутренними мотивами: дарит героям чудесные воспоминания, старается оградить их от ошибок, оно бескорыстно любит и ждёт в ответ той же любви, но не получает её, а потому принимает неминуемую смерть. Но только смерть физическую, душа же вишнёвого сада, не желая подчиняться обстоятельствам, остаётся в памяти бывших хозяев. Здесь у каждого героя свой «вишнёвый сад». Для Гаева и Раневской – это детство, чистота, духовные идеалы, нравственные ценности, это место, где они родились, где среди вишнёвых деревьев гуляет их мама, где жил маленький Гриша, где они были счастливы, и где всегда примут со всеми грехами. Для Вари – это место, которое она может считать своим домом, где может быть собой, хозяйство, которое она ведёт, это всё, что есть в её жизни. Для Фирса – это смысл жизни. Что же касается Лопухина, то у него тоже есть свой «вишнёвый сад». Только для него это место, а человек – Любовь Андреевна Раневская. Это всё то, что теряют герои с продажей вишнёвого сада.

Таким образом, пространство вишнёвого сада в сценографии может быть воплощено в качестве

персонажа спектакля, способного действовать самостоятельно, без внешних вмешательств других героев, переживать, совершать поступки, руководствуясь собственными мотивами. Исходной точкой воплощения пространства вишнёвого сада как сценографического персонажа спектакля является сама идея пьесы А. П. Чехова, символика которой органична развитию театра в целом и сценографии в частности.

Библиографический список

1. Акимов Н. П. Театральное наследие: сборник в 2-х кн. / сост. В. М. Миронова; под ред. и со вступ. ст. С. Л. Цимбала. Ленинград : Искусство. Ленинградское отделение, 1978.
2. Аксёнова Г. Г. Новый Брук: «Вишнёвый сад» и «Трагедия Кармен» // Западное искусство XX век: классическое наследие и современность : сб. статей. Москва : Наука, 1992. С. 122–132.
3. Баню Ж. Наш театр – «Вишнёвый сад» : тетрадь зрителя. Москва : Московский художественный театр, 2000. 160 с.
4. Бартошевич А. Питер Брук. Поздние годы. URL: http://sias.ru/upload/voprosy_teatra/2015_1-2_119-128_bartoshevich.pdf (дата обращения: 26.12.2022)
5. Бачелис Т. И. Шекспир и Крэг. Москва : Наука, 1983. 350 с.
6. Бачелис Т. И. Эволюция сценического пространства. (От Антуана до Крэга) // В кн.: Западное искусство XX века. Москва : Наука, 1978. С. 148–212.
7. Берёзкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. Вторая половина XX века. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 808 с.
8. Берёзкин В. И. Искусство сценографии мирового театра: от истоков до середины XX века. Москва : Эдиториал УРСС, 1997. 544 с.
9. Берёзкин В. И. Искусство сценографии мирового театра. Мастера XVI–XX вв. Москва : Эдиториал УРСС, 2012. 296 с.
10. Бобылева А. Л. Хозяин спектакля. Режиссерское искусство на рубеже XIX–XX веков. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. 167 с.
11. Бродская Г. Ю. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишневосадская эпопея : в 2 т. Москва : АГРАФ. 2000. Т. 2. 1902–1950-е. 590 с.
12. Брук П. Пустое пространство. Москва : Прогресс, 1976. 283 с.
13. Гульченко В. Чехов в пространстве XX века // Театральная жизнь. №2. 2001. С. 6–10.
14. Давыдова М. В. Художник в театре начала XX века. Москва : Наука. 1999. 150 с.
15. Зингерман Б. И. Театр Чехова и его мировое значение. Москва : Наука, 1988. 384 с.
16. Костина Е. М. Художники сцены русского театра XX века : очерки. Москва : ТИД «Русское слово – РС», 2002. 415 с.

17. Крэг Эдвард Гордон: Воспоминания. Статьи. Письма / сост. А. Г. Образцова, Ю. Г. Фридштейн. Москва : Искусство, 1988. 399 с.
18. Михайлова А. А. Образный мир сцены : заметки о современной сценографии. Москва : Знание, 1979. 46, [2] с. (Новое в жизни, науке, технике. Искусство № 1).
19. Михайлова А. А. Сценография: теория и опыт : очерки. Москва : Советский художник, 1990. 336 с.
20. Михайлова А. А. Художник и режиссер: (О некоторых чертах современной сценографии). Москва : Знание, 1986. 46, [2] с.
21. Полоцкая Э. А. Вишнёвый сад жизнь во времени. Москва : Наука, 2003. 308 с.
22. Рошин М. М. Бессмертие Чехова // Театр Питера Брука: взгляд из России : сб. статей и материалов. Москва : ГИТИС, Издательский дом МКТС, 2000. С. 92–104.
23. Свобода Й. Тайна театрального пространства. Лекции по сценографии. Москва : ГИТИС, 2005. 145 с.
24. Скорнякова М. «Вишнёвый сад» А.П. Чехова: Пикколо театро ди Милано. Милан. 1974 // Спектакли двадцатого века под ред. А. В. Бартошевича. Москва : ГИТИС, 2004. 488 с.
25. Смоленская А. И. Действенная сценография в постановках пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад» (вторая половина XX – начало XXI века) // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (113). С. 216–226.
26. Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1987. 180, [2] с.
27. Стрелер Д. Театр для людей: мысли записанные, высказанные и осуществлённые. Москва : Радуга, 1984. 310 с.
28. Ульянова А. Б. Адольф Appia: театр пространства и света. Санкт-Петербург : изд-во СПбГАТИ, 2001. 272 с.
29. Художник и сцена: сборник статей и публикаций / Сост. В.Н. Кулешова. М. : Советский художник, 1988. 400 с.
30. Шах-Азизова Т. К. Полвека в театре Чехова. 1960–2010. Москва : Прогресс-Традиция, 2011. 328 с.
31. Haß Ulrike, Von der Schau- Bühne zur Architektur und über das Theater hinaus. Raumbildende Prozesse bei Sabbatini, Torelli, Pozzo und Appia // Bühne: Raumbildende Prozesse im Theater: Schriftenreihe des Graduiertenkollegs. Herausgegeben von Hannelore Bublitz, Gisela Ecker, Norbert Otto Eke, Reinhard Keil und Hartmut Winkler. Paderborn : Ferdinand Schöningh GmbH & Co. KG, 2014. S. 345–371.
- and The Tragedy of Carmen // Zapadnoe iskusstvo XX vek: klassicheskoe nasledie i sovremennost' : sb. statej. Moskva : Nauka, 1992. S. 122–132.
3. Banju Zh. Nash teatr – «Vishnjovyj sad» : tetrad' zritelja = Our theatre – The Cherry Orchard: a spectator's notebook Moskva : Moskovskij hudozhestvennyj teatr, 2000. 160 s.
4. Bartoshevich A. Piter Bruk. Pozdnie gody = Peter Brook. Later years. URL: http://sias.ru/upload/voprosy_teatra/2015_1-2_119-128_bartoshevich.pdf (data obrashhenija: 26.12.2022)
5. Bachelis T. I. Shekspir i Krjeg = Shakespeare and Craig. Moskva : Nauka, 1983. 350 s.
6. Bachelis T. I. Jevoljucija scenicheskogo prostanstva. (Ot Antuana do Krjega) = The evolution of stage space. (From Antoine to Craig) // V kn.: Zapadnoe iskusstvo HH veka. Moskva : Nauka, 1978. S. 148–212.
7. Berjozkin V. I. Iskusstvo scenografii mirovogo teatra. Vtoraja polovina XX veka = The art of world theatre scenography. The second half of XX century. Moskva : Jeditorial URSS, 2001. 808 s.
8. Berjozkin V. I. Iskusstvo scenografii mirovogo teatra: ot istokov do serediny XX veka = The art of world theatre scenography: from the origine to the mid XX century. Moskva : Jeditorial URSS, 1997. 544 s.
9. Berjozkin V. I. Iskusstvo scenografii mirovogo teatra. Mastera XVI–XX vv. = The art of world theatre scenography. Masters of XVI–XX centuries. Moskva : Jeditorial URSS, 2012. 296 s.
10. Bobyleva A. L. Hozjain spektaklja. Rezhisserskoe iskusstvo na rubezhe XIX–XX vekov = The master of the performance. The director's art at the turn of XIX–XX centuries. Moskva : Jeditorial URSS, 2000. 167 s.
11. Brodskaja G. Ju. Alekseev-Stanislavskij, Chehov i drugie. Vishnevosadskaja jepopeja = Alekseev-Stanislavsky, Chekhov and other Cherry-orchard epic : v 2 t. Moskva : AGRAF. 2000. T. 2. 1902–1950-e. 590 s.
12. Bruk P. Pustoe prostranstvo = Empty space. Moskva : Progress, 1976. 283 s.
13. Gul'chenko V. Chehov v prostranstve XX veka = Chekhov in XX century space // Teatral'naja zhizn'. №2. 2001. S. 6–10.
14. Davydova M. V. Hudozhnik v teatre nachala XX veka = The artist in the early XX century theatre. Moskva : Nauka. 1999. 150 s.
15. Zingerman B. I. Teatr Chehova i ego mirovoe znachenie = Chekhov's theatre and its worldwide significance. Moskva : Nauka, 1988. 384 s.
16. Kostina E. M. Hudozhniki sceny russkogo teatra HH veka = Stage artists in the Russian XX century theatre : ocherki. Moskva : TID «Russkoe slovo – RS», 2002. 415 s.
17. Krjeg Jedvard Gordon: Vospominanija. Stat'i. Pis'ma = Craig Edward Gordon: Memories. Articles. Letters / sost. A. G. Obrazcova, Ju. G. Fridshtejn. Moskva : Iskusstvo, 1988. 399 s.
18. Mihajlova A. A. Obraznyj mir sceny : zametki o sovremennoj scenografii = The figurative world of stage:

Reference list

1. Akimov N. P. Teatral'noe nasledie = Theatre heritage : sbornik v 2-h kn. / sost. V. M. Mironova; pod red. i so vstup. st. S. L. Cimbala. Leningrad : Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1978.
2. Aksjonova G. G. Novyj Bruk: «Vishnjovyj sad» i «Tragedija Karmen» = New Brook. The Cherry Orchard

notes on modern scenography. Moskva : Znanie, 1979. 46, [2] s. (Novoe v zhizni, nauke, tehnike. Iskustvo №1).

19. Mihajlova A. A. Scenografija: teorija i opyt = Scenography: theory and experience : ocherki. Moskva : Sovetskij hudozhnik, 1990. 336 s.

20. Mihajlova A. A. Hudozhnik i rezhisser: (O nekotoryh chertah sovremennoj scenografii) = The artist and the director: (On certain features of modern scenography). Moskva : Znanie, 1986. 46, [2] s.

21. Polockaja Je. A. Vishniovij sad zhizn' vo vremeni = The cherry orchard life in time. Moskva : Nauka, 2003. 308 s.

22. Roshhin M. M. Bessmertie Chehova = Immortal Chekhov // Teatr Pitera Bruka: vzgljad iz Rossii : sb. statej i materialov. Moskva : GITIS, Izdatel'skij dom MKTS, 2000. S. 92–104.

23. Svoboda J. Tajna teatral'nogo prostranstva. Lekcii po scenografii = The mystery of theatre space. Lectures on scenography. Moskva : GITIS, 2005. 145 s.

24. Skornjakova M. «Vishniovij sad» A.P. Chehova: Pikkolo teatro di Milano. Milan. 1974 = A. P. Chekhov's The Cherry Orchard: Piccolo teatro di Milano. Milan. 1974 // Spektakli dvadcatogo veka pod red. A. V. Bartoshevicha. Moskva : GITIS, 2004. 488 s.

25. Smolenskaja A. I. Dejstvennaja scenografija v postanovkah p'esy A. P. Chehova «Vishniovij sad» (vtoraja polovina XX – nachalo XXI veka) = Action scenography in staging A. P. Chekhov's The Cherry Orchard

(second half of XX – beginning of XXI century) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 3 (113). S. 216–226.

26. Suhij I. N. Problemy pojetiki A. P. Chehova = Problems of A. P. Chekhov's poetics. Leningrad : Izd-vo LGU, 1987. 180, [2] s.

27. Streler D. Teatr dlja ljudej: mysli zapisannye, vyskazannye i osushhestvlyonnye = Theatre for people: thoughts written, spoken and realized. Moskva : Raduga, 1984. 310 s.

28. Ul'janova A. B. Adolf Appia: teatr prostranstva i sveta = Adolf Appia: theatre of space and light. Sankt-Peterburg : izd-vo SPbGATI, 2001. 272 s.

29. Hudozhnik i scena: sbornik statej i publikacij = Artist and stage: collected articles and publications / sost. V. N. Kuleshova. Moskva : Sovetskij hudozhnik, 1988. 400 s.

30. Shah-Azizova T. K. Polveka v teatre Chehova. 1960–2010 = Half a century of Chekhov's theatre. 1960–2010. Moskva : Progress-Tradicija, 2011. 328 s.

31. Haß Ulrike, Von der Schau- Bühne zur Architektur und über das Theater hinaus. Raumbildende Prozesse bei Sabbatini, Torelli, Pozzo und Appia // Bühne: Raumbildende Prozesse im Theater: Schriftenreihe des Graduiertenkollegs. Herausgegeben von Hannelore Bublitz, Gisela Ecker, Norbert Otto Eke, Reinhard Keil und Hartmut Winkler. Paderborn : Ferdinand Schöningh GmbH & Co. KG, 2014. S. 345–371.

Статья поступила в редакцию 23.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 27.04.2023.

The article was submitted on 23.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication on 27.04.2023.

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 30 п. л., 25,76 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 93. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 29.06.2023

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69